

10234

СТРАНА ЭТОПОВЪ

(АБИСИНИЯ).

Е. Е. Долганева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ. Невскій, 148
1896.

28

10259

СТРАНА ЭТОПОВЪ

(АБИСИНИЯ).

Е. Е. Долганева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ. Невскій, 148

1896.

39

Ч. К. Ф.

65826

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 15 Ноября 1896 г.

Менеликъ II, Царь царей Эііопіи и его супруга Таиту.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе.	
Историческій очеркъ	1— 53
Политическое устройство	54— 64
Церковное управленіе	65— 83
Судъ	84— 92
Школы и просвѣщеніе.	93—106
Религіозные обычаи и обряды	107—139
Обряды и обычаи	140—156
Общественный строй, занятія, образъ жизни и нравы .	157—179
Монашество и монастыри.	180— 191
Подвижничество.	192—200
О музыкѣ абиссинцевъ. Приложеніе	1— 40

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринимая изданіе настоящей книги, мы имѣли въ виду ознакомить русскихъ читателей съ народомъ, родственнымъ по духу и вѣрѣ русскому народу. Нашъ интересъ сосредоточивался на томъ, чтобы была сказана чистая истина, чтобы изображеніе дѣйствительности было самое вѣрное и точное. Къ сожалѣнію, даже лучшія сочиненія западныхъ писателей объ Абиссиніи, имѣвшіяся у насъ, забрасываютъ читателя самыми противорѣчивыми сообщеніями. Исходъ изъ противорѣчій и сомнѣній мы нашли въ откровенныхъ разсказахъ самихъ абиссинцевъ. Ошибка всѣхъ описателей Абиссиніи, оказывается, въ томъ, что они, изображая жизнь народа, рѣдкаго и исключительнаго по быту и этнографическимъ особенностямъ, пользовались аналогіями и терминами, заимствованными изъ сферы современной жизни культурныхъ народовъ или изъ жизни народовъ восточныхъ, болѣе намъ извѣстныхъ, но въ сущности мало похожихъ на абиссинцевъ. Изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ туземцами мы старались уяснить себѣ отличительныя черты абиссинскаго быта; для передачи же этихъ чертъ пользовались туземными названіями и терминами, выражающими истинную дѣйствительность, а не обозначали ихъ русскими словами, чтобы не вводить въ заблужденіе читателей. По этой причинѣ нашъ трудъ изобилуетъ абиссинскими словами, что могутъ, пожалуй, приписать къ недостаткамъ книги.

Иностранныя сочиненія объ Абиссиніи, которыми мы пользовались при написаніи книги,—какъ, напр., объемистые труды извѣстныхъ путешественниковъ Рюппеля и Сальта, трудъ англичанина Паркинса подъ заглавіемъ: «Life in Abyssinia»; наконецъ, Ludolfi — «Historia Aethiopica» и его же «Com-

mentarius ad historiam aethiopicam» и многія другія, равно какъ нѣкоторыя статьи иностранныя и русскія—всѣ эти лучшіе источники по изученію Абиссиніи въ весьма многомъ совершенно не согласуются съ нашими сообщеніями; а почему такъ случилось,—это мы объяснили уже выше. Все таки перечисленные сочиненія служили для насъ обильнымъ матеріаломъ для дополненія и тщательной провѣрки живыхъ разсказовъ туземцевъ. Если описаніе внѣшнихъ признаковъ какой-либо картинки абиссинскаго быта совпадало съ разсказами абиссинцевъ, то мы его принимали за истину, но давали ему свое внутреннее истолкованіе, освѣщали его съ истинной стороны.—Часто у путешественниковъ попадались прямо невѣрные описанія. Напримѣръ, оказывалось, что описанныя путешественникомъ абиссинскія картинки или типы существуютъ вовсе не у абиссинцевъ, а у другихъ племенъ, территоріально входящихъ въ составъ Абиссиніи,—каковы, напр., фалашане, галла, арабы и друг.; много ошибокъ происходило еще отъ незнакомства путешественниковъ съ языкомъ туземцевъ, а особенно отъ поверхностныхъ и скорыхъ выводовъ. Въ виду этого намъ приходилось относиться къ сочиненіямъ объ Абиссиніи крайне осторожно.

Въ русской литературѣ мы не встрѣчаемъ сочиненія объ Абиссиніи, если не считать нѣсколькихъ статей въ періодической печати и брошюръ, изданныхъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Предлагая на судъ читателей свою книгу, надѣмся, что они отнесутся къ ней снисходительно и не осудятъ ее за многіе недостатки. *Faciant meliora potentes!*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ глубочайшей древности, въ покрытый непроницаемымъ мракомъ промежутокъ времени, продолжавшійся отъ VII до XI династїи фараоновъ, многочисленныя племена эѳіоплянина Куша, Хамова сына, вышедшія изъ Аравїи предъ нашествіемъ Амалика, перешли Красное море и поселились въ нѣдрахъ африканскаго материка, — на югъ отъ Египта. Гораздо позднѣе, другая Кушитская вѣтвь, такъ называемые Сабяне или Саба, оставивъ Южную Аравїю и перейдя Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, сосредоточилась въ области восточной Африки — между притоками Голубого Нила и Краснымъ моремъ. Первые пришельцы образовали могучую впоследствии Эѳіопскую монархію, а Сабяне стали родоначальниками собственно — абиссинцевъ. Оба народа имѣли свою отдѣльную исторію, но время и обстоятельства заставили ихъ сплотиться, такъ что уже въ началѣ нашей эры Эѳіопія и Абиссинія представляли лишь два названія одного и того же народа.

Абиссинцы, носящіе теперь имя древней Эѳіопіи, составляли нѣкогда небольшую только часть ея обширной территоріи. Частыя нашествія народовъ изъ Азіи постепенно сокращали ея предѣлы и уже послѣ вторженія магометанскихъ полчищъ Эѳіопія превратилась въ небольшое государство, занимающее теперь одну лишь абиссинскую горную страну.

Итакъ, нынѣшняя Абиссинія имѣетъ свою первоначальную исторію, съ одной стороны, въ исторіи Эѳіопіи, съ другой — въ исторіи Южной Аравїи, откуда вышли родоначальники абиссинцевъ — Сабяне. Поэтому, мы познакомимся сначала съ исторіей Эѳіопіи вообще, а затѣмъ, спеціально, съ исторіей той ея части, которая въ настоящее время представляетъ остатокъ прежней Эѳіопіи и сохраняетъ ея имя.

I.

До нашествія Кушитовъ, центральная Африка была населена негрскими племенами ¹⁾, вѣроятно, остатками тѣхъ, изъ которыхъ

¹⁾ Лепсіусъ. „Nubische Grammatik, Einleitung“, — LXXXVI — LXXXVIII. Сравни. Бругшъ, Die Negerstämme der Una-Inschrift въ „Zeitschrift“, 1882 г., стр. 30—36.

составилось первоначальное населеніе Египта. Фараоны первыхъ шести династій то и дѣло должны были предпринимать военныя кампаніи въ земли негровъ съ цѣлью умирять ихъ безпокойный нравъ. Эти кампаніи доставляли Египту легкія побѣды и пополняли полки его солдатами изъ подчиненныхъ племенъ. Нашествіемъ Кушитовъ негры были отброшены къ югу—въ область верхняго Нила, и тогда египтяне увидѣли лицомъ къ лицу неизвѣстный дотолѣ сильный воинственный народъ, съ которымъ не такъ легко было считаться, какъ съ дикими неграми. Новые пришельцы принесли съ собою зачатки новой цивилизаціи, почти не уступавшей египетской. Фараоны поняли, насколько необходимо было подчинить себѣ эти еще не успѣвшія осѣсть и окрѣпнуть племена и обратили противъ нихъ всѣ силы страны. Стараніемъ ихъ множество кушитскихъ племенъ принуждено было покориться Египту, а упорныя были—частью истреблены, а частью отодвинуты къ югу, причемъ на мѣстѣ ихъ были заведены колоніи феллаховъ. Впервые о кампаніяхъ противъ Кушитовъ упоминается лишь въ памятникахъ XII египетской династіи. Тутъ приводятся также странныя названія эѳіопскихъ племенъ: Шеминь, Хаса, Сусъ, Каасъ, Акинъ, Ани, Сабири, Акити, Макиса и т. п.

Окончательное завоеваніе Эѳіопіи Египтомъ относится къ XVIII династіи. Тутмосъ II отправилъ военную экспедицію въ страну Кушитовъ и подчинилъ ихъ своей верховной власти. Вся нижняя Эѳіопія (называвшаяся еще Нубіей) была преобразована въ вице-королевство и раздѣлена на номы (провинціи), по примѣру Египта. Для увеличенія населенія Нубіи нѣсколько эѳіопскихъ племенъ было переселено изъ верхней Эѳіопіи въ нижнюю. Словомъ, отъ перваго Нильскаго водопада до абиссинскихъ горъ—все это пространство кушитской территоріи сдѣлалось достояніемъ фараоновъ. Сначала управленіе Эѳіопіей поручалось важнымъ сановникамъ, благодаря чему сдѣлалось вскорѣ одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей; при египетскомъ дворѣ установился даже обычай давать наслѣднику короны титулъ: „царственный сынъ Куша“ или „принцъ Кушитскій“. Иногда этотъ титулъ былъ только почетнымъ: молодой принцъ жилъ при отцѣ, а особый намѣстникъ управлялъ за него страной Кушитовъ. Иногда же принцъ самъ бралъ въ руки бразды правленія, обучаясь въ области верхняго Нила искусству управлять государствомъ.

Покореніе Эѳіопіи доставило египтянамъ большія выгоды. Оно открыло имъ доступъ къ индійской торговлѣ, которая до тѣхъ поръ была исключительно монополіей эѳіоповъ. Регентша при малолѣтнемъ Тутмосѣ III сама лично путешествовала на побережье Краснаго моря съ цѣлью развѣдокъ и за драгоцѣнными породами деревьевъ, камедью, благовоніями, золотомъ, серебромъ и т. п. Еги-

петская эскадра изъ 5 кораблей счастливо достигла благовонныхъ городовъ, расположенныхъ на берегу страны Ароматовъ, на небольшомъ разстояніи отъ мыса Гвардафуй. Тутъ египтяне заинтересовались своеобразною жизнью туземцевъ, которые, судя по описанію, несомнѣнно, принадлежали къ той же расѣ, что и Кушиты Эѳіопіи и Южной Аравіи. Вѣроятно, это были Сабееяне.

Мирное существованіе Эѳіопіи подъ владычествомъ египетскихъ фараоновъ продолжалось отъ XVIII до XXII династіи. Послѣдняя представляла уже слабые отблески прежняго могущества фараоновъ и потому съ большими усиліями могла удерживать подъ своимъ скипетромъ воинственныхъ эѳіоповъ. Многія изъ эѳіопскихъ племенъ, независимыя отъ Египта, присоединились съ своимъ соплеменникамъ—эѳіопамъ египетской монархіи и уже къ концу XXII династіи образовали изъ себя совершенно независимую отъ Египта имперію. Царствованіе въ ней приняли потомки египетскихъ царей-жрецовъ Амона-Ра, сосланные въ Нубію фараонами XXII династіи. Столицей новаго царства сдѣлалась Напата. Немного спустя мы уже видимъ эѳіоповъ властелинами Египта. Это случилось по слѣдующему поводу. Въ періодъ распаденія египетской монархіи происходили постоянныя междоусобицы между отдѣльными властителями египетскихъ провинцій. Сильнѣе другихъ были Саисскіе князья. Они заняли было верховное положеніе и стали подчинять себѣ остальныхъ князей. Въ это именно время не подпавшіе еще подъ власть Саиса египетскіе князья, составивъ коалицію, обратились къ единственному могущественному государству, бывшему въ состояніи спасти ихъ отъ притязаній Саиса, — Эѳіопіи. Результатомъ этихъ происковъ было вторженіе въ Египетъ эѳіоповъ. Піонхи-Міамуръ, къ которому обратились союзники изъ египетскихъ князей, собралъ большое войско и побѣдоносно прошелъ весь Египетъ до самой Дельты. Близъ Атрибиса, въ самомъ центрѣ нижняго Египта, было принятіе вѣрноподданческаго долга отъ покоренныхъ. Піонхи, увѣнчанный вѣнцомъ соединенной монархіи: Египта и Эѳіопіи, съ тріумфомъ возвратился въ свою столицу—Напату. Послѣ 200-лѣтняго періода междоусобицъ и раздѣленій царство фараоновъ было возстановлено отъ истоковъ Голубого Нила до устьевъ рѣки, но на этотъ разъ уже не въ пользу Египта. Эѳіопія, такъ долго находившаяся въ вассальной зависимости отъ египтянъ, въ свою очередь, достигла верховной власти и Напата сдѣлалась царицей всѣхъ городовъ на мѣсто Оивъ и Мемфиса.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ эѳіопскихъ императоровъ былъ Шабаку, внукъ завоевателя Египта—Піонхи. Шабаку окружилъ себя почестями и блескомъ прежнихъ славныхъ фараоновъ и овладѣлъ всѣми прерогативами ихъ власти. Въ періодъ его царствованія (765—715 г.) Эѳіопія достигла апогея своего могущества. Имя

Шабаку пронеслось далеко за предѣлами Африки, такъ что даже іудейскій и израильскій цари искали его помощи противъ Ассиріянъ. Впрочемъ, мирное преуспѣяніе эіопскаго могущества продолжалось недолго.

Въ царствованіе Тагарку (692—666), одного изъ ближайшихъ преемниковъ Шабаку, вторглись въ Египетъ Ассиріане. Ассаргадонъ нанесъ пораженіе эіоплянамъ и Тагарку принужденъ былъ скрыться въ Напатъ. Съ этого момента начинается упорная борьба между Эіопіей и Ассиріей изъ за обладанія Египтомъ. Послѣдній нѣсколько разъ переходитъ то въ однѣ, то въ другія руки и, наконецъ, все-таки перевѣсъ остается на сторонѣ Ассиріянъ. Попытки эіоповъ воротить себѣ Египетъ повторялись еще и по смерти Тагарку (со стороны Урдамани и сына его Тонуатамана), но онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ царство Напата порвало всякія связи съ Египтомъ. Всѣ заботы его правителей сосредоточились на сохраненіи своей независимости и на упроченіи порядка въ государствѣ и дисциплины въ войскѣ.

Государственное устройство Эіопіи было подражаніемъ Египту. Подобно ему, она дѣлилась на двѣ части, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, распадалась на множество провинцій и областей. Кромѣ Напаты, другимъ главнымъ городомъ Эіопіи былъ Мерозъ, выстроенный на берегу рѣки, нѣсколько южнѣе Напаты. Этотъ городъ былъ послѣднимъ въ нижней Эіопіи, называвшейся еще: То-Консите. На югъ отъ Мерозъ начиналась верхняя Эіопія, или страна Алоэ, простиравшаяся вдоль Бѣлаго и Голубого Нила до большой Сенаарской равнины. На южной границѣ страны Алоэ жили Асмахи, потомки египетскихъ солдатъ, переселившихся сюда во времена Псаметика I. Далѣе, на югъ и востокъ, жило множество полудикихъ племенъ самаго разнообразнаго происхожденія, съ странными названіями и бытовыми особенностями. Ихъ легко было покорить; и потому владыки Эіопіи, не любившіе имѣть независимыхъ сосѣдей, скоро простерли свой скипетръ, съ одной стороны, до береговъ Краснаго моря, съ другой—до палящихъ песковъ Сахары.

Въ религіи эіоповъ также замѣтно было египетское вліяніе. Египетскіе колонисты принесли съ собой въ Эіопію свои вѣрованія и свой религіозный культъ. Храмы эіоповъ были подобіемъ египетскихъ капищъ. Наболѣе распространеннымъ въ Эіопіи былъ культъ бога Амона. Въ виду этого жрецы пользовались здѣсь большимъ вліяніемъ, даже на императора. Послѣдній ничего не могъ предпринять безъ воли жрецовъ. Самое избраніе царя происходило въ храмѣ, подъ наблюденіемъ жрецовъ и въ присутствіи выборныхъ отъ народа. Если императоръ оказывалъ въ чемъ либо неповиновеніе волѣ жрецовъ, считавшихся выразителями воли боже-

ства, или обнаруживалъ хотя бы малѣйшее поползновеніе къ независимости, то жрецы приказывали ему именемъ божества лишить себя жизни, и ему ничего не оставалось, какъ покориться этому приговору. Законъ, столь жестокой къ царю, былъ не легче и относительно его подданныхъ. Малѣйшее уклоненіе отъ общественныхъ взглядовъ, малѣйшее отступленіе отъ религіозныхъ обрядовъ культа считалось ересью и вызывало соотвѣтственное наказаніе. Впрочемъ, такая строгая приверженность къ старымъ обычаямъ держалась недолго. Современемъ египетское вліяніе стало ослабѣвать и начали проникать въ бытовую жизнь Напаты такія черты, которыя прямо противорѣчили основнымъ началамъ египетской культуры. Иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій фактъ. Къ концу VII столѣтія нѣсколько жрецовъ Напаты задумали произвести нѣкоторыя измѣненія въ ритуалѣ обычныхъ египетскихъ жертвоприношеній. Между прочимъ, они хотѣли ввести обычай ѣсть жертвенное мясо въ сыромъ видѣ. Обычай этотъ, безъ сомнѣнія, негрскаго происхожденія, встрѣтилъ горячій протестъ со стороны строгихъ приверженцевъ стараго культа. Но онъ все-таки удержался, укореняясь все болѣе и болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Даже христіанству впослѣдствіи пришлось бороться съ нимъ и безуспѣшно, такъ какъ и теперь еще абиссинцы любятъ лакомиться сырымъ мясомъ, называя его „брондо“.

II.

Мы уже сказали въ началѣ своего очерка, что послѣ Кушитовъ, образовавшихъ Эіюпію, въ Африку эмигрировали еще жители Южной Аравіи—Сабеяне ¹⁾. Этотъ фактъ имѣетъ такую важность, что безъ него всѣ этнографическія и лингвистическія особенности нынѣшней Эіюпіи оказываются совершенно необъяснимыми. Кушиты, утвердившіеся на верхнемъ Нилѣ, скоро потеряли первоначальную фізіономію своего племени, которая до того была у нихъ общею съ Кушитами Южной Аравіи. Тогда какъ нынѣшняя Эіюпія, напротивъ, оказывается вполне вѣрною этому типу. Необходимо поэтому допустить моментъ, когда въ среду африканскихъ эіюповъ проникъ свѣжій элементъ кушитской расы. Этотъ моментъ, при свѣтѣ историческихъ документовъ, можетъ быть пріуроченъ именно къ переселенію въ Абиссинію Сабеянь, и съ тѣмъ болѣею вѣроятностью, что такое предположеніе вполне отвѣчаетъ даннымъ іеменской исторіи, дѣйствительно подтверждающей фактъ исчезновенія изъ Южной Аравіи цѣлой народности вслѣдствіе одной

¹⁾ Ludolf. Historia Aethiopia, liber I, caput 1.

важной политической революціи. Не вдаваясь въ спеціальныя изслѣдованія по данному вопросу, постараемся представить событіе въ болѣе ясномъ и подробномъ видѣ.

Приблизительно за восемнадцать вѣковъ до нашей эры, въ Іемень, гдѣ жили Сабейяне, перекочевали потомки Іектана, сына извѣстнаго праотца Евера. Находясь въ моментъ своего прибытія въ почти варварскомъ состояніи, іектаниды всецѣло подчинились культурному вліянію первобытныхъ туземцевъ и усвоили себѣ цивилизацію, нравы, религію и языкъ Сабейянь. Но не смотря на полную ассимиляцію, оба народа, составлявшіе населеніе Іемена, жили совершенно отдѣльно другъ отъ друга и защищали каждый свои интересы. Даже Библия всегда заботливо старается отличить Сабейянь Кушитскихъ отъ Сабейянь іектанидскихъ, по различной орфографіи, обозначая первыхъ буквой **ש**, а вторыхъ буквой **ס**. Въ теченіе десяти вѣковъ іектаниды жили совершенно спокойно, подчиняясь во всемъ Кушитами. Но настало время, когда они почувствовали себя настолько сильными, чтобы стать повелителями, въ свою очередь. Они напали тогда на Сабейянь подъ предводительствомъ Яроба и успѣли восторжествовать надъ ними. Это случилось въ началѣ VIII вѣка до Р. Хр. Смуты, закончившія переходъ верховнаго политическаго первенства отъ потомковъ Куша въ руки потомковъ Іектана, произвели въ средѣ самихъ Сабейянь распадненіе, послужившее началомъ арабской пословицы „раздѣлиться, подобно Сабейянамъ“. Большая часть Кушитовъ, особенно высшія касты, не захотѣли подчиниться игу іектанидовъ, обнаруживавшихъ къ тому же себя чрезвычайно жестокими властителями, и оставили свое отечество.

Естественнѣе всего предполагать, что они переселились тогда въ Абиссинію, лежащую по ту сторону моря—прямо противъ Іемена. За долго до открытія гиміарійскихъ надписей и языка, замѣчалось уже, что гезъ, или абиссинское нарѣчіе, составляетъ живой остатокъ древняго іеменскаго языка. Абиссинія, съ лингвистической и этнографической точекъ зрѣнія, нераздѣльна съ Южною Аравіей. Памятники абиссинской цивилизаціи, встрѣчающіеся до сихъ поръ въ Аксумѣ, представляютъ величайшее сходство съ остатками іеменской цивилизаціи, попадающимися въ Марербѣ. Греческіе географы присоединяютъ безпрестанно Абиссинію къ Іемену и представляютъ неизмѣнно жителей Абиссиніи, какъ арабскую или сабейскую народность ¹⁾. Современные путешественники, въ свою очередь, единодушно признаютъ типы абиссинскихъ народностей, не имѣющихъ ничего общаго съ африканскимъ источникомъ, за арабскіе.

¹⁾ Comment. in histor. aethiop. 57, 202 et suiv.

Но время переселенія Сабеевъ изъ Аравіи въ Абиссинію гораздо труднѣе для опредѣленія, чѣмъ самый фактъ ихъ переселенія.

Въ то время, когда составлялась X-я глава книги Бытія, сабейское племя, представляемое въ этомъ этнографическомъ документѣ подъ именемъ Сабатека²⁾, является уже поселившимся на африканскомъ берегу, въ окрестностяхъ порта Адулиса. Но оно не проникло тогда во внутренность страны, такъ какъ египетскіе памятники XVIII и XIX династій показываютъ намъ, что Абиссинія въ ту пору была населена исключительно негрскими племенами. Такимъ образомъ, еще задолго до великаго переселенія Сабеевъ въ Абиссинію, на берегу Африки уже существовала сабейская колонія. Сношенія съ нею, какъ и съ жителями Йемена, должны были отразиться нѣкоторымъ образомъ на эіопахъ. Но окончательная замѣна африканской расы сабейскою могла произойти лишь вслѣдствіе наиболѣе сильнаго вліянія, которое могли оказывать Сабеевъ, уже будучи настоящими жителями Абиссиніи.

Книги царя Юбы говорили уже, что жителями верхней Эіопіи были Арабы¹⁾. Значитъ, они переселились въ Абиссинію гораздо ранѣе христіанской эры. Съ другой стороны, мы не можемъ помѣстить этого событія ранѣе царствованія Соломона, потому что національныя преданія объ отношеніяхъ къ нему царицы Сабейской столько же популярны у абиссинцевъ, какъ и у жителей Йемена. Но между царствованіемъ Соломона и христіанской эрой не встрѣчается никакого другого событія, настолько значительнаго, чтобы вызвать переселеніе Сабеевъ, кромѣ извѣстнаго пораженія, нанесеннаго имъ Яробомъ и іектанидами.

Исторія древняго Востока представляетъ Сабеевъ народомъ дѣятельнымъ, исполнявшимъ важную посредствующую роль въ торговыхъ сношеніяхъ между Индіей и другими народами древняго міра. Окрестности знаменитаго порта Адена нѣкогда были складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Индійскаго Офира, отчего и самое мѣсто это называлось тогда Офиромъ. Офиръ Сабеевъ, упоминаемый Библіей, былъ всемірнымъ торговымъ рынкомъ, куда стекались торговцы со всего свѣта и перекупали у Сабеевъ индійскіе товары, которые тутъ же перегружали на свои корабли для доставки въ Египеть, Сирію, Палестину и проч.

Основаніемъ соціальной организаціи Сабеевъ было кастовое устройство, чуждое семитамъ. Въ сабейскомъ обществѣ существовало пять различныхъ кастъ: воиновъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, работающихъ по отправкѣ мирра и работающихъ по отправкѣ ладана. Это были касты замкнутыя, не сообщавшіяся между

¹⁾ Книга Бытія, X, 7.

²⁾ Plin. Hist. nat., VI, 32.

собою посредствомъ брака. Кастовое устройство сохранилось и у абиссинцевъ. Мы видимъ у нихъ касты: дворянъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Между ними тоже не бываетъ смѣшенія. Особенною отчужденностью отличается каста ремесленниковъ (будды). Они живутъ вмѣстѣ, занимая часто цѣлыя селенія. Человѣкъ не ихъ касты переступаетъ порогъ будды только по дѣлу, чтобы поручить ему работу.

Государственное устройство Сабеевъ было такимъ же, какое мы видимъ у нынѣшнихъ абиссинцевъ, т. е. феодальнымъ. Сабейскій царь являлся сюзереномъ нѣсколькихъ царей—вассаловъ, стремившихся къ полной независимости и весьма рѣдко ему подчинявшихся. Каждый изъ нихъ назывался по имени укрѣпленнаго замка, гдѣ находился центръ его могущества. Имя его слагалось изъ ду (господинъ) и названія мѣстности, напр., ду-Райданъ, господинъ Райдана. Это были вожди племенъ, оставшихся, не смотря на осѣдлое состояніе, въ какомъ жила вся нація, разъединенными и занимавшими каждое особенный кантонъ. Великіе вассалы и бароны жили заключенными въ сильныхъ замкахъ. Вокругъ этихъ феодальныхъ крѣпостей, естественно, скоплялись массы народонаселенія, образуя мѣстечки и города.

Религія Сабеевъ носила астрономическій или звѣздный характеръ. Сабейзмъ отличался поэтому духовностью, чуждою идолопоклонничества и жречества. Обряды культа исполнялись патриархами племенъ и семействъ.

Превосходство культуры Сабеевъ не могло пройти, не оставивъ глубокаго слѣда на африканскихъ племенахъ. Поэтому, со времени переселенія Сабеевъ въ Африку, началась быстрая ассимиляція туземцевъ въ пользу пришельцевъ, образовавшая новую смѣшанную расу, извѣстную подъ именемъ абиссинской.

III.

Древняя исторія абиссинцевъ начинается легендой о великомъ змѣѣ, наводившемъ ужасъ на жителей страны ¹⁾. Змѣй этотъ считается у абиссинцевъ первымъ царемъ. Владычество его продолжалось тысячу лѣтъ. Одинъ случай спасъ народъ отъ этого тирана. Царская дочь, спасаясь отъ преслѣдованій змѣя, скрылась на верхушкѣ большого дуба. Случилось, что въ это время пришли отдохнуть подъ дубомъ нѣсколько странниковъ. Слезы дѣвицы, капавшія съ дерева, заставили путниковъ посмотреть въверхъ и обратить вниманіе на плачущую женщину. Узнавъ о причинѣ ея слезъ,

¹⁾ Ludolf. Historia Aethiopica. Liber II, c. 3, 13—14.

чужестранцы рѣшили помочь ей. Они розыскали змія и силою креста убили его. Когда змій, тяжело раненый, лежалъ на землѣ, дѣвушка, сойдя съ дерева, подошла посмотрѣть на него, но въ это время змій встрепенулся и капля крови его упала ей на ногу. Нога мгновенно вспухла. По совѣту странниковъ, убившихъ змія, царь послалъ свою дочь, ставшую теперь владычицей всего царства, на излѣченіе къ Соломону. Абиссинская царица понравилась Соломону и онъ захотѣлъ сдѣлать ее своей женой. Но она противилась, заявивъ, что уже имѣетъ мужа. „Развѣ позволено брать то, что принадлежитъ другому“, сказала она царю. Тогда Соломонъ употребилъ хитрость. Онъ приказалъ своимъ слугамъ накормить ее соленой пищей и не давать ей въ спальню воды. Ночью, царица, томимая жаждой, пришла къ постели Соломона, притворившагося спящимъ и, взявъ водоносъ, стала пить воду. Царь схватилъ ее за руку и сказалъ: „а развѣ позволено брать то, что принадлежитъ другому“. Пристыдивъ такимъ образомъ, Соломонъ убѣдилъ ее остаться съ нимъ и быть его женою.

Въ Библии разсказъ о посѣщеніи Соломона царицей Сабейской передается такъ ¹⁾).

„Царица Савская, услышавши о славѣ Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. Пришла она въ Иерусалимъ съ весьма большимъ богатствомъ: верблюды навьючены были благовопіями и великимъ множествомъ золота и драгоценными камнями; и пришла къ Соломону и бесѣдовала съ нимъ обо всемъ, что было у нея на сердцѣ. И объяснилъ ей Соломонъ всѣ слова ея, и не было ничего, незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей. И увидѣла царица Савская всю мудрость Соломона и домъ, который онъ построилъ, и пищу за столомъ его, и жилище рабовъ его, и стройность слугъ его и одежду ихъ, и виночерпиевъ его, и всеожженія его которыя онъ приносилъ въ храмъ Господнемъ. И не могла она болѣе удержаться и сказала царю: „вѣрно то, что я слышала въ землѣ своей о дѣлахъ твоихъ и о мудрости твоей; но я не вѣрила словамъ, доколѣ не пришла и не увидѣли глаза мои: и вотъ мнѣ и въ половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели какъ я слышала. Блаженны люди твои и блаженны сіи слуги твои, которые всегда предстоятъ предъ тобою и слышатъ мудрость твою! Да будетъ благословенъ Господь Богъ Твой, Который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ! Господь, по вѣчной любви Своей къ Израилю, поставилъ тебя царемъ—творить судъ и правду!“ И подарила она царю сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовопій и драгоценные камни: никогда еще не приходило такого множества благовопій, какое пода-

¹⁾ Третья книга царствъ. X, 1—13. Срав. Вторая книга паралипом., IX, 1—12.

рила царица Савская царю Соломону. И корабль Хирамовъ, который привозилъ золото изъ Офира, привезъ изъ Офира великое множество краснаго дерева и драгоценныхъ камней. И сдѣлалъ царь изъ сего краснаго дерева перила для храма Господня и для дома царскаго, и гусли и псалтири для пѣвцовъ. Никогда не приходило столько краснаго дерева и не видано было до сего дня. И царь Соломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала и чего просила, сверхъ того, что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками. И отправилась она обратно въ свою землю, она и всѣ слуги ея“.

Продолжаемъ излагать абиссинское преданіе.

У царицы, по возвращеніи ея изъ Іерусалима, родился сынъ, названный Менеликомъ. Когда отроку исполнилось 15 лѣтъ, онъ пожелалъ увидѣть своего отца и отправился въ Іерусалимъ ¹⁾. Соломонъ сразу полюбилъ Менелика, къ тому же чрезвычайно похотѣвшаго на отца своею внѣшностью, и не отказывалъ ему ни въ чемъ. Менелику болѣе всего понравился религіозный культъ Евреевъ, и онъ пожелалъ устроить такой же въ своемъ отечествѣ. Соломонъ по этому случаю снарядилъ въ Эіопію цѣлую миссію, состоявшую изъ священниковъ, левитовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и всякаго рода мастеровъ ²⁾. Въ качествѣ первосвященника былъ отпущенъ Азарія, сынъ Садока ³⁾. Эти люди, по наущенію Менелика, тайно и съ большими предосторожностями похитили изъ іерусалимскаго храма Ковчегъ Завѣта со всѣмъ, что въ немъ хранилось ⁴⁾, и увезли его; при этомъ, чтобы скрыть похищеніе, во Святомъ Святыхъ, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Ковчегъ Завѣта, поставили изваяніе Архангела Михаила, и покрыли его покровомъ, снятымъ съ Ковчега. Когда посольство оставляло Іерусалимъ, почва его стала такъ необыкновенно колебаться, что всѣ жители пришли въ ужасъ. Вопросы первосвященника, все-ли благополучно и не случилось ли чего-либо съ Ковчегомъ Завѣта. Садокъ, заглянувъ за завѣсу, отдѣлявшую Святое Святыхъ отъ святилища, нашель, что тамъ, повидимому, все въ порядкѣ. Между тѣмъ землетрясеніе продолжалось три дня. Первосвященникъ принужденъ былъ вторично и болѣе тщательно извѣдать состояніе Святого Святыхъ и тогда только похищеніе обнаружилось. Всѣ догадались, что Ковчегъ Завѣта увезъ никто иной, какъ Менеликъ. Немедленно отправили за нимъ погоню, но она настигла его уже въ предѣлахъ его отечества. На требованіе посланныхъ выдать Ковчегъ Завѣта, Менеликъ отвѣтилъ, что онъ не желаетъ оставлять его у себя и непременно возвратитъ, только просилъ подождать до тѣхъ поръ, пока мастера окончатъ работу

1) Ludolf. Historia Aethiopica, liber II, cap. III, 1—9.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid.

надъ сооружеиіемъ другого ковчега, подобнаго іерусалимскому, для абиссинскаго храма. Посланные погонщики согласились ждать. Менеликъ старался содержать ихъ, какъ можно лучше, и они, живя въ роскоши и довольствѣ, не замѣчали, какъ шло время, и хвалили гостепрїимство абиссинцевъ. Соломона же извѣстили о причинѣ своего замедленія. Когда работы окончились, вновь сооруженный ковчегъ оказался настолько похожимъ на оригиналь, что ихъ никакъ нельзя было отличить. Тутъ-то Менеликъ, не уступавшій мудростію своему отцу, и устроилъ хитрость. Онъ отдалъ посланнымъ Соломона подобіе, а подлинный Ковчегъ Завѣта оставилъ у себя. Подлога никто изъ евреевъ не замѣтилъ, ни сейчасъ, ни послѣ. Такъ Ковчегъ Завѣта остался у абиссинцевъ и продолжаетъ оставаться и до сихъ поръ. На первыхъ порахъ много труда стоило найти для него подходящее мѣсто. Нѣсколько разъ переносили его изъ города въ городъ и всякій разъ непригодность мѣста возвѣщелась колебаніемъ почвы въ тотъ моментъ, когда Ковчегъ опускали на землю. Наконецъ, принесли святыню на одинъ живописный островокъ, расположенный посрединѣ рѣки. Островокъ этотъ былъ необыкновенно малъ, но лишь только поставили на немъ Ковчегъ, вода сейчасъ же раступилась и открыла огромное пространство земли. Здѣсь Менеликъ построилъ храмъ, названный, въ подражаніе іерусалимскому, Сіономъ. Въ немъ стали приноситься ветхо-завѣтныя жертвы. Всѣ эіюпы приняли Моисеевъ законъ и обрѣзаніе. На островѣ, гдѣ построенъ былъ храмъ, вскорѣ возникъ большой городъ—Аксумъ, ставшій религіознымъ центромъ Эіюпіи, т. е. тѣмъ, чѣмъ былъ Іерусалимъ для Евреевъ.

Древнее значеніе Аксума, какъ религіознаго центра всей Абиссиніи, сохранилось и до сихъ поръ, даже послѣ принятія абиссинцами христіанства. Въ Аксумѣ коронуются абиссинскіе цари. Въ немъ находится также первый абиссинскій монастырь (гедамъ), называемый Ціонъ (Сіонъ). Это очень древній монастырь, обширный и многолюдный. Внутри монастырской ограды стоитъ одинъ храмъ, чрезвычайно ветхій, скрываемый за высокой деревянной стѣной. Къ нему-то и обращены сердца всѣхъ благочестивыхъ абиссинцевъ. По преданію, храмъ этотъ и есть тотъ самый ветхо-завѣтный храмъ, который былъ сооруженъ первымъ царемъ Менеликомъ въ подражаніе храму Соломонову. Всѣ абиссинцы глубоко вѣрятъ, что внутри его, въ томъ мѣстѣ, которое называлось Святое Святыхъ, хранится ветхо-завѣтная святыня—Ковчегъ Завѣта съ Моисеевыми скрижалями (по абиссински: „Таотъ Мусе“ и „Целато Мусе“). Абиссинцы—христіане усвоили ему впрочемъ другое названіе—„Таотъ-Марьямъ“,—т. е. Ковчегъ Божіей Матери. Въ ограду Сіонскаго монастыря допускаются только мужчины, но внутрь ветхозавѣтнаго храма никто изъ народа не осмѣливается проникнуть. Возлѣ храма живетъ одинъ

престарѣлый архимандритъ (комось), обязанность котораго кадить ежедневно предъ Ковчегомъ Завѣта. Онъ это совершаетъ съ большимъ благоговѣніемъ. Взявъ кадилаицу съ угольями и горсть ладана, онъ идетъ къ церковной завѣсѣ, отдѣляющей Святое Святыхъ, и, просунувъ чрезъ нее руку съ кадилаицей, совершаетъ трижды каждение „зря вспять“. За завѣсу же имѣетъ право входить только епископъ, и то разъ въ годъ, чтобы помолиться и соблюсти чистоту. Толпы богомольцевъ, посѣщающія Аксумъ, останавливаются у церковной ограды и, взирая на виднѣющуюся изъ за ограды старинную кровлю завѣтнаго храма, усердно молятся, припадая къ землѣ. Многіе цѣлуютъ камни монастырской ограды и захватываютъ съ собою горсть земли, которую хранятъ, какъ святыню. Разъ въ годъ въ Аксумѣ совершается особое торжество— „бааль-Ціонъ“—Сіонскій праздникъ, который тянется до двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени въ Аксумѣ успѣваетъ побывать почти вся христіанская Абиссинія.

Всѣ свои политическія удачи, побѣды, сохраненіе своей независимости въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій абиссинцы приписываютъ вліянію Ковчуга Завѣта, или, по болѣе употребительному теперь названію,—Ковчуга Божіей Матери, хранимаго въ Аксумѣ.

Но обратимся опять къ историческому преданію абиссинцевъ.

Мать Менелика, называемая въ абиссинскихъ лѣтописяхъ Хайкой, еще при жизни своей уступила престолъ сыну ¹⁾. Онъ былъ помазанъ на царство въ аксумскомъ Сіонѣ первосвященникомъ Азаріею, причемъ поклялся отъ лица всего своего потомства, что съ того времени женщина не будетъ сидѣть на абиссинскомъ престолѣ ²⁾. Менеликъ сдѣлался родоначальникомъ абиссинской царствующей династіи. Памятникомъ его происхожденія является царскій титулъ абиссинскихъ владыкъ. Титулъ этотъ слѣдующій: „имя рекъ, царь царей Эіопіи, Левъ отъ колѣна Іуды“. На царской печати Абиссиніи видимъ изображеніе льва съ короной на головѣ и съ хоругвію и вокругъ изображенія надпись: „Левъ отъ племени Іуды побѣдилъ“.

Евреи, прибывшіе съ Менеликомъ изъ Іерусалима, скоро умножились и изъ нихъ образовалось потомство—это нынѣшніе фалаши или фаласіане, что значитъ пришельцы. Они занимаютъ долину горнаго хребта Саменъ.

Въ изложенномъ выше абиссинскомъ преданіи существенно важны два пункта: это, во-первыхъ, легенда о владычествѣ змія и, во-вторыхъ, мысль о происхожденіи абиссинской царствующей династіи отъ рода Давидова. Въ основѣ ихъ мы должны искать

¹⁾ Ludolf. Historia Aethiopica L. II, cap. III, 1—9.

²⁾ Ibid.

историческую истину. И, дѣйствительно, сравнивая легенду и преданіе съ изначальной исторіей Эѳіопіи и Южной Аравіи, мы приходимъ къ такому заключенію. Первая часть преданія—есть произведеніе чисто африканское; вторая часть—о Соломонѣ и Менеликѣ обязана своимъ происхожденіемъ Сабейцамъ, эмигрировавшимъ въ Эѳіопію. То-есть, намъ представляется дѣло такъ.—Туземное населеніе Африки,—именно той части ея, куда выселились Сабейцы, первоначально состояло изъ негровъ. Къ неграмъ въ скоромъ времени присоединились египтяне. Еще видимъ здѣсь сабейцы-колонистовъ (Сабатака). Весь этотъ смѣшанный народъ жилъ въ территоріи эѳіопской монархіи. Владыки Эѳіопіи отличались въ древности воинственностію и хищничествомъ ¹⁾. Подвластныя имъ племена, помимо того, что платили въ Напату большую дань, еще терпѣли отъ своихъ властителей всевозможныя притѣсненія и насилія. Естественно, что плачевное прозябаніе подъ чужеземнымъ игомъ и породило въ представленіяхъ туземцевъ сказаніе о страшномъ змѣѣ, мучившемъ людей. Періодъ времени его царствованія былъ очень великъ, именно онъ опредѣляется въ сказаніи въ тысячу лѣтъ. Освобожденіе страны отъ змѣи приписывается чужеземцамъ. Судя по даннымъ исторіи, этими чужеземцами и могли быть никто иные, какъ Сабейцы, вышедшіе изъ Аравіи отъ притѣсненій іектанидовъ. Культурное развитіе соединенное съ гуманностію, было свойственно древнимъ Сабейцамъ, и оно-то должно было вселить въ африканскихъ туземцевъ симпатіи и уваженіе къ пришельцамъ. Это тѣмъ болѣе было естественно, что въ составѣ туземцевъ, какъ извѣстно, находились и соплеменники Сабейцевъ,—именно жители колоніи Сабатака. Кроме того, дружественныя сношенія восточнаго берега Африки съ Южной Аравіей обнаруживались уже въ самой глубокой древности. Пришельцы, нужно думать, сразу заняли независимое положеніе въ странѣ и мало-по-малу, благодаря культурному превосходству, окончательно подчинили своему вліянію всѣ туземныя племена. Въ скоромъ времени, сплотившись, они должны были стать крайне опасными для государства Напаты. вмѣстѣ съ культурой Сабейцевъ принесли съ собою въ Африку свою религію, свою династію и свои преданія, въ числѣ которыхъ находилось и преданіе объ отношеніяхъ царицы Сабейской къ Соломону. Впослѣдствіи сложилось одно цѣльное сказаніе о змѣѣ и сынѣ Соломона, результатъ слитія двухъ преданій: туземнаго и сабейскаго. Замѣчательно еще, что въ преданіи говорится о частомъ перенесеніи Ковчега Завѣта съ одного мѣста на другое. И это, повидимому, незначительное замѣчаніе важно для выясненія исторической дѣйствительности. Кочеваніе съ

¹⁾ Масперо. Древняя исторія. Стр. 608 и далѣе.

Ковчегомъ, являвшимся олицетвореніемъ всего религіознаго культа, нужно понимать въ смыслѣ переселенія, эмигрированія съ цѣлью отыскать болѣе подходящее мѣсто для жительства, осѣдлости. На мѣстѣ, гдѣ поставили Ковчегъ, или лучше, гдѣ упрочился, основался религіозный культъ Сабеянъ, возникъ городъ; мѣстность ожилилась притокомъ населенія. Около священнаго мѣста образовалась главная правительственная резиденція. Аксумъ сдѣлался главнымъ городомъ всего населенія—туземнаго и эмигрировавшаго и сохранилъ это свое значеніе на всѣ времена.

Между тѣмъ какъ росло и усиливалось въ Аѳрикѣ царство Аксума, падало царство Напаты, или собственно—эіопское. Соединенное изъ многихъ племенъ, враждовавшихъ между собою, оно заключало въ основѣ соею червя, который подтачивалъ его много вѣковъ. Пришествіе Сабеянъ и возникновеніе ихъ могущества на неприступныхъ высотахъ абиссинской горной страны было роковымъ моментомъ для существованія древне-эіопской монархіи. Еще задолго до нашествія Камбиза нижняя Эіопія подверглась запустѣнію. Города ея, основанные фараонами XVIII и XIX династій, лежали въ развалинахъ, а храмы ихъ заносились пескомъ. Запустѣніе и разрушеніе медленно, но рѣшительно подвигалось на югъ, пока не коснулось, наконецъ, самихъ центровъ Эіопіи—Напаты и Мероэ. Въ замѣнъ древняго эіопскаго государства возникало новое на востокѣ Аѳрики. Сюда перетягивался центръ; въ Аксумѣ занималась заря новаго, болѣе твердаго могущества, эіопско-сабейскаго, или абиссинскаго. Удивительно, что въ предѣлахъ прежней эіопской монархіи, въ странѣ Напаты и Мероэ, т. е. въ нынѣшнемъ Суданѣ, уцѣлѣло доселѣ селеніе по названію Саба (на югъ отъ Картума) съ развалинами древнихъ памятниковъ египетской цивилизаціи—пирамидъ и храмовъ. Судя по названію селенія, нужно считать несомнѣннымъ, что вліяніе Сабеянъ въ древности простиралось далеко на сѣверъ Эіопіи ¹⁾. Уже къ началу нашей эры Эіопія и Абиссинія обозначали собою лишь два названія одного и того же государства. Отъ смѣшенія, образовавшаго новую Эіопію, произошло данное ей классическими писателями названіе Хабешъ (Абиссинія), или смѣшаннаго народа. Болѣе же древнее названіе, усвоенное себѣ абиссинцами или, лучше, Сабеянами, переселившимися въ Аѳрику,—это Агазіанъ, что означаетъ людей независимыхъ и указываетъ на то, что они сразу заняли въ Аѳрикѣ независимое положеніе ²⁾. Отъ имени Агазіанъ, вѣроятно, образовалось и названіе древне-абиссинскаго нарѣчія—геезъ или гець ³⁾.

¹⁾ Ксвалевскій. Соч. т. V, стр. 250.

²⁾ Ludolf. Historia Aethiopica. L. I, c. I.

³⁾ Ludolf. L. I. c. I. 5.

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности прослѣдить исторію перехода верховнаго политическаго первенства отъ африканскихъ Кушитовъ въ руки Сабейскихъ переселенцевъ. Отчужденіе, въ которомъ жила внутренняя Африка послѣ занятія Египта Ассиріанами, повергло всю область Эіопіи въ мракъ безвѣстности. Полубаснословные рассказы Геродота и Діодора Сицилійскаго, бѣглыя указанія римскихъ историковъ, называвшихъ общимъ именемъ Эіопіи всѣ земли, обитаемыя чернымъ племенемъ—вотъ единственныя письменныя свидѣтельства, оставленныя древнимъ міромъ о древнемъ Аксумѣ. Вскорѣ по воскресеніи Христа Спасителя, лучъ истинной вѣры, просвѣтивъ Египетъ и миновавъ низменности Нубіи и Оиваиды, озаряетъ лѣсистыя высоты Хабеша. Завязываются на короткое время сношенія между православнымъ Востокомъ и Абиссиніей. Но съ половины IV в. эти сношенія прерываются и государство эіоповъ снова словно исчезаетъ съ лица земли на цѣлое тысячелѣтіе. Вдругъ въ концѣ XV в. имя Абиссиніи въ первый разъ долетаетъ до Европы. Съ изумленіемъ узнаютъ европейцы, что въ нѣдрахъ Африки существуетъ христіанское государство, съ успѣхомъ отстаивающее свою независимость отъ исламизма. Эта странная новость пробуждаетъ живѣйшее участіе. Безусловное молчаніе исторіи и географіи смѣняется тысячами преувеличенныхъ рассказовъ, жадно выслушиваемыхъ легковѣрнымъ любопытствомъ. Наконецъ, соединенныя усилія миссіонеровъ и смѣлыхъ путешественниковъ снимаютъ завѣсу съ исторіи Абиссиніи и истина обнаруживается.

IV.

Современная Абиссинія занимаетъ горную страну, лежащую между восточными притоками Бахрь-эль-Апрека (Голубой рѣки) и восточно-африканскимъ берегомъ Краснаго моря, къ югу отъ Нубіи между 16 и 8° с. ш. Среди нездоровыхъ и знойныхъ песчаныхъ пустынь область Абиссиніи возвышается подобно громадной крѣпости съ ея альпами, многочисленными плоскогорьями и столовыми горами, всѣми чудесами тропическаго міра, соединенными съ дикою горною природою. Съ запада она походитъ на возвышающійся постепенно скалистый замокъ, къ востоку же вдругъ обрывается крутою стѣною къ низменностямъ береговой полосы, населенной Хабабами, Самхарійцами и другими дикими племенами. Сѣверную границу Абиссиніи составляютъ горныя мѣстности и негостепріимныя пустыни Барки и Мареба, или Хоръ-эль-Капа. Западные же склоны ея отдѣляются отъ равнины восточнаго Сенаара поясомъ нейтральнаго

пространства, большею частію необитаемаго, сырого, покрытаго бамбукомъ и лѣсами.

Вся страна представляетъ удивительную картину природы. Отъ запада къ востоку идутъ, постепенно возвышаясь одно предъ другимъ, три плоскогорья, покрытыя каждое отдѣльными горными хребтами и скалистыми чудовищами изъ трахита, базальта и другихъ горныхъ породъ. Плоскогорья отдѣляются другъ отъ друга, подобно островамъ, огромными трещинами, большею частію настолько крутыми, что проходъ отъ одного плоскогорья къ другому оказывается невысказаннымъ. Въ разсѣлинахъ горъ, богато орошенныхъ, простерты чудесныя зеленѣющія луга и поля, плодоносныя пастбища и густыя лѣсныя чащи. „Невозможно вообразить, не видавши, говорить одинъ путешественникъ, до какой степени своеобразною представляется здѣсь извилистая линія горизонта. Столовые горы (амбы), имѣющія видъ разрушенныхъ стѣнъ, круглыя массы въ видѣ куполовъ, прямые, наклонные, опрокинутые конусы, остроконечные, какъ колокольни, базальты въ видѣ громаднхъ органовъ, — всѣ эти формы тѣснятся другъ къ другу, громоздятся одна на другую, такъ что кажутся какъ бы разрушенными постройками титановъ. Вдали онѣ сливаются съ облаками и небомъ, а въ темнотѣ представляются разъяреннымъ моремъ“¹⁾). Внутри главнаго абиссинскаго нагорья, окруженное нескончаемыми цѣпями горъ и холмовъ расположено великолѣпное альпійское озеро Цанъ, около 66 километровъ длины и 37 кил. ширины. Въ него сливаются воды съ высотъ Годшама, Бегемедера и Дембеа, а оцѣпляющія его кольцо горы всюду состоятъ изъ трахита, базальта и другихъ остывшихъ вулканическихъ массъ. Судя по этому, и самое озеро слѣдуетъ считать остывшимъ среди нагорья кратеромъ громаднаго вулкана. Тутъ-же вблизи, гдѣ-то въ горныхъ ущельяхъ беретъ свое начало Голубой Нилъ, который вливается въ озеро подъ именемъ Абай, вытекаетъ изъ него чрезъ узкую разсѣлину скалы и затѣмъ, приближаясь къ границамъ Шоа, обхватываетъ спиралью Годшамъ и Дамоть. Нигдѣ на землѣ не найдется такого множества замѣчательныхъ долинъ, какъ въ бассейнѣ Голубого Нила!

Абиссинцы различаютъ въ географическомъ отношеніи три области: 1) Кола, на высотѣ 600 — 1520 метровъ надъ моремъ съ 20—28° Р. средней температуры. Въ этой сравнительно низкой области произрастаютъ: хлопчатникъ, дикое индиго, камедныя деревья, баобабъ, тамаринды, черное дерево, меккскій бальзамникъ, шафранъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево, кустарный майсъ, бананы и финиковыя пальмы, множество медицинскихъ растений и лучшія хлѣбныя растенія: тефъ, дагуса и

¹⁾ Ф. Гельвальдъ. Земля и ея народы. Ч. II, стр. 145.

дурра. Въ первобытныхъ лѣсахъ Кола водятся звѣри всѣхъ видовъ, многочисленныя породы пернатыхъ, обезьяны, змѣи, скорпионы и проч. Сырой, болотистый климатъ здѣсь вреденъ для здоровья, оттого Кола слабо населена. 2) Наиболѣе оживленною представляется вторая область—Воина-Деги, гдѣ температура колеблется между 11—12° Р. Тутъ во множествѣ растутъ теревинѣы, лимоны, можжевельникъ, породы сакоморъ, косса, сегбы, масличныя деревья, травы, зерновыя хлѣба, сахарный тростникъ и под. 3) Третья область—Деги—самая возвышенная, между 2,750—4,200 м. Температура постоянно 7—8° Р., а на высокихъ пунктахъ нерѣдко падаетъ ниже 0°. Жители Деги одѣваются въ шубы. Растительность здѣсь бѣдная: кромѣ хлѣбныхъ—ячменя и овса и деревянныхъ—косо, рѣдкаго вида мимозъ и гигаро, другихъ породъ не встрѣчается. Въ мѣстностяхъ 4,050 м. высоты—одни чертополохи, мхи и лишай, за которыми мрачно выдвигаются уже голыя трахитовыя и базальтовыя скалы. Въ Деги бродятъ стадами быки, козы и овцы съ длинною шерстью. Вершины горъ нерѣдко достигаютъ здѣсь снѣговой линіи. Восточный скатъ Абиссиніи изрѣзанъ безчисленными ущельями, горными долинами, по которымъ змѣются чистые, какъ кристалль, ручьи, зеленѣютъ группы высокихъ деревъ, а въ мѣстахъ болѣе высокихъ красуются густые кустарники, молочай, алоэ, смоковницы и нерѣдко баобабы.

Богатая альпійская природа Абиссиніи выростила у себя самую разнообразную въ племенномъ отношеніи народности. Рядомъ съ абиссинцами, происшедшими отъ смѣси: негровъ, кушитовъ, сабеянъ, египтянъ и арабовъ, поселявшихся разновременно въ этой странѣ, теперь попадаетъ здѣсь еще нѣсколько большею частію полудикихъ племенъ, живущихъ особнякомъ и не поддающихся ассимиляціи. Это прежде всего еврей-фалаша, населяющіе Смень; затѣмъ: аговы (въ Ласта и Аговмыдыра), черные галласы (на южныхъ плоскогорьяхъ и частію въ Кафѣ, Теушоу и Годшамѣ) данакильцы и адалы (олизъ г. Зовула), гонги и шанкала (последніе въ болотистыхъ мѣстностяхъ), магометанскія пастушескія племена—тероа и азуарта, и, наконецъ, на сѣверѣ Абиссиніи—богосы.

Сами абиссинцы въ разныхъ областяхъ представляютъ удивительное разнообразіе типовъ, непохожихъ одинъ на другой цвѣтомъ кожи, тѣлосложеніемъ, характеромъ, бытомъ и языкомъ. Каждая провинція можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльный въ племенномъ отношеніи центръ. Цвѣтъ кожи встрѣчается отъ совершенно бѣлаго до совершенно чернаго. Всѣ туземцы до того свыклись съ этою пестротою областныхъ типовъ, что сразу узнаютъ другъ друга: кто изъ какой мѣстности. Внѣшній видъ, взглядъ, акцентъ—сразу выдають человѣка, откуда онъ. Наиболѣе замѣтны три типа, распадающіеся каждый на нѣсколько типическихъ раз-

вѣтвленій: 1) тигрейцы (жители царства Тигре), у которыхъ преобладаютъ слѣдующія черты: продолговатый и замѣчательно—узкій черепъ, длинный изогнутый носъ, тонкія губы, живые узкіе глаза, шерстистые волосы и пропорціональное тѣлосложеніе. Тигрейцы хитры, остроумны и хвастливы, энергичны и подвижны. 2) Жители Ласта отличаются свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, малостью черепа, греческимъ лбомъ, открытыми чертами лица, малыми конечностями и красивымъ тѣлосложеніемъ. 3) Обитатели Амхары и Шоа отмѣчаются характеромъ смѣшанной расы, имѣютъ широкій черепъ, красивые большіе глаза, выдавшіяся скулы, толстыя губы, курчавые волосы и темно-бурый цвѣтъ кожи, который въ низкихъ мѣстностяхъ переходитъ въ совсѣмъ темный, а на высотахъ бываетъ свѣтлѣе. Шоанцы и Годшамцы, между прочимъ, отличаются еще склонностію къ созерцанію и наукамъ. Изъ среды ихъ появляется много прорицателей (танкуай), гадателей, астрологовъ. Здѣсь же по мѣстамъ встрѣчаются цѣлыя селенія ремесленниковъ (будда).

Слѣдуетъ указать еще на полное различіе между высшими и низшими классами абиссинцевъ. У первыхъ (баларысть) цвѣтъ лица свѣтлѣе и формы тѣла крупнѣе, у вторыхъ (ахуай) особенно бросаются въ глаза: черный цвѣтъ кожи, мелкія черты лица, маленькія кисти рукъ и тонкіе пальцы.

Коренное абиссинское нарѣчіе, называемое „геезъ“, принадлежитъ къ семейству семитическихъ языковъ ¹⁾ и представляетъ живой остатокъ древне-іеменскаго или сабейскаго языка ²⁾. До XIII в. по Р. Хр. геезъ употреблялся въ Абиссиніи повсемѣстно и сохранился въ цѣлости лишь въ священныхъ книгахъ и лѣтописяхъ, и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—въ нарѣчіяхъ: тигрейскомъ, фалашанскомъ и аговскомъ. Въ настоящее время онъ считается языкомъ книжнымъ и письменнымъ. О развитіи его можно прослѣдить лишь съ IV в., когда въ Абиссиніи возникла христіанская письменность. Пока эіопскіе цари жили въ Аксумѣ, геезскій языкъ получалъ большее и большее развитіе, но въ XIII вѣкѣ по повелѣнію императора Иконъ-Амлака онъ былъ замѣненъ языкомъ амхарскимъ, вошедшимъ въ употребленіе при дворѣ и въ высшихъ сословіяхъ. Съ этихъ поръ геезскій языкъ сталъ постепенно ослабѣвать въ устахъ народа и, наконецъ, перешелъ въ книжный, употребляемый, однакоже, при богослуженіи. Образованные абиссинцы понимаютъ этотъ языкъ, на немъ нерѣдко пишутъ, но не говорятъ имъ. Амхарскій языкъ, общепонятный и общеупотребительный въ Абиссиніи, имѣетъ нѣкоторыя

¹⁾ Ренанъ. Э. „О происхожденіи языка“. Изд. Воронежъ 1866 г., стр. 21.

²⁾ Ленорманъ. т. I, выш. I, стр. 4.

областныя измѣненія въ разныхъ провинціяхъ. По сравнительной простотѣ формъ, этотъ языкъ можетъ считаться остаткомъ древняго кушитскаго нарѣчія ¹⁾, нѣсколько измѣненнаго подъ вліяніемъ сабейскаго. Начертаніе буквъ для обоихъ языковъ—амхарскаго и геезскаго (также тигрейскаго) употребляется одно, близкое къ самаританскому и заимствованное, можетъ быть, у древнихъ евреевъ. Скорописной азбуки не существуетъ.

V.

Благодаря счастливому географическому положенію, Эѳіопія сумѣла сохранить свою независимость до настоящаго времени. Она не боялась ужаса, наводимаго всемірными завоевателями, и, живя въ отчужденіи отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ, сама не искала и не желала общенія съ ними. Она довольствовалась своей древней культурой, которую бережно держитъ и до сихъ поръ. Такая замкнутая жизнь цѣлой могущественной націи имѣла свои хорошія и дурныя стороны. Для славы Эѳіопіи она была полезна. Такъ, напр., современные Геродоту народы древности представляли Эѳіопію волшебнымъ царствомъ, обитаемымъ бого-подобными существами. Обитателей Эѳіопіи древніе считали самыми рослыми и самыми красивыми изъ людей ²⁾; говорили, что жизнь ихъ продолжается до 120 лѣтъ и болѣе, что у нихъ есть чудесный источникъ, вода котораго имѣетъ свойство поддерживать организмы въ состояніи вѣчной юности ³⁾. Ходили рассказы, что близъ Эѳіопской столицы находился огромный лугъ, всегда наполненный готовыми напитками и яствами, куда приходилъ всякій, кто хотѣлъ, ѣлъ и пилъ все, что ему вздумается ⁴⁾. Носились еще слухи о необыкновенномъ обиліи тамъ золота, которое будто бы употреблялось даже для заковыванія плѣнниковъ. Баснословные рассказы объ Эѳіопіи, упорно поддерживаемые среди древнихъ, побудили персидскаго царя Камбиза предпринять походъ въ эту страну. Предварительно онъ послалъ туда соглядатаевъ подъ видомъ дружественнаго посольства къ Эѳіопскому монарху. Ихѳіафаги, выбранные Камбизомъ въ послы, принесли царю Эѳіопіи подарки: красивую одежду, золотыя украшенія и бочку съ пальмовымъ виномъ. Но расчетъ Камбиза не удался. Монархъ понялъ хитрость и, съ своей стороны, велѣлъ передать Камбизу преогромный лукъ

¹⁾ Ленорманъ, т. I, вып. I, стр. 6—7.

²⁾ Геродотъ. Исторія, III, XX.

³⁾ Геродотъ. XX, XXIII.

⁴⁾ Ibid. III, XVII—XVIII, XXIII.

и такія слова: „я знаю, что ты обманнымъ образомъ хотѣлъ разузнать о силахъ моего государства, Такъ знай: пока персы не навькнутъ стрѣлять изъ этого лука, имъ нечего думать идти на меня войною. А теперь пусть благодарятъ боговъ, что они не внушили мнѣ жажды къ завоеваніямъ“. Камбизъ не послушался совѣта и, не рассчитавъ условій и трудности похода, самъ во главѣ огромнаго войска пустился въ дальній путь чрезъ песчанья и безводныя пустыни. Онъ рассчитывалъ подойти къ самымъ границамъ Эѳіопіи, но этого не удалось ему. Болѣе половины арміи погибло отъ зноя и голода, а остальная, повидимому, достигла древнихъ эѳіопскихъ столицъ Напаты и Мероэ, но послѣднія уже не представляли той желанной цѣли, какой искалъ Камбизъ. Вѣроятно, тутъ уже видна была печать разрушенія. По свидѣтельству Іосифа, названіе Мероэ ведетъ свое происхожденіе отъ Камбиза, переименовавшаго будто-бы въ честь своей сестры эѳіопскій городъ Саба ¹⁾). Единственнымъ благопріятнымъ для персовъ послѣдствіемъ этого похода было присоединеніе къ персидскимъ владѣніямъ ближайшихъ къ Сіенѣ областей Нубіи. Еще во времена Дарія, въ числѣ подданныхъ Персидской монархіи упоминались эѳіопляне, кушиты ²⁾).

Неудача Камбиза не послужила, однако-же, урокомъ для послѣдующихъ завоевателей. Въ Аксумѣ сохранился памятникъ, указывающій, что завоевательные успѣхи Александра Великаго не прошли безслѣдно для Эѳіопіи. Аксумъ на время подпалъ его владычеству, благодаря удачной экспедиціи Птолемея Эвергета, управлявшаго Египтомъ. Птоломей избралъ въ Эѳіопію морской путь. Флотъ его подошелъ безпрепятственно къ восточному берегу Африки, и многочисленная армія пробралась въ самую столицу Эѳіопіи—Аксумъ. Птоломей воздвигъ здѣсь нѣсколько обелисковъ, изъ которыхъ самый большой сохранился до сихъ поръ: онъ имѣетъ 60 футовъ вышины, высѣченъ изъ цѣльнаго куска гранита и покрытъ не іероглифами, а разными украшеніями, обличающими греческаго ваятеля. Дерево Даро своими огромными вѣтвями осѣняетъ этотъ памятникъ египетскаго властелина, стоящій невдалекѣ отъ одного изъ аксумскихъ храмовъ.—Покореніе Эѳіопіи доставило свободное плаваніе по Красному морю и проложило египтянамъ торговый путь въ Индію. По свидѣтельству греческихъ историковъ, со времени занятія Аксума Птолемеемъ, случившагося 600 лѣтъ спустя по основаніи абиссинской монархіи, приморскія провинціи ея продолжали вести торговлю съ Индіей, но уже наравнѣ съ египтянами. Такъ продолжалось во все время до низверженія династіи Птолемеевъ и покоренія Египта римлянами. Послѣдніе повели дѣло

¹⁾ Іосифъ Фл. Ant. Jud. II, 10,

²⁾ Геродотъ, III, XCII.

иначе. Пренебрегая выгодными условіями торговаго договора, заключеннаго Птолемеємъ съ Абиссиніей, римскіе завоеватели искали исключительно расширенія своихъ границъ, но пески пустыни оказали неодолимую преграду ихъ могуществу, и посланные въ Аравію легіоны Галла подверглись участи воиновъ Камбиза. Абиссинія не только освободилась совершенно отъ протектората иноземныхъ правителей и данныхъ имъ торговыхъ обязательствъ, но и сама еще успѣшила послѣдовать примѣру римлянъ, расширивъ далеко предѣлы своей монархіи. Вскорѣ она присоединила къ своимъ владѣніямъ Аравію и захватила, такимъ образомъ, въ свои руки весь путь Краснаго моря.

Въ этотъ періодъ процвѣтанія Эѳіопіи случилось событіе, еще болѣе усилившее ея могущество. Свѣтъ истинной вѣры, проникнувъ въ Абиссинію и озаривъ ея смѣшанныя племена, слилъ ихъ въ одно мощное христіанское государство. Подробности этого событія находятся, съ одной стороны, въ національномъ преданіи абиссинцевъ, съ другой—въ писаніяхъ древнихъ историковъ. Справедливость требуетъ не упускать изъ виду ни того, ни другого источника. Историки принятіе абиссинцами христіанства относятъ къ IV в., но заслуживающее полнаго уваженія преданіе этого народа представляетъ это событіе случившимся гораздо ранѣе, именно тотчасъ же по воскресеніи Христа Спасителя. Пришествіе Христа на землю, говоритъ преданіе, было предсказываемо многими пророками, появлявшимися въ Абиссиніи незадолго до Р. Хр. Они ясно указывали время этого пришествія и народъ съ вѣрою ожидалъ его. Когда необыкновенная звѣзда появилась на востокѣ, абиссинскіе волхвы первыми замѣтили ее и успѣшили въ Іерусалимъ съ цѣлію поклоненія Христу и принесли для Него благовонія. Паломничество ихъ предвидѣлъ еще Давидъ, когда въ пророческомъ духѣ говорилъ о Христѣ: „цари Өарсиса и острововъ поднесутъ Ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары“¹⁾. Подъ „Сава“ абиссинцы разумѣютъ Эѳіопянъ, своихъ предковъ. Всѣ событія, волновавшія Іерусалимъ, тотчасъ-же достигали слуха абиссинцевъ, и еще задолго до воскресенія Христа въ числѣ ихъ были вѣрующіе въ Него. Въ первомъ вѣкѣ уже многіе абиссинцы были христіанами. Но у нихъ не было только іерархіи и христіанскаго культа. Въ теченіе трехъ столѣтій они жили по старымъ традиціямъ, соблюдая нѣкоторые ветхо-завѣтные обряды, пока случай не доставилъ имъ возможность сдѣлаться и по внѣшности такими же, какими были всѣ христіане востока.

У древняго историка Созомена случай этотъ передается такъ: „Нѣкто философъ изъ Тира финикійскаго, Меропій, прибылъ въ

¹⁾ Псаломъ СXXXI, 10.

Индію. Ему сопутствовали два отрока, Фрументій и Эдессій, оба его родственники, которыхъ онъ училъ наукамъ и руководилъ мудрыми наставленіями. Обозрѣвъ въ индійской землѣ все, что тамъ было, онъ отправлялся уже въ обратный путь на кораблѣ, плывшемъ въ Египеть. Случилось, что когда корабль, по недостатку воды или другихъ припасовъ, вступилъ въ одну пристань, туземные Индійцы ¹⁾ напали на него и перебили всѣхъ, не исключая самаго Меропія,—ибо тогда расторгли они союзъ съ римлянами,—но отроковъ, сжалившись надъ ихъ молодостію, взяли живыми и привели къ своему царю. Царь младшаго изъ нихъ сдѣлалъ виночерпіемъ, а старшаго, Фрументія,—смотрителемъ своего дома и распорядителемъ имущества, потому что нашелъ въ немъ благо-разуміе и способность къ подобнымъ распоряженіямъ. Такъ какъ они въ теченіе продолжительнаго времени оказывали себя людьми полезными и вѣрными, то царь, умирая, при женѣ и сынѣ наградилъ преданность ихъ свободою и позволилъ имъ жить, гдѣ угодно. Они хотѣли было возвратиться въ Тирь къ своимъ родственникамъ, но такъ какъ сынъ царя былъ еще весьма молодъ, то мать его просила обоихъ юношей остаться на нѣсколько времени и принять на себя управленіе царствомъ, пока сынъ ея достигнетъ мужескаго возраста. Уваживъ просьбу царицы, они стали управлять дѣлами царства и начальствовать надъ Индійцами ²⁾. Фрументій, можетъ быть, побуждаемый божественными видѣніями, или, при помощи Божіей, и самъ собою началъ разузнавать, нѣтъ-ли въ Индіи Христіанъ, либо между иностранными купцами кого-нибудь изъ Римлянъ. Тщательно отыскивая такихъ людей, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ, принималъ привѣтливо и благосклонно, убѣждалъ сходиться вмѣстѣ для молитвы и составлять собранія по обычаю Римлянъ, и увѣщевалъ непрестанно совершать служеніе Богу, для чего построилъ и молитвенные дома. Когда же сынъ царя достигъ зрѣлаго возраста, то они отпросились у него и у царицы, которые неохотно отпускали ихъ, и, разставшись съ ними дружелюбно, прибыли въ римскую имперію. Эдессій отправился въ Тирь для свиданія съ родственниками, гдѣ впослѣдствіи удостоился сана пресвитерскаго; а Фрументій, отложивъ на нѣсколько времени возвращеніе въ Финикію, прибылъ въ Александрію: ибо ему казалось непристойнымъ отечество и родство предпочитать попеченію о дѣлахъ божественныхъ. Тамъ, увидѣвшись съ предстоятелемъ александрійской церкви Аѳанасіемъ, онъ рассказалъ о дѣлахъ Индійцевъ и объяснилъ, что

¹⁾ Именемъ Индійцевъ древніе писатели называли обыкновенно всѣ народы черной расы. Въ данномъ случаѣ по смыслу рѣчи разумѣются обитатели восточнаго берега Африки, вѣроятно, дикіе кочевники изъ племени самхарійцевъ, давакилей и под.

²⁾ Т. е. надъ абиссинцами.

для нихъ нуженъ епископъ, который имѣлъ-бы попеченіе о тамошнихъ Христіанахъ. Аѳанасій, созвавъ туземныхъ священниковъ, посоветовался съ ними объ этомъ и въ епископа страны индійской рукоположилъ самаго Фрументія, какъ мужа достойнѣйшаго и способнѣйшаго распространить вѣру между тѣми, которымъ онъ первый открылъ имя христіанское и въ которыхъ посѣялъ сѣмена вѣры. Посему Фрументій снова возвратился къ Индійцамъ и, говорятъ, съ такою славою исполнялъ свои священныя обязанности, что всѣ знавшіе его, удивлялись ему и прославляли его не менѣе Апостоловъ. Притомъ и самъ Богъ прославилъ его, совершивъ чрезъ него много дивныхъ исцѣленій, знаменій и чудесъ. Таково было начало епископства у Индійцевъ“¹⁾.

Описанное событіе слѣдуетъ считать тождественнымъ съ тѣмъ, которое въ аксумскихъ лѣтописяхъ записано подъ числомъ 333 г. Лѣтопись сообщаетъ, что въ этомъ году приняли христіанство два принца, которыхъ эіопскія имена были: Аврыха и Ауцвиха. Преданіе абиссинцевъ, прославляющее Фрументія просвѣтителемъ Эіопіи, рядомъ съ нихъ всегда ставитъ и имена упомянутыхъ двухъ принцевъ. Такимъ образомъ, окончательное утвержденіе христіанства въ Абиссиніи слѣдуетъ относить къ тридцатымъ годамъ IV столѣтія. Въ церковномъ отношеніи Абиссинія была подчинена александрійскому патріарху, отъ котораго стала получать епископовъ. Египетская церковь въ отношеніи къ Абиссинской была матерью, церковью руководящею, воспитывающею. Это вліяніе, желательное въ принципѣ, фактически оказалось вреднымъ для Абиссиніи. Когда появилась ересь Евтихія, половина египтянъ во главѣ съ патріархомъ Діоскоромъ приняла ее. Въ Александрійскомъ патріархатѣ образовалось распадентіе; стало два патріархата: православный и коптскій. Къ несчастію для Абиссиніи Діоскоръ, ставившій ей епископовъ, оказался сторонникомъ Евтихія. Естественно, что въ такомъ же духѣ совершалось и его вліяніе на абиссинцевъ, продолжавшихъ принимать отъ него ставленниковъ. Собственно говоря, абиссинцы, оказавшіеся въ такомъ странномъ положеніи, могутъ обвиняться только въ грѣхѣ невѣдѣнія. Разобщенные съ востокомъ естественными преградами, они не могли видѣть и знать всего, что происходитъ въ жизни Вселенской Церкви. Какой духъ вѣялъ изъ Александріи, тѣмъ духомъ они дышали. Одно, такъ сказать, внутреннее чутье могло въ данномъ случаѣ распознавать это вѣяніе, истинно ли оно, или ложно. Когда изъ Александріи понеслось въ Абиссинію бурное вѣяніе евтихіанства,

¹⁾ Созоменъ. Церковная исторія, гл. XXIV, стр. 134—136. Изд. С.-Пбурга, 1851 г. Сравни. Сократъ. Церковная Исторія. гл. XIX, стр. 81—84; изд. С.-Петербургъ. 1850 г.

церковь ея оказалась въ нерѣшительности. Собственными средствами она не въ силахъ была разобратся въ тонкихъ и сокровенныхъ вопросахъ богословія. Все таки чутье подсказывало абиссинцамъ ложность новаго вѣянiя. Евтихіанство встрѣтило себѣ противодѣйствіе въ Абиссинiи. Одинъ изъ царей ея, не желая терпѣть его между своими подданными, обращался къ Императору Юстиніану съ просьбою дать ему православнаго епископа съ священниками, и получилъ его въ лицѣ благочестиваго мужа Іоанна, который и утвердилъ іерархію въ Абиссинiи¹⁾. Не смотря на это, поддерживаемое супругою Юстиніана Θεодорою, евтихіанство находило себѣ послѣдователей между абиссинцами и постоянно распространялось между ними болѣе и болѣе. Въ то же время прекратились и сношенiя абиссинцевъ съ православнымъ Востокомъ, слѣдствіемъ чего было то, что въ Абиссинскую церковь вовсе не поступили акты и постановленiя послѣднихъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. Можетъ быть, абиссинцы, занятые внутри тяжелыми смутами и бѣдствіями по недостатку іерархіи, просто не узнали даже о существованiи этихъ соборовъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ у нихъ, дѣйствительно, было крайне не удовлетворительно: когда выбыли изъ Абиссинiи православные греки, чрезъ которыхъ сносились они съ православнымъ міромъ, получая отъ него и святителей, то они послѣ архіепископа Петра вовсе остались безъ святителя на долгое время (отъ 653 г. по 727 г.). Сознывая, что вѣрующимъ во Христа нельзя быть безъ епископа, абиссинцы сами хотѣли было поставить себѣ митрополита; но недостатокъ законнаго числа потребныхъ для совершенiя хиротонiи епископовъ воспрепятствовалъ имъ въ томъ²⁾. Тогда абиссинцы обратились къ александрійскому патріарху въ надеждѣ отъ него получить себѣ святителя. Но на каѳедрѣ православнаго патріарха Александрійскаго былъ въ то время коптъ. Абиссинцы приняли митрополита отъ коптскаго патріарха и тѣмъ самымъ подчинились начальнику еретической секты, для нихъ ненавистой. Впрочемъ, это оболъщеніе продолжалось не слишкомъ долго. Абиссинцы скоро начали отвергать митрополитовъ, которыхъ присылалъ къ нимъ патріархъ-коптъ. Это извѣстно обо всѣхъ митрополитахъ Абиссинiи, о которыхъ сохранились намъ извѣстія до самаго XIII в. Одни изъ нихъ или сами находили за лучшее бѣжать отъ абиссинцевъ, или насильно свергаемы были съ каѳедры; нѣкоторые были заключаемы въ темницы или замѣняемы были самозванцами. При такомъ поло-

¹⁾ Сальтъ. Voyage to Abyssinia, стр. 466 и далѣе; сравн. Рюппель. Reise in Abyssinien, т. II, стр. 345.

²⁾ Renaudot. Historia patriarcharum alexandrinorum jacobitarum, стр. 286. Парижъ. 1713 г.

женіи дѣлъ, абиссинцы оставались иногда и безъ іерарха¹⁾. Борьба изъ-за нежеланія имѣть у себя коптскихъ іерарховъ продолжалась среди абиссинцевъ до XV в. Въ теченіе этого времени они нѣсколько разъ пытались образовать у себя отдѣльную іерархію, но напрасно. Такъ, одинъ изъ абиссинскихъ государей хотѣлъ было умножить число епископовъ въ своей странѣ, но безуспѣшно обращался съ просьбой объ этомъ къ митрополиту и затѣмъ къ патріарху²⁾. Бывали и такіе примѣры, что сами цари Абиссиніи изъ ревности о благѣ подданныхъ своихъ, по невѣдѣнію, принимали на себя святительскій санъ и исполняли служеніе. Это бывало въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда абиссинцы нуждались не только въ митрополитѣ и епископѣ, но даже въ священникахъ. Причемъ съ устраненіемъ нужды, цари немедленно слагали съ себя святительскій санъ. Отсюда, вѣроятно, произошли сказанія о поцѣ Иванѣ, царствовавшемъ въ Эіюпіи и Индіи, такъ долго занимавшія умы европейцевъ въ средніе вѣка³⁾. Къ коптскому патріарху абиссинцы обращались уже въ крайности, когда недостатокъ священнослужащихъ угрожалъ прекращеніемъ совершенія таинствъ по духу вѣры Христовой. Доказательствомъ этого можетъ служить письмо одного абиссинскаго царя къ еретическому патріарху Александріи: „молю тебя о поставленіи митрополита; ибо въ землѣ моей нѣтъ уже епископовъ. Послѣдніе священники доживаютъ свой вѣкъ, а церкви за недостаткомъ служителей, опустѣли⁴⁾. Впрочемъ, съ XVI в., по извѣстіямъ португальцевъ, проникшихъ въ это время въ Абиссинію, въ ней установилась уже постоянная іерархія, даваемая отъ коптскаго патріарха, живущаго въ Каирѣ. Въ такомъ положеніи абиссинская церковь находится до настоящаго времени. Ревностные изъ абиссинскихъ государей иногда даже требовали отъ епископовъ исповѣданія православныхъ догматовъ. Это извѣстно о недавно умершемъ негусѣ Іоаннѣ, который заставилъ присланныхъ коптскимъ патріархомъ епископовъ-коптовъ поклясться въ томъ, что они будутъ строго держаться греческаго православія. Архіереи поклялись и поцѣловали въ знакъ клятвы крестъ и евангеліе.

Послѣ этого, можно ли обвинить абиссинцевъ въ еретичествѣ? Этотъ народъ, такъ упорно боровшійся и продолжающій бороться съ насиліемъ коптовъ, удержалъ до послѣдняго времени чистоту древняго православія. Онъ примирился съ тѣмъ, что имѣетъ у себя неправославную высшую іерархію, но самъ всегда держится строго православнаго ученія о сынѣ Божіемъ. Евтихіанство существуетъ, правда, въ Абиссиніи, но какъ секта, направленіе, несогласное съ

¹⁾ Ibid. стр. 283, 333, 444, 452, 464, 475, 525, 562.

²⁾ Ibid. стр. 381.

³⁾ Ibid. стр. 338, 510.

⁴⁾ Ibid. стр. 381.

общимъ духомъ народа. Абиссинцы считаютъ позоромъ не быть единомысленными и единовѣрными съ православными греками. Епископу-копту вручается административная власть, но вліянія на духъ народа онъ не смѣетъ имѣть. Высшая іерархія сама по себѣ, а народъ самъ по себѣ. Такъ сложилась церковная жизнь этого обиженного судьбою, но крѣпко вѣрующаго и крѣпко преданнаго истинѣ, воодушевленнаго религіей до глубины сердечной, благочестиваго народа.

Возвратимся снова къ его политической исторіи. Около V в. по Р. Хр. абиссинцы покорили южную Аравію: Іемень сталъ управляться намѣстникомъ аксумскаго царя. Значеніе Абиссиніи отъ этого завоеванія поднялось необыкновенно. Красное море попало всецѣло въ ея руки, такъ что плавающія по немъ суда вносили пошлину въ аксумскую казну. Неудивительно поэтому, что даже римскій императоръ не пренебрегъ союзомъ съ эіопскимъ монархомъ. Юстиніанъ просилъ у него помощи противъ персовъ и получилъ ее. Къ сожалѣнію, сношенія Абиссиніи съ цивилизованнымъ міромъ продолжались недолго. Съ половины VI вѣка о нихъ уже не упоминается въ исторіи.

Седьмой вѣкъ начинается новую эпоху въ исторіи Востока: въ Аравіи появился Магометъ. Мусульманскія завоеванія, внесшія переворотъ въ судьбу восточныхъ народовъ, не прошли безслѣдно и для Абиссиніи. На первыхъ порахъ они лишили ее аравійскихъ владѣній, слѣдовательно, и тѣхъ выгодъ, какія связаны были съ обладаніемъ ими. Часть арабовъ проникла даже за границы самой Абиссиніи, но тяжесть мусульманскаго оружія не коснулась ея. Суданъ оказался предѣльнымъ пунктомъ мусульманскихъ завоеваній. Далѣе возвышались абиссинскія твердыни, оказавшіяся неприступными. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи арабовъ нѣсколько сократили сѣверныя границы Эіопіи, такъ какъ Суданъ былъ ея провинціей. Поселявшіяся въ предѣлахъ Абиссиніи арабскія семьи на первыхъ порахъ вели себя мирно и даже соглашались платить абиссинскому царю дань. Особенно много ихъ поселилось на прибрежной окраинѣ абиссинской страны. Первыми сюда перекочевали Кореишиты изъ племени Бели-Гашемъ. Потомъ стали присоединяться къ нимъ новые и новые переселенцы, образуя среди абиссинской территоріи цѣлую арабскую колонію. Какъ увидимъ ниже, допущеніе этого переселенія было роковою ошибкою со стороны абиссинскихъ владыкъ. Умножившееся впоследствии потомство арабовъ стало лютымъ врагомъ страны, воспитавшей изъ нихъ нѣсколько поколѣній. Возмущенія ихъ кровавыми буквами отмѣтили страницы абиссинской исторіи. Между тѣмъ, пока они умножались и крѣпли, тая нѣсколько вѣковъ злобу противъ пріютившаго ихъ народа, изъ самыхъ нѣдръ Абиссиніи возсталъ другой

врагъ, уже окрѣпшій,—это еврей-фалашане, и произвелъ переворотъ въ судьбѣ страны. Много вѣковъ эти переселенцы жили спокойно въ своихъ горахъ, но когда къ нимъ присоединились новыя толпы соплеменниковъ, бѣжавшихъ изъ Сири и Египта отъ меча мусульманъ, то племя еврейское почувствовало себя настолько сильнымъ, чтобы захватить верховное первенство въ странѣ въ свои руки. До сихъ поръ они были номинально подчинены аксумскому императору, хотя держались постоянно независимо и управлялись своими царями. Благопріятнымъ моментомъ къ рѣшительному возстанію послужилъ, какъ сообщаютъ лѣтописи, бракъ дочери еврейскаго царя съ намѣстникомъ одной изъ сосѣднихъ абиссинскихъ областей. Виновница событія, называемая у однихъ Юдифью, у другихъ—Эсфирью, успѣла составить себѣ сильную партію приверженцевъ въ Абиссиніи и, поощряемая къ смѣлымъ поступкамъ неожиданною смертью абиссинскаго монарха, оставившаго наслѣдникомъ малолѣтняго сына, рѣшилась истребить христіанство и овладѣть всей страной. Чтобы устранить конкурентовъ на монаршій престолъ, она подослала убійцу на скалу—крѣпость Дамо, служившую неприступнымъ мѣстомъ обитанія всего царствующаго дома, и всѣ потомки Менеликова рода были умерщвлены; преданнымъ абиссинцамъ все таки удалось спасти юнаго монарха, послѣднюю отрасль Менеликова рода, и скрыться съ нимъ въ провинціи Шоа. Евреи же, воспользовавшись ужасомъ, наведеннымъ кровавымъ происшествіемъ, безпрепятственно овладѣли столицей. Съ этого момента начинается довольно продолжительный періодъ господства евреевъ и гоненій на христіанъ. Лѣтописи абиссинскія даже не сочли за нужное передавать потомству имена и дѣянія похитителей престола и сдѣлали только одно исключеніе въ пользу Лалибелы, спасеннаго отъ забвенія огромными работами, произведенными въ его царствованіе (въ концѣ XII в.). Природный умъ и гуманные поступки стяжали ему симпатіи въ народѣ. Онъ далъ убѣжище христіанамъ, бѣжавшимъ изъ Египта отъ преслѣдованій мусульманъ; показалъ себя ревностнымъ въ сооруженіи храмовъ, употребивъ на работы искусныхъ каменщиковъ, оказавшихся въ числѣ египетскихъ бѣглецовъ. Храмы его, высѣченные въ горахъ на подобіе пещеръ, сохранились до-нынѣ. Ему приписываютъ еще колоссальныя работы надъ проведеніемъ искусныхъ каналовъ, имѣвшихъ будто бы назначеніе ослабить воды Нила и лишить Египетъ плодотворныхъ наводненій, отсутствіе которыхъ заставило бы мусульманъ удалиться изъ Египта. Слѣды этихъ работъ, не доведенныхъ до конца по случаю смерти Лалибелы, португальцы видѣли по истеченіи четырехъ вѣковъ. Абиссинцы, повидимому, примирились съ господствомъ чуждой династіи, такъ какъ эпоха ея не отмѣчалась какими либо кровавыми стычками; между тѣмъ самъ

собою готовился мирный и неожиданный переходъ престола въ руки законныхъ государей. Заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ одному монаху, по имени Текла-Хайманоту, который былъ воспитателемъ внука Лалибелы. Преданный престолу и ревностный клерикалъ, Текла вздумалъ воспользоваться ролью воспитателя будущаго наследника для задуманныхъ цѣлей. Путь былъ избранъ спокойный и вѣрный. Воспитанникъ и по восшествіи на престолъ продолжалъ подчиняться вліянію своего воспитателя, котораго чрезмѣрно уважалъ. Вдругъ неожиданно Текла убѣждаетъ его отказаться отъ неправонаслѣдованнаго вѣнца въ пользу прямого наследника Иконъ-Амлака, царствовавшаго въ постоянно вѣрной Шоа. Государь согласился, только выговорилъ себѣ богатый удѣлъ, и ради Текла-Хайманота, ставшаго высшимъ духовнымъ сановникомъ (эчагэ), отдѣлилъ третью часть государственныхъ доходовъ въ пользу церкви. Иконъ-Амлакъ согласился на предложенныя условія, но перенесъ свой престолъ изъ Аксума, слишкомъ близкаго къ мятежному Самену, въ Тегулетъ, главный городъ провинці Шоа. Событіе, возвратившее абиссинскій престолъ законнымъ государямъ, случилось въ 1255 г. Къ этому времени какъ разъ успѣли значительно усилиться другіе иноплеменники—арабы, поселившіеся въ VII—VIII вв. въ границахъ Абиссиніи. Пользуясь смутами, раздиравшими страну, они держались въ прибрежныхъ областяхъ совсѣмъ независимо и даже причиняли большія огорченія христіанамъ. Ихъ фанатическія шайки нерѣдко нападали на христіанскія селенія, грабили и жгли дома и церкви и уводили жителей въ плѣнъ. Болѣе же всего оскорбительно для Абиссиніи было то, что Арабы овладѣли приморскою торговлею и умножали свои богатства выгодными оборотами товаровъ, вывозимыхъ изъ Индіи и внутренней Африки. Изъ небольшой, повидимому, горсти мусульманъ образовались черезъ четыре вѣка сильныя и независимыя эмирства: Арабини, Дуаро, Тархи, Авфатъ, Гадіэтъ Адель, Балли и Дара. Абиссинцы не могли хладнокровно смотрѣть на ихъ усиленіе и обладаніе индійскою торговлею, и нетерпѣливо выжидали только случая—отмстить за нарушеніе своихъ правъ. Нужно было выждать момента, когда улягутся смуты внутри государства, и такой моментъ наступилъ черезъ 46 лѣтъ по возстановленіи династіи Менелика (т. е. въ 1301 г.), когда на абиссинскій престолъ вступилъ мужественный и талантливый Амда-Сіонъ, племянникъ Иконъ-Амлака. О ходѣ борьбы, начавшейся съ этихъ поръ между абиссинцами и мусульманами, мы узнаемъ: 1) изъ абиссинскихъ лѣтописей, становящихся теперь болѣе подробными и достовѣрными, и 2) изъ сказаній арабскаго историка Макризы. Въ обоихъ источникахъ, большею частью въ показаніяхъ своихъ совершенно согласныхъ между собою, инициатива непріязненныхъ дѣйствій приписывается Амда-Сіону. Этотъ

государь понялъ, что ему надлежитъ отмстить арабамъ за старыя обиды и что наступилъ благопріятный моментъ для этого, такъ какъ внутренніе раздоры окончательно прекратились и народъ обнаруживалъ преданность престолу. Поводомъ къ началію войны послужило убійство царскаго посла арабами авфатскаго эмирства. Не требуя никакихъ оправданій и вознагражденій, Амда-Сіонъ собираетъ войско, идетъ прямо на столицу эмирства и сожигаетъ по пути нѣсколько торговыхъ городовъ. Нападеніе было такъ неожиданно, что арабы не могли сопротивляться и всецѣло подчинились господству побѣдителей. Амда-Сіонъ обложилъ эмирство данью и поручилъ управленіе имъ своему намѣстнику Сабръ-Эддину, а прежняго эмира увелъ съ собою въ Шоа, какъ плѣнника. Нагруженный военной добычей караванъ, привезъ въ столицу множество золота и отнятыхъ у арабовъ товаровъ. Амда-Сіонъ воспользовался этимъ богатствомъ, чтобы окончательно подкупить себѣ симпатіи народа: добыча была раздѣлена между воинами и духовенствомъ. Проходитъ время, нужное для того, чтобы оправиться отъ пораженія, и арабы не замедлили отомстить за него. Нѣсколько эмирствъ, соединившись вмѣстѣ, составили заговоръ противъ Амда-Сіона. Эмиры: Гадгѣтскій Амано, доварскій Джемаль и новый правитель Авфата Сабръ-Эддинъ, собравъ многочисленный отрядъ, повели его въ христіанскія области, гдѣ не пощадили ни одной хижины, и ни одного ребенка. Местъ была злая и звѣрская. Амда-Сіонъ поспѣшилъ послать противъ Амана отрядъ конницы, который разбилъ на голову мусульманскихъ наѣздниковъ и плѣнилъ самого эмира, а въ это время самъ Амда-Сіонъ велъ главное войско противъ Сабръ-Эддина. Какъ вдругъ принесли ему извѣстіе о возмущеніи фалашей. Не теряя присутствія духа, Амда-Сіонъ, продолжая путь, далъ распоряженіе своему искусному полководцу Цага-Христосъ отдѣлиться и двинуться на встрѣчу евреямъ. Небольшой отрядъ абиссинцевъ загналъ фалашанъ въ горы и поспѣлъ еще на помощь главному войску, дѣйствовавшему противъ Сабръ-Эддина. Абиссинцы одержали полную побѣду, и эмиръ, лишенный союзниковъ и войска, просилъ пощады. Амда-Сіонъ даровалъ ему жизнь и даже хотѣлъ было поручить его брату управленіе всѣми мусульманскими провинціями, но, получивъ извѣстіе объ устроенныхъ арабами засадахъ на пути въ Тегулетъ, нашелъ, что арабы не способны быть друзьями, и въ справедливомъ негодованіи поклялся или истребить мусульманъ, или прогнать ихъ въ Аравію. Оказалось, что арабы задумали утомить христіанское войско непрерывными стычками. Скрывшись въ горахъ, они неожиданно нападали на него обыкновенно ночью, убивали кого могли, и такъ же неожиданно исчезали. Къ этой непріятности присоединилась другая: наступила дождливая пора и связанная съ нею эпидемія.

Христіанское войско изнурилось и стало роптать. Извѣщенные о всеобщемъ неудовольствіи, арабы вознамѣрились нанести рѣшительный ударъ. Воодушевившись предсказаніями нѣкоего вдохновеннаго имама, призывавшаго къ оружію всѣхъ правовѣрныхъ, шестнадцать эмировъ собрали 40.000 войска и выступили въ поле подъ главнымъ предводительствомъ адельскаго эмира. Эта несмѣтная сила двигалась къ берегамъ рѣки Гаваша, гдѣ стояли станомъ изнывшіе, изнуренные воины Амда-Сіона. Самъ царь лежалъ въ лихорадкѣ, когда ему донесли о приближеніи мусульманъ. Въ то же мгновеніе онъ сѣлъ на коня и предсталъ предъ своимъ войскомъ, пришедшимъ въ смятеніе и перепуганнымъ преувеличенными разсказами о числѣ враговъ. Слова монарха успокоили воиновъ и вселили въ нихъ мужество. Онъ не успѣлъ еще окончить рѣчи, какъ въ прибрежной долинѣ заблестали длинныя копья мусульманъ. Амда-Сіонъ первый ринулся на враговъ и его примѣръ воодушевилъ все войско. Не смотря на упорное сопротивленіе, абиссинцы одержали полную побѣду. Непріятели показали тылъ и безпощадно гибли отъ меча преслѣдовавшихъ. Туча непріятельскаго войска разсѣялась, какъ дымъ. Амда-Сіонъ, оставивъ преслѣдованіе, собралъ войско, упоенное удачею, и повелъ его къ главному приморскому городу Зейлѣ. Онъ былъ уже у городскихъ воротъ, какъ въ тылу его войска показались несмѣтныя толпы мусульманъ. Христіане изумились, увидя новаго врага. Это шло цѣлое народонаселеніе арабской области, возставшее поголовно: старики, женщины, дѣти—все вооружилось, все шло или отомстить за смерть своихъ кровныхъ, или пасть на полѣ битвы. Произошла безпримѣрная свалка, въ которой вооруженные дубинами и камнями старики и женщины боролись на смерть съ остервенѣвшимъ отъ злобы войскомъ. Ряды невиданной арміи рѣдѣли ежеминутно, сваливаясь на кучу и образуя груды тѣлъ, умиравшихъ безъ стона. Это была какая то дикая стычка. Гибель цѣлаго народа. Никогда еще христіанамъ не доставалась побѣда такою дорогою цѣною. Цѣлая область опустѣла, и побѣдители dokonчили мрачную картину ея полнымъ опустошеніемъ всего, что было создано потребностями павшаго народа: мечети были сломаны, деревни сожжены, нивы потоптаны конскими копытами, стада угнаны внутрь страны. Амда-Сіонъ, обремененный огромной добычей, съ торжествомъ возвратился въ Шоа. Онъ умеръ въ 1331 году.

О періодѣ времени, обнимавшемъ собою царствованіе 9 преемниковъ Амда-Сіона, изъ лѣтописей абиссинскихъ мы ничего не узнаемъ, кромѣ собственныхъ именъ и чиселъ, а между тѣмъ онъ чреватъ былъ крупными событіями, о которыхъ можно судить лишь изъ исторіи Зейльскихъ арабовъ, тѣсно связанной съ исторіей Абиссиніи и записанной Макриси. Оказывается, что арабы еще не

совсѣмъ сдались и по смерти Амда-Сіона не одинъ разъ тревожили Абиссинію. Даже сынъ Амда-Сіона Сейфъ-Арадъ принужденъ былъ нѣсколько разъ подавлять возмущенія ихъ. Въ слѣдующее затѣмъ царствованіе Давида въ авфатскомъ эмиратѣ появился герой, Саадъ-Эддинъ, возстановившій на время независимость арабскихъ областей отъ Абиссиніи. Макриси приписываетъ ему баснословные подвиги. Однажды, на примѣръ, Саадъ-Эддинъ съ 72 всадниками обратилъ въ бѣгство цѣлое абиссинское войско. Въ другой разъ мы видимъ его поражающимъ отрядъ абиссинцевъ, въ десять разъ превосходящій численностью мусульманъ. Это случилось въ области Бали: десять абиссинскихъ вождей предводительствовали каждый 10.000 воиновъ, а дружина Саадъ-Эддина едва равнялась одному изъ этихъ отрядовъ. Оба войска сошлись во время полуденной молитвы, предписанной Магометомъ. Саадъ-Эддинъ сходитъ съ коня и ложится на землю; воины слѣдуютъ его примѣру; песокъ пустыни замѣняетъ имъ воду, потребную для омовенія. По совершеніи обряда, эмиръ громкимъ голосомъ призываетъ на помощь небо, садится на коня и устремляется на враговъ. „Столько пало абиссинцевъ въ этой битвѣ“, присовокупляетъ Макриси, „что даже и теперь путешественники, проходящіе долину побоища, ступаютъ по сплошному помосту изъ костей“. Но счастье не всегда благопріятствовало храброму Саадъ-Эддину. Малочисленный отрядъ его сокращался болѣе и болѣе частыми стычками съ абиссинскимъ войскомъ. Въ концѣ концовъ онъ принужденъ былъ уступить предъ натискомъ многочисленнаго войска, собраннаго негусомъ Давидомъ, и затворился въ Зеилѣ. Послѣ трехдневной осады абиссинцы вступили въ городъ, гдѣ встрѣтили упорное сопротивленіе горсти мусульманъ, порѣшившихъ не сдаваться безъ бою. Самъ эмиръ, изнуренный голодомъ и жаждой, сражался, какъ левъ, но раненный въ лобъ, упалъ навзничъ и былъ пронзенъ копьями. Умирая, онъ глядѣлъ на своихъ враговъ съ презрительной усмѣшкой. Давидъ умеръ черезъ годъ, въ 1401 г., передавъ престолъ сыну своему Θεодору, царствовавшему не болѣе года.

Въ царствованіе брата Θεодора Исаака, по словамъ Макриси, наступила блестящая эпоха Абиссиніи. Въ ея государственной жизни произошли въ это время важныя реформы и улучшенія, благодаря, съ одной стороны, переселенію изъ Египта нѣсколькихъ мамелюковъ, а съ другой—стараніями одного копта по имени Фахръ-Эль-Даулета. Мамелюки улучшили вооруженіе абиссинскаго войска, замѣнивъ прежніе дротики копьями, мечами и панцырями, устроили обширные арсеналы, ввели въ употребленіе осадныя машины и извѣстный греческій огонь. Фахръ-Эль-Даулетъ, обладавшій блестящими способностями, вскорѣ по прибытіи въ Абиссинію, вошелъ въ полное довѣріе негуса Исаака. Онъ взялся улучшить государ-

ственный строй, администрацію, составилъ кодексъ законовъ и т. п. Его трудами Абиссинія стала благоустроеннымъ царствомъ. По мысли Даулета, составленъ былъ царскій совѣтъ (ликаонтъ) изъ абиссинскихъ сановниковъ, опредѣленъ штатъ государственныхъ должностей, приведены въ систему государственные доходы и взиманіе податей. Но занимаясь общимъ преобразованиемъ и устройствомъ государства, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращалъ вниманіе и на частности: покровительствовалъ художествамъ и ремесламъ, усиливалъ торговлю и промышленность. Подъ руководствомъ Даулета, Исаакъ устроилъ во дворцѣ роскошныя помѣщенія, обставилъ себя пышностью и великолѣпіемъ по образцу государей цивилизованныхъ странъ. Къ концу царствованія Исаака, спокойствіе Абиссиніи было снова нарушено мусульманами, которые, при помощи вызванныхъ изъ Аравіи одноземцевъ, начали тревожить частыми набѣгами абиссинскія области. Исаакъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ эмира Мансуро, одного изъ сыновей Саадъ-Эддина, но братъ плѣнника Джемаль-Эддинъ принялъ начальство надъ мусульманами и продолжалъ войну. Мужество его встрѣчало отпоръ въ не менѣе храбромъ соперникѣ—Исаакѣ, но смерть послѣдняго дала полный просторъ успѣхамъ мусульманскаго оружія. Сынъ Исаака Андрасъ, царствовавшій только четыре мѣсяца, и три его преемника, извѣстные изъ лѣтописей только по именамъ, были слабыми врагами Джемала. Этотъ эмиръ, превозносимый арабскими историками до небесъ за свое мужество, съ своимъ искуснымъ полководцемъ Харбъ-Джоутомъ, покорили и разорили нѣсколько абиссинскихъ областей. Если вѣрить Макриси, походы Джемаль-Эддина на Абиссинію были такъ удачны, что Индія, Іемень, Египеть, Сирія и Персія наполнились абиссинскими плѣнниками, проданными въ неволю.

Въ XV столѣтіи въ первый разъ завязываются сношенія Абиссиніи съ Европейцами. Въ 1439 г. во Флоренціи состоялся большой соборъ, на который прибыло много представителей отъ разныхъ странъ. Между прочимъ, двѣ личности обратили на себя всеобщее вниманіе присутствовавшихъ на соборѣ. Это были два инока изъ абиссинскаго монастыря, издавна основаннаго въ Іерусалимѣ. Они явились въ качествѣ уполномоченныхъ отъ абиссинской церкви, по повелѣнію императора Зара-Іакова, желавшаго предложить на соборѣ нѣсколько интересовавшихъ его религіозныхъ вопросовъ. Европейцы съ любопытствомъ разспрашивали иноковъ объ ихъ странѣ и пришли къ убѣжденію, что она есть то самое царство священника Іоанна, о которомъ съ XII в. появились темные преувеличенные рассказы. Спустя полъ вѣка послѣ флорентинскаго собора нога европейцевъ впервые вступила на почву Абиссиніи. Честь перваго прибытія въ эту страну принадлежитъ португальцамъ. Предпримчивый король Іоаннь, желая доставить всевозмож-

ныя пособія своимъ мореплавателямъ, огибавшимъ берега Африки, рѣшился отправить посольство къ мнимому священнику Іоанну. Петръ Ковильгамъ и Альфонсъ-де-Пеиръ были избраны послами, съ порученіемъ, разузнавъ въ Александріи о мѣстопробываніи священника Іоанна, достигнуть его владѣній и предложить союзъ португальскаго монарха. Послы прибыли въ Каиръ, послѣ въ Суецъ, гдѣ Пеиръ умеръ. Въ концѣ 1430 года Ковильгамъ достигъ эфіопскихъ городовъ. Императоръ Секундеръ, внукъ Зара-Іакова, съ честью принялъ его. Ковильгамъ вошелъ въ полное довѣріе абиссинскихъ правителей и склонялъ ихъ къ отправленію торжественнаго посольства въ Португалію. Хотя его старанія не увѣнчались успѣхомъ, однако-же, ему удалось доставить португальскому королю всѣ нужныя свѣдѣнія черезъ посредство караванныхъ купцовъ, отправлявшихся въ Египетъ. Самъ Ковильгамъ остался въ Абиссиніи и не видѣлъ болѣе Европы, можетъ быть, потому, что туземный обычай не позволялъ чужеземцамъ выѣзда изъ Абиссиніи. Со времени сношенія Европейцевъ съ Абиссиніей исторія ея получаетъ болѣе достовѣрности, такъ какъ о ней мы узнаемъ уже не изъ туземныхъ источниковъ, а изъ сообщеній путешественниковъ. Мы видимъ, что послѣ Наода, наслѣдовавшаго Секундеру и выдержавшаго нѣсколько стычекъ съ арабами, въ царствованіе одиннадцатилѣтняго Давида, Абиссинія объята была ужасомъ отъ нашествія новыхъ враговъ—турокъ. Янычары придвинулись къ Абиссиніи съ сѣвера, со стороны занятой ими Нубіи, и съ востока, съ прибрежной стороны, гдѣ они покорили себѣ арабскія области и разставили свои гарнизоны. Селимъ I владѣлъ громаднымъ флотомъ, покрывшимъ все Красное море. Гулъ пушекъ и ружей, пороховые снаряды, артиллерія, — все это невиданное дотолѣ, повергло въ отчаяніе туземцевъ Абиссиніи и предвѣщало бѣду. Въ это именно время абиссинцы догадались воспользоваться недавно предложеннымъ союзомъ западнаго монарха, о могуществѣ котораго такъ много рассказывалъ Ковильгамъ. Бабка Давида Елена, управлявшая во время его малолѣтства государствомъ, составила письмо къ португальскому королю съ предложеніемъ союза противъ мусульманъ. Тогда находился при абиссинскомъ дворѣ армянскій купецъ по имени Матѳей, который много путешествовалъ по Индіи, имѣлъ сношенія съ португальцами и зналъ ихъ языкъ. Матѳею поручено было доставить письмо въ Лиссабонъ. Послѣ трехъ лѣтъ путешествія, сопряженнаго со многими препятствіями и неудачами, онъ прибылъ въ столицу Португаліи и вручилъ королю Еммануилу письмо Елены. Предложеніе ея встрѣтило живѣйшее участіе въ средѣ португальцевъ; немедленно снаряжено было въ Абиссинію торжественное посольство во главѣ съ дономъ-Родригомъ-де-Лима. 6 апрѣля 1520 года оно прибыло въ абиссинскую гавань Массова

и было съ радостью привѣтствуемо абиссинцами. Послѣ шестилѣтняго пребыванія, посольство отъѣхало изъ Абиссиніи, а черезъ 12 лѣтъ прибыло новое. Въ теченіе этого времени надъ Абиссиніей разразилась гроза. Магометъ-Лѣвша, эмиръ Зеилы, пригласивъ къ себѣ на помощь турокъ, вторгнулся въ Абиссинію, разбилъ христіанское войско и овладѣлъ лучшими провинціями Имперіи. Въ областяхъ Амхарѣ и Тигре были сожжены всѣ церкви и всѣ жители отведены въ неволю. Городъ Аксумъ былъ разоренъ; древніе его памятники разрушены; члены царственнаго дома, укрывавшіеся на скалѣ Амба Геемнъ, преданы смерти. Давидъ принужденъ былъ бѣжать въ горы и умеръ отъ нищеты и горя, оставивъ своему преемнику Клавдію нѣсколько голыхъ скалъ и горсть воиновъ. Къ счастью для Абиссиніи, Клавдій оказался мудрымъ и смѣлымъ правителемъ; онъ сумѣлъ поддержать мужество своей небольшой дружины и съ ней отстаивалъ до послѣднихъ усилій натискъ враговъ, пока подоспѣли на помощь португальцы въ количествѣ 400 человекъ, подъ предводительствомъ Христофора-де-Гамы. Превосходство европейцевъ въ воинскомъ искусствѣ дало себя знать. Мусульмане скоро увидѣли, что многочисленностью и мужествомъ не устоятъ противъ этой небольшой горсти солдатъ, дѣйствовавшихъ, какъ аппаратъ. Даже гибель вождя не произвела никакой перемѣны въ регулярныхъ движеніяхъ португальцевъ. Они заставили мусульманъ очистить Абиссинію и, чтобы покончить съ врагомъ, убили ихъ героя Магомета-Лѣвшу. Не къ чести спасителей нужно сказать, что они хотѣли окупить свою услугу Абиссиніи дорогою цѣной. Навивные абиссинцы, не знавшіе, какъ отблагодарить своихъ избавителей, готовы были на все. Между тѣмъ португальцы оказались настолько, повидимому, безкорыстными, что не требовали никакого матеріальнаго вознагражденія, а только... признанія власти папы. Это требованіе было положительно странною новостью для абиссинцевъ. Что значитъ признать власть папы? Да и зачѣмъ имъ это дѣлать, если у нихъ есть свой патріархъ?—Такіе и подобные вопросы стали волновать умы абиссинцевъ. Все-таки чувство благодарности и преданности народу, оказавшему отечеству великую услугу, побуждало абиссинцевъ отнестись серьезнѣе и внимательнѣе къ требованію португальцевъ. Отсюда проистекли многочисленные религіозные споры и толки, и слабые преемники Клавдія не могли разрѣшить ихъ ни въ пользу своего духовенства, отстаивавшаго старыя традиціи, ни въ пользу союзниковъ.

Пока шли споры по поводу предложенія португальцевъ, какъ ревностныхъ католиковъ,—не забывшихъ свое—*ad majorem gloriam Dei*, Абиссинія была возмущена насиліями новыхъ враговъ, неупоминаемыхъ еще до сихъ поръ въ абиссинскихъ лѣтописяхъ,—Галласовъ, безчисленныя толпы которыхъ, еще съ половины XV сто-

лѣтія, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія населенія или по причинамъ политическимъ, вышли изъ возвышенныхъ странъ центральной Аѳрики и спустились по Нилу внизъ. Галласы принадлежатъ къ кочующимъ племенамъ полуденной Аѳрики, имѣютъ черный цвѣтъ кожи и прямые волосы, отличающіе ихъ отъ негровъ. Одинъ внѣшній видъ ихъ, обнаруживавшій кровожадность и дикость, наводилъ ужасъ на всѣхъ. Они двигались цѣлымъ народонаселеніемъ, съ дѣтьми и женами, причемъ послѣднія не уступали въ храбрости и ловкости мужчинамъ. Раздѣленные на многочисленныя племена, не имѣвшія ничего общаго, кромѣ языка, Галласы повиновались вождямъ, которыхъ избирали изъ среды лучшихъ воиновъ. У нихъ видны были слабыя слѣды религіи въ существованіи жрецовъ-фанатиковъ, игравшихъ роль предвѣщателей, судившихъ объ исходѣ предпріятія по внутренностямъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву подъ священнымъ деревомъ. Внутренности животныхъ, пресказывавшія успѣхъ, предвѣщатели привязывали къ своимъ затылкамъ и такъ отправлялись въ путь. Въ палаткахъ своихъ галласкіе вожди развѣшивали члены разсѣченныхъ непріятельскихъ тѣлъ, какъ воинскіе трофеи. Всѣ мужчины и женщины были почти нагія, имѣли на головѣ заплетенныя косички, обмазанныя жиромъ. Оружіемъ Галласамъ служила палка, заостренная съ одного конца, обожженаго въ огнѣ и отравленнаго ядомъ. Довольствуясь самою скудною и грубою пищею, не зная усталости, они прокрадывались въ абиссинскія области непроходимыми лѣсами и горными тропинками, терпѣливо выжидали удобнаго случая и бросались съ свирѣпымъ крикомъ на первое селеніе, на первый городокъ. Дома предавались пламени, а жители погибали поголовно. Абиссинцамъ пришлось выдержать съ галласами долговременную и кровавую борьбу. Ихъ легко было прогонять, но покорить совсѣмъ не было никакой возможности. Негусъ Сердза-Денгель безъ большаго урона отразилъ ихъ первый набѣгъ. Но въ то же время Абиссинія понесла незамѣнимую утрату прибрежной части своей: турки овладѣли портомъ Массуа. Потеря этого важнаго пункта затруднила сообщеніе съ Европой и на долгое время прекратила всякія сношенія. Только въ началѣ XVI столѣтія удалось одному отважному миссіонеру проникнуть въ Абиссинію. Имя его было Петръ Паесъ. Благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ и обладанію обширными познаніями, онъ скоро пріобрѣлъ въ Абиссиніи славу ученаго и всеобщія симпатіи. Изучивъ въ совершенствѣ геезскій языкъ, Паесъ занялся воспитаніемъ молодыхъ людей. Въ это время царствовалъ За-Денгель, племянникъ и преемникъ Сердза-Денгеля. Услыхавъ объ учености Паеса, За-Денгель потребовалъ его ко двору. Въ присутствіи торжественнаго собранія Паесъ является предъ лицомъ негуса и произноситъ на геезскомъ языкѣ

проповѣдь. Монархъ былъ такъ увлеченъ ею, что тутъ же далъ обѣщаніе принять католицизмъ. Однако, его намѣренію воспрепятствовали вельможи и народъ: вспыхнуло возмущеніе и За-Денгель погибъ въ одной изъ битвъ. Такъ окончилась первая попытка къ окатоличенію Абиссиніи. Къ сожалѣнію, судьба ея не послужила урокомъ для послѣдующихъ временъ. Преемникъ За-Денгеля Социніосъ, достигшій престола и единоподержавіа послѣ побѣды надъ другимъ претендентомъ Іаковомъ, оказался тѣхъ же мыслей и намѣреній, какихъ былъ За-Денгель, чѣмъ обязанъ былъ навѣтамъ того же Паэса. Планъ дѣйствій новаго императора былъ всецѣлымъ выраженіемъ намѣреній Паэса. Миссіонеръ убѣдилъ Социніоса вѣнчаться на царство въ Аксумѣ по древнему обычаю предковъ, вышедшему было изъ употребленія. Во время церемоніи, въ торжественную минуту, наступившую послѣ священныхъ дѣйствій помазанія мѣромъ и возложенія короны, Социніосъ вдругъ объявилъ свою волю—принять католицизмъ. Паэсъ, уполномоченный исполнить царскую волю, дѣятельно принялся за обращеніе населенія въ новую вѣру; но онъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Извѣщенный объ абиссинскихъ событіяхъ, Римъ торжественно отпраздновалъ присоединеніе къ католической церкви новой націи. Въ эіопскіе патріархи папа рукоположилъ Альфонса Мендеза, который не замедлилъ прибыть въ Аксумъ и принять въ свои руки высшее управленіе абиссинскою церковью. По повелѣнію новаго патріарха, тотчасъ же по прибытіи его, объявлена была повсемѣстная присяга папѣ и обнародованъ манифестъ, воспрещавшій богослуженію по правиламъ греческой церкви. Самъ Социніосъ торжественно поклялся въ вѣрности престолу апостола Петра. Пока народъ, смущенный неожиданностью событій, шелъ покорно вслѣдъ за своими повелителями, Мендезь успѣлъ захватить въ свои руки всю духовную и свѣтскую власть и сталъ дѣйствовать почти неограниченно. Католицизмъ сталъ распространяться въ Абиссиніи быстро и успѣшно. Какъ вдругъ абиссинское духовенство, непоколебимо вѣрное православной Восточной Церкви, разрѣшило народъ отъ присяги и междоусобная война охватила все государство. Возсталъ городъ на городъ. Въ семьѣ родные убивали друга друга изъ-за различія религіозныхъ убѣжденій. Социніосу, съ помощью португальцевъ и приверженцевъ новой вѣры, удалось кое-какъ усмирить первое возстаніе, но какъ только насильственные дѣйствія прекратились, возмущеніе, какъ пламя, вспыхнуло вновь, еще съ большею силою; за первымъ возстаніемъ послѣдовали другія. Воспользовавшись этимъ междоусобіемъ, галласы овладѣли лучшими провинціями Абиссиніи. На этотъ разъ они не ограничились набѣгами, а прочно засѣли въ покоренныхъ областяхъ и стали, такимъ образомъ, частью народонаселенія Абиссиніи. Социніосъ не

оказаль сопротивленія галласамъ и далъ имъ полную возможность укрѣпиться въ странѣ. Въ состояніи осѣдлости, они скоро подчинились культурному вліянію абиссинцевъ и усвоили ихъ языкъ, нравы и обычаи.

Скоро Социніосъ сталъ раскаяваться въ своей излишней преданности къ католицизму. Послѣ одной изъ побѣдъ его надъ противной партіей, сынъ его Фацилидосъ, на самомъ полѣ битвы, осыпаль отца горькими упреками. „Эти трупы“, сказалъ юноша, „не трупы язычниковъ или мусульманъ, а трупы христіанъ, твоихъ подданныхъ, твоихъ соотечественниковъ, твоихъ братій. Сколько людей погубили наши религіозные споры. Сколько людей должно еще погибнуть, если ты будешь настаивать, чтобы абиссинцы жгли фиміамъ у новыхъ алтарей“. Тронутый печальнымъ зрѣлищемъ и словами сына, императоръ обнародоваль эдиктъ: „мы хотѣли принять римскую религію, считая ее за лучшую; но многіе наши подданные погибли въ противоборствѣ съ нею: возвращаемъ дѣтямъ вѣру ихъ отцовъ. Да поклоняются они Господу, какъ прежде поклонялись, и да будутъ счастливы. Что касается до насъ, мы изнурены старостью и заботами: вѣнецъ тяготитъ нашу голову и мы слагаемъ его на голову нашего сына“. Эта прокламація была обнародована 14 іюня 1632 года, а 7 сентября Социніосъ умеръ. Фацилидосъ, тотчасъ по вступленіи на престоль, ревностно занялся усмирениемъ государства и съ этою цѣлью изгналь изъ своей страны всѣхъ католическихъ миссіонеровъ. Чтобы вполнѣ оградить себя отъ вліянія католицизма, пустившаго корни при старомъ дворѣ, юный монархъ перенесъ столицу въ Гондаръ. Съ этихъ поръ Абиссинія становится для европейцевъ трудно доступною страной. Раздоры и бѣдствія, терзавшія страну вслѣдствіе притязаній католическихъ миссіонеровъ, поселили въ сердца абиссинцевъ непримиримую вражду къ народамъ западной Европы. Католики стали такъ же ненавистны въ Абиссиніи, какъ и мусульмане, если не болѣе. Абиссинецъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ даже помолиться предъ иконою католическаго происхожденія или ступить за порогъ костела.

Судьба Абиссиніи въ царствованіе нѣсколькихъ преемниковъ Фацилидоса покрыта мракомъ неизвѣстности. Въ теченіе цѣлаго столѣтія объ Абиссиніи нигдѣ не упоминается, если не считать краткаго сообщенія французскаго врача Понсе, посѣтившаго Абиссинію въ концѣ XVII вѣка, по приглашенію императора Язуса, нуждавшагося въ врачебной помощи противъ проказы. Отъ Понсе мы узнаемъ, что Абиссинія, во время его пребыванія, наслаждалась спокойствіемъ и миромъ, что Язусъ съ успѣхомъ останавливаль пощитки галласовъ вторгнуться въ абиссинскія провинціи и обнаруживаль рѣдкую заботливость, какъ о благѣ подданныхъ, такъ,

особенно, объ участи своихъ родственниковъ, пребывавшихъ на скалѣ Вахне, чѣмъ пріобрѣлъ симпатіи и преданность народа.

Съ половины XVIII столѣтія въ Абиссиніи начинается переворотъ, существенно измѣнившій ея политическую фیزیономію и повергнувшій ее надолго во всѣ ужасы анархіи. Онъ подготовлялся всею предшествовавшею исторіею Абиссиніи и являлся, такъ сказать, естественнымъ плодомъ политическаго склада страны, по которому власть императора постоянно ограничивалась вліяніемъ знатныхъ вассаловъ и бароновъ, жившихъ обыкновенно почти независимо въ своихъ областяхъ. Эти вассалы и бароны, въ отдѣльности каждый, не представляли опасной силы для негуса, бывшаго всегда болѣе богатымъ и сильнымъ въ сравненіи съ ними; но союзъ ихъ могъ легко пошатнуть его власть. Требовался только поводъ, который могъ бы вызвать неудовольствіе ихъ противъ сюзерена и побудить соединиться вмѣстѣ противъ него. Разъ такой поводъ представился, неминуемо должны были послѣдовать возмущенія, а затѣмъ и междоусобія среди самихъ союзниковъ. Это именно случилось въ Абиссиніи. О ходѣ революціоннаго движенія мы можемъ прослѣдить только въ отрывкахъ, составленныхъ рѣдкими путешественниками, посѣтившими въ то время Абиссинію *). Начало его относится ко времени царствованія Язуса II, который своимъ бракомъ на галласкѣ и приверженностью къ католицизму, возбудилъ общее неудовольствіе. Сынъ его Иоасъ, раздавшій высшія должности галласамъ, своимъ родственникамъ, подалъ первый поводъ къ внутреннимъ раздорамъ, повергнувшимъ имперію въ совершенное разстройство. Среди возмущеній сумѣлъ выдвинуться хитрый и често-

*) Въ 1750 году пріѣзжали въ Абиссинію францисканцы Ромедіо, Мартинъ Богемскій и Антоніо Алепскій, а черезъ 19 лѣтъ—шотландецъ Н. Брюсъ, путешествовавшій для открытія источниковъ Нила. Онъ пробылъ въ Абиссиніи два года. Послѣ Брюса долгое время никто изъ европейцевъ не бывалъ въ этой странѣ. Лишь въ началѣ настоящаго столѣтія туда путешествовалъ Сальтъ, посѣтившій Абиссинію два раза: въ 1805 и въ 1810 г. Второй разъ онъ ѣздилъ по порученію англійскаго правительства, намѣревавшася вступить въ торговыя сношенія съ Абиссиніей, но междоусобныя войны, раздиравшія ее въ то время, помѣшали Сальту достигнуть цѣли. По его отъѣздѣ, остался одинъ изъ его спутниковъ, по имени Коффанъ, который, вмѣстѣ съ Пирсомъ, другимъ спутникомъ Сальта, прибывшимъ въ Абиссинію еще въ 1805 году, собралъ кое-какія свѣдѣнія о современномъ имъ состояніи Абиссиніи. Въ 1829 году, 22 октября, прибылъ въ Абиссинію Самуиль Гобатъ, посланный лондонскимъ библейскимъ обществомъ для проповѣди Евангелія и распространенія священныя книгъ. Старанія Гобата и его сподвижника Христіана Куглера были такъ же безуспѣшны, какъ и попытки католическихъ миссіонеровъ: абиссинцы остались непоколебимыми въ прежнихъ догматахъ вѣры. Черезъ два года Куглеръ умеръ, и Гобатъ рѣшился возвратиться въ Европу для приглашенія новыхъ ревнителей евангельской проповѣди. При отъѣздѣ онъ встрѣтилъ франкфуртскаго путешественника Рюппеля, изслѣдовавшаго тщательно естественныя богатства и географическое положеніе Абиссиніи. Послѣ него побывалъ здѣсь англійскій путешественникъ Паркинсъ, обогатившій исторію страны новыми свѣдѣніями. Въ послѣднее время посѣщенія Абиссиніи европейцами сдѣлались болѣе частыми, особенно со времени занятія итальянцами порта—Массовы.

любивый правитель Тигре, расъ (князь или баронъ) Михаилъ. Не останавливавшійся ни на какихъ препятствіяхъ Михаилъ измѣнически умертвилъ довѣрившагося ему Иоаса, избралъ преемникомъ ему дряхлаго старца, вскорѣ умершаго, и на этихъ двухъ трупахъ утвердилъ свое могущество. Пользуясь малолѣтствомъ 15-лѣтняго Текла-Хайманота, ставшаго негусомъ по смерти двухъ своихъ предшественниковъ, Михаилъ захватилъ въ свои руки всю власть и дѣйствовалъ неограниченно. Стараясь оградить себя отъ галласскихъ вождей, занимавшихъ важныя должности, онъ заключилъ дружбу съ правителемъ Бегемедера, выдавъ за него свою внучку; но посреди брачныхъ торжествъ, устроенныхъ въ Гондарѣ, состоялся заговоръ, въ которомъ принялъ участіе самъ зять раса. Не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, Михаилъ бѣжалъ въ Тигре, а заговорщики овладѣли Гондаромъ. Впрочемъ, расъ Михаилъ вскорѣ вытѣснилъ изъ столицы галласскихъ вождей и восторжествовалъ надъ ними, но это торжество было ознаменовано кровавыми сценами: воины раса умерщвляли всякаго, на кого падало малѣйшее подозрѣніе въ принадлежности къ галласскому заговору. По словамъ Брюса, бывшаго въ то время въ Гондарѣ, трупы кучами валялись на улицахъ и привлекали съ ближайшихъ горъ стаи гіенъ, которыхъ вой былъ менѣе ужасенъ, чѣмъ свирѣпыя крики толпы, опьянѣвшей отъ крови. Такая жестокость не осталась безнаказанною: галласскіе вожди собрали войско, разбили раса Михаила и овладѣли особою Текла-Хайманота. Михаилу не удалось болѣе воротить себѣ прежнее положеніе неограниченнаго повелителя и онъ вскорѣ умеръ отъ горя и нищеты въ одной изъ тигрейскихъ провинцій. Послѣ Текла-Хайманота на абиссинскомъ престолѣ смѣнилось нѣсколько императоровъ, власть которыхъ сдѣлалась номинальною. Расы, въ противоборствѣ другъ съ другомъ, стремились, то одинъ, то другой, подчинить себѣ особу императора, чѣмъ еще болѣе ускорили распаденіе имперіи на части. Изъ расовъ того времени заслуживаетъ упоминанія Велледъ-Селласе, правитель Тигре. Въ его правленіе галласы устроили заговоръ съ цѣлью овладѣть городами Тигре. Велледъ-Селласе, предупрежденный во время объ этомъ, немедленно собралъ 30.000 воиновъ, изъ которыхъ 8.000 были вооружены фитильными мушкетами. Давно уже Абиссинія не видала такого значительнаго войска. Ему слѣдовало отразить отрядъ въ 40.000 человѣкъ. Не смотря на численное превосходство и мужество вождя, галласы потерпѣли полное пораженіе, оставивъ на полѣ битвы до 2.000 труповъ. Велледъ-Селласе послѣ этой побѣды сдѣлался правителемъ всѣхъ областей, лежавшихъ на востокъ отъ р. Такаце, и возвелъ на абиссинскій престолъ, съ помощью Годжамскаго правителя Гуксо, Ато-Эгуала. Расъ и Гуксо находились нѣкоторое время въ дружественныхъ отношеніяхъ, но потомъ поссорились по

поводу какого-то религіознаго вопроса, и междоусобная война снова возгорѣлась. Белледъ-Селласе успѣлъ окончить ее и умеръ въ тишинѣ въ 1816 году. Смерть его, скрываемаѣ нѣсколько времени, подала поводъ къ новымъ смутамъ, терзавшимъ Абиссинію въ теченіе двухъ лѣтъ. Закончились онѣ лишь тогда, когда тигрейскимъ правителемъ и расомъ сдѣлался Сабагадисъ, молодой человекъ, обладавшій большимъ умомъ и испытанною храбростію. Негусомъ въ то время былъ 86-лѣтній старецъ Гигара, преемникъ своего брата Тоаса. Гигара не имѣлъ никакой власти, не только надъ имперіей, но даже надъ городомъ Гондаромъ, въ которомъ жилъ скудными приношеніями раса и губернаторовъ. Гондаръ при немъ представлялъ жалкую картину безначалія: на улицахъ происходили беспорядки и испуганные жители укрывались въ храмахъ. Распаденіе имперіи, начавшееся съ 1750 года, въ царствованіе Гигара закончилось вполнѣ. Провинція Тигре, управляемая Сабагадисомъ, была самостоятельнымъ государствомъ, въ независимой Амхарѣ правилъ Маріе, сынъ Гуксо; самостоятельнымъ правителемъ Самена былъ Убіе. Шоа также составляла отдѣльное государство и въ ней уже 18 лѣтъ царствовалъ Захеля-Селласе — правитель мудрый и храбрый, распространившій предѣлы своихъ владѣній и покорившій нѣсколько племенъ галласовъ, которыя приняли христіанскую вѣру. Въ 1831 году Сабагадисъ былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ галласами; Маріе также погибъ въ одной изъ битвъ, и ихъ смерть повергла Абиссинію во всѣ ужасы анархіи. Послѣ Сабагадиса государствомъ Тигре управляли сыновья его, выдержавшіе предъ тѣмъ упорную борьбу съ правителемъ Самена-Убіе. Убитаго Маріе, смѣнилъ его братъ Дори, а послѣ его смерти Али-Маріе, внукъ Гуксо. Этотъ Али-Маріе принялъ титулъ ахмарскаго раса, низложилъ съ престола Гигара и возвелъ Гавре-Христоса, котораго вскорѣ смѣнилъ новымъ негусомъ. Ахмара была сильнѣе другихъ провинцій: ей не доставало только искуснаго и храбраго правителя, который сумѣлъ бы подчинить себѣ остальныхъ соперниковъ. Такой человекъ нашелся въ лицѣ дедчачъ-Каса, племянника дембейскаго губернатора. Будучи еще молодымъ человекомъ, Каса сталъ извѣстенъ амхарскому расу Маріе и вошелъ въ его расположеніе. Немного спустя, расъ выдалъ за него свою дочь, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ вліятельнымъ лицомъ въ правительственномъ кружкѣ Ахмары. Каса успѣлъ составить себѣ сильную партію, съ помощью ея напалъ на своего дядю, дембейскаго правителя, разбилъ его и овладѣлъ Дембеей. Такой поступокъ возбудилъ негодованіе раса, который взялся наказать зятя за безпокойный нравъ, но потерпѣлъ пораженіе и самъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Каса овладѣлъ всей Амхарой (1853 г.) и съ этихъ поръ сталъ грозою прочихъ правителей. Счастье благопріятствовало ему. За-

давши мыслью подчинить себѣ всю Абиссинію, онъ сталъ вѣрно и обдуманно направлять къ этой цѣли свои дѣйствія и осуществилъ свой планъ до конца. Первымъ дѣломъ ему необходимо было сблизиться съ митрополитомъ (абуней), который былъ очень вліятельнымъ лицомъ въ Абиссиніи, особенно во времена раздоровъ, когда онъ являлся единственнымъ объединителемъ всего христіанскаго населенія страны. Абуна жилъ въ тигрейскомъ городѣ Адуа, т. е. во владѣніяхъ Убіе. Въ этой провинціи проживало много католиковъ и самъ правитель былъ приверженъ къ католицизму, почему относился къ митрополиту съ пренебреженіемъ. Каса сталъ уговаривать митрополита переселиться въ Гондаръ, и тотъ согласился, потребовавъ предварительно изгнанія изъ города католическихъ миссіонеровъ. Дружбой съ митрополитомъ Каса достигъ уваженія и преданности народа, а этого только ему не доставало. Привлекши къ себѣ массу вооруженныхъ силъ, Каса двинулся прямо на Тигре. Послѣ Амхары это была вторая значительная провинція. Покорить ее было нелегко, но къ счастію для Каса въ числѣ тигрейцевъ было много недовольныхъ правителемъ Убіе, которые перешли на сторону амхарскаго раса. Дружина Убіе проиграла сраженіе и самъ правитель сдѣлался плѣнникомъ Каса. Послѣ этой побѣды Каса провозгласилъ себя Эіопскимъ негусомъ и назвался Теодоросомъ, именемъ, съ которымъ соединялись надежды на счастье и благополучіе, такъ какъ издавна ходило преданіе о царѣ Теодоросѣ, имѣвшемъ явиться, чтобы сдѣлать страну великою. Для довершенія задуманнаго плана Каса оставалось еще завоевать послѣднюю важную область Шоа, гдѣ царствовалъ Ато-Хайля-Селлясе (отецъ нынѣшняго императора Абиссиніи Менелика). Превосходство силъ и мужество Каса рѣшило побѣду. Это было въ 1856 г. Каса или Теодоросъ сдѣлался единоподержавнымъ императоромъ всей Абиссиніи. Въ концѣ своего царствованія онъ долженъ былъ вести войну съ англичанами. Поводомъ къ войнѣ послужило жестокое обращеніе Теодороса съ англичанами, исполнявшими работы при абиссинскомъ дворѣ. Поссорившись изъ-за чего-то съ главнымъ предводителемъ мастеровъ, Теодоросъ велѣлъ всѣхъ ихъ (около 20 человекъ) заковать въ цѣпи и заключить въ крѣпость. Англійское правительство потребовало освобожденія своихъ подданныхъ и въ случаѣ неисполненія угрожало вызовомъ къ войнѣ. Теодоросъ оставался непреклоннымъ. Тогда присланный Англіей отрядъ высадился на берегъ Африки и скоро подошелъ къ самой столицѣ Мекедала, въ 1867 г. Абиссинскія войска долго и успѣшно сопротивлялись англичанамъ и не разъ наносили имъ пораженія. Въ концѣ-концовъ, благодаря содѣйствію многихъ туземныхъ владѣтелей, англійскія войска одержали верхъ и взяли приступомъ столицу, въ 1868 г. Самъ главнокомандующій Гавріэ,

любимецъ Теодороса, былъ убитъ. Императоръ находился въ своемъ дворцѣ, въ г. Мекедала, когда ему донесли о побѣдѣ англичанъ и смерти Гавріа. Онъ такъ былъ пораженъ этимъ, что выхватилъ револьверъ и просилъ своего сына выстрѣлить въ отца и въ себя. Сынъ отказался это сдѣлать; тогда Теодоросъ собственноручно выстрѣлилъ себѣ въ горло. Послѣ его смерти вызвался быть ему преемникомъ правитель Ласта, агавецъ, по имени Ате-Текла-Георгисъ. Онъ успѣлъ провозгласить себя императоромъ, но царствовалъ недолго. Бывшій главнокомандующій тигрейскихъ войскъ при Теодоросѣ Жоани (Іоаннъ) сталъ предъявлять свои права на престолъ и доказывать незаконность поступка Георгиса. Снова возгорѣлась междоусобная война. Близъ Адуа, Георгисъ, потерявъ войско и средства къ защитѣ, попалъ въ плѣнъ къ Жоани и былъ заключенъ на скалу Даба-Салама, гдѣ содержался въ золотыхъ оковахъ до самой смерти. Жоани провозгласилъ себя негусомъ и послѣ коронованія въ Аксумѣ потребовалъ изъявленія покорности отъ всѣхъ своихъ вассаловъ. Всѣ правители областей приходили къ нему бить челомъ и приносили дары. Въ это время провинціей Шоа управлялъ расъ-Менеликъ, сынъ императора Ато-Хайля-Селласе. И онъ наравнѣ съ другими долженъ былъ, по принятому обычаю, взваливши на затылокъ камень, идти и простираться на землѣ предъ Іоанномъ. Послѣ долгихъ смуть и междоусобій, абиссинская имперія стала приходить въ порядокъ и благоустройство. При Іоаннѣ она достигла своего могущества и ему обязана своей правильно организованной арміей, которая не такъ давно показала свою силу въ войнѣ съ итальянцами. Негусъ Іоаннъ былъ строгимъ приверженцемъ православія, поэтому вскорѣ по своемъ воцареніи потребовалъ повсемѣстной присяги отъ всѣхъ своихъ подданныхъ и вассаловъ въ томъ, что они будутъ строго держаться греческаго православія. Въ каждомъ округѣ духовные начальники принимали отъ народа присягу. Въ назначенный день съѣхались въ Аксумѣ всѣ правители провинцій, расы, генералы, архіерей, и въ присутствіи Іоанна въ Сіонскомъ храмѣ тоже цѣловали крестъ и евангеліе. Четыре абиссинскихъ ученыхъ (дабтара), преданные католическому исповѣданію, были приведены въ собраніе царскихъ совѣтниковъ и митрополита, обличены въ своемъ лжеученіи и, такъ какъ продолжали держаться новаго ученія, то имъ отрѣзали языки. Послѣ этого никто изъ абиссинцевъ не осмѣливался открыто исповѣдывать католицизмъ. Въ царствованіе Іоанна онъ постепенно совсѣмъ искоренился. Семинаріи и монастыри, устроенные миссіонерами, были уничтожены, а такъ какъ земля, на которой они стояли, была собственностью католиковъ, пріобрѣтенною у прежнихъ императоровъ, то Іоаннъ велѣлъ уплатить имъ за нее изъ своей царской казны 16.000 рублей. Онъ приложилъ много заботъ объ обраче-

ніи въ христіанство евреевъ—фалашанъ и проживавшихъ въ Абиссиніи мусульманъ. По его повѣленію, священники въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ ходили по городамъ и селамъ, гдѣ были нехристіанскіе жители: мусульманъ и евреевъ солдаты загоняли въ рѣку или прудъ и вдоль берега становились съ пиками и заряженными ружьями на готовѣ, а въ это время священники читали крещальныя молитвы. Іоаннъ хотѣлъ, чтобы во всей Абиссиніи не было ни одного мусульманина и ни одного еврея. Большинство изъ нихъ крестилось, впрочемъ, добровольно, безъ принужденія.

Въ царствованіе Іоанна произведены были важныя реформы въ гражданскомъ и церковномъ управленіи Абиссиніи. Двумъ своимъ соправителямъ: Шоанскому расу Менелику и Годжамскому расу Теке-Хаймонату Іоаннъ подарилъ царскіе титулы, себя же назвалъ въ отличіе отъ нихъ царемъ царей, Богомъ помазаннымъ. Въ предотвращеніе смутъ (строго опредѣлены были границы владѣній трехъ негусовъ) самъ Іоаннъ остался правителемъ Тигре и Амхары, Менелику тоже оставлена была его провинція, а къ территоріи Годшамскаго царства были присоединены (нѣкоторыя мелкія княжества). По договору, заключенному Іоанномъ съ обоими царями, имъ вмѣнялось въ обязанность признавать надъ собою старшинство царя царей и исполнять по отношенію къ нему тѣ же повинности, какія лежали на нихъ прежде. Менеликъ и Текле-Хайманотъ не должны были принимать священнаго помазанія на царство и на послѣдующее время было узаконено Іоанномъ, что во всей Абиссиніи возможно быть лишь одному Богомъ помазанному и вѣнчанному царю; получившій помазаніе царь получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ старшинство надъ остальными и титулъ „негуса негастъ“. Въ соотвѣтствіе гражданскому дѣленію Абиссиніи Іоаннъ захотѣлъ поставить и церковное: каждое царство было сдѣлано особой епископіей, и для нихъ испрошены были архіереи. До Іоанна коптскій патріархъ присылалъ для Абиссиніи только одного епископа; Іоаннъ, по смерти епископа Аѳанасія, потребовалъ у патріарха четырехъ: трехъ изъ изъ нихъ имѣлъ въ виду назначить по одному въ каждое изъ трехъ царствъ, а четвертому предоставить одинъ только городъ Аксумъ, составляющій, какъ извѣстно, центръ всей абиссинской страны. Патріарху не хотѣлось давать въ Абиссинію такое количество архіереевъ: онъ опасался, чтобы она не отпала отъ его власти. Но требованіе Іоанна было настойчиво: онъ даже угрожалъ испросить себѣ архіереевъ у греческаго александрійскаго патріарха. Эта угроза подѣйствовала. Абба-Кириллосъ немедленно рукоположилъ въ святительскій санъ четырехъ нитрійскихъ иноковъ: Петра Матѳея, Марка и Луку и отправилъ ихъ въ Абиссинію. Іоаннъ устроилъ имъ торжественную встрѣчу, но на другой день потребовалъ клятвы

въ томъ, что они не отступяютъ отъ греческаго православія, и заставилъ ихъ поцѣловать крестъ и евангеніе. Одинъ изъ присланныхъ архіереевъ, по имени Петръ, получилъ титулъ митрополита (по абиссински: рыса—епископосать или папасъ) и былъ назначенъ управлять провинціей Тигре, которая, такимъ образомъ, стала въ церковномъ отношеніи митрополіей. Матеей былъ назначенъ въ Шоа, къ Менелику, Лука—въ Годшамъ, къ Текле-Хайманоту, а Марку былъ данъ городъ Аксумъ со всѣми подвластными ему приходами и церковными округами. Вскорѣ епископъ Маркъ скончался и его епархія была присоединена къ митрополіи Петра.

При негусѣ Іоаннѣ произошло еще одно крупное событіе, повлекшее за собою разныя случайныя перемѣны въ церковномъ управленіи Абиссиніи. Митрополитъ Петръ не поладилъ съ Іоанномъ. Смѣлый по характеру, получившій въ народѣ за свои дѣйствія даже прозваніе льва, Петръ часто вызывался обличать Іоанна за его строгія мѣры противъ преступниковъ. Это не нравилось царю. Но одинъ случай окончательно разсорилъ Іоанна съ митрополитомъ. Въ Абиссиніи негусъ имѣетъ обыкновеніе дарить новоназначенному епископу какіе-нибудь подарки. Когда въ первый разъ прибылъ въ Тигре митрополитъ Петръ, Іоаннъ подарилъ ему своего мула. Это было знакомъ чрезвычайнаго уваженія къ архіерею со стороны царя. Царскій одномастный мулъ, всегда выхоленный, вымытый, вычищенный, украшенный золотымъ сѣдломъ, сіяющимъ подобно солнцу, составляетъ предметъ роскоши, свойственный одному негусу. Кромѣ царя, никто не смѣетъ на него садиться, такъ какъ это почиталось бы униженіемъ царскаго достоинства. Такого именно мула Іоаннъ подарилъ митрополиту къ крайнему удивленію князей и всего народа. Но Петръ, по незнанію, можетъ быть, абиссинскихъ обычаевъ, отнесся къ подарку царя не такъ какъ слѣдовало бы. Можетъ быть, онъ и не подозрѣвалъ, что подарокъ, предложенный Іоанномъ, чуть-ли не означалъ уравниенія достоинствъ царя и митрополита. Во всякомъ случаѣ, поѣздивъ около года на царскомъ мулѣ, Петръ отдалъ его въ полной сбруѣ своему любимому архидіакону. Ничего бы еще, если бы архидіаконъ пользовался муломъ самъ, но и онъ, какъ иностранецъ, не оказалъ должнаго уваженія царскому мулу. Въ одинъ солнечный день негусъ Іоаннъ сидѣлъ у окна своего дворца и любовался окрестными видами. Необыкновенный блескъ вдали привлекъ его вниманіе. Онъ навелъ бинокль и къ удивленію своему замѣтилъ знакомаго мула и на немъ царское сѣдло, сверкавшее золотыми бляхами. На мулѣ сидѣла жена архидіакона. Гнѣвъ Іоанна былъ невыразимъ. На другой день, во время засѣданія царскаго совѣта, слуги ввели въ собраніе архидіакона. Царь велѣлъ дать ему нѣсколько ударовъ

кнутомъ, и палачи уже готовы были исполнить царскую волю, какъ вдругъ въ залъ совѣта явился извѣщенный о гнѣвѣ царя митрополитъ. Увидѣвъ на землѣ связаннаго архидіакона и палачей, готовыхъ нанести ему удары, Петръ опустился на землю и закрылъ любимца своимъ тѣломъ. Когда изумленные палачи отступили, митрополитъ поднялся съ земли и, обращаясь сначала къ царю, затѣмъ къ совѣтникамъ и палачамъ, громкимъ голосомъ призывалъ на нихъ небесное проклятіе. Пришедшій въ ярость Іоаннъ выхватилъ у тѣлохранителя мечъ и хотѣлъ зарубить святителя, но стоявшіе вблизи удержали его руку. Митрополитъ приказалъ палачамъ развязать архидіакона и увелъ его съ собой. За рѣзкую выходку Петра Іоаннъ постановилъ лишить его власти надъ митрополіей, отнять у него всѣ присущія его сану выраженія почестей, какъ-то: караулъ, свиту и проч. и ограничить его содержаніе. Управление митрополіей было предоставлено духовному начальнику (эчагэ), не имѣющему духовнаго сана. Ссора царя съ митрополитомъ произвела смущеніе въ народѣ. Опасаясь возмущеній, Іоаннъ сталъ подумывать о примиреніи съ Петромъ. Между тѣмъ собралось высшее духовенство и крестнымъ ходомъ направилось сначала къ царю, а затѣмъ къ митрополиту, умоляя того и другого помириться ради блага церкви и народа. Петръ снялъ свою анаѳему съ Іоанна и съ тѣхъ, которые подпали ей, но тѣмъ не менѣе до самой смерти Іоанна оставался лишеннымъ своей власти и почестей. За нимъ оставлено было право только рукополагать въ іерархическія степени.

Негусъ Іоаннъ былъ чрезмѣрно строгъ къ преступникамъ, особенно же къ нарушителямъ законовъ и уставовъ церковныхъ. Однажды ему донесли, что многіе шоанскіе солдаты рѣзали въ постъ быковъ и витались ихъ мясомъ. По окончаніи поста, царь послалъ въ Шоа войско, которому поручилъ истребить всѣхъ нарушителей закона. Невоздержники трепетали отъ Іоаннова гнѣва. Прорицатели, гадальщики, кровосмѣсники, хулители вѣры приводились всегда въ столицу и, здѣсь, по приказанію царя, предавались пыткамъ и казни: хулителямъ отрѣзывали языки, кровосмѣсниковъ скопили; особенно строго наказывали гадальщиковъ и прорицателей (танкуай): имъ отрѣзывали языки, выкалывали глаза, отрубали руки и ноги—и въ такомъ видѣ нѣсколько дней возили съ позоромъ по улицамъ города; въ концѣ концовъ, тѣла ихъ вѣшали на верхушкахъ деревъ при перекресткахъ проѣзжихъ дорогъ. Самъ Іоаннъ былъ ревностнымъ исполнителемъ закона. Отличительной чертой его была—набожность. Помѣщеніе, въ которомъ онъ жилъ, напоминало храмъ. Главная комната сплошь была уставлена иконами греческаго письма, которыя Іоаннъ уважалъ болѣе всего: онъ щедро награждалъ купцовъ, доставлявшихъ ему такія иконы изъ Александріи и Каира. Когда ему докладывали

о привозѣ какой нибудь новой иконы, онъ самъ, облачившись въ царскій нарядъ, выходилъ ее встрѣчать, причемъ кланялся до земли и цѣловалъ изображенія несчетно разъ. Іоаннъ любилъ молиться въ уединеніи. Никто изъ царедворцевъ не осмѣливался беспокоить его въ то время, когда онъ молился. Возлѣ кресла ставили ему четыре аналоя со священными книгами разнаго наименованія, и онъ, сидя, вычитывалъ изъ нихъ по порядку избранныя мѣста. Въ дни поста онъ не выходилъ изъ дворца вовсе. Особенно почиталъ онъ успенскій постъ: въ теченіе двухъ недѣль ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, вкушалъ пищу одинъ разъ въ день и молился, не отрываясь; спалъ три-четыре часа въ сутки. Завѣдываніе дѣлами на это время Іоаннъ поручалъ своему любимцу расъ-Алулѣ. Послѣ смерти первой жены, Іоаннъ не захотѣлъ жениться вторично, а принялъ постриженіе. Съ этого времени онъ повелъ свою жизнь еще строже; окружилъ себя монахами и духовенствомъ; важнѣйшія государственныя должности роздалъ аскетамъ, которыхъ насильно вызвалъ изъ ихъ затворовъ. Ни одна женщина не доускалась къ нему во дворецъ. За исключеніемъ старыхъ монашекъ, никто изъ женщинъ не смѣлъ попадаться ему на глаза. При неожиданной встрѣчѣ съ женою, онъ отворачивалъ голову въ сторону и закрывалъ лицо руками. Это былъ строгій аскетъ въ порфирѣ, подвижникъ, подобныхъ которому было трудно отыскать даже въ лѣсахъ, въ срубахъ, куда уходили и уходять абиссинскіе ревнители строгой жизни. Множество храмовъ было выстроено на его счетъ, Множество монастырей питалось его щедрыми дарами. Довольствуясь малымъ, онъ все жертвовалъ на церкви, монастыри и бѣдныхъ. Его милостыней питались толпы нищихъ, осаждавшія ежедневно городъ, въ которомъ онъ жилъ. Для оффиціальныхъ выходовъ Іоаннъ одѣвался, какъ царь; а на досугѣ его можно было видѣть въ простой монашеской рубашкѣ изъ шерсти, въ клобукѣ и съ посохомъ въ рукахъ. Уста его непрерывно шептали молитву, даже въ то время, когда онъ былъ при исполненіи своихъ царскихъ дѣлъ: напр., на засѣданіяхъ совѣта, при приѣмѣ пословъ и т. п. Въ военное время онъ бралъ съ собою въ походъ иконы и книги и отправлялся въ сопровожденіи духовенства, съ которымъ не разставался даже въ часы сраженій. Сидя въ походной палаткѣ, онъ продолжалъ свое монашеское дѣланіе. Іоаннъ любилъ пѣть псалмы подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента. У него былъ любимецъ, умѣвшій хорошо играть на этомъ инструментѣ. Когда царя одолѣвала печаль, онъ призывалъ къ себѣ музыканта и заставлялъ его бряцать, а самъ пѣлъ. При этомъ лицо его просіявалось улыбкой, онъ приходилъ въ восторгъ и нерѣдко вскакивалъ съ кресла и хлопалъ ладонями въ тактъ пѣнію. Видѣвшіе Іоанна въ такомъ состояніи утверждаютъ, что онъ тогда походилъ

на ангела. Внѣшность Іоанна имѣла греческія черты: бѣлый цвѣтъ кожи, сгорбленный носъ, выразительные глаза и классическое строе- ніе тѣла. Родословная Іоанна утверждаетъ, что предки его были греки, породнившіеся съ царствующею фамиліею Зара-Іакова. Этимъ, можетъ быть, и объяснялись дружественныя связи Іоанна съ Аѳин- скимъ дворомъ и его пристрастіе къ грекамъ и ко всему грече- скому. Ближайшими предками Іоанна по нисходящей линіи были: расъ Михаилъ, расъ Белледъ-Селласе, расъ Сабагадись и расъ Мерча. Какъ правитель, Іоаннъ былъ человѣкъ мудрый и умѣлъ выбирать людей для дѣла. При немъ пользовался вліяніемъ расъ- Алула, обладавшій большимъ умомъ, проницательностью и испы- таннымъ мужествомъ. Въ продолженіе всего своего царствованія Іоаннъ умѣлъ поддерживать мирное настроеніе своихъ подчинен- ныхъ вассаловъ. Онѣ и уважали его, и трепетали его гнѣва. Даже негусы—Менеликъ и Текле-Хайманотъ дрожали всегда въ его при- сутствіи: стоя у порога со сложенными на груди руками, они при каждомъ словѣ своего повелителя, отвѣщивали ему, молча, глубокіе поклоны и не осмѣливались садиться, пока онъ не просилъ. Не- гусъ Іоаннъ мудро объединялъ въ своей личности разрозненныя силы Абиссиніи, потому то она при немъ не боялась враговъ. Въ случаѣ войны онъ приказывалъ тому или другому вассалу доста- вить извѣстное количество войска, и вассалъ исполнялъ царскую волю безпрекословно.

Въ 1875 году спокойствіе Абиссиніи было нарушено дѣйствіями египетскаго правительства, подстрекаемаго англичанами. Съ этого года начинается та убійственная политика Англій, которая тер- заетъ Абиссинію вотъ уже двадцать лѣтъ. Первая попытка нанести ударъ абиссинцамъ не удалась. Послѣ двухъ лѣтъ безцѣльныхъ стычекъ, египетская армія, завлеченная хитростью въ долину рѣки Мараба, была вся вырѣзана и всѣ военные запасы ея стали до- бычею абиссинцевъ. Въ этой долинѣ еще и теперь горами ва- ляются кости египетскихъ воиновъ. Іоаннъ торжествовалъ побѣду надъ мусульманами. Для абиссинцевъ она имѣла жизненный смыслъ, такъ какъ касалась самаго дорогого для нихъ — религіи. Покори египетскій хедивъ Абиссинію, онъ постарался бы сдѣлать ее ма- гометанскою. Время этой счастливой побѣды почти совпадало со временемъ удачныхъ дѣйствій русскихъ противъ турокъ въ 1877 году. Іоаннъ, узнавъ о войнѣ Россіи съ Турціей, написалъ тогда Рус- скому Императору дружественное письмо, въ которомъ, сопоставляя дѣйствія Абиссиніи и Россіи противъ мусульманъ, находилъ въ этомъ совпаденіи намѣреній залогъ братства и дружбы двухъ еди- новѣрныхъ народовъ. Съ письмомъ былъ посланъ Іоанномъ большой золотой крестъ. Письмо и крестъ хранятся теперь въ Ливадійской дворцовой церкви.

Не выигравъ ничего чрезъ посредство Египта, Англія прибѣгла къ посредничеству итальянцевъ. Она убѣдила ихъ занять Массову, принадлежавшую Египту, причемъ обязалась бесплатно перевезти туда итальянское войско и цѣлый годъ содержать его. Итальянцы не подозрѣвали, что, занимая Массову, они идутъ на столкновение съ абиссинцами, не имѣющими другого выхода въ море, кромѣ Массовы. Намѣренія англичанъ въ томъ и состояли, чтобы вызвать непріязненныя отношенія между Италіей и Абиссиніей, могущія привести къ лишенію Абиссиніи самостоятельности, и, опираясь на итальянцевъ, усилить свое вліяніе въ Африкѣ. Итальянцы, такимъ образомъ, были не болѣе, какъ орудіе англичанъ, служившее ихъ интересамъ.

Спустя восемь лѣтъ послѣ пораженія египтянъ, Абиссинія увидѣла новаго врага—дервишей. Это былъ одинъ изъ сосѣднихъ дикихъ народовъ. Пробравшись въ городъ Гондаръ, дервиши зажгли его, чтобы, воспользовавшись ужасомъ, наведеннымъ на жителей этимъ пожаромъ, овладѣть ближайшими областями. Пламя истребило всѣ зданія и всѣ 44 храма, находившіеся въ Гондарѣ. Когда узналъ объ этомъ Іоаннъ, то въ справедливомъ негодованіи поклялся истребить ненавистныхъ дервишей. Отрядъ абиссинцевъ расположился станомъ въ Суданѣ, недалеко отъ города Метамма. Войско долго стояло въ бездѣйствіи. Въ одну ночь дервиши неожиданно напали на станъ абиссинцевъ. Произошло замѣшательство, среди котораго нѣсколько выстрѣловъ попало въ самого негуса. Раненаго, еле живого, его внесли въ палатку. Духовенство и сынъ расъ-Мангаша окружили умирающаго и услышали его послѣднюю волю. Указывая на сына, онъ сказалъ, что ему вручаетъ свое царство. Затѣмъ до послѣдней минуты не переставалъ убѣждать всѣхъ строго беречь православіе. Между тѣмъ дервиши, разувъ о смерти негуса и о господствовавшемъ въ абиссинскомъ станѣ разстройствѣ, рѣшились напасть на него открыто. Расчетъ ихъ удался. Абиссинцы не смогли выдержать натиска и принуждены были спастись бѣгствомъ. Суматоха была такъ велика, что бѣглецы не успѣли захватить съ собою тѣло умершаго императора. Оно досталось дервишамъ, которые сняли съ него голову и, насадивъ ее на копьѣ, везли впереди войска, какъ трофей.

Вѣсть о смерти Іоанна произвела среди абиссинцевъ смуту. Воспользовавшись ею, Менеликъ, царь Шоа, провозгласилъ себя помазаннымъ царемъ царей. Епископъ Матѳей, управляющій церковью въ Шоа, помазалъ Менелика на царство. Сынъ и наслѣдникъ Іоанна въ Тигре, расъ-Мангаша, удрученный горемъ, не сталъ добиваться отцовскихъ правъ и званія, но митрополитъ Петръ, очутившійся по смерти Іоанна въ странномъ положеніи, протестовалъ противъ поступка епископа Матѳея. Дѣло въ томъ, что право помазывать на цар-

ство присвоено было Петру, на что указывала данная ему патриархомъ грамота. Петръ жаловался на Матеея патриарху, обвиняя его въ присвоеніи чужихъ правъ, но на эту жалобу патриархъ ничего не отвѣтилъ; между тѣмъ Менеликъ, опасаясь, какъ бы Петръ, на сторонѣ котораго была правда, не помазалъ расъ-Мангашу на царство, пригласилъ Петра во дворецъ къ себѣ и здѣсь задержалъ его почти насильно. Такимъ образомъ, при Менеликѣ въ Шоа теперь два архіерея—Петръ и Матеей, а въ Тигре вовсе нѣтъ епископа, и какъ было тамъ при Іоаннѣ—послѣ ссоры его съ Петромъ, такъ и доселѣ въ Тигре церковными дѣлами завѣдываетъ эчаге.

Итальянцы, съ своей стороны, ухитрились воспользоваться смутнымъ временемъ, наступившимъ по смерти Іоанна. Менеликъ опасался соперниковъ. Ему необходима была сильная поддержка. Тутъ итальянцы, готовые на все, предложили свои услуги и имъ позволили занять Асмару, чего имъ только было и нужно. Расъ-Мангаша, предвидя гибель страны, посовѣтовавшись съ расъ-Алулой, вступилъ въ мирные переговоры съ Менеликомъ. Онъ самъ лично отправился въ столицу Шоа-Энтото, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства. Стоя впереди духовенства и расовъ, Мангаша, поддерживаемый гуломъ и шумомъ ихъ возгласовъ и одобреній, упрашивалъ Менелика помириться ради блага государства. Онъ говорилъ приблизительно такія слова: „мнѣ не нужна корона, а нужны города и люди, которыхъ отнимаютъ у насъ итальянцы. Будемъ братьями и соединимся вмѣстѣ противъ общаго врага. Мой отецъ былъ императоромъ, я же не ищу этой чести. Ты—Богомъ помазанный царь, я твой подчиненный“. Послѣ этихъ словъ дружба была заключена. Менеликъ двинулъ свои многочисленныя войска въ Тигре и исходъ итальяно-абиссинской войны былъ рѣшенъ. Итальянцы потерпѣли три пораженія, третье—подъ Адуей (въ февралѣ нынѣшняго, 1896 года) было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Итальянскія войска очистили Тигре, оставивъ въ рукахъ Менелика до 2000 плѣнныхъ. Наступило перемиріе: сейчасъ ведутся переговоры между Менеликомъ и римскимъ дворомъ объ условіяхъ мира. Менеликъ желаетъ получить Массову и она можетъ быть наилучшимъ вознагражденіемъ за его военныя потери.

Портъ-Массова находится не на самомъ берегу моря, а на двухъ маленькихъ островахъ Дахлекъ, лежащихъ въ небольшомъ, вдающемся въ берегъ заливѣ. Населеніе города, доходящее до 3-хъ тысячъ, расположилось въ своихъ плетеныхъ шалашахъ на материкѣ—вдоль морского берега, противъ острововъ Дахлекъ, гдѣ нѣтъ никакихъ зданій, кромѣ губернаторскаго дворца и построекъ для склада товаровъ. Климатъ Массовы убійственный, жары доходятъ здѣсь до невообразимыхъ размѣровъ, къ тому же чувствуется постоянно недостатокъ въ прѣсной водѣ, такъ какъ дожди пере-

падаютъ здѣсь въ самое короткое время. Температура въ Массовѣ никогда не падаетъ ниже 40° Р., а лѣтомъ подымается до 53° и стоитъ такъ цѣлые мѣсяца! Прошло уже четыре слишкомъ вѣка, какъ Массова не принадлежитъ Абиссиніи. Въ XV вѣкѣ ея завладѣли турки, затѣмъ она перешла къ египтянамъ, потомъ съ 1850 года опять стала принадлежать туркамъ до 1865 г., когда ея снова овладѣли египтяне, пока она не досталась, въ концѣ концовъ, итальянцамъ. Такова судьба этого важнаго на Красномъ морѣ порта, обладаніе которымъ принадлежитъ по священному праву никому другому, а только абиссинцамъ.

Менеликъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ сознаетъ насущныя потребности своего государства. Недостатки государственной жизни онъ стремится восполнить заимствованіемъ готовыхъ результатовъ европейской цивилизаціи, причемъ идетъ по пути заимствованій очень осторожно и обдуманно; не спѣшитъ и не горячится, не помышляетъ о рѣзкихъ способахъ ломки стараго строя и замѣны его новымъ, такъ какъ это могло бы разорить небогатую финансами абиссинскую казну. Пока онъ обратилъ вниманіе на самое главное: организацію путей сообщенія и вооруженіе арміи. Отсутствіе удобныхъ дорогъ въ Абиссиніи препятствовало развитію торговли, а особенно горько чувствовалось во время войнъ. Малое количество мостовъ, выстроенныхъ еще въ XVI вѣкѣ португальцами, разрушилось; стратегическіе пути, сооруженные Теодоросомъ, частью попортились, а частью и совсѣмъ исчезли, благодаря дѣйствию въ теченіе многихъ лѣтъ проливныхъ дождей. Въ такомъ состояніи застало абиссинскіе пути сообщенія царствованіе Менелика. Теперь, благодаря стараніямъ новаго негуса, мосты исправлены, многіе выстроены вновь, увеличены стратегическія и караванныя дороги, въ безводныхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ важныя дороги, по пути выкопаны колодцы. Надъ работами по организаціи путей работали искусные и знающіе дѣло инженеры, спеціально вызванные Менеликомъ изъ Европы. Менеликъ не жалѣетъ затратъ на приобрѣтеніе артиллерійскихъ снарядовъ, ружей, пороку и патроновъ. Эти предметы онъ въ большомъ количествѣ приобрѣлъ у итальянцевъ и не перестаетъ постоянно заботиться объ умноженіи ружейныхъ запасовъ. Въ итальянскую войну абиссинскіе солдаты дѣйствовали ружьями разныхъ системъ, преимущественно же винтовками Ремингтона и Гра. При дворѣ у Менелика есть не мало европейцевъ, которые, окружая монарха, даютъ ему полезныя совѣты и указанія. Подъ ихъ руководствомъ онъ знакомится съ изобрѣтеніями европейской культуры и узнаетъ отъ нихъ о современномъ состояніи европейской политики, которая его чрезвычайно интересуетъ. Въ городѣ Энтото существуетъ колонія французовъ, занимающихся производствомъ разныхъ предме-

товъ для двора негуса. Колонія эта состоитъ изъ пяти лицъ разныхъ профессій. Старательные европейцы завели при дворѣ типографію и выдумали даже изданіе газеты, выходящей разъ въ двѣ недѣли. Въ газетѣ сообщается преимущественно о состояніи здоровья Менелика и его семьи. Всевозможныя предпріятія изобрѣтательныхъ колонистовъ чрезвычайно забавляютъ негуса и онъ чувствуетъ себя весело и пріятно въ ихъ кружкѣ. Какая нибудь машина или промышленное производство приводитъ его въ восторгъ. Онъ самъ старается изучить устройство и назначеніе отдѣльныхъ частей какой либо вновь привезенной машины и всегда обнаруживаетъ при этомъ удивительную находчивость и практической смыслъ.

Появившіяся во множествѣ, особенно въ иностранной печати, характеристики Менелика представляютъ его человѣкомъ гуманнымъ и симпатичнымъ. Онъ имѣетъ 56 лѣтъ отъ роду, роста средняго, крѣпкаго и здороваго сложенія. Наружность его обличаетъ рѣшительнаго, внимательнаго, невозмутимаго человѣка. Онъ очень милостивъ по отношенію къ плѣннымъ, не любитъ войнъ, и если берется за оружіе, то только ради охраненія собственныхъ границъ отъ притязаній сосѣдей. Онъ жалѣетъ расходовать деньги на ненужную роскошь, и потому ведетъ очень скромную жизнь. Дворецъ его находится близъ древней столицы Энтото, въ мѣстечкѣ Адисъ-Авава (въ переводѣ новый цвѣтокъ). Сама столица болѣе походитъ на лагерь, чѣмъ на городъ, такъ какъ въ ней больше военныхъ палатокъ, чѣмъ хижинъ. Двухъэтажный домъ негуса, выстроенный по указаніямъ европейцевъ, расположенъ на возвышенномъ холмѣ; вмѣстѣ со служебными пристройками весь дворъ занимаетъ почти цѣлую квадратную версту. Все это пространство обнесено семи-аршиннымъ плетнемъ, обвитымъ вѣтками ползучихъ колючихъ мимозъ. Предъ фасадомъ дворца раскинутъ роскошный зеленѣющій плацъ, служащій обыкновенно присутственнымъ мѣстомъ для засѣданій царскаго совѣта, которыя происходятъ раза два-три въ недѣлю. Гуманный императоръ отстранилъ отъ себя произнесеніе смертныхъ приговоровъ, требуемыхъ абиссинскимъ законодательствомъ, возложивъ это дѣло на членовъ совѣта. Во дворцѣ съ негусомъ живетъ его супруга Таиту, очень религіозная и милостивая женщина, и дочь, имѣющая сына, 12-ти лѣтняго мальчика. Этотъ внукъ негуса являлся бы ближайшимъ наследникомъ Менелика, если бы въ Абиссиніи существовалъ опредѣленный законъ престолонаслѣдія; но такого закона въ Абиссиніи нѣтъ: но установившейся практикѣ тамъ господствуетъ право сильнаго.

Менеликъ ненавидитъ фанатиковъ, какого бы рода они ни были и вообще старается обезпечить своимъ подданнымъ свободу вѣроисповѣданій: не преслѣдуетъ евреевъ и магометанъ, оказываетъ покровительство католическимъ миссіонерамъ, которыхъ, кстати за-

мѣтитъ, тамъ теперь мало; можно указать только на французскихъ монаховъ-лазаристовъ, проживающихъ въ городѣ Харрарѣ.

Къ числу серьезныхъ предпріятій новаго негуса слѣдуетъ отнести введеніе абиссинской монеты. Прежде роль монетъ обыкновенно играли неудобные и громоздкіе куски черной соли; по мѣстамъ циркулировали таллеры Маріи Терезіи съ датой 1780 года. По заказу Менелика въ Парижѣ было приготовлено специально-абиссинскихъ монетъ на 30,000 таллеровъ (таллеръ равняется почти нашему рублю, т. е. тремъ франкамъ). Новыя монеты разной стоимости имѣютъ форму обыкновенныхъ европейскихъ монетъ; на одной сторонѣ вычеканено изображеніе головы негуса Менелика, а на оборотной—наименованіе стоимости и годъ выхода. По случаю введенія новой монеты, негусъ издалъ недавно указъ слѣдующаго содержанія: „дабы прославить нашу страну, наше царство, и нашу торговлю поправить, новое серебро съ моимъ портретомъ и моимъ именемъ припечатанное я сдѣлалъ и доставилъ. Это серебро чище прежняго серебра и вѣсомъ одинаково съ прежнимъ, и начертаніе, что написано наверху, амхарское. Я намѣренъ прежнее серебро оставить и это на эіопское имя сдѣланное новое серебро распространить. Его наравнѣ съ прежнимъ серебромъ принимайте, а мастера, новаго серебра не лейте! И еще: для мелкихъ вещей, которыя я буду покупать, я сдѣлалъ и доставилъ полсеребра, четверть серебра, и восьмую серебра. Эти: половину за половину, четверть за четверть, и восьмую за восьмую пусть мѣняють и торгуютъ. Человѣка же, говорящаго: „я это серебро не принимаю“, приведите ко мнѣ.“

Менелику принадлежитъ честь первыхъ сношеній съ Россіей; въ іюнѣ прошлаго 1895 года пріѣзжало въ Россію абиссинское посольство во главѣ съ родственникомъ негуса Дамто. Посольство пробыло въ Россіи болѣе мѣсяца и вынесло самое выгодное о Россіи мнѣніе, которое, несомнѣнно, усилитъ издавна существующія симпатіи, питаемыя къ намъ абиссинцами, и приведетъ, Богъ дастъ, въ скоромъ будущемъ къ серьезнымъ и дѣятельнымъ сношеніямъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы, главнымъ образомъ, для того подробно остановились на исторіи Эіопіи, чтобы выводъ нашъ о современномъ значеніи Абиссиніи не оказался голословнымъ. Выводъ этотъ слѣдующій: роль Абиссиніи еще не сыграна въ исторіи. Все значеніе ея еще въ будущемъ. Многіе народы востока сошли уже со сцены, потеряли свое историческое значеніе. Абиссинія, не смотря на то, что существуетъ тысячелѣтія, не потеряла жизненной силы, не состарилась, не одряхлѣла. Удары тяжелыхъ случайностей прошлаго,

бури, пронесшіяся надъ Африкой, не могли сокрушить абиссинскаго могущества, до того оно прочно. Болѣе всего замѣчательно то, что Абиссинія горячо отстаиваетъ свою независимость. Не смотря на часто повторявшіеся внутренніе раздоры и смуты внутри государства, она умѣла, когда нужно, осилить внѣшняго врага, посягавшаго на ея самостоятельность; а такихъ враговъ было не мало: евреи, арабы, галла, турки, египтяне, дервиши, англичане, итальянцы... Словомъ, Абиссинія—это сильная могучая монархія. Ей не достаетъ только внутренняго согласія, сплоченности ея разрозненныхъ силъ. Если прибавить къ этому выгодное географическое положеніе страны, то значеніе Эіопіи станетъ понятно. Она обладаетъ естественными богатствами, занимаетъ неприступныя твердыни, близка къ берегамъ Краснаго моря, сдѣлавшагося, послѣ прорытія Суэца, международнымъ, вѣрнѣе, европейскимъ; это важнѣйшій торговый, а отчасти и стратегическій путь. Абиссинія поэтому призвана играть очень важную роль въ политической жизни того народа, который сумѣетъ сдѣлать ее своей союзницей. Такое значеніе Абиссиніи, какъ всегда, прежде всѣхъ поняла и оцѣнила Англія, а потомъ Италія, стремящіяся подчинить ее своему вліянію и вмѣстѣ съ этимъ завладѣть ея рынкомъ. „Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, замѣчаетъ справедливо въ своей статьѣ Е. Бѣлозерскій, *) что кто станетъ располагать силами Абиссиніи въ союзѣ съ ней, тотъ будетъ господствовать надъ Краснымъ моремъ и даже до нѣкоторой степени держать ключъ отъ Египта“. Немаловажно можетъ быть значеніе Эіопіи и въ международной европейской политикѣ: сильная, независимая въ центрѣ Африки имперія соприкасается съ колониальными владѣніями Англіи и Италіи, близка къ обладаемому турками Египту, и потому во всякое время она можетъ отвлечь часть силъ тройственнаго союза или Турціи, дѣйствуя активно противъ Италіи и Англіи или Турціи. Абиссинія—олицетвореніе естественной силы; ей не достаетъ только силы культурной, обладая которой она могла бы стать грозой для какой угодно враждебной ей націи. Непрерывныя войны закалили воинственный духъ эіоповъ и потому никакая сила для нихъ не страшна. Понятно отсюда, какъ важно для насъ сближеніе съ Абиссиніей. На нашихъ глазахъ теперь абиссинцы добровольно протягиваютъ намъ руку и, какъ друзей и единовѣрцевъ, приглашаютъ принять участіе въ ихъ жизни. Сближеніе наше съ Абиссиніей можетъ установиться на почвѣ—политической, торговой и религіозной. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ она представляетъ для насъ величайшій интересъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся ознакомить нашихъ читателей съ разными сторонами жизни абиссинскаго народа.

*) Что такое Абиссинія. См. „Русскій Вѣстникъ“, Апрель 1887 года, стр. 816.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Абиссинія долгое время составляла неразрывную имперію, которой глава подъ громкимъ титуломъ негуса—императора повелѣвалъ своими намѣстниками, управлявшими многочисленными областями государства. Въ намѣстники обыкновенно назначались родовитые владѣльцы, получавшіе владѣнія отъ предковъ. Это были никто иные, какъ потомки вождей отдѣльныхъ племенъ, занимавшихъ отдѣльныя области и жившихъ разъединенно, не смотря на видимое политическое единство страны. Права намѣстниковъ въ областяхъ были велики, такъ что, смотря по важности владѣнія, правитель его могъ смѣло соперничать съ негусомъ, который, такимъ образомъ, былъ не болѣе, какъ сюзереномъ нѣсколькихъ вассаловъ. Съ половины XVIII вѣка политическое единство имперіи нарушилось, она распалась на нѣсколько частей, сдѣлавшихся самостоятельными. Впослѣдствіи императорамъ Теодоросу и Іоанну удалось возстановить на время единство имперіи, но духъ разъединенія и соперничества искоренить имъ было трудно, и потому политическіе устои Абиссиніи не отличаются въ настоящее время прочностью. Предвидится возможность новаго полнаго распадена монархіи и связанной съ нимъ анархіи. Нужны изрядныя дипломатическія способности негуса и необходима прочная въ его рукахъ сила, чтобы удержать въ единой власти своевольныя силы вассаловъ. Каждый изъ нихъ, производя свой родъ отъ знатныхъ предковъ, мечтаетъ о коронѣ, и всѣ вообще не любятъ подчиняться кому бы то ни было.

Этнографія указываетъ раздѣленіе Абиссиніи на двѣ рѣзко различающіяся страны, составляющія какъ бы два государства: на Амхару, гдѣ господствуетъ амхарскій языкъ, и Тигре, гдѣ нарѣчіе теэскаго языка. Къ этому главному дѣленію слѣдуетъ присоединить еще независимыя государства: Шоа, съ провинціей Анкоберъ и Годшамъ. Остальныя области бывшей абиссинской имперіи: Эф-фать, Наре, Каффа, Мари, Анготъ, Аговъ и др. находятся во власти дервишей, галласовъ, шингаласовъ и прочихъ дикихъ племенъ, причинившихъ столько зла Абиссиніи своими постоянными набѣгами.

1) Амхара раздѣляется на 15 провинцій: 1) Дембеа, при озерѣ Цана; главный городъ Гондаръ, бывшая резиденція негусовъ, нѣкогда имѣвшая 8000 жителей, а теперь до 6 тысячъ. 2) Белесеемъ, при озерѣ Цана, главный городъ Эмтрасъ. 3) Фоггара на рр. Риппѣ и Гумара, главный городъ Дара. 4) Дамоть, горная провинція, главный городъ Буре. 5) Маича, главный городъ Ибаба съ 6000 жителей. 6) Ароози на рѣкѣ того же имени. 7) Гутто, главный городъ Делакусъ. 8) Куара горная провинція. 9) Воггара, главный городъ Табулакъ. 10) Чельга, главный городъ Черкинъ на р. Ангрѣ. 11) Расъ-эль-Феель, главный городъ Моцаго. 12) Атруза Маргамъ. 13) Акамба, съ городомъ того же имени. 14) Баджемдеръ, главный городъ Актене 15) собственно Амгара; съ горнымъ городомъ Амхарой или Мадари.—Въ послѣднее время амхарское государство было сильно потрясено набѣгами галласовъ, завладѣвшихъ многими провинціями, и раздѣлившихъ ихъ на нѣсколько округовъ. Въ долинахъ горнаго хребта Самень, отдѣляющаго вмѣстѣ съ р. Такаде Амхару отъ Тигре, находится независимая область Самень, обитаемая евреями-фалашами или иначе фаласіанами (туземное названіе, означающее переселенцевъ). Составляя какъ бы отдѣльное государство, они въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ сохраняютъ свой языкъ, свои нравы и обычаи. Изъ исторіи Абиссиніи мы видѣли значительное вліяніе фалашанъ на событія и судьбы имперіи. Саменская область обстроена, главный городъ Сагонеть.

II. Тигре раздѣляется на 15 провинцій: 1) Агаме, иначе Аянія, главный городъ Джената; въ провинціи находится соляная степь Асса-Дуруа, 2) Эйдерга, главный городъ Антало, резиденція раса, въ городѣ до 1000 домовъ, 3) Войджерать, провинція, преимущественно населенная потомками прибывшихъ въ XV в. въ Абиссинію португальцевъ; лѣсистая мѣстность; много дичи и звѣрей, 4) Вофила съ озеромъ Аманги или Цади-Бари, 5) Ласта (иначе Буина, Абугона) горная провинція; городъ Сокото, 6) Бора, горная провинція, какъ и 7) Салова, 8) Авергале, 9) Тамбенъ, пограничная съ Самхарой (Сахарой), 10) Вальдубба, 11) Тигре, горная провинція, прорѣзанная р. Маребомъ, составляющей часть сѣверной границы Абиссиніи, 12) Вальнайдь, 13) земля Багарнегамъ, раздѣленная на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ главный Дараль, съ городомъ того же имени; жители города отличаются выжженнымъ на плечѣ крестомъ, 14) Хамасеень, 15) Гамацея, города: а) Добарова, пристань на Морейбѣ, б) Аксумъ, нѣкогда столица государства; въ городѣ находится обелискъ Птолемея Эвергета и другіе памятники древней Абиссиніи, в) Адова, бывшая резиденція тигрейскаго раса, весь городъ состоитъ изъ конусообразныхъ домовъ; 8000 жителей, фабрика бумажныхъ тканей; близъ города находятся: погребальныя пещеры—Эаламъ-Негуса и монастырь Абба-Гарима г) Фремона.

III. Шоа состоитъ изъ двухъ большихъ провинцій: 1) Шоа—горная провинція съ хорошими пажитями и главнымъ гор. Тегулетъ, 2) Анкоберъ (часть Эффата), горная провинція; главный городъ Анкоберъ.

Въ Амхарѣ нѣтъ одного общаго правителя: провинціи ея, за исключеніемъ Самена, принадлежатъ теперь—частью Менелику и частью расъ-Мангашѣ, правителю Тигре. Самостоятельныя государства—Тигре, Шоа и Годшамъ представляютъ первый, высшій рядъ дѣленія Абиссиніи. Нѣкоторыя изъ этихъ государствъ дѣлятся, въ свою очередь, на провинціи,—это второй рядъ дѣленія. Третій рядъ: дѣленіе провинцій на губерніи (намѣстничества) и, наконецъ, четвертый рядъ представляютъ гульты или рысты (имѣнія), входящія въ составъ губерніи. Есть мелкія провинціи, которыя не выдерживаютъ дѣленія на намѣстничества и потому въ нихъ удерживается только дѣленіе на гульты. Въ основѣ административнаго дѣленія Абиссиніи лежитъ владѣніе землей, наслѣдство. Императоръ номинальный владѣлецъ всей Эѳіопіи. Съ короной ему вручается скипетръ и владычество надъ всей страной. Онъ по праву пользуется частью доходовъ со всей земли, за исключеніемъ земель, отданныхъ на церкви и монастыри. Въ настоящее время титулъ императора (царя царей) всей Абиссиніи носитъ Менеликъ, правитель Шоа. Наслѣдственное владѣніе его Шоа, въ которой онъ законный, неоспоримый владыка. Подчиненные вассалы его: расъ Мангаша и Текла-Хайманотъ, состоящіе какъ бы на второй ступени административнаго правленія; правители провинцій, на которыя дѣлятся царства, являются третьей ступеню іерархической лѣстницы, правители губерній—четвертою и, наконецъ, завѣдывающіе гультомъ—пятою ступеню. Для наглядности политическое устройство Абиссиніи можно изобразить нижеслѣдующей схемой:

I. МЕНЕЛИКЪ

ГОДШАМЪ	ШОА и часть Амхары	ТИГРЕ и часть Амхары расъ Мангаша	САМЕНЪ расъ Гавре-Меданъ
II Текле-Хайманотъ	—	—	—
III —	{ правители { провинцій	{ правители { провинцій	—
IV губернаторы	губернаторы	губернаторы	—
V { владѣльцы { имѣній	{ владѣльцы { имѣній	{ владѣльцы { имѣній	{ владѣльцы { имѣній

Провинція Саменъ составляетъ отдѣльное государство, правда, очень незначительное, такъ что въ немъ даже нѣтъ дѣленія на губерніи; администрацію Самена составляютъ: 1) правитель его и

2) владѣльцы имѣній. Въ Годшамѣ нѣтъ дѣленія на провинціи и потому тамъ послѣ негуса въ іерархической лѣстницѣ слѣдуютъ непосредственно губернаторы. Определеннаго закона о преемствѣ царей и правителей не существуетъ. По установившейся практикѣ право на императорскій престолъ принадлежитъ сильнѣйшему изъ членовъ всѣхъ царскихъ и княжескихъ фамилій, которыхъ, кстати замѣтить, чрезвычайно много. Каждая изъ этихъ фамилій возводитъ свое происхожденіе отъ первоначальной династіи абиссинскихъ царей; кто можетъ доказать, что его предки царскаго рода, тотъ смѣетъ мечтать о коронѣ и при удобномъ случаѣ добиваться ея. Вслѣдствіе этого смерть негуса вызывала всегда въ Абиссиніи смуту и междоусобіе: борьба должна была указывать преемника— въ лицѣ побѣдителя, превзошедшаго своихъ соперниковъ, который, послѣ побѣды, считался избранникомъ Божиимъ, истиннымъ законнымъ государемъ. Какъ скипетръ всей Абиссиніи брался обыкновенно съ бою, такъ и наслѣдованіе правъ на какое-либо изъ отдѣльныхъ государствъ страны доставалось борьбой и кровопролитіемъ. Если умиралъ кто-либо изъ вассаловъ негуса, то въ преемники ему вступалъ сильнѣйшій изъ подчинявшихся ему правителей провинцій. Происходило то же самое, что и при вступленіи на престолъ новаго императора, только въ меньшей степени. Иногда самъ императоръ останавливалъ кровопролитныя междоусобія вассаловъ собственнымъ избраніемъ кого-либо изъ нихъ въ наслѣдники умершему правителю. Случалось также, что правитель самъ предъ смертью при свидѣтеляхъ назначалъ себѣ преемника въ лицѣ любимаго сына или родственника, и это завѣщаніе принималось, какъ законъ и указаніе свыше и устраняло кровопролитіе. Окончательное утвержденіе вассала въ правахъ наслѣдства зависѣло и зависить отъ императора. Наслѣдованіе провинцій (третьей ступени) обыкновенно происходитъ мирнымъ путемъ: или чрезъ завѣщаніе предшественника или особымъ назначеніемъ самого императора. Главнымъ городомъ провинціи (или кантона) служитъ резиденція владѣльца. Она является центромъ всего населенія провинціи, такъ какъ въ ней сосредоточивается высшая административная инстанція. Дворъ владѣльца—это почти то же, что дворъ негуса. Смотря по состоянію, вассалы негуса обставляютъ себя возможною роскошью, почестями и великолѣпіемъ; имѣютъ войско, караулъ, свиту и цѣлый штатъ придворныхъ чиновниковъ, учреждаютъ у себя совѣты, составленные изъ нѣсколькихъ заслуженныхъ генераловъ. Каждый баронъ живетъ въ своемъ дворцѣ, какъ въ укрѣпленномъ замкѣ, неприступно и пользуется полною свободою дѣйствій. Глазъ негуса не проникаетъ за границы его владѣній. Обязанности его къ сюзерену ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что онъ ежегодно 2—3 раза доставляетъ ко дворцу негуса извѣстное

количество подати и, въ случаѣ объявленія негусомъ войны, обязанъ выступить съ своимъ войскомъ въ походъ къ сборному пункту императорской арміи. Выраженіе покорности вассаловъ предъ императоромъ происходитъ ежегодно въ положенное время, именно въ день праздника воздвиженія креста Господня. Всѣ короли и расы съѣзжаются въ столицу Энтото, привозя съ собою богатые подарки: муловъ, лошадей, быковъ, слоновую кость, вина, львиныя и леопардовыя шкуры, различные искусно выдѣланные изъ золота или рога, предметы для дома шелковыя и другія ткани, украшенія изъ золота для сѣделъ и упряжи царской; доставляются всевозможныя цѣнныя подарки для царицы и царедворцевъ. Самое свиданіе съ императоромъ обставляется пышностью. Въ приѣмной залѣ лежитъ подъ балдахиномъ на бархатныхъ подушкахъ императоръ, опершись головой на руку; царедворцы вводятъ въ залъ вассаловъ по одному: сперва старшихъ, потомъ младшихъ. Подчиненный, остановившись у порога, повергается на полъ; по данному императоромъ знаку, вассала подводятъ поближе къ царскому мѣсту; вблизи вторично вассалъ кладетъ земной поклонъ и цѣлуетъ руку царя царей; на вопросы своего повелителя отвѣчаетъ, стоя ровно и съ благоговѣнно сложенными на груди руками. Вопросы императора касаются большею частью состоянія земель и населенія, подвластныхъ вассалу. По окончаніи приѣма у царя и царицы, всѣ гости приглашаются на парадный обѣдъ, гдѣ, собравшись, не мало ѣдятъ, говорятъ и пьютъ.

Дѣленіе большихъ провинцій на губерніи вызвано стремленіемъ облегчить трудъ правителя, который не въ состояніи усмотрѣть порядокъ и дисциплину во всѣхъ концахъ своего обширнаго владѣнія. Губернія называется по абиссинскому словообозначенію намѣстничествомъ: это показываетъ, что губернаторъ не наследственный, родовитый начальникъ губерніи, а только намѣстникъ, слуга своего господина, владѣющаго всей провинціей. Назначеніе губернатора всецѣло зависитъ отъ наследственнаго владѣльца провинціи. Городъ, въ которомъ находится губернаторская ставка, служитъ центромъ губерніи; при губернаторѣ есть помощникъ (белатѣннета), канцелярія и секретарь. Въ случаѣ отсутствія губернатора белатѣннета исполняетъ его обязанности. Въ каждомъ губернскомъ городѣ, кромѣ того, есть полицейскій начальникъ для всей губерніи, называемый мыслени. Онъ разбираетъ предлагаемыя на судъ губернатора—тяжбы, грабежи, случившіяся въ губерніи, и рѣшенія свои представляетъ для утвержденія губернатору черезъ его помощника—белатѣннету. Въ распоряженіи мыслени—отрядъ солдатъ, которымъ онъ пользуется для водворенія порядка, подавленія мятежей и конвоированія тяжкихъ преступниковъ. Имѣющій дѣло къ губернатору идетъ съ просьбой къ мыслени, мыслени

передаетъ дѣло белатѣннетѣ, и уже белатѣннета докладываетъ губернатору, а въ случаѣ отсутствія послѣдняго, самъ оканчиваетъ дѣло. Резолюціи губернатора передаются мыслени къ исполненію.

Низшій разрядъ административнаго дѣленія составляютъ гульты, мелкія наследственныя имѣнія, называемыя еще „рысть“ (достояніе). Въ одной губерніи нѣсколько гультовъ (отъ 5—20 и болѣе). Гультъ представляетъ собою извѣстной величины участокъ земли, принадлежащій цѣлой фамиліи, стоящей по отношенію къ правителю провинціи въ ленной зависимости. Гультъ не продаваемъ и недѣлимъ между членами фамиліи. Только для удобства пользованія землею, семейства, владѣющія гультомъ, полюбовно дѣлятъ его между собою, обозначая бороздами участки, отданныя по одному на каждое семейство. Такой участокъ называется „градъ“ (по тигрейски) или марѣтъ (по амхарски). Иногда дѣленія гульты на участки не бываетъ, а вмѣсто того между семействами фамиліи или рода дѣлятся самыя произведенія земли. Начальствованіе надъ всѣмъ гультомъ, т. е. надъ фамиліей его владѣльцевъ и всего вообще населенія, живущаго на землѣ гульты, вручается особому лицу, занимающему очень почетное и привилегированное положеніе и называющемуся—„чека“, или „малканья“ (послѣднее прилагается къ начальникамъ наиболѣе обширныхъ гультовъ). Чека или малканья выбирается изъ фамиліи владѣльцевъ рыста. Должность чеки бываетъ или наследственною (по завѣщанію) или выборною: причемъ въ выборѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе члены фамиліи. Обыкновенно чекой бываетъ старѣйшій, наиболѣе уважаемый членъ рода, хорошо ознакомленный съ состояніемъ всего гульты: ему извѣстно, гдѣ земля лучше и гдѣ хуже, онъ знаетъ наперечетъ всѣ семейства своей фамиліи и всѣхъ членовъ ихъ и всѣхъ мужиковъ (ахуай), живущихъ на гультской землѣ. Принято говорить, что чека—это балабать, патриархъ, отецъ всей помѣщичьей фамиліи, владѣющей гультомъ. Утвержденіе въ должности чеки зависитъ отъ правителя провинціи или его намѣстника въ той губерніи, къ которой приписанъ гультъ. Чека является пятою, такъ сказать, ступенью въ іерархической лѣстницѣ правительственныхъ лицъ Абиссиніи. При немъ, какъ и при губернаторѣ, есть нѣсколько помощниковъ, составляющихъ совѣтъ чеки. Кромѣ того, въ каждомъ поселкѣ, по назначенію чеки, есть староста—шумъ или куадарѣ, на которомъ лежатъ полицейскія обязанности и сборъ податей съ жителей села, называющагося по абиссински тоже шумъ. Тяжбы мужиковъ и вообще сельскія дѣла шумъ предлагаетъ на усмотрѣніе чеки, который или самъ оканчиваетъ своимъ рѣшеніемъ дѣло или передаетъ его на судъ губернатора чрезъ мыслени. Тяжкихъ преступниковъ чека отправляетъ съ конвоемъ въ губернскій городъ, къ мыслени. Въ распоряженіи чеки есть военный отрядъ,

силой котораго онъ пользуется при исполненіи резолюцій губернатора, касающихся гульта.

II.

Абиссинская армія состоитъ изъ наемниковъ, милиціи и организованныхъ отрядовъ. Въ наемники поступають не только абиссинцы, а и чужеземцы: срокъ службы воина въ наймѣ—одинъ годъ. Изъ наемниковъ собственно составляются охранныя стражи для негуса, расовъ, губернаторовъ, митрополита, епископовъ и вообще всѣхъ именитыхъ сановниковъ, которымъ по штату полагается имѣть при себѣ почетный карауль. Наемники получаютъ небольшую плату и содержатся обыкновенно по деревнямъ на счетъ населенія, обязаннаго повинностью содержать наемниковъ своего начальника (напр., раса или губернатора).

Милиція слагается изъ всѣхъ лицъ мужескаго пола, способныхъ носить оружіе. Численность ея не опредѣлена, но несомнѣнно, что въ полномъ составѣ она должна превзойти всѣ арміи европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи. Въ отношеніи военной службы въ Абиссиніи не полагается никакихъ льготъ. Въ каждой хижинкѣ, дворянской или крестьянской, на стѣнахъ висятъ ружья и доспѣхи, которыхъ въ домѣ какъ разъ столько, чтобы ихъ хватило на всѣхъ мужчинъ семейства, способныхъ къ войнѣ. Въ мирное время крестьянинъ сидитъ въ кругу семьи, работаетъ въ полѣ, но лишь только раздастся заунывный звукъ трубы, призывающей къ сбору, онъ бросаетъ плугъ, наряжается въ доспѣхи, превращаясь изъ мужика въ браваго воина, и становится въ ряды своихъ односельчанъ, въ толпѣ которыхъ, предводительствуемѣй шумами, отправляется къ сборному пункту у ближайшаго начальника, т. е. у чеки. Вооруженіе крестьянъ пріобрѣтается ими самими на свои средства и потому бываетъ разнаго достоинства и системы: у нихъ встрѣчаются всякаго рода огнестрѣльные оружія, начиная съ стараго ружья съ фитилемъ до новѣйшихъ, заряжающихся съ казенной части; иногда попадаются воины съ древнимъ вооруженіемъ, какъ-то: копьемъ, короткимъ мечемъ, и щитомъ изъ кожи буйвола. Милиція никогда не собирается въ полномъ составѣ. Въ войнѣ участвуетъ обыкновенно небольшая часть ея, набранная въ тѣхъ лишь губерніяхъ, которымъ дано приказаніе негуса выставить свои силы. Практика установила такой обычай употребленія въ дѣйствіе милиціи. Негусъ въ случаѣ войны призываетъ къ оружію одну какую-нибудь часть имперіи, въ слѣдующую войну—другую часть и т. д.—по очереди. Можно вообразить, что произошло, если бы одновременно выступило на войну все населеніе, способное къ оружію, когда всѣхъ жителей въ Абиссиніи гораздо болѣе 10 милліоновъ.

Такая армія, при томъ способѣ содержанія, какой существуетъ въ странѣ, опустошила бы полъ имперіи.

Предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій негусъ задолго посылаетъ нѣсколькимъ вассаламъ и подчиненнымъ приказаніе—выступить со всѣми силами. Короли и расы передаютъ приказаніе негуса губернаторамъ, губернаторы—чекамъ, чеки—шумамъ. Шумъ, созвавъ въ своемъ селѣ воиновъ, ведетъ ихъ къ мѣсту пребыванія чеки, куда сходятся шумы со всего гульты съ ихъ отрядами. Въ то же время владѣльцы рыста, способные къ оружію, въ свою очередь, спѣшатъ быть на мѣстѣ, въ сборномъ пунктѣ губерніи, такъ какъ въ случаѣ промедленія дворянинъ лишается права на пользованіе гультымъ. Въ отношеніи военной службы законъ къ дворянамъ строже, чѣмъ къ крестьянамъ. Чеки отправляютъ вооруженное населеніе своихъ гультовъ къ губернатору, но сами не идутъ на войну, а остаются дома по обязанности службы. Близъ губернскаго города стягиваются воины со всей губерніи, и оттуда уже подъ предводительствомъ губернатора отправляются въ походъ къ сборному пункту арміи. За войскомъ идетъ масса слугъ и женщинъ, несущихъ съѣстные припасы и служащихъ при мулахъ и лошадяхъ. Большую часть милиціи составляетъ пѣхота, кавалеріи очень мало, а артиллеріи совсѣмъ нѣтъ. Всякій, имѣющій лошадь, въ случаѣ войны становится кавалеристомъ. Каждый воинъ беретъ съ собой съ мѣста отправленія кожаный мѣшокъ съ водой и другой мѣшокъ—съ мукой, которая, кстати замѣтитъ, хватаетъ ему надолго, такъ какъ абиссинецъ довольствуется малымъ количествомъ пищи. Когда взятая пища истощится, то продовольствіе добывается на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій грабежомъ. Небольшія партіи уходятъ въ сторону отъ пути, по которому слѣдуетъ армія, и возвращаются назадъ съ мѣстными жителями, нагруженными мукой, зерномъ, сѣномъ, пригоняютъ быковъ, овецъ, козъ. Животныхъ убиваютъ и мясо ихъ въ сыромъ видѣ ѣдятъ, разрѣзывая на куски саблями. Разводить огонь и печь жаркое есть ли когда? Вкусъ въ сыромъ мясѣ распознается абиссинцами лучше всего на войнѣ, такъ что, возвратясь домой, они продолжаютъ лакомиться этимъ блюдомъ и заражаютъ пристрастіемъ къ нему своихъ кровныхъ. Непрерывныя войны поддерживаютъ въ странѣ этотъ несимпатичный обычай. Вслѣдствіе отсутствія интендантской части, милиція не можетъ долго держаться въ мѣстности, лишенной продовольствія и воды, и скоро принуждена бываетъ отступить. Вообще абиссинская армія не любитъ стоять въ бездѣйствіи—и спѣшитъ поскорѣе окончить войну. Во время отдыха отряды располагаются обыкновенно лагеремъ вокругъ палатки своего начальника, причемъ выставляется пѣшая сторожевая цѣпь—кругомъ шаговъ на 300 впередъ. Начальники и то не всѣ помѣщаются въ палаткахъ, а солдаты искусно и быстро

строить себѣ шалаши изъ сучьевъ, листьевъ и травы. Походъ войска въ общемъ похожъ на переселеніе народа. Съ прекращеніемъ войны милиція распускается по домамъ. Каждый воинъ спѣшитъ въ свой гультъ, подъ свой кровъ.

Постоянные организованные отряды вооружены совершенно по европейскому образцу и хорошо дисциплинированы. Они набираются преимущественно изъ дворянъ. Служба въ организованномъ отрядѣ является привилегированной, такъ какъ съ ней связаны чины, награды, казенное жалованье и проч. Старшій сынъ изъ cadaго дворянскаго семейства обязанъ идти на военную службу и нести ее пожизненно, т. е. до тяжелой болѣзни и преклонной старости, дѣлающихъ человека неспособнымъ къ войнѣ. Тогда служака возвращается домой въ свой рысть. Въ военную службу дворянинъ отправляется съ 2—3 оруженосцами; семейный беретъ съ собой жену и дѣтей и поселяется въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему укажетъ губернаторъ. Организованные отряды по частямъ расположены въ столицахъ, резиденціяхъ королей и расовъ и въ большихъ губернскихъ городахъ. Вооруженіе постоянной арміи дается отъ казны. Воины получаютъ хорошее содержаніе и большое жалованье. Все-таки и эта лучшая часть абиссинской арміи оставляетъ желать многого. Солдаты не умѣютъ содержать ружья и чинить его; лучший способъ содержанія, если въ казенной части держатъ кусокъ сала съ тряпкой. Патроновъ отпускается самое ограниченное количество. Каждый воинъ имѣетъ въ гнѣздахъ, сдѣланныхъ въ поясѣ, отъ 30 до 40 штукъ патроновъ. Дисциплина не доведена до желаемого совершенства. Армія не умѣетъ дѣйствовать колонами, повзводно. Обыкновенный способъ наступленія—быстрая стремительная атака. Абиссинцы стремятся напасть на непріятеля одновременно спереди и съ фланговъ, и подавить его численнымъ превосходствомъ. Зная отлично мѣстность, они увлекаютъ непріятеля въ узкіе проходы и ущелья, чтобы покончить съ нимъ здѣсь. Такой маневръ имъ всегда удается и приводитъ къ побѣдамъ.

Въ абиссинской арміи существуютъ слѣдующія названія военныхъ чиновъ:

- расъ—главнокомандующій генераль.
- дагезмачъ—командиръ всего губернскаго войска,
- канезмачъ—начальникъ праваго крыла,
- гразмачъ—начальникъ лѣваго крыла,
- фитоврарій—начальникъ авангарда,
- оубо—начальникъ арріергарда,
- шихалека—тысяченачальникъ,
- матоалека—сотникъ,
- асралека—десятникъ,
- баламъ-барасъ—комендантъ крѣпости.

Перечисленные чины одинаково встрѣчаются какъ въ организованной арміи, такъ и въ милиціи.

Артиллерія имѣется только у Менелика и состоитъ изъ нѣсколькихъ орудій, поставленныхъ рядами на одномъ изъ дворовъ императорскаго дворца. Орудія содержатся въ чистотѣ и опрятности, но правильнаго употребленія ихъ абиссинцы не знаютъ. Притомъ, самая поверхность абиссинской почвы, состоящая изъ скалъ, ущелій, обрывистыхъ горъ, по которымъ идутъ узкія, едва проходимыя тропинки, мѣшаетъ передвиженію громоздкихъ артиллерійскихъ снарядовъ и потому они въ большинствѣ случаевъ остаются безъ употребленія и держатся только, такъ сказать, на показъ, для виду. Изъ нихъ салютуютъ императору и важнымъ иностраннымъ посламъ, пріѣзжающимъ въ столицу, даютъ сигналы и т. п.

Численность абиссинской организованной арміи достигаетъ 200,000. При лучшей дисциплиновкѣ и обученіи она представила бы изъ себя страшную силу. Для нея нужны учителя. Къ сожалѣнію, иностранцы, имѣющіе сношенія съ Абиссиніей, напр., французы, англичане, итальянцы, далеки отъ мысли помочь абиссинцамъ въ организаціи ихъ арміи. Они какъ будто бы опасаются воспитать эту силу, которая можетъ стать грозой для нихъ самихъ.

III.

Государственные доходы Абиссиніи образуются, главнымъ образомъ, изъ подати, вносимой владѣльцами имѣній. Отчисленіе подати съ cadaго имѣнія возлагается на управляющаго имъ чеку, который обязанъ ежегодно раза 2—3 доставить губернатору извѣстное количество дохода съ земли, смотря по ея обширности. Сборъ подати въ селѣ возлагается на шума, и каждое село отвѣчаетъ въ исправной уплатѣ ея круговою порукою. Подать взимается съ неумолимою строгостью, преимущественно произведеніями самой земли. Крестьяне, живущіе въ гультѣ, обрабатываютъ землю и за пользованіе ею часть произведеній ея должны доставить владѣльцамъ чрезъ шума. Шумы всѣхъ селъ несутъ доходы чекѣ, — каждый шумъ отъ своего села. Чека принимаетъ и провѣряетъ правильность сбора. Весь доходъ съ гульты распределяется такъ. Отъ него отдѣляется положенная часть въ пользу казны и немедленно отправляется къ губернатору, а остальная часть дѣлится между всѣми семействами владѣющими гультю. Губернаторъ доходы, доставляемые всѣми чеками его губерніи, отсылаетъ къ расу или королю, гдѣ есть особые казначеи, принимающіе подать. Въ настоящее время, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Менелика, взиманіе подати съ крестьянъ не сопровождается, какъ прежде, насиліемъ и притѣсненіями. Подати, собираемыя произведеніями самой земли,

расходуются обыкновенно на мѣстахъ сбора на мѣстныя нужды, излишекъ поступаетъ въ склады императора, устроенные тутъ же, откуда впослѣдствіи собранные матеріалы продаются на рынкахъ при посредствѣ довѣренныхъ лицъ и этимъ путемъ приобрѣтается звонкая монета, поступающая въ казну императора. Прежде чѣмъ дойти до императора, подать должна значительно сократиться въ сравненіи съ количествомъ, добытымъ на мѣстѣ отъ крестьянъ: изъ этого количества наибольшая часть удѣляется владѣльцамъ рывта, другая часть императорскимъ вассаламъ, и уже остатокъ поступаетъ къ императору.

Жалованье должностнымъ лицамъ дается тоже произведеніями земли. Негусъ или король отдаетъ чиновнику въ кормленіе нѣсколько гультовъ, съ коихъ тотъ получаетъ доходъ вмѣсто императора или пополамъ съ императоромъ. Губернаторъ получаетъ въ свое кормленіе нѣсколько городовъ и селъ, населеніе которыхъ обрабатываетъ землю въ его пользу. Владѣльцы имѣній отъ этого ничего не теряютъ, они получаютъ свое; чиновнику удѣляется только та часть доходовъ, которая предназначается для правителя провинціи или для негуса.

Въ пользу казны поступаютъ различные таможенные сборы, взимаемые на рынкахъ съ привозимыхъ предметовъ, а также сборы съ золотыхъ рудниковъ, находящихся на западѣ отъ береговъ Голубаго Нила. Эти отрасли дохода подчинены въ настоящее время строгому контролю и не отдаются уже на откупъ, какъ прежде. Получаемые денежные сборы пересылаются въ столицу императора Энтото, гдѣ ихъ принимаютъ казначеи и собираютъ металлическій фондъ.

Помимо подати и военной службы, сельское населеніе обязано повинностью по исполненію государственныхъ работъ, налагаемыхъ, по приказанію негуса, на ту или другую часть населенія имперіи, именно на ту, которая оказывается ближе къ мѣсту производства работъ. Рабочія силы крестьянъ, по указанію чеки чрезъ шумовъ, употребляются часто на сооруженіе дорогъ и мостовъ, копаніе колодцевъ, постройки храмовъ, монастырей, дворцовъ, губернаторскихъ домовъ, на порубку лѣсовъ, проведеніе каналовъ и т. д. Всѣ подобныя работы исполняются крестьянами сообща, подъ наблюденіемъ шумовъ. Притомъ рабочіе и сами слѣдятъ другъ за другомъ, понуждаютъ другъ друга усерднѣе и спѣшнѣе работать: общій интересъ, чтобы работа была скорѣе окончена; если кто полѣзнится, то, значить, лишняя тяжесть работы должна лечь на его сотоварищей; этого тоже не допустятъ: трудъ долженъ быть равномерно раздѣленъ между всѣми.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Церковно-административное устройство Абиссиніи не подходит ни подъ какія формы и опредѣленія нашего церковно-каноническаго строя. Тамъ мы видимъ нѣчто своеобразное, чему нельзя найти подобія ни въ одной изъ существовавшихъ и существующихъ организацій христіанскихъ церквей. Тѣмъ не менѣе формы церковнаго управленія Абиссиніи имѣютъ непреложную цѣнность, такъ какъ отличаются необыкновенною устойчивостью и практическимъ смысломъ. Слагались онѣ вѣками и въ своемъ сочетаніи образовали свою исключительно абиссинскую, особенную, туземную организацію. Они не были приложены внѣшне, чрезъ простое заимствование готоваго матеріала, а выработывались самобытно, въ соотвѣтствіи съ характеромъ и потребностями націи, т. е. осмысленно.

Какъ ни странно, но мы должны напередъ сказать, что церковное управленіе Абиссиніи имѣетъ феодальный характеръ или есть простое, ясное отраженіе политическаго склада страны. Высшіе органы церковной администраціи относятся къ низшимъ, какъ сюзерены къ своимъ вассаламъ. Въ основѣ строя лежитъ матеріальный принципъ: обладаніе землей и ея населеніемъ. Это обладаніе состоитъ въ полученіи подати съ крестьянъ и судѣ надъ ними. Сюзерень всѣхъ духовныхъ начальниковъ — митрополитъ, обыкновенно коптъ. Вся имперія состоитъ изъ митрополіи и двухъ епископій—это высшій разрядъ дѣленія; митрополія и епископіи, въ свою очередь, дѣлятся на епархіи — это второй разрядъ дѣленія. Третій разрядъ—дѣленіе епархій на церковные гульты (имѣнія). Первый разрядъ дѣленія совпадаетъ съ политическимъ раздѣленіемъ имперіи на три государства: Тигре, Шоа и Годшамъ. По правилу, установившемуся въ странѣ, митрополіей должно быть то государство, которое въ гражданскомъ отношеніи составляетъ наследственное владѣніе царя-царей; такъ, на примѣръ, при Іоаннѣ митрополіей было государство Тигре, а при нынѣшнемъ Менеликѣ—Шоа. Иначе говоря: митрополія церковная и митрополія политическая должны совпадать. Государство Тигре и Годшамъ являются теперь епископіями, номинально подчиненными митрополиту. Епископы Тигрейскій и Годшамскій должны относиться къ владыкѣ Шоан-

скому, какъ къ старшему. Въ положенное время, именно въ день воздвиженія креста Господня, соотвѣтственно тому, какъ къ императору пріѣзжаютъ съ покорностью вассалы, и къ митрополиту являются подчиненные ему епископы и привозятъ богатые подарки. Этимъ собственно и ограничивается ихъ подчиненіе. Каждый архіерей—независимый церковный владыка своего государства. Онъ имѣетъ свой дворецъ—въ резиденціи правителя—рядомъ съ дворцомъ послѣдняго. Дворецъ архіерейскій мало чѣмъ отличается пышностью и великолѣпіемъ отъ дворца свѣтскаго правителя. При архіереѣ есть тоже штатъ чиновниковъ, свита, совѣтъ, составленный изъ заслуженныхъ архимандритовъ, и отрядъ солдатъ, необходимый, какъ принудительная сила при проведеніи на практикѣ архипастырскихъ распоряженій. Въ важныхъ случаяхъ архипастырь приглашается на совѣтъ свѣтскаго правителя, гдѣ ему предлагаютъ всегда почетное мѣсто—рядомъ съ правителемъ. Для приглашенія архіерея отправляется самъ правитель, будь это даже самъ императоръ. Онъ съ свитой идетъ къ архіерейскому дворцу, а заранее посланные генералы извѣщаютъ архіерея о приближеніи императора. Владыка выходитъ на встрѣчу къ воротамъ своего дворца; а императоръ, завидѣвъ его, снимаетъ съ себя саблю и воинскіе доспѣхи и отдаетъ ихъ оруженосцу, а затѣмъ поклонившись низко нѣсколько разъ архіерею, подходитъ къ нему за благословеніемъ и цѣлуетъ въ его рукахъ крестъ и самую руку. При переѣздахъ, архіерея сопровождаетъ почетный карауль. Такъ какъ епископы абиссинскіе всѣ коптской національности, то и большинство лицъ, приближенныхъ къ архіерею,—копты, привезенные имъ изъ родины. При архіереѣ постоянно есть переводчикъ.

Епископовъ для Абиссиніи назначаетъ коптскій александрійскій патріархъ. Обыкновенно замѣщеніе праздної епископской каѳедры происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда умретъ абиссинскій епископъ, царь посылаетъ въ Александрію съ богатыми подарками нѣсколькихъ человѣкъ абиссинцевъ, которые передаютъ патріарху просьбу царя назначить для Абиссиніи епископа. Въ числѣ посланныхъ обыкновенно отправляется и вся свита умершаго епископа, состоящая изъ египтянъ (коптовъ). Патріархъ посвящаетъ кого нибудь изъ нитрійскихъ пустынниковъ въ санъ епископа и вручаетъ своему ставленнику патріаршую грамоту. Вновь назначенный въ Абиссинію епископъ захватываетъ съ собою цѣлый штатъ своихъ единоплеменниковъ—египтянъ: беретъ нѣсколькихъ священниковъ, архидіакона, діаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и множество слугъ. Иногда, впрочемъ, онъ беретъ къ себѣ свиту умершаго своего предшественника по каѳедрѣ. Избраніе и посвященіе абиссинскаго епископа, сборы его, путешествіе въ Абиссинію—все это продолжается очень долго—болѣе года. Прибытіе епископа въ столичный городъ сопро-

вождается всегда большою торжественностью. Еще за нѣсколько верстъ до города народъ толпами выходитъ встрѣтить своего пастыря. При приближеніи великаго путешественника къ столицѣ на встрѣчу ему выходитъ самъ негусъ съ городскими властями. Всѣ привѣтствуютъ прибывшаго и поздравляютъ съ назначеніемъ. Къ особѣ епископа приставляется отрядъ тѣлохранителей, составляющій съ этихъ поръ его постоянную стражу. И во всякое время шествіе абиссинскаго епископа обставляется такою же пышностью, какъ и шествіе самого негуса. Епископъ возсѣдаетъ на мулѣ, окруженный десятками воиновъ съ длинными саблями на плечахъ, покрытыми флагами изъ разноцвѣтной матеріи, развѣвающіеся концы которой опускаются почти до земли. Рядомъ съ епископомъ по правую и лѣвую стороны ѣдутъ на мулахъ два слуги въ пышныхъ одеждахъ. Одинъ держитъ большой зонть, другой огромнымъ опахаломъ изъ страусовыхъ перьевъ отгоняетъ насѣкомыхъ и навѣваетъ прохладу. По прибытіи въ столицу, епископъ поселяется въ своемъ дворцѣ, стоящемъ всегда рядомъ съ дворцомъ негуса. Новому епископу представляются во дворцѣ всѣ сановные жители столицы и сосѣднихъ городовъ, причемъ являются не съ пустыми руками, а приносятъ богатые подарки. Въ первый день по прибытіи устраивается парадный обѣдъ, на которомъ присутствуетъ негусъ. Во время обѣда ораторы произносятъ рѣчи, въ которыхъ восхваляютъ Бога за попеченіе о благѣ церкви и за то, что Онъ далъ имъ такого добраго епископа. Послѣ обѣда діаконъ произноситъ многолѣтіе. Въ слѣдующіе дни продолжаютъ приносить новому епископу поздравленія и подарки, что продолжается мѣсяца два. Подарки приносятся очень цѣнные: слитки золота и серебра, искусно выдѣланные разноцвѣтные ковши изъ цѣлаго рога для вина. Занимающіеся охотою дарятъ львиныя и леопардовыя шкуры для постилки пола; отъ женщинъ приносятся сотканная ими драгоценныя матеріи для сорочекъ и кафтановъ. Словомъ, всякій приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются и съѣстные припасы и даже скоть. Напримѣръ, одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой — овецъ, третій приноситъ кадку масла, сносятъ бочками вино, молоко, постное масло, медъ, воскъ и пр.

Власть епископовъ надъ ихъ епископіями ограничивается только властью императора. Но каждому епископу принадлежитъ въ его епископіи нѣсколько такихъ помѣстій, которыя независимы даже отъ императора и называются епископскимъ царствомъ (абун менгысть). Архіерей титулуется въ немъ, какъ царь! Населеніе архіерейскаго царства не въ правѣ апеллировать на судъ своего епископа въ судъ императора. Это было бы нарушеніемъ закона. Архіерей имѣетъ свое постоянное войско, которое освобождается отъ участія въ войнахъ, предпринимаемыхъ императоромъ. Во всякое

время епископъ имѣеть полную свободу призвать къ оружію населеніе своего царства и употребить эту силу, на что ему вздумается.

Одежда абиссинскихъ епископовъ, какъ и египетскихъ, ничѣмъ не отличается отъ одежды нашихъ духовныхъ лицъ. Такія же ряса и подрясникъ, и камилавка, расширяющаяся кверху, какія носить у насъ духовенство. Въ рукахъ у абиссинскаго епископа всегда посохъ съ блестящей золотой инкрустаціей; но креста на груди, какъ и у коптскаго патріарха, сверхъ рясы нѣтъ.

Такъ какъ абиссинскій народъ обреченъ на печальную участь—не видѣть въ числѣ своихъ святителей людей, родныхъ по языку и національности ¹⁾, то въ Абиссиніи есть поэтому особое духовное лицо изъ туземцевъ, не имѣющее епископскаго сана, но властью своею похожее на епископа,—это, такъ называемый, чаггэ (значитъ начальникъ). Должность эта была вызвана необходимостью замѣнять епископа—иностранца въ церковныхъ дѣлахъ, требующихъ знанія туземныхъ обычаевъ и языка. Абиссинцы для того, чтобы отѣннить званіе епископа, котораго просто обожаютъ, отъ званія чаггэ, пользующагося почти равною съ епископомъ властью, употребляютъ слѣдующую аналогію: епископъ—солнце, а чаггэ—лучи, отъ солнца исходящіе. Чаггэ дѣйствительно пользуется значеніемъ и властью лишь въ зависимости отъ епископа, по его попушенію. Чаггэ—это очень древняя должность въ Абиссиніи. Во всѣхъ столицахъ, гдѣ жили абиссинскіе цари, рядомъ съ старинными царскими дворцами стоятъ дворцы епископа и чаггэ также древней постройки. Совмѣстное нахожденіе этихъ дворцовъ свидѣтельствуеетъ о издревле существующей близости другъ къ другу негуса, епископа и чаггэ. Въ ихъ рукахъ и сосредоточивается вся власть, все высшее управленіе страной. Между этими тремя лицами существуетъ полное соотношеніе, особенно наглядно выражающееся въ слѣдующемъ. Негусъ получаетъ свое достоинство отъ епископа, какъ совершителя помазанія на царство. Епископъ получаетъ назначеніе отъ патріарха, по просьбѣ негуса, чаггэ выбирается негусомъ и управляетъ церковными дѣлами по волѣ и въ зависимости отъ епископа, которому, какъ иностранцу, безъ чаггэ обойтись невозможно. Эта абиссинская троица, если можно такъ выразиться, нѣчто нераздѣльное,—это одна власть въ троихъ, немислимая въ каждомъ порознь, одномъ безъ остальныхъ двухъ.

Должность чаггэ полагается исключительно во владѣніяхъ императора. Когда монархъ жилъ въ Тигре, то и чаггэ съ митрополитомъ жили въ Тигре, въ резиденціи негуса. При Іоаннѣ появи-

¹⁾ Въ Абиссиніи не можетъ быть епископъ изъ туземцевъ: это возведено въ законъ, непреложность котораго была ограждена на одномъ коптскомъ соборѣ анаемой.

лось три негуса и три епископа, вмѣсто одного негуса и одного епископа. Вслѣдствіе этой перемѣны чаггэ получилъ значеніе соправителя царя царей (негуса негастъ), такъ что не принявшіе помазанія негусы не имѣютъ права выбирать себѣ особыхъ чаггэ. Помазанный царь одинъ и чаггэ долженъ быть одинъ—вотъ правило. Но такъ какъ въ Абиссиніи не существуетъ закона о престолонаслѣдіи, то часто случалось, что по смерти императора, новый преемникъ его изъ другого царства выбиралъ себѣ новаго чаггэ, а прежній, такимъ образомъ, оставался какъ бы за штатомъ, хотя титулъ и содержаніе отъ него не отнимались. Такъ случилось по смерти Іоанна. Менеликъ, получивъ помазаніе на царство, поставилъ у себя новаго чаггэ, при жизни тигрейскаго чаггэ. Последній не лишился своихъ правъ и даже оставался полновластнымъ правителемъ въ Тигре, такъ какъ тигрейскій митрополитъ абба-Петросъ ушелъ къ Менелику. Недавно тигрейскій чаггэ скончался и, нужно думать, преемникъ ему не будетъ назначенъ, такъ какъ уже есть одинъ чаггэ и безъ того—въ царствѣ Шоа.

Мы бы подумали, что на постъ чаггэ назначается самый ученый и заслуженный архимандритъ, и жестоко ошиблись бы въ этомъ случаѣ. Императору Абиссиніи хорошо извѣстны всѣ великіе подвижники его имперіи, доводящіе свои подвиги до чудесныхъ размѣровъ. Когда требуется кандидатъ на чаггэскій престолъ, императоръ отправляетъ нѣсколько своихъ генераловъ и духовныхъ сановниковъ къ первому и самому лучшему изъ подвижниковъ, прославившемуся святостью жизни. Аскета разыскиваютъ въ лѣсу, чтобы передать ему царскую волю и призвать къ служенію церкви. Обычный отвѣтъ слышится на это призваніе изъ устъ подвижника: „я не хочу“. Монахъ ни за что не соглашается разставаться съ своею убогою жизнью въ лѣсу; онъ пристрастился къ подвигу и остается непреклоннымъ на всѣ просьбы царскихъ посланныхъ. Кажется, если бы самъ императоръ упалъ къ ногамъ этого монаха и умолялъ его—пріять жребій правленія, то и это не могло бы подѣйствовать. Приходится употреблять силу, принужденіе. Цѣлуя руки и ноги пословъ, обливаясь слезами, монахъ съ воплемъ умоляетъ ихъ—не брать его, сжалиться надъ нимъ, оставить его одного въ его убогомъ срубѣ, гдѣ онъ такъ пріятно и счастливо проводилъ дни въ молитвѣ. Однако, царская воля сильнѣе всѣхъ слезъ и воплей... Подвижника насильно омывають водою, обрѣзаютъ ему на рукахъ и ногахъ крючковатые ногти, остригаютъ волосы, облачаютъ его въ чистыя дорогія одежды и везутъ къ царю. Здѣсь принуждаютъ его принять высокій санъ. Митрополитъ чрезъ особое священнодѣйствіе посвящаетъ монаха—поочередно: въ діакона, пресвитера, архимандрита и, наконецъ, чаггэ. Прежній полунагой аскетъ становится великимъ сановникомъ, обла-

ченнымъ въ роскошныя одежды. Полный титулъ чаггэ слѣдующій: „Чаггэ имя рекъ, который сидитъ на каедрѣ Текле-Хайманота (разсадника вѣры) и есть сынъ и преемникъ свѣтлаго евангелиста Марка и святаго Сэллама (Фрументія) свѣта Эѳіопскаго“.

Въ Абиссиніи достоинство и заслуженность лица заключаются, главнымъ образомъ, въ обладаніи земель; поэтому и чаггэ соотвѣтственно своему сану получаетъ въ свое владѣніе не малое количество наиболѣе богатыхъ церковныхъ имѣній (гультовъ), въ которыхъ правитъ самостоятельно и независимо отъ митрополита. Кромѣ того, чаггэ, какъ соправитель императора и митрополита, пользуется вообще громаднымъ вліяніемъ на дѣла всей имперіи. Снъ участвуетъ въ царскомъ совѣтѣ, имѣя въ то же время свой собственный совѣтъ, канцелярію, штатъ чиновниковъ, свиту, караулъ и проч. Чаггэ имѣетъ даже свое войско, милицію, составляющуюся изъ крестьянъ, живущихъ на подвластной ему землѣ.

Въ Абиссиніи болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ, существуетъ тѣсная связь между властью свѣтскою и духовною. Духовные начальники имѣютъ громадное вліяніе на свѣтскія дѣла, и свѣтскій владыка—императоръ имѣетъ большое вліяніе на церковныя дѣла. Духовные начальники въ подвластныхъ имъ земляхъ служатъ и единственными свѣтскими правителями этихъ земель. Принято даже говорить, „менгысть мыне кгайнать“, т. е. „домъ священства больше дома царства“.

Духовному сословію принадлежатъ большія помѣстья, которыми оно владѣетъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ свѣтское дворянство владѣетъ царскою землею. Всѣ помѣстья цѣлой епископіи находятся во власти епископа являющагося, такъ сказать, сюзереномъ подчиненныхъ ему мелкихъ владѣтелей. Послѣ епископа въ іерархической лѣстницѣ церковнаго управленія слѣдуютъ начальники духовныхъ губерній, или духовные губернаторы. Дѣленіе церковной земли на губерніи вызвано тѣми же причинами, какія руководили при дѣленіи на губерніи царскихъ земель, именно стремленіемъ облегчить трудъ епископа въ управленіи обширными церковными имѣніями. Большею частью духовные губернаторы живутъ въ тѣхъ же городахъ, гдѣ и свѣтскіе губернаторы; губернскій городъ поэтому служитъ центромъ для двухъ соприкасающихся губерній—духовной и свѣтской. А такъ какъ между свѣтскою и духовною властью въ Абиссиніи существуетъ тѣсное взаимоотношеніе, и такъ какъ, кромѣ того, даже географически участки церковной и царской земли не выдѣлены въ особыя отдѣльныя территоріи, а перемѣшаны между собою, то и получается въ результатѣ слитіе обѣихъ губерній,—связанныхъ однимъ центромъ,—въ одно цѣлое, называемое въ этомъ смыслѣ по туземному „нагарить“. Нагарить, такимъ образомъ, есть понятіе, соотвѣтствующее такой территоріи

земли, которая обнимаетъ собою двѣ губерніи—духовную и гражданскую, связанныя однимъ центромъ. Между тѣмъ, мы далеки отъ мысли считать духовную и гражданскую губерніи за одно владѣніе. Начальники духовныхъ губерній носятъ названіе „ликакгайтатовъ“ — отъ „лика“ — первый и „кгайтатъ“ — священство, т. е. первый въ священствѣ, первосвященникъ или священноначальникъ. Когда умретъ ликакгайтатъ, избраніе и назначеніе въ нагаритъ новаго начальника всецѣло зависитъ отъ власти епископа. Ликакгайтатъ, живя въ главномъ городѣ нагарита, имѣетъ свою ставку рядомъ со ставкой свѣтскаго губернатора, управляющаго царскими помѣстьями нагарита. Кромѣ того, во всѣхъ большихъ городахъ нагарита есть дворцы для ликакгайтата, который обыкновенно не сидитъ на мѣстѣ, а по дѣламъ своей службы переѣзжаетъ изъ города въ городъ, причемъ разъ въ каждый годъ совершаетъ по порядку обзорѣніе всѣхъ церковныхъ помѣстій нагарита. Личность ликакгайтата очень почтенна. Въ своей губерніи онъ является представителемъ епископской власти. Во время объѣздовъ путешествіе его обставляется почти такою же торжественностью, какая бываетъ при шествіи епископа. Въ ликакгайтаты выбираются люди, получившіе достаточное мѣстное образованіе. Среди ликакгайтатовъ рѣдко встрѣчаются лица, имѣющія степени священства. Будемъ, вообще, имѣть въ виду, что по абиссинскому представленію іерархическія степени не составляютъ непремѣнную принадлежность духовнаго лица. Всякій, принадлежащій къ церковной администраціи, есть уже по тому самому лицу духовное — „папасъ“ — отецъ, хотя бы онъ не былъ ни діакономъ, ни даже монахомъ. По обычаю страны, онъ поэтому долженъ носить и одежду, присвоенную духовенству и отличающуюся отъ мірской.

Ликакгайтатъ, назначенный епископомъ, выбираетъ себѣ еще помощниковъ, тоже называемыхъ ликакгайтатами — двухъ или трехъ, смотря по обширности духовной губерніи. Они составляютъ совѣтъ духовной губерніи и участвуютъ въ дѣлахъ управленія наравнѣ съ губернаторомъ. При ликакгайтатѣ есть отрядъ солдатъ, которымъ онъ пользуется для водворенія порядка въ своей губерніи, подавленія мятежей и конвоированія тяжкихъ преступниковъ.

Духовная губернія образуется вся изъ отдѣльныхъ церковныхъ имѣній (гультовъ). Гульты церковные, называемые по мѣстному „лямасканъ“, крестными, по значенію своему — то же, что и гульты свѣтскихъ помѣщиковъ. Разница та, что свѣтскіе гульты принадлежатъ какой нибудь цѣлой помѣщицъей фамиліи, состоящей изъ нѣсколькихъ семействъ, а крестный гультъ принадлежитъ, такъ сказать, фамиліи священства, состоящей тоже изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ причтовъ. Фамилія священства, владѣющая крестнымъ гультомъ, заимствуется отъ главной соборной перкви гульта, напр.,

„гульть дебре-Бурганъ“ — значитъ помѣстье Бурганскаго собора, „гульть дебре-Таоръ“ — помѣстье Таворскаго собора и т. п. Соборы всѣхъ крестныхъ гультовъ стоятъ по отношенію къ епископу въ вассальной завимости. Цѣлый гульть составляетъ владѣніе нѣсколькихъ приходскихъ причтовъ, подчиненныхъ главному собору гульта. Гульть церковный, какъ и гульть свѣтскій, не продаваемъ и недѣлимъ. Только для удобства пользованія землею — причты, владѣющіе гультомъ, по согласію дѣлятъ его между собою на участки (марѣтъ). Нужно замѣтить, впрочемъ, что земля одного и того же гульта бываетъ часто разорванною, даже географически, на отдѣльные участки, расположенные особнякомъ — то тамъ, то здѣсь, около приходскихъ храмовъ. Это было простымъ слѣдствіемъ естественнаго способа надѣленія церквей землями: вновь строящемуся храму царь удѣлялъ участокъ гдѣ нибудь по близости около него, на землѣ, отданной раньше въ вѣчное владѣніе какому нибудь большому собору; появившійся новый храмъ становился къ этому собору, какъ къ старѣйшему и первому владѣльцу, въ имущественную зависимость и подпадалъ подъ его покровительство. Главный соборъ гульта, то же, что балаббать, патриархъ свѣтскаго гульта. Онъ объединяетъ въ себѣ разрозненные владѣнія приходскихъ храмовъ. Въ соборѣ гульта сосредоточивается вся высшая администрація. Настоятель собора есть вмѣстѣ и главный помѣщикъ всего крестнаго гульта, и носитъ титулъ „алака“, соотвѣтствующій въ свѣтской іерархіи званію „чеки“ — начальника помѣщичьяго гульта. По отношенію къ алакѣ (значитъ начальникъ) младшіе причты гульта находятся въ ленной зависимости. Утвержденіе въ должности алаки зависитъ отъ епископа или его намѣстника (ликакгайната) въ томъ нагаритѣ, къ которому приписанъ гульть. Алака является третьей ступенью въ іерархической лѣстницѣ церковнаго управленія Абиссиніи. При немъ есть помощникъ (марьета), канцелярія, совѣтъ и и отрядъ солдатъ. Алака — главный духовный и свѣтскій начальникъ гульта, т. е. причтовъ его и крестьянскаго населенія, живущаго въ селахъ крестнаго гульта. Въ каждомъ селѣ есть еще староста, назначенный алакой, и называемый „шумъ папасъ“ или поповскій шумъ въ отличіе отъ шумовъ, назначаемыхъ въ свѣтскихъ помѣстьяхъ. На поповскомъ шумѣ лежатъ полицейскія обязанности и сборъ подати съ жителей села. Тяжбы мужиковъ онъ предлагаетъ на судъ алаки, который или самъ рѣшаетъ дѣло или передаетъ его на усмотрѣніе ликакгайната. Тяжкихъ преступниковъ своего гульта алака подъ конвоемъ отправляетъ въ губернский городъ къ ликакгайнату, который нерѣдко, въ свою очередь, отсылаетъ преступниковъ къ епископу.

Для завѣдыванія специально церковными дѣлами cadaго прихода гульта, алака назначаетъ особыхъ лицъ „гавасовъ“ — по одному

въ каждый приходъ. Гавасъ наблюдаетъ за внѣшнимъ состояніемъ вѣреннаго ему храма и за поведеніемъ его причта, ходатайствуетъ о назначеніи въ приходъ новаго священника или діакона, назначаетъ чреду священнослуженія, распредѣляетъ церковные доходы, распоряжается церковнымъ имуществомъ и т. п.

Рядомъ съ администраціей абиссинской церкви идетъ чередное священство—„седмичники“ (самоноя), названные такъ оттого, что чреда служенія полагается седмицу. Духовенство правящее рѣзко отличается отъ духовенства служащаго, преподающее народу „курванъ“ (святое причастіе). Въ то время, какъ церковная администрація пользуется почетомъ, уваженіемъ народа, получаетъ богатое содержаніе, „седмичники“ находятся въ презрѣннѣи и нерѣдко проводятъ жизнь въ нуждѣ и лишеніи. Изъ лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, рѣдко кто имѣетъ священныя степени, но и имѣющіе ихъ никогда не совершаютъ церковныхъ службъ. По понятіямъ абиссинскаго народа, часто служить литургію унижительно для человѣка: кто часто причащается, тотъ не уважаетъ Бога, не испытываетъ страха предъ Его святыми Тайнами. Соотвѣтственно такимъ воззрѣніямъ, ликакгайнаты, алаки, гавасы отказываются отъ священныхъ степеней, а если получили ихъ раньше, то, ставъ начальниками, перестаютъ служить въ храмѣ.

Въ каждомъ приходскомъ храмѣ чередное священство состоитъ изъ нѣсколькихъ священниковъ и нѣсколькихъ діаконѡвъ. Нѣтъ храма, при которомъ было бы менѣе двухъ священниковъ и трехъ діаконѡвъ. Обычное число приходскаго причта, даже сельскаго: пять священниковъ и семь діаконѡвъ. Въ богатыхъ храмахъ ихъ бываетъ гораздо болѣе. Въ соборѣ гульта чередное священство состоитъ обычно изъ десяти священниковъ и пятнадцати діаконѡвъ. Среди послѣднихъ часто попадаются мальчики отъ 10—16 лѣтъ. Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду, что абиссинскій діаконъ мало соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ объ этомъ іерархическомъ лицѣ. Діаконство у абиссинцевъ—учрежденіе въ полномъ смыслѣ служебное. При каждомъ храмѣ всѣ обязанности слугъ, которыя у насъ исполняются пономарями, сторожами, свѣчниками—возлагаются въ Абиссиніи на діаконѡвъ. Это объясняется строгостью правилъ, воспреещающихъ непосвященнымъ лицамъ прикасаться къ священнымъ предметамъ, а главное—входить въ алтарь. Старшіе изъ діаконѡвъ участвуютъ вмѣстѣ съ священниками въ совершеніи службъ. Достоинство лицъ, принадлежащихъ къ чередному священству, опредѣляется способностью пѣть и читать въ храмѣ. Принципъ, руководствующій при опредѣленіи того, кому предстоятельствовать въ соборномъ служеніи, слѣдующій: первымъ долженъ служить не старѣйшій и благочестивѣйшій мужъ, а тотъ, кто лучше умѣетъ служить и имѣетъ красивый голосъ.

Клиръ гультакаго собора состоитъ изъ множества лицъ, исполняющихъ различныя обязанности, касающіяся или всего вообще гульта, или только собора—въ частности. Къ числу лицъ перваго рода—относятся: алака, маръета, гавасъ собора, экономя. Лица предназначенныя исключительно для служенія при соборѣ,—слѣдующія: хоръ пѣвчихъ, наставники (мемгыры), священники и діаконы. Къ клиру же слѣдуетъ отнести и всѣхъ юношей, живущихъ на средства собора и подготовляющихся подъ руководствомъ старшихъ къ занятію штатныхъ должностей соборнаго клира. Воспитаніе этихъ юношей вручается мемгырамъ—наставникамъ тоже живущимъ и питающимся на средства собора. Большинство юношей, принадлежащихъ собору, обучается церковному пѣнію для занятія мѣстъ въ соборномъ хорѣ. Иные проходятъ сверхъ того курсы другихъ наукъ опять же подъ руководствомъ наставниковъ, напр., изучаютъ способы составленія импровизированныхъ гимновъ для богослуженія, толкуютъ священное писаніе и святоотеческія творенія. Главная же обязанность всѣхъ юношей—учиться пѣнію, курсъ котораго составляетъ объемистая книга подъ наименованіемъ „дуга“. Юноша, изучившій безукоризненно наизусть этотъ курсъ, поступаетъ въ ряды хора и получаетъ титуль „дабтара“, съ коимъ связаны нѣкоторыя внѣшнія отличія и богатое содержаніе. Должностныя лица, принадлежащія къ администраціи гульта, т. е. алака, маръета, гавасъ имѣютъ при себѣ штаты чиновниковъ, тоже составляющихъ, такъ сказать, часть соборнаго клира, какъ и отрядъ солдатъ, находящійся въ завѣдываніи алаки и его помощника и пользующійся содержаніемъ изъ средствъ собора.

Первое мѣсто въ соборномъ клирѣ принадлежитъ хору пѣвчихъ. Управляющій хоромъ—алака есть вмѣстѣ и настоятель собора и начальникъ всего крестнаго гульта. Во время праздничныхъ службъ, когда поетъ хоръ, алака становится въ срединѣ пѣвчихъ на бархатномъ коврѣ, имѣя позади себя своего помощника (маръету), по правую руку—канъету и по лѣвую—граету. Главнѣйшіе чины хора поэтому слѣдующіе:

алака—начальникъ гульта,
 маръета—его помощникъ,
 канъета—господинъ правый,
 граета—господинъ лѣвый.

Далѣе слѣдуютъ младшіе члены хора, носящіе общее названіе дабтаръ. Дабтара—очень почетное званіе, равняющееся въ свѣтской службѣ генеральскому чину. Во время богослуженія всѣ дабтары становятся полукругомъ, обращеннымъ выпуклостью къ востоку. и осѣняющимъ мѣсто стоянія алаки. Обычное число дабтаръ въ каждомъ соборѣ—двѣнадцать человекъ; всѣ они, подобно алакѣ, маръ-

етѣ, канъетѣ и граетѣ, имѣютъ вышитые золотомъ кафтаны и посохи съ золотыми верхами. Лучшіе изъ юношей, достаточно обученные, разставляются въ храмѣ въ рядъ позади старшихъ и участвуютъ въ пѣніи гимновъ, положенныхъ къ исполненію полнымъ составомъ хора. Вблизи хора, по обѣ стороны его становятся рядами остальные юноши соборнаго клира, не навывкнвшіе еще пѣть. Они обязаны присматриваться и прислушиваться ко всему, что происходитъ въ хорѣ. Алака руководитъ пѣніемъ и даетъ знаки, какъ, что и когда пѣть. Всѣ пѣвчіе во время богослуженія внимательно сосредоточиваются глазами на блестящей верхушкѣ посоха алаки, увѣнчанной тремя подобозвѣздными крестами.

Если вникнуть хорошо въ жизнь крестнаго гульты то нельзя не замѣтить, что всѣ силы и богатства гульты сосредоточиваются въ соборѣ на счетъ благосостоянія и благоустройства подчиненныхъ собору приходскихъ храмовъ. Послѣдніе не имѣютъ чѣмъ похвалиться, но за то они могутъ съ гордостью указать на свою главу—соборъ, гдѣ собирается и устраивается все лучшее, и гдѣ организуется всегда великолѣпный хоръ, обыкновенно составляющій предметъ самыхъ усиленныхъ заботъ. Слава собора—хоръ. Въ виду тѣсной органической связи всѣхъ частей гульты, слава и величіе собора ощущаются и чувствуются всѣми младшими церквами гульты, не имѣющими въ дѣйствительности ничего сверхъ того, что необходимо для удовлетворенія самыхъ насущныхъ религіозныхъ потребностей народа. Соборъ старше своихъ ленныхъ церквей даже по лѣтамъ. Онъ раньше всѣхъ ихъ возникъ и получилъ землю. Существова сотни лѣтъ, онъ состарился и убѣлился сѣдинами. Вкругъ него возникъ городъ: онъ притянулъ, присосалъ къ себѣ населеніе, потомки котораго молятся теперь подъ сводами, оглашавшимися нѣкогда пѣніемъ и молитвенными вздохами ихъ отдаленныхъ предковъ. Станетъ-ли въ такомъ случаѣ младшая церковь гульты претендовать на богатства и величіе собора? Не отъ его ли земли она питается? Не ему ли обязана своимъ существованіемъ?

Младшіе члены соборнаго клира по мѣрѣ выбитія старшихъ членовъ занимаютъ ихъ мѣста, а свои уступаютъ юношамъ—ученикамъ, подготовленнымъ достаточно къ прохожденію того или другаго служенія при соборѣ. Воспитанникъ собора, ставъ „дабтарой“, получаетъ возможность, восходя по іерархической лѣстницѣ соборныхъ должностей, дослужиться и до званія алаки. Когда умретъ алака, его должность переходитъ къ маръетѣ, а мѣсто послѣдняго занимаетъ канъета, канъетой становится граета и т. д. Такимъ образомъ, въ іерархію собора не бываетъ вторженія пришлыхъ элементовъ. Вкругъ него образуется тѣсный замкнутый кружокъ, на подобіе семьи: обязанности старшаго члена послѣ его смерти передаются по преемству къ другому, стоящему ниже его одною сту-

пенью. Алака—патріархъ этой семьи. Юноши, воспитывающіеся при соборѣ—это будущіе наслѣдники іерархическихъ должностей. Какъ живо напоминаетъ этотъ строй абиссинскаго собора клиры церквей первовѣковой эпохи христіанства!

II.

Крестные гульты—имѣютъ разныя степени достоинства и важности, зависящія всегда отъ степени важности собора, а важность послѣдняго отражается на служебномъ положеніи начальника гульты--алаки. Всѣ алаки поэтому могутъ быть представлены въ іерархической послѣдовательности, соотвѣтствующей преимуществамъ подвластныхъ имъ соборовъ. Есть соборы до того важные по своему историческому значенію въ жизни абиссинскаго народа, что правительству абиссинскому представляется даже страннымъ, чтобы такіе соборы подчинялись и зависѣли отъ кого бы то ни было. Отсюда мы встрѣчаемъ въ Абиссиніи безпримѣрный фактъ существованія автокефальныхъ соборовъ и монастырей. Настоятели и игумены ихъ пользуются въ странѣ самымъ высшимъ почетомъ и самыми широкими правами. Власть ихъ ограничивается предѣлами ихъ гультовъ, но авторитетъ и голосъ ихъ имѣютъ силу для всей страны. Имена ихъ произносятся во всѣхъ концахъ имперіи съ благоговѣніемъ. Смерть одного изъ нихъ оплакивается всѣми, какъ будто всѣ семейства лишились своихъ отцовъ. Настоятели автокефальныхъ гультовъ совершенно не зависятъ отъ власти епископа и ликагнатовъ. Въ своихъ гультяхъ они имѣютъ полную свободу дѣйствій. Ихъ голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе по всѣмъ дѣламъ ихъ гультовъ. Автокефальныхъ соборовъ и монастырей въ Абиссиніи довольно много. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ царствѣ Тигре:

1) Аксумскій монастырь „Ціонъ“.

2) Въ городѣ Адуа—два собора: а) дебре-Бурганъ (гора Свѣта) съ храмомъ въ честь св. Троицы и б) соборъ Христа Спасителя.

3) Монастырь дебре-Дамо (на обрывистой горѣ).

4) Въ Тамбенской области—монастырь Какамо, въ которомъ живетъ замѣчательный подвижникъ, настоятель монастыря—комось (архимандритъ) Гавре-Георгисъ.

Въ столицѣ Макале соборы: 1) таоте-Медганіалемъ (храмъ Спасителя) и 2) таоте-Марьямъ (храмъ Божіей Матери).

Въ Ласта: 1) храмы Адува-Лалибела. Лалибела—одинъ изъ абиссинскихъ царей, почитающійся за святого. Въ жизнеописаніи этого святого сказано: кто былъ въ храмѣ Лалибелы, тому Богъ даетъ завѣтъ спасенія.

2) Въ мѣстечкѣ Гашень—храмъ Богоматери.

Въ государствѣ Амхара:

Въ Гондарѣ—древней амхарской столицѣ: 1) Бахта (введенія во храмъ Богоматери)—первый соборъ, хоръ котораго славится по всей Абиссиніи; 2) соборъ авуна-Авіекзы; 3) Дебре-Таоръ (гора Таворъ).

3) Авуна Текле—Хайманотъ-монастырь, называемый иначе Дебре-Либаносъ—гора Ливанская.

4) Въ мѣстечкѣ Зукала—соборъ св. Манфыскадоса.

Въ области Хамасеенъ, монастырь дебре-Бизанъ.

Всѣ автокефальные соборы и монастыри имѣютъ дарованныя имъ отъ негуса грамоты, подтверждающія ихъ права. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ указать одно очень замѣчательное—это право убѣжища для тяжкихъ преступниковъ. Преступникъ, которому удалось скрыться въ церковной оградѣ этихъ храмовъ, становится недоступнымъ для преслѣдованій суда.

Первое и самое важное для всей Абиссиніи убѣжище—это Аксумскій монастырь „Ціонъ“. Въ немъ обыкновенно укрываются самые тяжкіе преступники—мятежники противъ власти негуса. Въ лѣсахъ и пустыняхъ Абиссиніи живетъ очень много такихъ мятежниковъ. Они собираютъ вокругъ себя войска изъ бѣжавшихъ, скрывшихся отъ суда, и вообще изъ лицъ, недовольныхъ негусомъ и рассчитывающихъ на привольную жизнь въ случаѣ, если ихъ вождю удастся овладѣть царскимъ престоломъ. Скрываясь, какъ мы сказали, въ лѣсахъ и пустыняхъ, мятежники эти вмѣстѣ со своими предводителями цѣлые годы выжидаютъ удобнаго момента къ возстанію. Но если, какъ часто случается, искатель престола (шифта) откажется отъ своей мечты и вмѣстѣ съ своими сообщниками пожелаетъ помириться съ царемъ, тогда всѣ они спѣшатъ укрыться въ храмъ убѣжища. Самый же главный предводитель ихъ старается проникнуть въ Аксумъ, чтобы быть тамъ въ большей безопасности. Скрываясь днемъ въ лѣсахъ и рвахъ, онъ путешествуетъ ночью съ большой осторожностью. Достигнувъ воротъ монастырской ограды, шифта поспѣшно хватается за веревку большого колокола, висящаго надъ воротами, и бьетъ тревогу. На звукъ колокола сбѣгается монастырская братія и окружаетъ бѣглеца; начинаются разспросы: кто? откуда? Шифта проситъ защиты. Если братія согласится, то онъ спасенъ. Обитель даетъ ему у себя вождѣленный пріютъ. Если шифта пожелаетъ выйти изъ монастыря, то для полной безопасности онъ старается предварительно помириться съ царемъ. Тутъ посредникомъ является самъ настоятель монастыря. Въ качествѣ ходатая (астараки) онъ отправляется къ царю и проситъ помилованія мятежнику. Умилостививъ царя, настоятель возвращается въ монастырь и захвативъ съ собою самого шифту, вторично ѣдетъ

къ царю. Шифта взваливаетъ себѣ на плечи огромный камень и, войдя къ негусу, простирается предъ нимъ на землѣ. Въ такомъ положеніи онъ остается до тѣхъ поръ, пока царь не произнесетъ словъ помилованія во имя Христа. Тогда кто-нибудь изъ присутствующихъ, либо самъ астаракки снимаетъ съ плечъ шифты камень. Это служитъ знакомъ, что примиреніе состоялось. Вообще, въ Абиссиніи извѣстные подвижники—настоятели очень часто принимаютъ на себя трудъ печаловаться предъ царемъ за тяжкихъ преступниковъ. Шифта, если не надѣется во-время проникнуть въ Аксумъ или другое какое-нибудь замѣчательное убѣжище, призываетъ къ себѣ (въ то мѣсто, гдѣ скрывается) какого-нибудь прославившагося своею жизнью настоятеля. Шифта проситъ его ходатайства предъ царемъ о помилованіи, причемъ тутъ же клянется не возставать въ другой разъ противъ негуса. Настоятель ѣдетъ къ царю и склоняетъ послѣдняго дать, съ своей стороны, клятву въ томъ, что ничего не сдѣлаетъ шифтѣ. Послѣ этого преступникъ можетъ свободно выйти изъ своего потаеннаго мѣста и поселиться, гдѣ ему угодно.

У всѣхъ обитателей Тигре памятенъ слѣдующій случай, бывшій при негусѣ Іоаннѣ. Въ городѣ Лясаоръ появился шифта. Онъ собралъ большое войско и съ его помощью сталъ брать тигрейскія города. Негусъ Іоаннъ для усмиренія мятежника послалъ своего наслѣдника расъ Мангашу, тогда служившаго генераль-намѣстникомъ. Мягкосердечный сынъ Іоанна простилъ мятежника. Призвавъ его въ свою палатку, онъ сказалъ ему слѣдующее: „я не хочу твоей крови; дай слово, что ты не будешь въ другой разъ идти противъ моего отца“. Оба противника дали обѣщаніе не вредить другъ-другу и въ знакъ клятвы облобызали крестъ и евангеліе. Скоро объ этомъ мирѣ провѣдалъ Іоаннъ и въ станъ наслѣдника послалъ грозное приказаніе—немедленно выдать мятежника. Царскій лиджъ не рѣшился преступить клятвы: онъ счелъ за лучшее скрыться отъ гнѣва отца. Въ одну ночь, оставивъ войско, онъ отправился въ Аксумъ искать убѣжища. Тревожный бой монастырскаго колокола возвѣстилъ братіи, что у воротъ есть мятежникъ и проситъ защиты. Братія поспѣшила къ воротамъ и къ удивленію своему увидѣла царскаго сына. Радужный пріемъ былъ отвѣтомъ на просьбу царственнаго бѣглеца. Проживъ нѣсколько дней въ обители, Мангаша уже готовъ былъ постричься... Но этого не случилось. Царь Іоаннъ, поскорбѣвъ пятнадцать дней, въ теченіе коихъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, предложилъ сыну миръ. Расъ-Мангаша возвратился на свой прежній постъ.

Аксумскій монастырь богатъ своими помѣстьями. Ни одинъ автокефальный соборъ и монастырь не имѣетъ столько земли сколько „Ціонъ“. У него есть помѣстья въ Тигре, Шоа и Годшамѣ, помѣстья

до того обширныя, что нерѣдко обнимаютъ собою цѣлыя губерніи. Аксумскій гульта—по величинѣ своей превосходитъ не только гульты всѣхъ другихъ великихъ соборовъ и монастырей, но и всѣ епископіи, взятая въ отдѣльности, а также владѣнія, принадлежащія чаггэ. На аксумскомъ гултѣ расположены низшіе мелкіе гульты, стоящіе по отношенію къ „Ціону“ въ вассальной зависимости. Главный владыка всего этого достоянія носитъ титулъ—„нэвридъ“. Титулъ этотъ выше всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ титуловъ, за исключеніемъ титула чаггэ. Нэвридъ одѣвается въ роскошныя священническія одежды, сдѣланныя изъ шелка и вышитыя золотыми нитками и драгоценнымъ бисеромъ. На головѣ нэврида красуется діадема въ видѣ лучистаго солнца, называемая „рась-оркъ“, т. е. золотая голова. Діадема эта дѣлается изъ золотистой львиной гривы, вставляемой корнями въ золотую оправу, представляющую кругъ, который и надѣвается на голову. Грива, торчащая во всѣ стороны, производитъ впечатлѣніе солнечныхъ лучей. Этотъ великолѣпный головной уборъ присущъ только императору и заслуженнымъ лицамъ императорской фамиліи. Кромѣ нэврида въ Сіонскомъ монастырѣ есть еще игумень монастыря—„аббатъ“, подвластный нэвриду.

Къ числу автокефальныхъ гультовъ относится также гульта придворнаго, столичнаго собора, начальникъ котораго носитъ титулъ: „мелакъ быргвынать бурганъ“—въ переводѣ: „ангелъ—свѣтъ свѣтящій“.

Административное устройство автокефальныхъ гультовъ ни чѣмъ не отличается отъ устройства простыхъ крестныхъ гультовъ: такіе же чины и такой же составъ соборнаго клира; только по богатству и по средствамъ содержанія—всякій автокефальный гульта стоитъ выше простаго гульты. Немаловажное (по возрѣніямъ туземцевъ) отличіе автокефальныхъ гультовъ отъ простыхъ заключается еще въ томъ, что правители первыхъ имѣютъ каѳедры, т. е. право во время суда надъ подчиненными сидѣть на креслѣ, а не на землѣ, а правители простыхъ гультовъ этого права не имѣютъ. Право каѳедры принадлежитъ въ Абиссиніи лишь слѣдующимъ лицамъ: кромѣ, конечно, негуса, епископу, чаггэ, расу, ликакгайнату, назначенному епископомъ, и начальнику автокефальнаго гульты.

Въ общемъ, церковную администрацію Абиссиніи можно изобразить слѣдующей схемой:

Тигре.	Шоа.	Годшамъ.
I Епископъ Петръ	Митрополитъ Матѳей	Епископъ Лука.
II ликакгайнаты	ликакгайнаты	ликакгайнаты.
III алаки	алаки	алаки.
IV гавасы	гавасы	гавасы.

Чаггэсная область.	Сіонскій гульть.	Автокефальные гульты.
I Чаггэ	Нэвридъ	—
II ликакгайнаты	ликакгайнаты	—
III алаки	алаки	алаки.
IV гавасы	гавасы	гавасы.

Обычная одежда всѣхъ духовныхъ особъ въ Абиссиніи (кромѣ епископовъ) мало чѣмъ отличается отъ одежды мірянъ. Камисъ—хитонъ, который носятъ всѣ абиссинцы, у духовныхъ лицъ отличается тѣмъ, что имѣетъ рукава пошире и самъ дѣлается подлиннѣе. Поверхъ камиса абиссинцы носятъ лэвса,—плащъ изъ тонкой бѣлаго цвѣта матеріи съ широкой пурпуровой полосой посрединѣ, составляющей отличіе лицъ высшаго званія въ томъ числѣ и духовныхъ. Всѣ духовныя лица не ходятъ, подобно мірскимъ, съ открытой головой, а покрываютъ ее. Головные уборы различаются по

Алака и его помощникъ марьета.

формѣ, смотря по тому, кто ихъ носитъ. Простые священники носятъ чалму, (метамма); у высшихъ лицъ чалму замѣняетъ бѣлаго или чернаго цвѣта камилавка, расширяющаяся кверху; нѣкоторые изъ ликакгайнатовъ и алакъ носятъ чалму, но у нихъ она отличается бѣльшимъ изяществомъ, чѣмъ у простыхъ священниковъ. Діаконы ходятъ съ открытой головой. Чаггэ и многія другія высшія духовныя лица носятъ въ качествѣ данной негусемъ награды—камисъ изъ цвѣтной шелковой матеріи, шитый золотомъ. Всѣ духовные ходятъ съ посохами, имѣющими форму буквы Т.

III.

Скажемъ нѣсколько словъ о средствахъ содержанія абиссинскаго духовенства. — Доходы церкви пріобрѣтаются тѣмъ же способомъ и изъ тѣхъ же источниковъ, что и доходы поземельнаго дворянства и лицъ, принадлежащихъ къ свѣтской администраціи. Главный источникъ доходовъ — земля, обработка которой отдается безземельнымъ крестьянамъ за условленную мѣру вымолоченнаго хлѣба. Вносимая крестьянами мѣра считается обязательною податью (гыбырь): изъ нея слагаются громадныя богатства, принадлежащія соборамъ гультавъ, епископамъ, чаггэ и друг. Въ каждомъ крестномъ селѣ собраніе подати возлагается на поповскаго шума. Шумы сель, принадлежащихъ церкви, свозятъ собранные матеріалы гавасамъ приходскихъ храмовъ. На обязанности гаваса лежитъ распредѣленіе получаемыхъ доходовъ: третью часть онъ оставляетъ для своего храма, а $\frac{2}{3}$ отсылаетъ къ алакѣ гульта. Обыкновенно алакѣ отсылается подать не натурой, а монетой или металломъ, добытымъ отъ продажи произведеній земли на рынкахъ. Остающаяся третья часть хлѣба — или вся поступаетъ натурой въ хлѣбныя склады прихода для пользованія причта, — или частью тоже продается на рынкахъ для мѣны на серебро. Получаемый золотомъ и серебромъ капиталъ ссыпается въ мѣшки для храненія въ „ыккаветѣ“ — сокровищницѣ, представляющей небольшое зданіе вблизи храма. Въ „ыккаветѣ“, кромѣ денегъ, сберегаются церковныя облаченія и дорогая церковная утварь. Храненіе всѣхъ этихъ вещей и капитала ввѣряется особому лицу, носящему названіе „баджеронде“, — т. е. хозяинъ. Высшій контроль надъ имуществомъ храма принадлежитъ гавасу. Онъ дѣлаетъ хозяину сокровищницы указанія о расходованіи денегъ, предписываетъ пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ вещей для храма и причта и т. п. Чередное священство живетъ на полномъ содержаніи отъ доходовъ своего храма, расходовемыхъ баджеронде по указанію гаваса. Хозяинъ храма каждый мѣсяцъ отмѣриваетъ сколько нужно хлѣба изъ складовъ прихода и развозитъ его поровну всѣмъ семействамъ причта. Изъ стада скота, пасущагося на церковной землѣ и принадлежащаго причту, нѣсколько штукъ овецъ и быковъ ежемѣсячно разсылаются семействамъ духовенства; имъ также выдается сколько нужно матеріи на одежды и бѣлье; деньги на руки не выдаются никому.

Доходы гульта, получаемые алакой отъ гавасовъ, распредѣляются такъ. Половина суммы остается при соборѣ, а другая половина въ качествѣ подати вносится сюзерену гульта: епископу или чаггэ, смотря по тому, въ чьихъ владѣніяхъ числится гультъ.

Гульты, отчисленные на содержаніе ликакгайтатовъ, уплачиваютъ свои половины ликакгайтатамъ. Гражданское правительство не пользуется никакими доходами съ крестной земли: взносы церковныхъ крестьянъ всецѣло идутъ на украшеніе храмовъ, содержаніе причта и духовной администраціи. Сюзерены гультовъ:—епископы, чаггэ, нэвридъ—обладаютъ богатыми средствами, которыя расходуются обыкновенно на содержаніе дворцовъ этихъ сановниковъ, на жалованье состоящихъ при нихъ чиновниковъ и т. п. Алаки доставляютъ подати своимъ сюзеренамъ не непосредственно, а чрезъ посредство ликакгайтатовъ. Сюзерены простыхъ гультовъ не имѣютъ никакого отношенія къ гультамъ автокефальныхъ церквей и не получаютъ съ нихъ подати. Доходы автокефальнаго гульта составляютъ полную собственность его собора.

Соборы гультовъ—простыхъ и автокефальныхъ отличаются богатствомъ денежныхъ капиталовъ. Но все это богатство идетъ на расходы. При соборѣ состоитъ многочисленный клиръ, который нужно содержать. Соборный храмъ, по самому положенію своему—главы гульта, долженъ отличаться пышностью и великолѣпіемъ. Особенно много денегъ уходитъ на содержаніе хора. Начальникъ хора и гульта—алака, высшіе сановники хоровой корпораціи и всѣ дабтары получаютъ огромное жалованье, кромѣ того, что для нихъ пріобрѣтаются на средства собора дорогія одежды и посохи, украшенные золотомъ. Наставники соборнаго юношества, само юношество, воспитывающееся подъ кровомъ собора, многочисленный штатъ чиновниковъ, служащихъ при алакѣ и маръетѣ, конвойные, солдаты почетныхъ карауловъ—весь этотъ народъ живетъ и питается отъ доходовъ собора. Визиты алаки къ епископу или негусу, посѣщенія собора именитыми сановниками, напр., ликакгайтатами или расами, обходятся собору тоже не дешево: визиты немислимы безъ богатыхъ подарковъ, а съ посѣщеніемъ высокихъ гостей связаны пышные обѣды, стоящіе очень дорого, такъ какъ приличіе страны требуетъ предлагать высокому гостю за обѣдомъ цѣлаго быка.

Главная церковь гульта, питаясь на счетъ подчиненныхъ ей младшихъ церквей, считаетъ своимъ долгомъ быть для нихъ попечительною, заботливою матерью. Обладая большими богатствами, она никогда не отказываетъ въ помощи леннымъ церквамъ: надѣляетъ ихъ въ случаѣ недостатка церковною утварью, помогаетъ въ ремонтѣ и проч. Если какая-нибудь приходская церковь потерпитъ бѣдствіе (напр., пожаръ) или по бѣдности окажется не въ состояніи пріобрѣсти церковныя облаченія, иконы и т. п., то въ такомъ случаѣ гавасъ этой церкви обращается къ алакѣ гульта за помощью и получаетъ, что нужно. Обыкновенно алака раздаетъ на бѣдные храмы своего гульта старые, вышедшіе изъ употребле-

нія въ соборѣ—ризы, иконы, кресты, кадилаицы, чаши и проч. Главная церковь гульты оказываетъ также пособіе причтамъ подчиненныхъ ей младшихъ церквей въ случаѣ крайней нужды. Словомъ—между церквами одного гульты существуетъ всегда тѣсная, братская связь. Гультъ съ входящими въ его составъ приходами представляетъ изъ себя тѣсную родственную среду, отецъ которой—алака.

За требоисправленія духовенство не беретъ съ прихожанъ особой платы. Но въ замѣнъ того существуютъ добровольные взносы отъ помѣщичьихъ гультовъ въ пользу церкви. Каждый свѣтскій помѣщикъ ежегодно жертвуетъ въ ближайшій храмъ десятую часть своихъ доходовъ. Всѣ получаемыя отъ помѣщиковъ десятины гавасъ дѣлится на три равныя части: одна идетъ въ пользу бѣдныхъ прихода, другая—на украшеніе и причтъ храма, третья—препровождается черезъ алаку къ чаггэ, который имѣетъ своею спеціальною обязанностью—распредѣлять получаемыя этимъ путемъ деньги по своему усмотрѣнію; преимущественно онѣ идутъ въ пользу главнѣйшихъ монастырей и соборовъ имперіи. Негусъ абиссинскій самъ строго исполняетъ благочестивый обычай одесятствованія. И онъ ежегодно удѣляетъ десятую часть своихъ доходовъ на нужды церквей, монастырей и бѣдныхъ.

Крестьяне, живущіе на землѣ, принадлежащей крестному гульту, освобождены отъ подати царской. Только въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, напр., во время войны, негусъ обращается къ соборамъ и монастырямъ за денежнымъ пособіемъ, которое и взимается алаками съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ и отсылается къ негусу.

Соотвѣтственно тому, какъ царскіе или помѣщичьи крестьяне обязаны исполнять работы, налагаемыя негусомъ, и населеніе крестныхъ гультовъ призывается нерѣдко къ произведенію работъ въ пользу церкви, напр., къ сооруженію и ремонту храмовъ, украшенію ихъ, перевозкѣ и доставкѣ матеріаловъ, постройкѣ домовъ для причта и дворцовъ для лицъ церковной администраціи и проч. Изъ населенія крестнаго гульты составляются отряды и караулы—для алаковъ, ликакгайнатовъ, чаггэ, архіереевъ и другихъ лицъ духовнаго правительства.

С У Д Ъ.

У абиссинцевъ правосудіе считается вообще главною священною обязанностью всякаго лица, правящаго хотя бы самую пезначительною горстью населенія. Но судебные порядки, существующіе въ Абиссиніи, до сихъ поръ не развиты, не улучшены и носятъ на себѣ черты глубокой сѣдой древности. Что касается самыхъ законовъ, то они отличаются неполнотою и не могутъ отвѣчать всѣмъ случаямъ преступленій, подлежащихъ судебному разбирательству. Опытная и природная мудрость, здравый смыслъ судей—вотъ тѣ начала, на которыхъ всецѣло зиждется въ Абиссиніи судопроизводство.

Основные черты свѣтскаго и духовнаго суда въ Абиссиніи однѣ и тѣ же. Разница только въ званіи судей, а не въ процессѣ суда; такъ: епископъ, чаггэ, ликакгайтатъ, алака—представители духовнаго суда; расъ, губернаторъ, мыслени, чека—представители суда свѣтскаго. Населеніе подлежитъ суду того вѣдомства, во владѣніяхъ котораго живетъ: жители крестнаго гульта ищутъ суда у духовныхъ судей, а принадлежащіе къ свѣтскому владѣнію судятся у свѣтскихъ судей. Каждое изъ лицъ духовной и свѣтской администраціи есть, такимъ образомъ, судья народа и въ этомъ смыслѣ называется по мѣстному „дання“, что значитъ въ переводѣ: посредникъ. Понятіе—„дання“ прилагается вообще ко всякому, устраивающему примиреніе двухъ тяжущихся лицъ, и потому оно очень растяжимо. „Идти къ дання“ абиссинское выраженіе, равнозначущее фразѣ: „искать правосудія“.

Судъ у главныхъ данней происходитъ разъ въ двѣ или въ три недѣли, а у шумовъ,—когда прійдется. Мѣстомъ для суда выбирается всегда живописный высокій холмъ за чертой населенія, получающій отъ своего назначенія названіе „адававай“—судилище. Въ день суда раннимъ утромъ, едва займетъ заря, судья съ совѣтниками взбирается на холмъ. Онъ садится или на каедрѣ, если имѣетъ на нее право, или на коврикѣ, усыпанномъ душистой травой. Каедра устраивается въ видѣ ступеней и покрывается цвѣт-

нымъ ковромъ. Совѣтники разсаживаются прямо на землѣ въ два ряда: полуоборотомъ къ главному судѣ и лицомъ другъ къ другу. При этомъ играетъ важную роль мѣстничество: нисхождение степеней послѣдовательно идетъ отъ предсѣдателя къ первому члену праваго ряда, затѣмъ къ первому члену лѣваго ряда и т. д. Мѣсто — около младшихъ членовъ, сидящихъ на краю, — предназначается для подсудимыхъ и доносчиковъ. По обѣ стороны этого мѣста ставятъ вооруженныхъ солдатъ. У подножія холма правосудія собираются всѣ тяжущіеся, связанные преступники, тутъ же глазѣютъ любопытные зрители. Конвойные въ порядкѣ очереди приводятъ предъ лицо судей по два человѣка, имѣющихъ общее судебное дѣло, при этомъ строго наблюдается, чтобы обвиняемый становился по лѣвую сторону своего обвинителя. Судьи даютъ тяжущимся въ волю наговориться, и тогда холмъ оглашается пронзительнымъ непрерывнымъ крикомъ, перекатывающимся отдаленнымъ эхомъ по сосѣднимъ холмамъ и ущельямъ... Если обвиняемый не сознается въ своемъ проступкѣ, то употребляется слѣдующее символическое дѣйствіе. Истецъ дѣлаетъ на краю верхней одежды судьи узелъ и, ударяя по нему, клянется своимъ имуществомъ или только частью его (смотря по важности жалобы), напр., говорить: „пять быковъ“. Это значитъ, что, если жалоба его неправильна, онъ обязанъ уплатить судѣ пять быковъ. Если отвѣтчикъ не хочетъ признать себя виновнымъ, то онъ развязываетъ узелъ. Тогда данна посылаетъ истца за свидѣтелями. Оба противника, положившіе въ условіе „пять быковъ“, кромѣ того, должны выбрать каждый для себя тутъ же на судѣ поручителя (уаса). Поручитель платитъ за своего кліента въ случаѣ, если тотъ скроется отъ суда. Уась выбирается изъ старѣйшинъ и почетныхъ лицъ, извѣстныхъ своею честностью. Кто не найдетъ себѣ уаса, того заковыываютъ въ цѣпи (сансалать) и притомъ не одного, а вмѣстѣ съ конвойнымъ (куруннѣя), чтобы не убѣжалъ. Въ такомъ положеніи ему приходится оставаться до окончанія судебного процесса, который иногда можетъ продолжиться очень долго *). Считается большимъ позоромъ для того, кто остался безъ уаса. Этотъ несчастный начинаетъ рыдать, что есть мочи. Случается, что въ это время кто-нибудь изъ присутствующихъ на судѣ сжалится надъ нимъ и возьметъ его на свою отвѣтственность. При этомъ требуется клятва. Дѣлающійся уасомъ и его кліентъ должны произнести слова: „Менеликъ имуть“ — клянусь смертью Менелика. Потомъ уже начинается дознаніе, выслушиваются свидѣтели. Иногда процессъ затягивается на мѣсяць, на годъ и болѣе (такъ какъ судъ производится только разъ въ 2—3 недѣли). Клятва, заключенная между

*) Куруннѣя получаетъ отъ скованнаго съ нимъ извѣстную суточную плату.

уасомъ и его кліентомъ, остается дѣйствительною до окончанія процесса. Но потомъ она должна быть снята. Если уасъ забудеть тотчасъ по окончаніи дознанія снять съ себя клятву въ присутствіи данни, то онъ остается отвѣтчикомъ за своего кліента до тѣхъ поръ, пока новый случай не сведеть его съ кліентомъ опять у данни, когда онъ будетъ имѣть возможность поправить ошибку своей забывчивости. Если такого случая не представится, то уасъ и его кліентъ остаются связанными клятвой до смерти одного изъ нихъ. На судѣ въ Абиссиніи есть еще „тавака“ (адвокаты). Кто плохо говоритъ, проситъ (за плату или даромъ) другого идти съ нимъ въ судъ и излагать жалобу, отвѣчать на вопросы данни, спорить съ противникомъ и пр. Адвокатура въ Абиссиніи довольно развита. При помощи адвоката иной виновный выходитъ изъ суда оправданнымъ. Данни за свой трудъ судьи получаетъ съ неправой стороны плату, смотря по важности жалобы или вины.

Если въ гультѣ (царскомъ или крестномъ) совершится какое-нибудь очень важное преступленіе, какъ-то: убійство, крупная кража, мятежь, разбой, то происходитъ слѣдующее. Начальникъ гульта разслѣдываетъ дѣло на мѣстѣ, но самъ не судитъ, а отправляетъ связанныхъ преступниковъ въ губернской городъ, къ мыслени. Каждого преступника сопровождаетъ приставленный къ нему данни—посредникъ, хорошо освѣдомленный о ходѣ преступленія, о результатахъ разслѣдованія, чтобы изложить предъ мыслени всѣ обстоятельства дѣла. Мыслени въ присутствіи своего совѣта, выслушавъ доклады посланниковъ, производитъ судъ надъ всѣми преступниками и свое рѣшеніе отправляетъ на утвержденіе къ губернатору. Если приговоръ, сдѣланный совѣтомъ мыслени, такого рода, что требуетъ пролитія крови или повѣшенія, то губернская власть не вправѣ сама наказать преступника, а обязана отослать его вмѣстѣ съ его посредникомъ въ царскій судъ. Здѣсь посредникъ передаетъ ходъ и рѣшеніе губернскаго суда и царевъ судъ повелѣваетъ его исполнить. Впрочемъ, преступникъ имѣетъ право тутъ же заявить, что онъ не доволенъ губернскимъ судомъ и проситъ совершить надъ нимъ особый судъ въ присутствіи царя. Тогда на основаніи сообщенныхъ посредникомъ свѣдѣній о преступленіи царскіе судьи произносятъ свой собственный приговоръ, который то совпадаетъ съ судомъ губернатора, то бываетъ строже, то милостивѣе.

Въ Абиссиніи чрезвычайно развита апелляція, какъ въ свѣтскомъ судѣ, такъ и въ духовномъ. Лицо, недовольное судомъ своего ближайшаго судьи, ищетъ защиты у раса, епископа или у чаггэ,—потомъ, недовольствуясь и ихъ судомъ, подаетъ жалобу въ судъ самого царя. Дворцы царя, королей, расовъ, епископовъ, чаггэ постоянно бываютъ осаждаемы жалобщиками (боигвѣнь), не-

довольными судомъ своихъ ближайшихъ начальниковъ. Въ виду этого при дворцахъ выспихъ правительственныхъ особъ существуетъ многочисленный штатъ развѣдчиковъ или судебныхъ слѣдователей, называемыхъ тоже посредниками—данняя. Ихъ обязанность—разслѣдовать дѣла тѣхъ жалобщиковъ, съ которыми не явились ихъ мѣстные посредники. Данняя, приставленный къ жалобщику, долженъ самъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, т. е. распросить свидѣтелей изъ того города, гдѣ виновный совершилъ преступленіе, разузнать отъ мѣстныхъ—начальника гульты и мыслени, судившихъ преступника, какое произведено дознаніе и какой сдѣланъ ими приговоръ и т. д. и т. д. Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, посредникъ въ сопровожденіи заинтересованной стороны идетъ опять въ царское судилище и здѣсь передаетъ все, что узналъ. На основаніи этихъ свѣдѣній произносится въ присутствіи царя—приговоръ, уже окончательный и послѣдній.

Практика, ставшая закономъ, установила извѣстный порядокъ подачи жалобъ, нарушеніе котораго ведетъ къ законной отвѣтственности. Такъ, жителямъ крестнаго гульты ни въ коемъ случаѣ нельзя, миновавъ судъ алаки гульты, идти съ жалобой къ свѣтскому губернатору или расу. Къ нимъ они могутъ обращаться только послѣ суда алаки. Нарушитель этого правила строго наказывается: лишается всего имущества и заключается на 2—3 мѣсяца въ крѣпость. Житель помѣщичьяго гульты имѣетъ, напротивъ, полную свободу въ выборѣ для себя судей: онъ можетъ безъ предварительнаго суда чеки отправиться съ своей тяжбой прямо къ линакгайнату, потомъ къ епископу и т. д. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что у абиссинцевъ судъ церковный ставится гораздо выше суда свѣтскаго, такъ что представители духовной власти бывають постоянно осаждаемы лицами, апеллирующими на приговоры свѣтскихъ судей. Помѣстья автокефальныхъ соборовъ и монастырей въ отношеніи суда подлежатъ вѣдѣнію исключительно настоятеля и главы помѣстья и затѣмъ царя. Остальные посредствующіе свѣтскіе и духовные органы власти для автокефальныхъ гультовъ въ сущности не существуютъ, хотя на практикѣ случается, что кто-нибудь изъ жителей подобнаго гульты обращается въ судъ губернатора или раса. Но ужъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ обратиться въ судъ линакгайната или епископа, такъ какъ это было бы кореннымъ противорѣчіемъ самому понятію объ автокефальности и, кромѣ того, унижало бы значеніе царскихъ грамотъ, которыми автокефальные гульты изъяты изъ подъ суда церковной власти.

II.

Царскій судъ—это высшая судебная инстанція. Всякій, кто хочет судиться у царя, самъ отправляется въ путь, нерѣдко дальній, въ столицу. По пути, въ домахъ, его принимаютъ радушно въ виду того, что онъ „боигв́ань“, т. е. жалобщикъ. Приблизясь къ огорожѣ императорскаго двора, обыкновенно со стороны, наиболѣе близкой къ окнамъ царской комнаты, боигванъ затягиваетъ жалобную пѣсню: „аветь, аветь, аветь!..“ Если царь услышитъ жалобу, немедленно высылаетъ за ворота дворца своего повѣреннаго, имѣющаго громкій, почетный титулъ: афанегусъ—т. е. „ротъ царя“. Отъ жалобщика разузнаютъ, чего онъ проситъ, и если окажется, что онъ явился сюда съ апелляціей, то его отдаютъ въ распоряженіе судебного слѣдователя, проще говоря, человека, обязаннаго тщательно провѣрить на мѣстѣ все, о чемъ говорить боигванъ. Проходитъ извѣстное время, необходимое для развѣдыванія, и посредникъ (дання) съ боигванемъ снова у дворца. Тутъ кричатъ—„аветь“ уже не приходится, такъ какъ есть дання, имѣющій право входа во дворецъ и аудіенціи у „рта царя“, т. е. афанегуса. Дання сообщаетъ афанегусу все, что слышалъ и видѣлъ по поводу дѣла своего кліента. Афанегусъ назначаетъ день суда...

Царь обыкновенно не судитъ самъ, а только присутствуетъ въ то время, когда судятъ другіе. Для этого существуетъ при царѣ цѣлое учрежденіе—соборъ мужей мудрыхъ, честныхъ, знатныхъ. Называется онъ ликабнтомъ (собств. соймъ старѣйшинъ), а члены его ликами. Лики въ числѣ двѣнадцати выбираются самимъ царемъ изъ лицъ, отличившихся и извѣстныхъ царю съ хорошей стороны своими качествами ума и сердца. Конечно, вкусы у царей бываютъ различны: иной любитъ строгихъ, иной добрыхъ,—въ зависимости отъ этого и лики выбираются изъ строгихъ или изъ нестрогихъ, добрыхъ людей, и судъ царскій, слѣдовательно, бываетъ то строгимъ, то милостивымъ. Сверхъ того, въ ликаонтъ выбираются люди съ судейскими способностями, или, какъ выражаются абиссинцы, имѣющіе даръ судіи. Чтобы опредѣлить, къ какому званію принадлежатъ лики—свѣтскому или духовному, нужно имѣть въ виду, что въ Абиссиніи всѣ ученые люди считаются духовными, членами бете кгайната (домъ священства). Ликовъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ считать духовными особами. Когда умретъ одинъ изъ ликовъ, царь на мѣсто его тотчасъ же избираетъ новое лицо и объ этомъ объявляетъ чрезъ гонцовъ по всему своему царству. Каждый изъ ликовъ владѣетъ дарованными ему царемъ селами и городами, съ которыхъ

получаетъ подать, вмѣсто самого царя. Села и города, дарованные царемъ лику, составляютъ его пожизненное владѣніе и по смерти лика переходятъ къ тому лицу, котораго на его мѣсто выберетъ царь Лика, кромѣ того, — верховный судія (ѳараджэчъ) своихъ селъ и городовъ.

Собраніе ликаонта происходитъ ежедневно, исключая дней праздничныхъ. Цѣлыя толпы жалобщиковъ — апелляторовъ, пойманныхъ преступниковъ, разбойниковъ, убійць наводняютъ городъ, гдѣ живетъ царь, а иные изъ нихъ проживаютъ здѣсь цѣлые мѣсяцы, пока имъ удастся явиться на судъ ликаонта. Каждый день прибываютъ въ столицу все новые и новые жалобщики, связанные по рукамъ и ногамъ преступники съ своими курання (конвойными) и дання. Утромъ вся эта толпа тѣснится у горы „Адававай“, на которой стоитъ императорскій дворецъ. Эта гора представляетъ изъ себя круто обрывающееся плато, имѣющее столообразную форму, какъ и всѣ почти горы Абиссиніи. На такую гору нужно взбираться по ступенькамъ. Тамъ, на плоской равнинѣ передъ дворцомъ, устланной коврами, подъ прикрытіемъ изъ полотна, собирается ликаонтъ. Всѣ лики садятся на землю въ два ряда лицомъ другъ къ другу. Предъ каждымъ рядомъ стоитъ по одному аналою съ книгою закона — „ѳитанегыстъ“. Негусъ располагается поодаль отъ ликовъ на длинномъ одрѣ, полулежа на немъ во время засѣданія. Чаггэ сидитъ на креслѣ по лѣвую сторону царя. Если въ засѣданіе приглашается епископъ (при Менеликѣ это не рѣдкость), то онъ садится на кресло съ правой стороны негуса. При епископѣ постоянно находится переводчикъ. Кромѣ вышеуказанныхъ лицъ — негуса, епископа, чаггэ и ликовъ — въ ликаонтѣ, по приглашенію негуса, иногда присутствуютъ и князья, пріѣзжающіе по своимъ дѣламъ къ негусу, — на примѣръ, Расъ-Алула князь Хамасѳенскій (совершенно неграмотный человѣкъ) за свою природную мудрость пользовался уваженіемъ негуса Іоанна и по приглашенію послѣдняго участвовалъ въ ликаонтѣ всякій разъ, какъ случайно пріѣзжалъ въ столицу Аксумъ. При Менеликѣ любимцемъ состоитъ расъ-Маконень, князь Харарскій, который тоже, бывая въ столицѣ Менелика Антото, ходитъ по приглашенію царя въ ликаонтъ. Судъ въ ликаонтѣ совершается слѣдующимъ образомъ. Приводятся по очереди въ собраніе лица, подлежащія суду, съ ихъ посредниками (дання). Аѳангусъ передаетъ собранію вкратцѣ все дѣло приведеннаго жалобщика или преступника. Потомъ посредникъ излагаетъ дѣло по-подробнѣе. Въ это время слышится шелестъ отъ перелистыванія ѳитанегыста. Это лики отыскиваютъ статьи закона, которыми излагаемое дѣло предусматрѣно. Иногда статья отыскивается сразу, иногда приходится еще ликамъ поспорить между собою (втихомолку), которую статью слѣдуетъ открыть въ ѳитанегыстѣ. Когда посредникъ окончитъ свое изложеніе, немедленно (лики думаютъ очень быстро) по-

дымается самый младшій изъ ликовъ, выступаетъ на средину и, проговоривъ съ поклономъ обычное привѣтствіе царю, излагаетъ свое мнѣніе касательно дѣла. Такъ дѣлаютъ всѣ лики по чину, начиная съ низшихъ и кончая старшимъ. Царь, молча, выслушиваетъ всѣхъ ликовъ. Потомъ дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ. Царь при этомъ вовсе не вмѣшивается въ рѣшеніе суда, если только дѣло не имѣетъ серьезнаго значенія и не касается близко интересовъ самого негуса. Въ противномъ случаѣ, если рѣшеніе ликовъ ему не нравится, онъ заставляетъ перерѣшать дѣло снова, или самъ излагаетъ свое рѣшеніе. Процессъ оканчивается. Аюангусъ передаетъ даннѣе рѣшеніе ликаонта. Если преступникъ признанъ виновнымъ, немедленно исполняется надъ нимъ приговоръ суда. Для этого есть особое лицо—балаогъ. Въ распоряженіи балаога находится цѣлая толпа палачей, которые, по знаку балаога, берутъ преступниковъ и ведутъ на мѣсто казни,—которое находится недалеко отъ ликаонта на самой горѣ „Адававай“. Во время засѣданія ликаонта это мѣсто представляетъ ужасное зрѣлище. Хищныя птицы стаями слетаются на запахъ свѣжей крови, которая ручьями стекаетъ съ горы. Обезглавленные трупы, отрубленные головы, руки и ноги валяются на землѣ, пока кто-нибудь изъ благочестивыхъ людей не предастъ ихъ землѣ. Толпы зрителей окружаютъ мѣсто казни. Сострадательные берутъ на свое попеченіе несчастныхъ безрукихъ, безногихъ преступниковъ, истекающихъ кровью. Лицъ не простаго званія не ведутъ съ другими на казнь, а наказываютъ тутъ же, въ присутствіи ликовъ и царя. Обычными наказаніями для лицъ высшаго званія служатъ заключеніе въ крѣпости и повѣшеніе на деревѣ. Въ первомъ случаѣ преступника заковываютъ въ цѣпи, но не одного, а непременно съ кѣмъ-нибудь тоже не простаго званія, но съ совершенно невиннымъ человѣкомъ. Этимъ выражается особое уваженіе къ личности преступника. Оба скованные вмѣстѣ живутъ въ хорошемъ помѣщеніи, пользуются хорошимъ столомъ, гуляютъ по саду и пр. Если преступникъ изъ высшаго званія приговаривается къ казни чрезъ повѣшеніе, то предварительно снимаютъ ему голову, но не совсѣмъ, а такъ, что она остается висящею только на одной жилкѣ, послѣ чего трупъ преступника вѣшаютъ на деревѣ, захвативши веревками за руки. Преступниковъ вѣшаютъ за городомъ при перекресткахъ дорогъ, и тѣла не снимаются съ деревьевъ, а оставляются въ пищу птицамъ.

Обычнымъ мѣстомъ для ссылки преступниковъ служитъ столовидная скала Дамо. Взойти на нее, равно какъ и сойти съ нея, можно только при пособіи веревки. Когда требуется посадить кого-нибудь на эту скалу, съ вершины ея спускаютъ внизъ длинную веревку, прикрѣпленную верхнимъ концомъ къ деревянному валу; валъ вращаютъ около оси, вслѣдствіе чего веревка накручивается

на валъ и подымаетъ вверхъ привязаннаго къ нижнему концу ея человѣка. Природа скалы Дамо—прекраснѣйшая изъ прекраснѣйшихъ. Тутъ, на неприступной почти высотѣ, растутъ всевозможныя породы деревьевъ, спѣютъ ароматные плоды, благоухаютъ пестрые ковры цвѣтовъ и цвѣтолиственныхъ травъ. Среди этого райскаго сада ютится стариннѣйшій абиссинскій монастырь дебре-Дамо. По тропинкамъ садовъ, среди лѣсныхъ чащъ ходятъ подвижники и монахи, а рядомъ съ ними бродятъ съ своими парами преступники, гремя цѣпями. Среди ссыльныхъ попадаются закованные въ золотыя цѣпи—это принцы царской крови, пойманные за возмущеніе противъ императора и за посягательство на его престолъ. Они въ самой ссылкѣ блещутъ роскошью и великолѣпіемъ; имъ прислуживаетъ множество слугъ, готовыхъ всегда удовлетворить всѣ ихъ желанія.

III.

Въ Абиссиніи есть нѣчто въ родѣ свода законовъ—книга, называемая „Ѳытанэгысть“ (судъ царя). О происхожденіи ея существуетъ слѣдующее сказаніе. Однажды Константину Великому еще въ его молодости было видѣніе. Явился ему ангелъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ и сказалъ: „Господь поставилъ тебя судьей народа, а ты не слышишь плача бѣдныхъ, которыхъ несправедливо наказываютъ въ судѣ. Судьи твои судятъ пристрастно и лицепріятно. Этотъ мечъ мой я обращаю на тебя и на домъ твой, если ты не станешь отселѣ самъ судить народъ свой“. Слова ангела поразили Константина. Пригласивъ къ себѣ церковныхъ пастырей, онъ сообщилъ имъ о бывшемъ ему видѣніи и просилъ наставить его. Св. отцы (въ количествѣ 300) составили для Константина книгу, которой онъ долженъ былъ руководиться въ судѣ надъ народомъ и назвали ее: „царскій-судъ“ (по абиссински: Ѳытанэгысть). Книга эта дѣлится на двѣ части. Первая—„Ѳытаманфысауй“ (судъ духовный) содержитъ каноны вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ до половины V вѣка, уставы и правила свв. отцовъ, касающіеся церковной практики и жизни, и даже нѣкоторыя установленія ветхо-завѣтнаго законодательства. Вторая—„фытасауй“ (судъ тѣлесный, человѣческій, т. е. свѣтскій)—содержитъ законы царей греческихъ и абиссинскихъ относительно гражданской жизни. Первая часть гораздо обширнѣе второй. Вообще же въ числѣ преступленій выставляются на первый планъ грѣхи противъ церкви и Бога: напр., несоблюденіе постовъ, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, богохульство, кощунство, ересь и т. п. Большой отдѣлъ книги составляютъ практическія наставленія пастырямъ и пасомымъ относительно соблюденія тѣхъ или другихъ обрядовъ

и религиозныхъ обычаевъ: напр., указывается, въ какой моментъ литургии нельзя выходить изъ храма, послѣ какихъ грѣховъ нельзя ступить за порогъ храма и сколько требуется дней для очищенія себя отъ того или другого грѣха; опредѣляются часы, когда начинать службы въ церкви и т. п. За нарушеніе правила опредѣляется родъ наказанія или эпитиміи. Люди, хорошо изучившіе „Оытанегысть“, могутъ цитировать изъ нея наизусть цѣлые отдѣлы. За это ихъ хвалятъ.

Производить судъ по оытанегысту—исключительная привиллегія суда царскаго. Послѣдній считается самымъ авторитетнымъ и самымъ правдивымъ потому именно, что чинится по книгѣ и притомъ по книгѣ, составленной св. отцами. Это, можетъ быть, и объясняетъ непомѣрное развитіе въ Абиссиніи апелляцій въ судъ царя. Покойный негусъ Іоаннъ, царь Тигре, подаривъ царскіе титулы князьямъ Шоа и Годшамъ, тѣмъ самымъ далъ имъ право судить по оытанегысту. Сверхъ того это право дается иногда какому-нибудь именитому князю, владѣнія котораго далеко отстоятъ отъ царской резиденціи. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время этимъ правомъ, по волѣ Менелика, пользуется Расъ-Алула, князь Хамасоенскій.

ШКОЛЫ И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Духовное просвѣщеніе въ Абиссиніи стоитъ на значительной высотѣ. По всей странѣ разсѣяно множество школъ, въ коихъ дается исключительно религіозное образованіе. Начатки же послѣдняго сообщаются ребенку еще въ семьѣ. На воспитаніе дѣтей въ Абиссиніи обращается большое вниманіе, и въ этомъ ей нужно отдать большую честь. Забота о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ ребенка лежитъ тамъ не на однихъ плотскихъ родителяхъ, а и на родителяхъ по духу, на воспріемникахъ ребенка. Долгъ воспріемниковъ соблюдается въ Абиссиніи очень строго, и уклоненіе отъ него непремѣнно влечетъ за собой виновному кару общественнаго презрѣнія и укоризнѣ. Независимо отъ этого каждый, принимающій на себя званіе воспріемника, считаетъ исполненіе связанныхъ съ нимъ обязанностей столь же необходимымъ и принудительнымъ, какъ и слѣдованіе всѣмъ вообще правиламъ и уставамъ Церкви. Соблюденіе постовъ, хожденіе въ церковь, исполненіе христіанскаго долга по отношенію къ умершимъ—все это считается въ Абиссиніи ничуть не болѣе обязательнымъ для каждаго христіанина, какъ и соблюденіе обязанностей духовнаго отца по крещенію. Духовныя и матеріальныя нужды абиссинскаго ребенка служатъ естественнымъ предметомъ заботы его духовнаго отца. Всѣ сироты малые и даже взрослые по смерти своихъ родителей по плоти не остаются безъ поддержки и родительской заботливости. Изъ дома родителей они прямо переходятъ въ дома своихъ воспріемниковъ и съ этого времени дѣлаются уже вполне членами семействъ, соединенныхъ съ ними узами духовнаго родства. Даже по отношенію къ дѣтямъ при жизни ихъ родителей права и обязанности воспріемниковъ не остаются *in jure*, а всегда *in facto*. Воспріемникъ часто навѣщаетъ своего духовнаго сына, справляясь о всѣхъ его нуждахъ; если усмотритъ небрежное отношеніе къ ребенку родителей, беретъ его къ себѣ на воспитаніе и обучаетъ какому нибудь ремеслу, и родители не вправѣ даже воспрепятствовать этому. Грамотный воспріемникъ старается обыкновенно передать свои знанія своему духовному сыну или настаиваетъ,

чтобы его отдали въ школу. Такимъ образомъ у ребенка-абиссинца есть большая возможность стать впоследствии порядочнымъ человекомъ: не научать добру родители, наставить воспріемникъ, или наоборотъ...

Въ Абиссиніи въ большихъ селеніяхъ (при церквахъ) есть школы грамоты. Обученіе въ нихъ не идетъ дальше чтенія по книгѣ. Школьника учитель заставляетъ упражняться въ чтеніи слѣдующихъ книгъ по порядку: I-го посланія Іоанна, дѣяній Святыхъ Апостоловъ, посланія къ евреямъ, евангелія отъ Матѳея (или всѣхъ евангелій) и, наконецъ, псалтири. Въ этомъ и состоитъ весь курсъ школы грамоты. Дальнѣйшее образованіе (кто желаетъ продолжать) состоитъ въ заучиваніи наизусть нѣкоторыхъ молитвенныхъ пѣсно-пѣній и псалмовъ. Тутъ опять наблюдается извѣстный опредѣленный порядокъ, выучиваютъ: 1) „удассе—Марьямъ“ (хвала Маріи)—твореніе св. Ефрема Сирина, 2) „мелькаа Сеиль“, 3) мелькаа Марьямъ, и 4) мелькаа Іисусъ (мелькаа—значитъ собственно тѣлесная красота, видъ). Содержаніе всѣхъ этихъ мелькаа очень оригинально. Каждый святой абиссинскій, нужно замѣтить, имѣетъ свое мелькаа. Это ничто иное, какъ длинная молитва, написанная въ стихотворной формѣ, состоящая изъ многихъ отдѣльныхъ пятистишій. Въ нихъ по порядку восхваляются тѣлесные члены того лица, кому посвящается мелькаа, притомъ такъ, что на каждый членъ полагается цѣлое пятистишіе.

Потомъ выучивается краткая христіанская догматика, такъ называемый—„Аймадъ-Мистиръ“ (столпъ тайнъ). Это небольшая книга, состоящая изъ пяти частей: 1) мистира селляси—тайна Троицы, 2) мистира сыггауй—тайна воплощенія; 3) мистира тымкѣтъ—тайна крещенія; 4) мистира курванъ—таинство причащенія; 5) мистира тынсауй—тайна воскресенія (Спасителя и людей). Аймадъ мистиръ написанъ на разговорномъ народномъ языкѣ. Онъ представляетъ изъ себя коллективный трудъ цѣлаго поколѣнія абиссинскихъ богослововъ. Кромѣ выдержекъ изъ святоотеческихъ твореній догматическаго содержанія, въ книгѣ—„Аймадъ-Мистиръ“ можно встрѣтить много оригинальныхъ соображеній чисто абиссинскаго богословствованія по поводу истинъ христіанскаго вѣроученія. Эти соображенія—плодъ усиленной вдумчивости абиссинскихъ богослововъ; складывались они вѣками, передавались отъ одного поколѣнія къ другому и, наконецъ, были всѣ вписаны въ книгу вмѣстѣ съ бывшими въ ходу цитатами изъ твореній свв. отцовъ,—и такимъ образомъ составили цѣлую мѣстную богословскую систему.

Выучившій наизусть „Аймадъ-Мистиръ“ принимается за заучиваніе псалмовъ. Знаніе на память псалтири въ Абиссиніи ставится выше всего. Поэтому всѣ абиссинскіе интеллигенты, чтобы не унижить своего званія, стараются непременно выучить псалтирь.

Кому это удастся, тотъ получаетъ названіе— „дека-мезмуръ“ — псалтирный сынъ. Это названіе, по мѣстнымъ понятіямъ собственно значить—ученый, такъ какъ прилагается ко всякому, получившему высшее образованіе (хотя и незнающему, быть можетъ, наизусть всей псалтири). Есть еще названіе, прилагаемое въ Абиссиніи къ ученымъ людямъ—это „дабтарá“. Оно усваивается тѣмъ лицамъ, которыя хорошо усвоили годичный кругъ церковнаго чѣнія или умѣютъ сочинять духовные стихи для богослуженія. Современемъ названіе дабтара приняло оттѣнокъ чего-то несимпатичнаго, низменнаго и даже вошло въ комплектъ мѣстныхъ ругательныхъ словъ. Произошло это потому, что нѣкоторые изъ носящихъ это названіе (дабтара) позволяли себѣ такія дѣйствія, которыя унизили въ глазахъ народа самое званіе ихъ. И на цѣлое сословіе этого рода ученыхъ народъ сталъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ. Такъ, многіе изъ дабтаръ оказались людьми гордыми, свободмыслящими и корыстолюбивыми,—но этого мало. Нѣкоторые являются даже эксплуататорами народнаго невѣжества, напр., гадалеями по звѣздамъ, знахарями, заговорщиками. Особенно распространено среди дабтаръ такое легкое средство наживы. Въ Абиссиніи существуетъ повѣрье, что есть множество именъ Божіихъ, неизвѣстныхъ міру, и что эти таинственныя имена Бога имѣютъ чудодѣйственную силу. Какой-нибудь дабтара и пустить въ народъ молву, что ему-де было откровеніе этихъ тайныхъ именъ Божіихъ и начинаетъ продавать приходящимъ къ нему свитки бумаги, исписанныя непонятными для нихъ словами, будто бы и означающими имена Божіи. Свертки эти (называемыя— „гува“ —тайна) почитаются въ народѣ чѣмъ-то въ родѣ чудодѣйственнаго талисмана. Боясь, отправляющійся на войну, непременно идетъ къ дабтарѣ и покупаетъ себѣ „гува“, которое носить всегда на груди, рассчитывая предохранить себя этимъ отъ ранъ и смерти.

При большихъ абиссинскихъ соборахъ, а также при монастыряхъ, живутъ такъ называемые мемгыры—наставники. Они собираютъ вокругъ себя жаждущихъ знанія и раскрываютъ предъ ними двери къ высшему вѣдѣнію. Каждый мемгыръ имѣетъ свою спеціальность и вводитъ своихъ питомцевъ въ одну какую-нибудь область высшей мѣстной науки. Такъ образуется школа, которая можетъ обратиться въ постоянный питомникъ науки съ спеціальнымъ курсомъ, приуроченный къ опредѣленной мѣстности, къ извѣстному собору или монастырю. Тогда уже по смерти мемгыра его мѣсто въ той же школѣ заступаетъ другой, его ученикъ и питомецъ. Если школа временная, случайная, то со смертью своею мемгыра прекращаетъ свое существованіе: питомцы ея или вовсе прекращаютъ дальнѣйшее образованіе, или переходятъ къ другимъ наставникамъ, въ другія школы.

Въ Абиссиніи очень много постоянныхъ школъ съ спеціальнымъ курсомъ науки, старинныхъ, считающихъ свой возрастъ цѣлыми столѣтіями. Въ городѣ Гондарѣ есть школы, непрерывно существующія около тысячи лѣтъ и при томъ съ неизмѣннымъ всегда курсомъ науки.

Что касается жизни питомцевъ высшихъ абиссинскихъ школъ, то она очень проста. За то усердіе къ наукѣ и терпѣніе составляютъ ихъ отличительныя черты. Абиссинскій школьникъ довольствуется хлѣбомъ, выпрошеннымъ въ домахъ благотворителей, живетъ онъ въ наскоро сколоченной палаткѣ или прямо кровлей служить ему небо, постелью—земля. Нѣкоторые изъ нихъ до того предаются наукѣ, что совершенно забываютъ о своихъ самыхъ насущныхъ потребностяхъ и только, благодаря заботливости какого нибудь попечительнаго человѣка, не остаются вовсе безъ пищи, одежды и крова. Жизнь мемгара тоже мало чѣмъ отличается отъ жизни его питомцевъ, если не бѣльшею еще скудостью и нищетой.

Изъ высшихъ спеціальныхъ школъ самая распространенная въ Абиссиніи—это стихотворная, называемая на мѣстномъ нарѣчій— „к'не“. Въ этой школѣ обучаются искусству стихосложенія. Въ Абиссиніи есть обычай пѣть при богослуженіи импровизированные стихи духовнаго содержанія. Право и обязанность составлять эти стихи принадлежать окончившимъ школу „к'не“. Такъ какъ стихи, какъ и все богослуженіе, должны быть на древне-эіопскомъ языкѣ, то и въ школѣ к'не начинающимъ преподаются грамматика и словарь этого языка. На это все тратится до двухъ лѣтъ; потомъ слѣдуетъ уже обученіе самому искусству стихотворства. Оно ведется ежедневно. Вечеромъ, въ сумеркахъ, подъ звѣзднымъ шатромъ неба, когда самая обстановка наиболѣе располагаетъ къ широкому полету фантазіи, ученики располагаются на землѣ вокругъ своего наставника, который изрекаетъ имъ свои импровизированные стихи,—онъ повторяетъ имъ разъ, другой. Тѣже стихи повторяетъ помощникъ его (въ к'не онъ всегда есть), а ученики хоромъ повторяютъ за нимъ. Это продѣлывается до тѣхъ поръ, пока уже сами ученики безъ пособія помощника не будутъ въ состояніи безошибочно произнести всѣхъ стиховъ. Нужно замѣтить, что такія упражненія чрезвычайно развиваютъ память учениковъ, такъ что уже по прошествіи года обученія въ к'не они дѣлаются способными воспринимать изреченные мемгаромъ стихи (въ 10—12 строкъ) съ одного разу. Затѣмъ мемгаръ присовокупляетъ объясненія къ тексту стиха и излагаетъ ученикамъ относящіяся къ его формѣ правила стихосложенія. Этимъ вечернія занятія заканчиваются и ученики съ выученнымъ стихомъ предаются сну. Но послѣдній обыкновенно продолжается недолго. Въ полночь всѣ уже на ногахъ и опять принимаются за дѣло. Теперь ученикамъ предстоитъ

трудная задача: по образцу примѣрнаго стихотворенія мемгыра каждый изъ нихъ долженъ составить свое собственное. Всѣ ученики для этого уходятъ въ ближайшій лѣсъ, или садъ, гдѣ разбредаются въ разныя стороны: каждый старается при этомъ, какъ можно болѣе уединиться. Въ эти часы вниманіе ученика бываетъ до того сосредоточено на предметѣ своей задачи, что онъ забываетъ о снѣ и пищѣ и не замѣчаетъ, какъ уходитъ время. Уже солнце клонится къ закату, когда ученики возвращаются къ мемгыру и даютъ отчетъ въ своей работѣ. Каждый устно читаетъ свои стихи, а наставникъ устно же подчеркиваетъ его ошибки и промахи, если они найдутся. Потомъ опять слѣдуютъ вечернія занятія, полуночное вставанье, уединеніе въ лѣсу и т. д. Такъ проходятъ цѣлыя годы. Способнѣйшіе успѣваютъ пройти курсъ к'не въ два-три года, между тѣмъ какъ иные не въ состояніи бываютъ усвоить его въ 8—9 лѣтъ. Отсюда происходитъ дѣленіе учениковъ на группы (нѣчто въ родѣ классовъ). Способнѣйшіе скоро опережаютъ своихъ товарищей менѣе способныхъ, а послѣдніе отстаютъ отъ нихъ, составляя вторую группу, тупые же—третья группа—остаются позади всѣхъ.

Для того, чтобы окончить к'не, нужно изучить десять установленныхъ стихотворныхъ формъ, различаемыхъ одна отъ другой количествомъ строкъ (отъ 3 до 12) и нотами, стоящими надъ строками. Есть стихи трехстрочные, четырехстрочные и т. д. до двѣнадцати. Для стихотворенія, имѣющаго то или другое число строкъ, существуютъ отдѣльныя ноты. Стихи должны быть составлены такъ искусно, чтобы слоги строкъ совпадали съ нотами и чтобы при пѣніи стиха не нарушались естественныя ударенія словъ, т. е. ударенія должны приходиться тамъ, гдѣ при пѣніи голосъ повышается. Кромѣ того, окончанія всѣхъ стиховъ должны быть созвучны. Относительно размѣра стиховъ существуетъ такое правило. Въ каждой строкѣ должно быть извѣстное количество слоговъ; чтобы этого достигнуть, нужно, кромѣ словъ, носящихъ въ себѣ извѣстное выраженіе мысли, помѣщать въ строку слова подставныя (для соблюденія формы стиха). Это правило мемгыръ обыкновенно поясняетъ такой аналогіей. Желаящій сдѣлать что-нибудь изъ золота изготовляетъ предварительно изъ воску форму предмета въ которую вливаетъ расплавленный металлъ. Воскъ быстро растаетъ, а золото отвердѣваетъ, успѣвъ все-таки сохранить форму восковой фигуры. И въ стихѣ, предслагаетъ мемгыръ, должны быть тоже воскъ и золото (семина и оркъ), т. е. слова, имѣющія смыслъ, и слова, которыя можно выбросить безъ нарушенія смысла стиха, но внесенныя въ строку для сохраненія числа потребныхъ слоговъ. Глаголь, обыкновенно стоящій на концѣ стиха, является связкой, объединяющей семина и оркъ. Такъ, на примѣръ, въ одномъ стихѣ абиссинскомъ говорится о Христѣ Списителѣ, что Онъ—

„Мечъ молитвы изъ ноженъ слова вынулъ“.

Въ этой строкѣ—„мечъ“ и „ножны“ составляютъ семяна; „молитва“ и „слово“—являются—оркомъ; выраженіе—„вынулъ“—связкой. При опущеніи семыны связка, конечно, теряетъ свой смыслъ и должна быть замѣнена другимъ глаголомъ.

Когда ученикъ пройдетъ всѣ двѣнадцать стихотворныхъ формъ, онъ можетъ оставаться еще въ школѣ для усовершенствованія въ искусствѣ стихосложенія. Такъ какъ цѣнится не одна форма, но и содержаніе стиха, то дальнѣйшее усовершенствованіе ученика касается уже степени тонкости и возвышенности матеріи, служащей содержаніемъ стиховъ. Многіе остаются въ школѣ до преклонныхъ лѣтъ, чтобы только, какъ можно болѣе, выучиться въ к'не и сочинять такіе стихи, содержанія которыхъ, вслѣдствіе ихъ возвышенности, никто не могъ бы понять. Содержаніемъ обыкновенно служатъ истины богословскаго характера. По слѣдующему ниже переводу нѣсколькихъ эіопскихъ стиховъ намъ можно будетъ хотя отчасти познакомиться съ оригинальными красотами произведеній абиссинской музы. Приводимъ стихи, содержаніемъ которыхъ служатъ христіанскія тайны воплощенія и искупленія.

„Міра Спаситель, Учитель—небесному царству училъ;
Птицу—свое челоуѣчество подѣ дровомъ страданій укрылъ;
Мечемъ страсти своей оковы смерти расторгнулъ;
Бурей своего воскресенія адское море взволновалъ;
Претерпѣвшій страданья души грѣшныхъ плѣнилъ.

* * *

Онъ въ узы нищету заключилъ;
Печать мудрости рукою своею слова сорвалъ;
Мечъ молитвы изъ ноженъ слова Онъ вынулъ;
Стопы ума Его путь истины открыли;
Отъ стези юродства къ стези мудрости обратили;
Онъ путь познаныю уготовалъ, одежду истины одѣлъ,
Онъ плевель грѣха ишеницу міра прощенья вилами очистилъ.

* * *

Рукой души своей жезлъ прощенья душъ Онъ держалъ;
Ноги Его ума ароматомъ мудрости натерты;
Ладанъ дѣлъ носомъ ума Онъ обонялъ;
Изъ рабства смерти поработенныя души Онъ вывелъ;
Сердце Его челоуѣчества копьемъ нищеты пронзено.

* * *

На полѣ души Своей шатерь ума Онъ водрузилъ,
 На голову сердца Своего вѣнецъ прощенья возложилъ;
 Съ плечъ сердца Своего Онъ бремя мщенья скинулъ;
 На пергаментѣ ногъ Его буквы гвоздя написаны;
 Сѣдину думъ елеемъ надежды Онъ умастилъ;
 Ноги жизни Его взопли на вершину горы;
 Птица—Его человѣчество подѣ дровомъ страданій укрывалась.

* * *

Есть стихи, содержаніе которыхъ бываетъ до того темно, что требуетъ еще особыхъ объясненій. Иногда въ двухъ-трехъ строкахъ въ сжатой формѣ передается вся ветхозавѣтная исторія,—причемъ каждое слово стиха—это цѣлая бездна словъ и смысла: въ немъ, какъ въ зернѣ—растеніе нужно подразумѣвать цѣлую рѣчь.

До чего можетъ простираться фантазія абиссинскихъ стихотворцевъ можетъ служить образцомъ слѣдующее к'не, исполненное однажды въ соборѣ Христа Спасителя въ Адуа:

Агнецъ маленькій—Спаситель;
 Пастырь животныхъ—гвоздь, завязавшій ноги Твои;
 Берега іорданскіе—уста Твои, въ которыхъ нѣтъ лукавства ¹⁾;
 Креститель—оцетъ обходить ихъ.
 И пророки—пальцы Твои вначалѣ начертали слова: Ветхій
 Завѣтъ;

* * *

Мало боится мужъ ея гвоздь:
 Ревекка—ребро Твое, родившіе близнецовъ;
 И одну смокву райскую—смерть оторвало
 Твое распятіе—Ева, созданная въ Пятокъ.

* * *

Въ Абиссиніи школами к'не и поэтическими произведеніями славится особенно царство Годшамъ. Тамъ есть стихотворцы разговоривающіе не иначе, какъ стихами и такъ замысловато, что долго нужно вдумываться въ сказанное ими, чтобы понять его смыслъ.

Окончившій к'не отпускается мемгыромъ съ благословеніемъ и добрыми пожеланіями. Если ученикъ былъ особенно хорошъ, могущій составить славу своего учителя, послѣдній въ знакъ своей признательности и любви къ нему публично возлагаетъ на него свою верхнюю одежду и отпускаетъ его со слезами, уже не какъ

¹⁾ Известно, что берега Иордана отличаются ровностью линіи.

ученика, а какъ сотоварища своего по ремеслу, называемаго теперь „дабтара“, или „бала-к'не“ (знающій к'не).

Лучшія произведенія учениковъ к'не поются въ церкви во время богослуженія (на вечернѣ и на литургіи послѣ запричастнаго стиха). Сначала поетъ самъ авторъ стиха, а за нимъ повторяетъ его хоръ пѣвцовъ. Какъ извѣстно соборный хоръ занимаетъ очень видное мѣсто въ Абиссиніи. Это не простые пѣвцы, а цѣлая корпорація ученыхъ людей, называемыхъ „дабтарами“. Впрочемъ, для нихъ существуетъ еще специальное названіе—„бала дугà“. „Дугà“—это кругъ годичнаго церковнаго пѣнія. „Бала дугà“ (знающій дугà)—это такъ сказать, ученая степень, даваемая всѣмъ прошедшимъ курсъ церковнаго пѣнія (зѣма).

Курсъ „дугà“ представляетъ изъ себя огромную книгу, содержащую въ себѣ все то, что нужно пѣть въ церкви въ теченіе круглаго года. Конечно, разнообразіе и новизна положеннаго на каждый день пѣнія заключается, собственно въ словахъ пѣсней, напѣвовъ же всѣхъ немного. Церковное пѣніе (зѣма) бываетъ троякаго характера: 1) арарай—печальное, 2) гыйзе—постное и 3) веселое „ызле“. Кромѣ того, каждый распѣвъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мотивовъ, приуроченныхъ къ той или другой части дневнаго богослуженія. Этимъ и исчерпывается вся полнота абиссинскаго пѣвческаго искусства. Время, въ которое ученикъ проходитъ при пособіи мемгыра курсъ дугà, зависитъ отъ способностей учащагося и обнимаетъ собой отъ 3 до 8 лѣтъ. Трудность же работы состоитъ въ томъ, что заучиваются не одни мотивы, которыхъ не особенно много, а въ ряду и всѣ пѣсни, все богослуженіе круглаго года. Это необходимо потому, что за недостаткомъ книгъ пѣвчіе поютъ въ церкви наизусть. Мемгырь, обучающій пѣнію, живетъ всегда при соборѣ или монастырѣ и въ свободное отъ занятій время участвуетъ съ учениками въ пѣніи богослуженія. Мемгыромъ, обучающимъ „дугà“, часто бываетъ самъ алака (настоятель собора). Алака, управляющій соборомъ, можетъ не имѣть священнаго сана, но всегда совмѣщаетъ въ себѣ съ званіемъ начальника соборнаго и почетное званіе начальника хора. Онъ первое лицо въ ученой корпораціи хора. За нимъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ низшихъ чиновъ хора: „маріетта“ (его помощникъ), „канъета“ (господинъ правый), „граета“ (господинъ лѣвый) и т. д. Такъ какъ во время богослуженія поются импровизированные стихи (к'не), то отъ алаки и другихъ дабтаръ хора требуется, кромѣ знанія дугà, еще умѣнье сочинять стихи, иначе говоря, для этихъ должностей требуются лица, имѣющія двѣ ученныя степени: „бала дугà“ и „бала к'не“.

Школы к'не и дугà пользуются въ Абиссиніи большою популярностью и являются особенно приспособленными къ духовнымъ

потребностямъ страны. Вышедшіе изъ этихъ школъ питомцы поступаютъ въ хоры городскихъ и большихъ сельскихъ церквей, соборовъ и монастырей.

Не такой популярностью пользуются другаго рода школы, въ которыхъ мемгырь учитъ своихъ слушателей, толкуя имъ слово Божіе (школа „мацгафъ“) или святоотеческія творенія (школа „ликаонтъ“). Сюда идутъ слушать науку люди, дѣйствительно ищущіе духовнаго свѣта, чуждые всякихъ матеріальныхъ и честолюбивыхъ интересовъ. Но въ одной и той же школѣ мацгафъ проходятъ не всю Библию, а только извѣстную часть ея. Есть школы (напримѣръ, въ Гондарѣ), въ которыхъ изучается одинъ Ветхій Заветъ. Школы мацгафъ и ликаонтъ заслуживаютъ большаго вниманія. Учебный матеріалъ и сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія просто подавляютъ своей обширностью и громадностью. При толкованіи, напр., какой нибудь книги св. Писанія не пропускается и одинъ стихъ, толкуется почти каждое слово, отдѣльное выраженіе комментируется на всѣ лады, перебираются всѣ возможные смыслы каждаго стиха, указываются и приводятся параллельныя мѣста, примиряются кажущіяся противорѣчія и пр. Приходится удивляться мемгыру, который все это сообщаетъ наизусть, не имѣя подъ руками никакихъ пособій. Не мало стараній и способности требуется и отъ его слушателей-учениковъ. Все сказанное на урокъ мемгыромъ дословно должно быть усвоено ими. Строгость въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что не позволяется пропустить изъ урока ни одного слова, сдѣлать даже незначительную перестановку въ словахъ. По окончаніи курса (который проходитъ въ школѣ) ученикъ снова, вторично, потомъ въ третій разъ проходитъ тотъ же курсъ, — словомъ, до тѣхъ поръ, пока все, что находится въ головѣ мемгыра (или находилось въ головахъ цѣлаго поколѣнія мемгыровъ) относительно толкованія Библии, не будетъ безъ всякаго изъяна и безъ пропусковъ уложено въ головѣ ученика. Тогда онъ, если желаетъ, можетъ идти къ другому мемгыру, толкующему и объясняющему другую часть Библии. Обученіе ведется тамъ такимъ же путемъ и т. д. Въ виду требованій, предъявляемыхъ учащемуся въ мацгафѣ, просто становится непостижимымъ, какъ нѣкоторые ревнители изученія св. Писанія имѣютъ терпѣніе пройти всю Библию вышеуказаннымъ путемъ и еще курсъ школы ликаонтъ. Правда, тратятъ они на это цѣлыя десятки лѣтъ. Въ школѣ ликаонтъ, кромѣ святоотеческихъ твореній, объясняется еще абиссинская книга закона — „ытангеастъ“, съ которой намъ приходилось уже встрѣчаться въ судѣ ликаонта. Людямъ, обучающимся въ мацгафѣ и ликаонтѣ, даютъ названія: бала-мацгафъ и бала-ликаонтъ. Изучившій толкованіе всей Библии по выдержаніи публичнаго экзамена, на которомъ заставляютъ его протолковать различныя мѣста

св. Писанія (которыя случайно откроются), получаетъ ученую степень „лика“. Это наивысшее почетное званіе въ Абиссиніи.

Обучавшіеся въ мацгафѣ или ликаонтѣ обыкновенно люди всѣ благочестиваго настроенія мыслей. Пройдя курсъ науки или только извѣстную часть его, большинство изъ нихъ отправляется въ пустыню или въ отдаленный пустынный монастырь и тамъ въ подвижничествѣ и строгой жизни проводить остатки дней своихъ. Нѣкоторые подвергаютъ себя тяжелымъ подвигамъ затворничества. Но лики, бала-мацгафы и бала-ликаонты, радѣя о спасеніи своей души, не забываютъ душъ ближнихъ своихъ. Въ пустыняхъ или въ лѣсахъ Абиссиніи можно встрѣтить простой деревянный не большихъ размѣровъ срубъ, безъ оконъ и дверей, съ маленькимъ, въ кулакъ отверстіемъ. Обыкновенно его окружаетъ толпа народа, внимающая словамъ и звукамъ, идущимъ изъ отверстія. Это ученый затворникъ собралъ вокругъ себя учениковъ и объясняетъ имъ слово Божіе или излагаетъ ученіе свв. отцовъ. Благодарные за пищу духовную, ученики не забываютъ о матеріальныхъ потребностяхъ своего наставника и, съ своей стороны, чрезъ отверстіе же снабжаютъ его пищей тѣлесной, подаютъ ему хлѣбъ и воду. Слава о подвигахъ и духовныхъ дарованіяхъ такого ученаго затворника быстро распространяется по странѣ и число жаждущихъ слышать слово „небеснаго человѣка“ (какъ говорятъ въ Абиссиніи) постепенно увеличивается. Вскорѣ около сруба подвижника появляются палатки, пустынный уголокъ дѣлается люднымъ, образуется родъ деревни или монастыря. Это деревня или монастырь-школа, центръ которой—срубъ. Изъ узкаго отверстія его текутъ человѣческіе звуки, питающіе духовной пищей человѣческія души, собравшіеся вокругъ. Съ восходомъ солнца срубъ начинаетъ говорить и говорить съ небольшими перерывами въ продолженіе дня до заката солнца. Всѣ внимаютъ говорящему срубѣ, не видя и не зная, кто въ немъ обитаетъ. Но вотъ ученаго обитателя сруба пожелаетъ призвать къ себѣ царь или епископъ, или кто нибудь изъ начальствующихъ лицъ. Тогда наступаетъ конецъ подвигамъ бѣднаго мемгыра. Пустынническая аудиторія умолкаетъ, и слушатели возвращаются каждый въ домъ свой.

Менѣе всего распространенная въ Абиссиніи школа—это, такъ называемая, „кыдасси“, т. е. литургическая. Въ ней проходитъ объемистая книга, содержащая въ себѣ всѣ четырнадцать литургій, которыя служатся въ абиссинскихъ храмахъ. Всѣ литургіи служатся въ Абиссиніи на распѣвъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ установленныхъ интонацій голоса. Изученіе литургійныхъ напѣвовъ и составляетъ курсъ школъ кыдасси. Въ нихъ преимущественно обучаются ищущіе священства. Поэтому школы кыдасси—это, можно сказать, абиссинскія духовныя семинаріи; только, къ сожалѣнію,

въ нихъ, кромѣ пѣнія литургій, ничего болѣе не преподается. Изъ всѣхъ литургическихъ школъ въ Абиссиніи славятся тѣ, которыя находятся въ городѣ Сылылкула (въ провинціи Уадля).

Въ Абиссиніи есть еще странствующіе учителя, получившіе вслѣдствіе образа жизни своей названіе „назрауй“. Это обыкновенно монахи, грамотные, хотя и не окончившіе высшихъ абиссинскихъ школъ, знающіе систему абиссинскаго изложенія христіанской догматики, т. е., проще говоря, знающіе на память дословно книгу „Ай-мадъ мистирь“ (столпъ тайнъ). Они путешествуютъ отъ села къ селу, собирая по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вокругъ себя толпы народа и читая имъ наизусть изложеніе христіанскаго ученія съ прибавленіемъ (иногда) собственныхъ краткихъ поясненій и всегда съ приложеніемъ нравственныхъ наставленій. Народъ усердно слушаетъ назрауя, такъ какъ это—единственное средство для простаго неграмотнаго люда къ познанію истинъ своей вѣры. Обыкновенно по окончаніи литургіи народъ остается въ церковной оградѣ,—настоятель выйдя изъ храма, читаетъ импровизированную молитву, послѣ которой всѣ присутствующіе произносятъ вполголоса „Отче нашъ“,—тогда то выступаетъ назрауй и произноситъ проповѣдь, продолжающуюся иногда около двухъ часовъ, и народъ терпѣливо и внимательно слушаетъ ее. Въ Абиссиніи есть нѣсколько мѣстъ, гдѣ раздается проповѣдь назрауевъ,—это чисто случайные районы въ нѣсколько селеній, гдѣ подвизаются извѣстные проповѣдники-назрауи. Обыкновенно селенія, оглашаемая проповѣдью назрауевъ, процвѣтаютъ благочестіемъ и добродѣтельной жизнью своихъ обитателей. Послѣдніе отличаются миролюбіемъ, благотворительностью, усердіемъ въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ и проч. добродѣтелями. Замѣчено также, что въ такихъ районахъ всегда меньше сравнительно съ другими тяжёбныхъ дѣлъ, воровства, буйства и пр.

Въ Абиссиніи первымъ въ просвѣтительномъ отношеніи считается городъ Гондаръ. Въ этомъ городѣ есть всѣ роды абиссинскихъ школъ: к'не, дуга, мацгафъ, ликастъ и кьдасси. Болѣе же всего Гондаръ славится своею школою мацгафъ. Количественно и достоинствомъ (качествомъ) школъ к'не славится преимущественно царство Годшамъ. Тамъ замѣчательныя школы к'не въ городахъ Гольдясь, Коронне, Мота-Георгисъ, Девре-оркъ, Дыма, Мертуле-Маріамъ, Уашара (въ уашарской к'не до 600 учащихся). Школами-дуга славится городъ Бетельгемъ (въ провинціи Бегемьтрь, недалеко отъ Гондара).

Кромѣ громаднаго количества школъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, богословское развитіе поддерживается въ Абиссиніи еще изстари существующими богословскими спорами трехъ партій абиссинскихъ ученыхъ. Эти партіи, или школы, носятъ названія, заим-

ствованныя для каждой изъ нихъ отъ имени того царства, въ которомъ школа является преобладающей предъ прочими школами, иначе: есть школы тигрейская, шуеская и годшамская. Споры ведутся по поводу догмата воплощенія. Различія между всѣми тремя школами не касаются существа догмата: всѣ онѣ правильно признаютъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ два естества, соединенныя въ одну Ипостась Бога слова, только не одинаково мудрствуютъ о свойствахъ и совершенствахъ человѣческой природы Христа Спасителя. Школы—тигррейская и шуеская, придерживающіяся аллегоризма въ толкованіи Св. Писанія, согласно между собой утверждаютъ, что человѣчество Христа Спасителя сразу стало совершеннымъ, приобщеннымъ Божескимъ свойствамъ: всевѣднію, всемогуществу и др. Причемъ тигрейская школа частнѣе учитъ, что это произошло въ силу одного лишь акта соединенія естествъ во чревѣ Дѣвы Маріи, безъ участія въ этомъ Божеской силы другихъ Лицъ Пр. Троицы, а школа шуеская признаетъ при этомъ особое дѣйствіе Духа Святаго—помазаніе. Отсюда и самые послѣдователи послѣдняго ученія называются помазанниками (кывайточъ), а послѣдователи тигрейской школы называются соединенниками (тогайдочъ), такъ какъ обоженіе человѣческой природы Спасителя они считаютъ слѣдствіемъ лишь акта соединенія двухъ естествъ, а не дѣйствія Духа Святаго. Третья—годшамская школа, придерживающаяся рационалистическаго направленія и буквального толкованія Св. Писанія, признаетъ свойства человѣческой природы въ Иисусѣ Христѣ ничѣмъ не отличными отъ нашихъ. Всякій едегалыдечъ (послѣдователь годшамской школы) говоритъ о Спасителѣ: „Онъ былъ такой же человѣкъ, какъ и я“, причемъ разумѣетъ, конечно, свойства Его ума, сердца и воли. Едегалыдечъ признаютъ Его только чуждымъ грѣха, хотя не отрицаютъ въ немъ возможности грѣха, такъ какъ, по ихъ ученію, Спаситель, хотя и не имѣлъ на себѣ прародительской скверны, но не чуждъ былъ послѣдствія ея—грѣховной предрасположенности. Только постепенно Его духовная человѣческая природа освобождалась отъ этого послѣдствія и достигала совершенства по мѣрѣ роста Его тѣла, пока, наконецъ, въ крещеніи она не была усыновлена Богу Отцу, стала, какъ выражаются едегалыдечъ, „Богомъ по благодати“. По ихъ ученію, крещеніе Христа Спасителя было Его третьимъ рожденіемъ, рожденіемъ отъ Св. Троицы, поэтому они называются еще трехрожденниками (соследоточъ“).

Всѣ три школы абиссинскихъ богослововъ стараются основать свое ученіе на Св. Писаніи и сочиненіяхъ Св. Отцовъ, причемъ каждая тексты, приводимые противниками, силится истолковать въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Кываточъ обыкновенно указываютъ въ свою пользу преимущественно на слѣдующія мѣста Св.

Писанія: Пс. 61, 1; пс. 44, 8; Лук. 4, 18. Ецегалыдечъ приводятъ обыкновенно: Лук. 4, 1; Евр. 5, 7; I Кор. 15, 28; Мар. 13, 32—вообще всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ говорится объ ограниченности человѣческой природы Христа Спасителя. Тогайдочъ чаще всего ссылаются на св. Отцевъ—Кирилла Иерусалимскаго, Іоанна Златоустаго и др. Наболѣе сильной оказывается партія ецегалыдечъ, такъ какъ въ толкованіи слова Божія она придерживается прямого смысла текстовъ, хотя не чужда крайностей въ этомъ отношеніи. Но школы тогайдочъ и кываточъ съ большимъ трудомъ и не безъ натянутости толкуютъ приводимые противниками въ свое оправданіе тексты. Такъ, напримѣръ, самымъ общимъ и распространеннымъ у нихъ возраженіемъ на мѣста въ Библии, говорящія объ ограниченности человѣческой природы Христа, служитъ слѣдующее: такъ, говорятъ они, сказано въ этихъ мѣстахъ Библии для оправданія того, что Іисусъ Христосъ былъ дѣйствительнымъ, а не призрачнымъ человѣкомъ. Или выраженіе евангелиста Луки о Христѣ Спасителѣ, что Онъ росъ и укрѣплялся духомъ, тогайдочъ и кываточъ толкуютъ въ ограниченномъ смыслѣ: утверждаютъ, что здѣсь евангелистъ говоритъ о тѣлесномъ развитіи, а слово — „духомъ“ слѣдуетъ понимать „воздухомъ“. Извѣстное мѣсто въ евангелии Марка: „О дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, иже суть на небесѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ“ (13, 32) кываточъ и тогайдочъ для цѣли своей читаютъ такъ: „о дни томъ и часѣ..... ни Сынъ-одинъ безъ (уаль-кромѣ) Отца“.

Споры между всѣми тремя партіями (школами) существовали цѣлые вѣка. Но лѣтъ пятнадцать тому назадъ покойный негусъ Іоаннъ, по просьбѣ абиссинскаго епископа Аѳанасія, созвалъ въ городѣ Аксумѣ соборъ, чтобы прекратить навсегда споры. Самъ негусъ, какъ житель и уроженецъ Тигри, былъ приверженцемъ ученія тогайдочъ. На соборъ прибыли всѣ лики, дека-мезмуры—ученые представители всѣхъ трехъ партій. Сверхъ того, стотысячная толпа народа окружала поляну, на которой расположился соборъ. Споры длились не мало времени. Сначала споръ велся между представителями тогайдочъ и послѣдователями ецегалыдечъ, въ которомъ причмали участіе по три человѣка съ каждой стороны. Спорили, стоя подлѣ царскаго сѣдалища, между тѣмъ, какъ всѣ остальные ученые сидѣли поодаль на травѣ. Партія ецегалыдечъ стала одерживать верхъ. Ецегалыдечъ засыпали противниковъ цитатами изъ Св. Писанія и свв. Отцовъ Церкви. Даже самъ негусъ пришелъ въ смущеніе. Вдругъ изъ сидящихъ и неучаствующихъ въ спорѣ ученыхъ выступаетъ одинъ діаконовъ и начинаетъ говорить. Краснорѣчіе его сразу же расположило въ его пользу слушателей и смутило его противниковъ ецегалыдечъ. Затѣмъ помощью искусныхъ діалектическихъ приемовъ онъ такъ поставилъ

дѣло спора, что его противники оказались сами себѣ противорѣчашими. Иоаннъ торжествовалъ. Въ это время, въ пылу жаркаго спора, одинъ ликъ изъ ецегалыдечъ дерзко, съ какимъ-то остервененіемъ закричалъ, обращаясь прямо къ негусу: „Иисусъ Христосъ такой же человѣкъ, какъ и я“! Негусъ пришелъ въ негодованіе и приказалъ отрѣзать лику языкъ. Этимъ окончился соборъ. Результатомъ его былъ указъ негуса Иоанна, въ которомъ всѣмъ повелѣвалось исповѣдовать ученіе тогайдо. Во всѣхъ нагаритахъ Абиссиніи ликанагайнаты принимали клятву отъ находящихся въ ихъ округахъ ученыхъ въ томъ, что послѣдніе до самой смерти своей будутъ исповѣдывать тогайдо. Упорные изъ кываточъ и ецегалыдечъ ушли въ лѣса и пустыни, а нѣкоторые совсѣмъ оставили отечество, опасаясь гоненій. Но по смерти Иоанна, когда опасеніе за разномысліе исчезло, они возвратились въ города и села, въ которыхъ жили прежде. Преемникъ негуса Иоанна, нынѣ царствующій негусъ негастъ Менеликъ II-ой въ указѣ, изданномъ имъ вскорѣ по воцареніи, предоставилъ всѣмъ полную свободу вѣропониманія. Въ указѣ этомъ говорилось: „я исповѣдую то ученіе, какое и мой отецъ (такъ назвалъ онъ своего предшественника Иоанна), но мои подданные могутъ исповѣдывать ученіе, какое пожелаютъ“. Такимъ образомъ, преслѣдованія за религіозное разномысліе прекратились, и споры о догматѣ воплощенія возобновились съ прежней энергіей и силой.

Каждая изъ трехъ школъ имѣетъ свой символъ, который служитъ формальнымъ отличіемъ послѣдователей одной школы отъ послѣдователей остальныхъ двухъ. Символы эти слѣдующіе.

I. Символь тогайдоць: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи прославися, Сынъ—Муро (ольде-кевъ), Собою помазывающій и Себя Собою помазавашій (противъ кываточъ)“.

II. Символь кываточъ: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи помазанъ Духомъ Святымъ и тѣмъ прославися“.

III. Символь ецегалыдечъ: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи въ третьемъ рожденіи (въ крещеніи) сталъ Богомъ по благодати“.

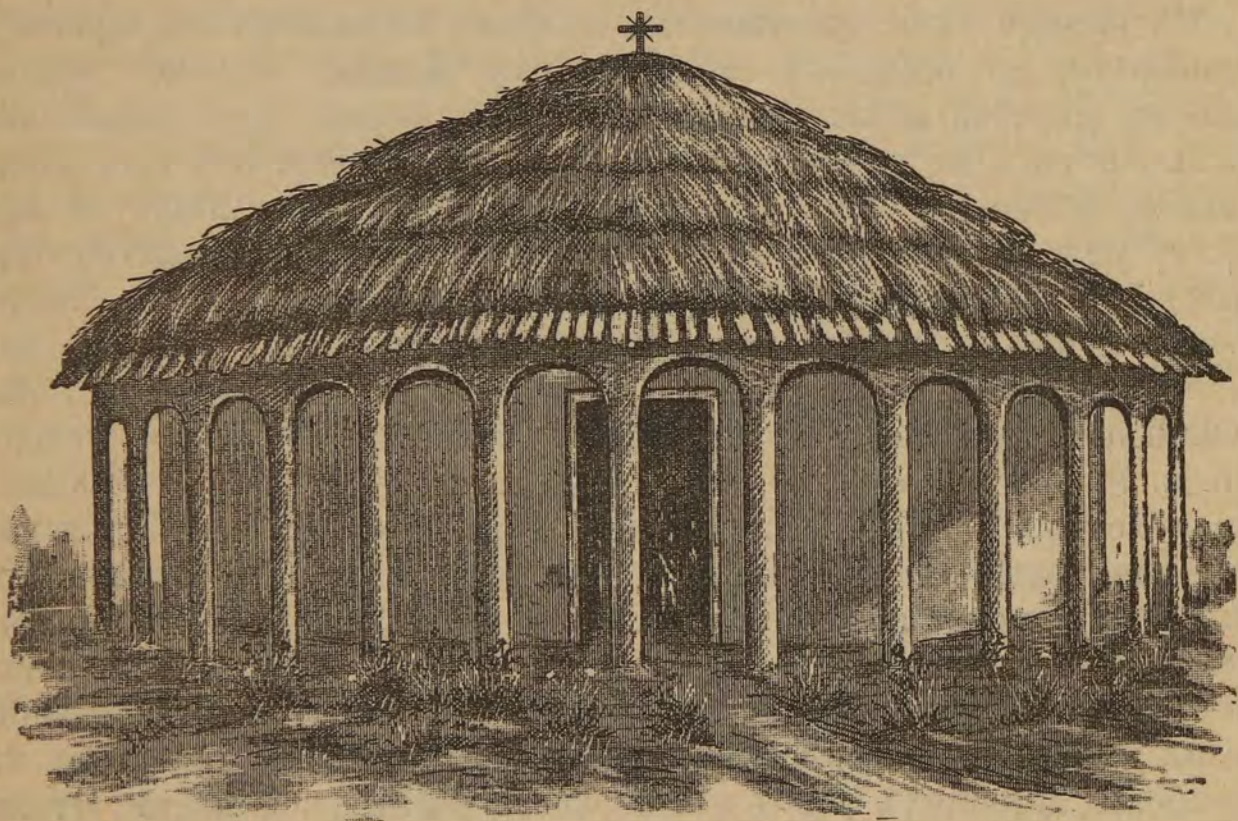
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

Въ первые вѣка христіанства не было стремленія къ строгому однообразію во внѣшнемъ строѣ Церкви. Каждая частная національная Церковь могла свободно творить формы для выраженія однѣхъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ христіанскихъ идей. Отъ того образовалось нѣсколько обрядовъ, сродныхъ другъ другу лишь по существу или по основной идеѣ: латинскій, греческій (византійскій), арабскій, египетскій и друг. Всѣ народы, просвѣщенные христіанствомъ въ самые первые вѣка нашей эры, пользовались этой свободой обрядоваго творчества, и она выразилась въ строѣ ихъ національныхъ церквей. Проповѣдники евангелія, обращая какой-нибудь народъ въ христіанство, не давали ему тутъ же готовыхъ, опредѣленныхъ формъ и нормъ для церковно-религіозной жизни, а давали только, такъ сказать, схему или идею. Въ четвертомъ вѣкѣ, когда христіанство утверждалось въ странѣ эііоповъ, обрядовая свобода была еще во всей силѣ. Вліяніе Египта, въ частности Александріи, касалось только общаго направленія церковной жизни и давало абиссинскимъ христіанамъ широкій просторъ въ выработкѣ внѣшнихъ формъ для церковно-религіозной жизни. Этимъ и можно объяснить то различіе, какое замѣчается въ двухъ сродныхъ обрядахъ—египетскомъ и эііопскомъ.

Съ другой стороны, абиссинскій обрядъ болѣе всѣхъ другихъ, современныхъ намъ обрядовъ, носитъ на себѣ слѣды глубочайшей христіанской древности. Онъ образовался и созрѣлъ приблизительно около половины VI вѣка и съ тѣхъ поръ въ неизмѣнномъ видѣ сохранился доселѣ; вѣка не прибавили къ нему ничего; они только сообщили ему еще больше прочности, устойчивости. Между прочимъ, онъ образовался подъ сильнымъ вліяніемъ еврейскаго обряда, господствовавшаго въ Абиссиніи до обращенія ея въ христіанство, и потому въ немъ встрѣчаются такія черты, которыя уносятъ мысль ко временамъ Моисея, скиніи, Давида, Соломона и проч. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, абиссинскій обрядъ представляетъ для насъ серьезный интересъ.

Центръ обрядовой стороны—это храмъ съ совершающимися въ немъ службами. Годичный же церковный кругъ вполне исчерпываетъ собою всё особенности богослуженія. И потому мы познакомимся сначала съ устройствомъ абиссинскихъ храмовъ, а затѣмъ съ древне-эіопскимъ богослуженіемъ.

Обычай эіопской страны повелѣваетъ строить храмы не среди населенія, какъ у насъ, а внѣ, и притомъ далеко отъ мірскихъ хижинъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ выстроено нѣсколько храмовъ, всё они стоятъ одиноко, скрываясь въ гущѣ лѣса или искусственнаго сада. Около храмовъ, на пространствѣ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ версты кругомъ, не встрѣтите ни одного жилья. Для храма всегда выбирается мѣст-

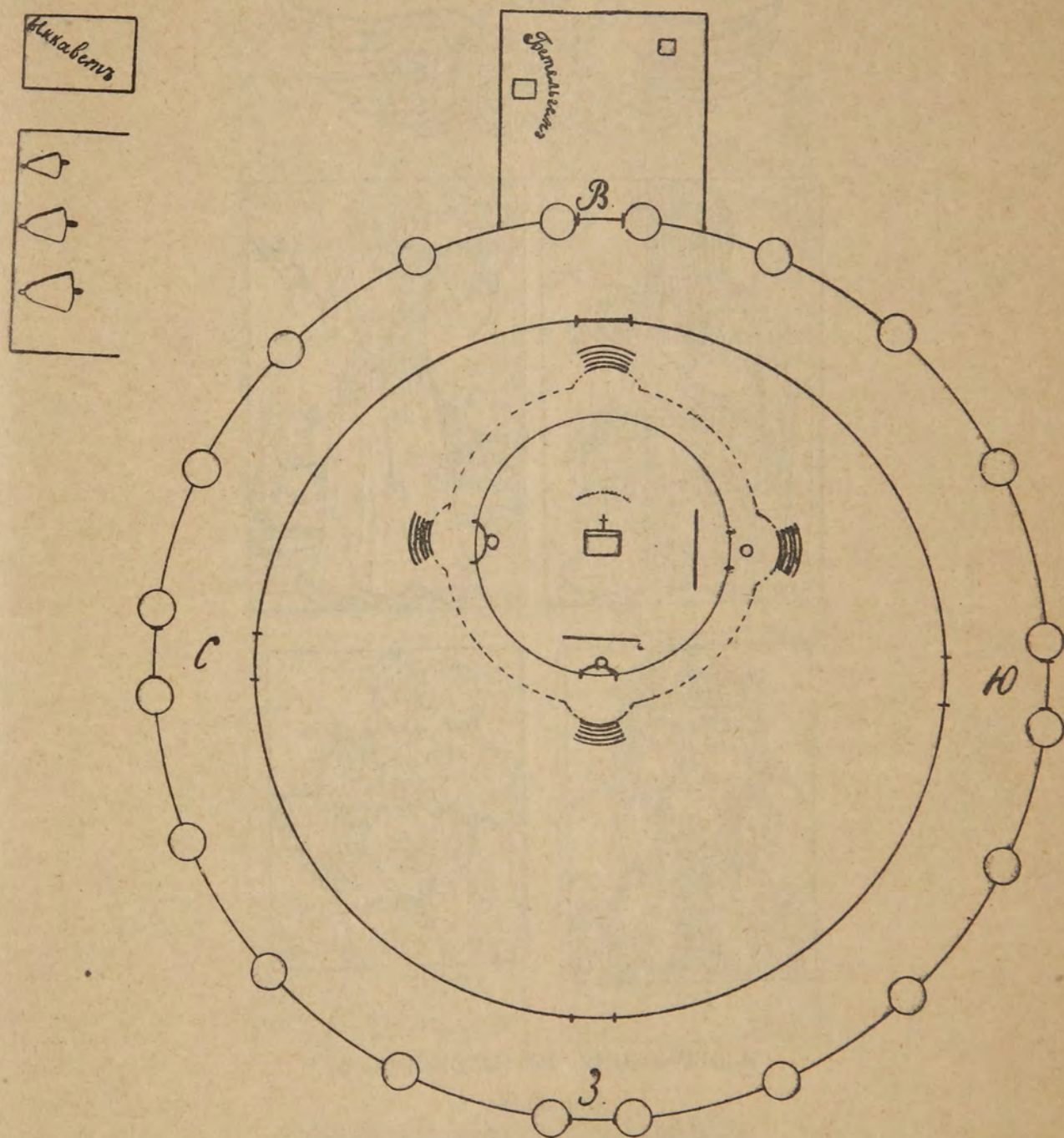

Внѣшній видъ собора съ запада.

ность возвышенная, обыкновенно болѣе или менѣе правильный куполовидный холмъ, опушенный по верхушкѣ своей густымъ кокомъ сѣнолиственныхъ деревьевъ. Въ соблюденіи вышеуказанныхъ правилъ проявляется особенное благоговѣніе абиссинцевъ предъ святыней храмовъ, не допускающее, чтобы испаренія, дымъ, чадъ и проч. достигали до этой святыни. Деревья, осѣняя своими верхушками зданіе церкви, какъ бы скрываютъ ея величіе отъ глазъ міра. Храмъ съ окружающимъ его садомъ занимаетъ очень большое пространство земли. Церковный садъ служитъ кладбищемъ для всѣхъ принадлежащихъ къ храму прихожанъ.

Церкви свои абиссинцы называютъ „домами христіанъ“ (бете

христіанъ). Для соборовъ или старѣйшихъ церквей крестныхъ помѣстій существуетъ названіе: гора (дэбре). Напр. „гора Спасителя“, „гора Дѣвы Маріи“ — Это значитъ: „соборъ Спасителя“, „соборъ Дѣвы Маріи“. „Горами“ соборы называются отъ положенія своего на высотахъ горъ.

Планъ храма.

Абиссинскій „бете христіанъ“ отличается отъ обыкновеннаго абиссинскаго жилья лишь размѣрами и крестомъ на крышѣ. Въ этомъ обстоятельстве предъ нами какъ бы воскресаетъ та самая ранняя эпоха христіанской архитектуры, когда виѣшній видъ цер-

ковныхъ зданій не выдѣлялся еще ничѣмъ предъ типомъ обыкновенныхъ человѣческихъ жилищъ.

Храмъ абиссинцевъ всегда обращенъ на востокъ. Онъ строится чаще всего изъ дерева, рѣдко изъ камня. Внутреннее распредѣ-

ИЗОБРАЖЕНІЯ НА ИКОНОСТАСЬ.

Серафимъ

Дѣва Марія
Спаситель

Пророкъ Данииль
Св. Лаливела.

леніе его частей обличаетъ сильное заимствованіе плана ветхо-за-вѣтной скиніи. Всѣ храмы имѣютъ форму круглаго цилиндриче-скаго зданія съ конусообразной крышей. На верхушкѣ конуса вод-ружается абиссинскій крестъ на подобіе звѣзды, восьмиконечный, составленный изъ четырехъ линій. За первой круглой стѣной, об-

разованной изъ густаго ряда широкихъ колоннъ, внутри виднѣется вторая стѣна—сплошная съ четырьмя вратами, сдѣланными съ діаметрально противоположныхъ сторонъ: на востокъ и западъ, сѣверъ и югъ. Врата ведутъ въ самую внутренность храма, въ

СТѢННЫЯ УКРАШЕНІЯ ХРАМОВЪ.

Изъ житія мученика

Символы
Діаволь.

центрѣ которой или нерѣдко близъ восточнаго входа помѣщается третье круглое зданіе, достигающее стѣнами до потолка,—это алтарь. Полъ алтаря, сдѣланный выше, выступаетъ широкой полосой наружу и опоясываетъ амвономъ иконостасъ. Въ стѣнѣ, окружающей алтарь, какъ и во внутренней—храма, четыре двери: восточная, за-

падная, сѣверная и южная. Изъ нихъ главная и наиболѣе широкая дверь—западная; восточная бываетъ всегда наглухо закрыта и никогда не открывается; остальные двѣ играютъ роль нашихъ боковыхъ дверей алтаря. Стѣна алтаря снаружи—вся расписывается священными изображеніями, сдѣланными на самыхъ доскахъ, составляющихъ стѣну; а въ соборахъ и монастырскихъ храмахъ

ЖИВОПИСНЫЯ УКРАШЕНІЯ ХРАМОВЪ.

расписывается живописью все церковное зданіе внутри и снаружи: стѣны наружная и внутренняя, потолокъ, двери и проч. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ храмахъ расписанъ даже полъ внутри самого храма и въ галлерсѣ—между наружною колоннадою и внутреннею стѣною, а также площадь прѣдъ тремя входами въ храмъ—съ востока, юга и сѣвера. Иконъ въ нашемъ смыслѣ, писанныхъ на отдѣль-

ныхъ доскахъ, въ Абиссиніи нѣтъ. Изображенія, украшающія храмъ, дѣлаются на самомъ матеріалѣ, изъ котораго выстроень храмъ.

Внутри алтаря, въ самомъ центрѣ его, помѣщается престоль, четырехугольной формы, впереди его — семилампадикъ, а позади и справа — двѣ широкія завѣсы: одна скрываетъ престоль отъ зрителей, стоящихъ предъ западными или царскими вратами, а другая отъ женъ, взирающихъ на алтарь съ юга. Между престоломъ и сѣверными дверями такой завѣсы нѣтъ, такъ какъ стояніе предъ ними дозволяется лишь священнослужителямъ, монахамъ, подвижникамъ и старцамъ, по обычаю, удостоеннымъ взирать на св. престоль. Прямо предъ царскими вратами помѣщаются мужчины, всѣ тѣ, которые не имѣютъ какого либо близкаго отношенія къ храму, а предъ южными — всѣ жены; мужская половина храма отдѣляется отъ женской невысокой ширмой, проходящей отъ амвона до самой западной стѣны храма. Предъ глухими, восточными вратами алтаря осмѣливаются стоять только люди самой строгой, равноангельской жизни, только тѣ, которые хотятъ сокрыть свой ликъ отъ взоровъ мірскаго люда и молиться въ самомъ храмѣ тайно, сокровенно отъ другихъ. Въ наружномъ отдѣленіи храма, идущемъ кольцеобразно между колоннадою и внутреннею стѣною, выстаиваютъ службу абиссинскіе ученые съ молитвенниками въ рукахъ, всѣ, такъ называемые, лики, дабтары, дека мезмуры, бала-дуги, бала-мацгафы и т. п. Они не входятъ въ самый храмъ, въ ту часть, гдѣ совершается богослуженіе, показывая этимъ народу, насколько велика святыня храма и насколько образованіе и ученость внушаютъ человѣку страхъ Божій. Въ томъ-же наружномъ отдѣленіи, предъ открытыми западными дверьми храма и противъ царскихъ вратъ алтаря помѣщается во время богослуженія вся хоровая корпорація, опять таки, не смотря на свое участіе въ службѣ, не желающая стоять внутри самаго храма — за дверями. Мѣсто для хора обозначается тѣмъ, что бываетъ сплошь устлано коврами.

При каждомъ храмѣ, будетъ-ли то соборъ, или простая ленная церковь, должно быть два зданія: 1) сокровищница (ыккаветъ) и 2) домъ приготовленія веществъ для евхаристіи, называемый по туземному „бетълегемъ“ — „домъ хлѣба“. Съ сокровищницей мы отчасти знакомы; въ ней хранится, какъ извѣстно, вся церковная утварь: чаши, дискосы, кадиланицы, церковныя облаченія, евангелія, богослужебныя книги, а также хранятся мѣшки съ церковной казной. Въ томъ же зданіи, только въ отдѣльной комнатѣ, живетъ старецъ, исполняющій обязанности церковнаго сторожа. Ыккаветомъ завѣдуетъ гавасъ — старшина приходскаго причта, а непосредственное наблюденіе за имуществомъ принадлежит хозяину храма — баджеронде.

Бетълегемъ, — замѣняющій у абиссинцевъ нашъ жертвенникъ, представляетъ небольшую хижину, устраиваемую вблизи восточнаго входа въ храмъ. Она почитается великимъ святилищемъ и огораживается высокой сплошной стѣной, примыкающей къ самымъ стѣнамъ храма съ восточной стороны, такъ что народу отъ бетълегема видѣнь лишь кончикъ конической крыши, увѣнчанный крестомъ. Внутри бетельгемской стѣны растутъ роскошные толстоствольные дубы. Рядомъ съ хижинкой бетълегема — внутри высокой ограды помѣщается еще „домъ омовеній“ для чередныхъ священниковъ. Въ немъ находятся: большой умывальникъ для священниковъ и діаконовъ и перемѣнные чистыя одежды для нихъ же. За ограду, скрывающую бетълегемъ и домъ омовеній непосвященнымъ лицамъ входъ строго воспрещается. Непосредственное сообщеніе бетълегема съ внутренностью храма идетъ черезъ восточныя двери. Этими дверями переносятся изъ бетълегема св. дары.

Около ыккавета въ оградѣ храма устраивается перекладина изъ бревенъ для большого колокола. Характеръ звона однообразный вездѣ: ударяютъ скоро въ одинъ конецъ. При тревогѣ усиливается скорость ударовъ. Колокола есть только при соборахъ, а въ ленныхъ храмахъ вмѣсто колоколовъ употребляются била изъ деревянныхъ или металлическихъ досокъ. Кромѣ того, при каждомъ храмѣ есть два или три барабана необыкновенно большихъ размѣровъ. За нѣсколько дней до большого праздника барабаны выставляются противъ солнца для просушиванія, которое усиливаетъ звукъ. Когда бьютъ въ эти барабаны, то звукъ отчетливо разносится во всѣ стороны верстъ на нятнадцать—двадцать вокругъ.

Каждый храмъ абиссинскій освящается въ честь Спасителя, или Богородицы, или какого нибудь угодника Божія. Освященіе совершается священниками, но каждый храмъ непременно долженъ имѣть освященный самимъ епископомъ таотъ (буквально ковчегъ), безъ котораго немыслимо совершеніе въ храмѣ литургіи. Таотъ имѣетъ видъ четверугольной доски, деревянной или каменной, фута въ два длины и около фута въ ширину съ выбитыми на ней письменами, означающими Имя св. Троицы и того, кому посвященъ храмъ. Таотъ, обернутый вплотную нѣсколькими шелковыми платками, полагается на престолѣ внизъ письменами и иногда врѣзается вглубь верхней доски престола. Требуется, чтобы таотъ былъ совершенно гладокъ, безъ всякихъ царапинъ и порѣзовъ, потому и цѣнится онъ очень дорого, на наши деньги въ 50—60 рублей. Гавасъ храма обязанъ слѣдить за цѣлостью таота. Кромѣ того таоты ревизуетъ ежегодно ликакгайватъ при обозрѣніи своей епархіи. Настоятель храма обязанъ вынести изъ алтаря таотъ,

снять съ него платки и показать его со всѣхъ сторонъ ликакай-нату, который, какъ не имѣющій сана священства, не смѣетъ прикасаться къ таоту. Строгое наказаніе ожидаетъ тотъ причтъ, въ храмѣ котораго таотъ окажется поврежденнымъ. При перемѣнѣ таота старый прячется подъ престоломъ, а для освященія новаго отправляется къ епископу самъ гавасъ. Новый, освященный епископомъ, таотъ препровождается въ храмъ съ большою торжественностью. Во все время путешествія отъ епископа гавасъ держитъ таотъ на своей главѣ и такъ ѣдетъ, окруженный толпою вооруженныхъ воиновъ. Во время войны таотъ изъ придворнаго храма выносится священниками на поле битвы.

Особенное уваженіе абиссинцевъ къ алтарю выражается въ томъ, что входитъ въ него дозволяется лишь священнослужителямъ и то череднымъ и не иначе, какъ для совершенія церковной службы. А св. престоль — это для абиссинцевъ такая святыня, на которую народъ не смѣетъ и взирать! Темная завѣса, не открываемая никогда, даже на пасху, навсегда окрываетъ отъ глазъ абиссинскаго народа Божій престоль. Міряне не видятъ, ни его, ни того, что вокругъ его и на немъ совершается. Діаконы, присутствуя въ алтарѣ во время службы, не смѣютъ прикасаться къ престолу. Если же это и случится по нечаянности, провинившійся въ страхѣ налагаетъ на себя какую нибудь строгую епитимию, напр., — сорокъ дней поста, въ теченіе коихъ кающійся вкушаетъ только хлѣбъ съ водой — и то вечеромъ дня; поклоны по 100—200 ежедневно въ продолженіе года и болѣе. Въ большіе праздники и по воскресеніямъ народъ спѣшитъ раннимъ утромъ въ храмъ, не на службу, а для поклоненія алтарю—этому мѣсту, гдѣ стоитъ престоль Самого Бога и гдѣ постоянно особеннымъ образомъ присутствуетъ Самъ Богъ. Входя въ церковь, абиссинецъ цѣлуетъ косяки дверей и порогъ, потомъ направляется къ амвону и у подножія его усердно и благоговѣнно отсчитываетъ три земныхъ поклона, относя ихъ мысленно къ самому престолу, скрытому за стѣной алтаря. Кто бы ни былъ, царь или мужикъ, монахъ или мірянинъ, — никто не пройдетъ мимо вратъ алтаря, чтобы не отдать ему подобающей чести: требуется положить хоть одинъ земной поклонъ. Замѣчательно, что у абиссинцевъ не принято кланяться до земли иконамъ — въ той мысли, что иконы суть лишь изображенія, а не самыя лица: зачѣмъ кланяться, напр., иконѣ Господа, если есть въ алтарѣ Самъ Первообразъ ея, самъ Богъ, сидящій на престолѣ.

Не смотря на сознаніе великой пользы отъ посѣщенія храмовъ, абиссинцы съ какимъ-то дѣтскимъ трепетомъ уклоняются, избѣгаютъ бывать въ священныхъ стѣнахъ храма, считающагося великой, грозной и страшной святыней, на которую недостойнъ грѣш-

ный человекъ взирать даже издали! Отсюда замѣчается въ Абиссиніи странное явленіе: тамъ тотъ рѣже ходитъ въ храмъ, кто болѣе благочестивъ и боголюбивъ, чѣмъ другіе, кто, слѣдовательно, болѣе другихъ исполненъ смиренія и сознанія своей грѣховности. У насъ нужно убѣждать—ходить въ храмъ, въ Абиссиніи наоборотъ: правила и уставы, обязательныя для абиссинцевъ, наполнены только укорами и угрозами частымъ посѣтителемъ храмовъ, не помышляющимъ о своемъ недостойнствѣ. Тамъ ревнители благочестія наблюдаютъ за собою строго: идя въ храмъ, каждый изъ нихъ исповѣдывается тайно въ своей душѣ, и если припомнить хоть малѣйшую вину, не рѣшается переступить священный порогъ. Этотъ удивительный рабскій страхъ предъ Богомъ, являющимся въ сознаніи людей какимъ-то грознымъ Судьей, Карателемъ, живо воспроизводитъ эпоху ветхозавѣтнаго культа!

Абиссинцы вообще придерживаются слѣдующаго обычая: тяжело согрѣшившій не идетъ въ храмъ прежде, чѣмъ не исполнить положенный срокъ очищенія, соответствующій тяжести грѣха. Помимо тяжкихъ отъявленныхъ грѣшниковъ: чародѣевъ, грабителей, убійць, кровосмѣсниковъ и проч., гонимыхъ изъ храмовъ нерѣдко силою, въ народѣ найдется не мало просто уничиженныхъ смиренныхъ душъ, не рѣшающихся входить внутрь храмовъ, а часы богослуженій по воскресеньямъ и праздникамъ выстаивающихъ въ церковной оградѣ. Стоитъ посмотрѣть, что бываетъ въ прекрасномъ церковномъ саду во время службы: тутъ стоятъ, прислонясь къ стволамъ тѣнистыхъ деревьевъ и обратясь лицомъ къ храму, люди всякаго званія и состоянія, пола и возраста, и усердно молятся, громко и скоро выговариваютъ длинныя молитвы по своимъ молитвенникамъ. Въ перерывахъ молитвъ знакомые подсаживаются другъ къ другу для отдыха и бесѣды. Когда раздастся звонъ, возвѣщающій о важныхъ моментахъ службы, всѣ встаютъ, выпрямляются и молитвенно склоняютъ головы на грудь... Кающіеся, плачущіе не входятъ даже въ ограду храма, а молятся или у самой подошвы священнаго холма или далеко-далеко отъ него, въ какихъ нибудь уединенныхъ долинахъ,—точно такъ-же поступаютъ жены въ періодъ своего очищенія и супруги, выдерживающіе восьмидневный срокъ очищенія послѣ каждаго супружескаго сношенія. Клиры нѣкоторыхъ богатыхъ соборовъ, заботясь объ утѣшеніи всякаго рода плачущихъ, кающихся, подверженныхъ очищенію,—устраиваютъ для нихъ особую церковную музыку внѣ храма. Для этой цѣли употребляется труба „нагарить“, необыкновенно дѣйствующая на чувство абиссинцевъ. Когда она издаетъ звуки церковной мелодіи, соответствующей той, которая одновременно съ этимъ раздается въ храмѣ,—стоящіе далеко отъ храма приходятъ въ молитвенный восторгъ.

II.

Рядъ службъ каждаго праздника начинается въ „домѣ хлѣба“, этой маленькой хижинкѣ, устроенной близъ храма. За день до праздника въ ней совершается обрядъ, называемый, по туземному, „бетельгемъ мистиръ“, — въ переводѣ: „Виелеемское таинство“. Оно совершается старцемъ-аскетомъ при участіи череднаго священства. Личность этого аскета представляетъ серьезный и поучительный интересъ. При каждомъ храмѣ, — соборномъ или ленномъ, обязательно долженъ быть такой аскетъ; называемый назореемъ. Онъ живетъ въ бетълегемѣ и никогда не выходитъ изъ-за высокой стѣны. Очамъ народа онъ совершенно недоступенъ. Въ щель стѣны — малую настольку, что сквозь нее едва пролазитъ ломтикъ хлѣба, аскету усердствующіе доставляютъ пищу. Самъ же онъ не думаетъ о ней. Его не забудутъ: онъ это знаетъ. Его дѣло: непрерывно молиться....

За день до праздника или воскресенія въ извѣстный часъ чередные священники и діаконы приходятъ въ бетълегемъ, неся съ собою молитвенники. Въ хижинкѣ „хлѣба“ они разсаживаются на полу вокругъ приземистаго столика, на которомъ положены: двѣ мѣры пшеницы и вѣтвь виноградныхъ гроздей. Назорей подноситъ старшему священнику поочередно пшеницу и виноградъ для благословенія. Потомъ слѣдуетъ непрерывное чтеніе всѣми сидящими евангелія, псалтири, молитвъ и восхваленіе тѣлесныхъ членовъ Господа, такъ называемое „мелькаа Іисусъ“. Между тѣмъ назорей изготовляетъ для евхаристіи — хлѣбъ и вино. Онъ это совершаетъ съ неописуемымъ благоговѣніемъ и трепетомъ, медленно и торжественно... Первымъ долгомъ насыпаетъ онъ пшеничныя зерна въ горячую воду, и снимаетъ размякшую кожицу съ каждаго зернышка въ отдѣльности, выбирая при этомъ зерна спѣлыя и полныя; бѣлыя очищенныя зерна тщательно моетъ въ теплой водѣ, перемѣняя ее три раза, отираетъ ихъ полотенцемъ, просушиваетъ нѣкоторое время на огнѣ и затѣмъ толчетъ ихъ на чистомъ вымытомъ жерновѣ; муку сыпаетъ въ горшокъ и подбавляетъ туда воды и немного закваски. Все это размѣшивается поочередно діаконами, а назорей мѣситъ самое тѣсто, изготовляетъ изъ него хлѣбы и печетъ ихъ. Каждый хлѣбъ — предъ тѣмъ, какъ нужно класть его на огонь, назорей подноситъ священнику для благословенія. Когда хлѣбы испекутся, ихъ кладутъ рядышкомъ на церковномъ столикѣ и покрываютъ воздухомъ. Потомъ назорей беретъ виноградныя грозди и обираетъ съ нихъ лучшія зерна для вина. Плоды омываются три раза въ теплой водѣ, а выжатый съ нихъ сокъ процеживается трижды сквозь чистые льняные платки. Полученное

вино наливается въ чистый серебряный или каменный сосудъ и покрывается воздухомъ. Въ теченіе всей этой работы аскетъ обращается къ священнику за благословеніемъ много разъ, строго наблюдая, чтобы начало cadaго дѣйствія освящалось крестнымъ знаменіемъ и словами священника: „во Имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Весь обрядъ приготовленія св. Даровъ для литургіи читается, какъ великое таинство — „мистирь“. Окончаніе его возвѣщается народу колокольнымъ звономъ. Народъ глубоко вѣритъ, что хлѣбъ и вино, приготовленные въ бетълегемѣ, ниспосылаются Самимъ Богомъ съ небесъ, что въ бетълегемѣ происходитъ чудо, подобное тому, какое совершилось въ Вифлеемѣ іудейскомъ—въ пещерѣ, гдѣ родился отъ Дѣвы Маріи Спаситель міра, шедшій съ небесъ. Только назорею и священнослужителямъ хорошо извѣстно, въ чемъ заключается таинство (мистирь), совершающееся въ эіопскихъ Вифлеемахъ, но и тѣ съ трепетомъ внимаютъ голосу вѣры, убѣждающему ихъ въ чудесности происхожденія евхаристическихъ даровъ. Всякаго вновь рукоположеннаго діакона духовникъ его послѣ обычныхъ наставленій въ обязанностяхъ сана, вводитъ въ бетълегемъ и открываетъ ему сущность совершаемаго въ немъ таинства. Узнавшій ее, подъ страхомъ смертнаго грѣха, не смѣетъ открыть ее другимъ, непосвященнымъ. За то многіе изъ діаконствъ, узнавъ „мистирь“, становятся скептиками.

Ш.

Въ отношеніи службъ, подготовительныхъ къ литургіи, существуетъ замѣтная разница между соборами—„горами“ гультовъ и ленными храмами. Въ соборахъ совершаются такія службы, о которыхъ клиры ленныхъ храмовъ не имѣютъ даже представленія. Это и естественно: въ сокровищницахъ соборовъ есть много денегъ и есть возможность пріобрѣсти богослужебную книгу „Дуга“, стоящую очень дорого, а для простыхъ ленныхъ храмовъ такой возможности не существуетъ. Книга „Дуга“, считающаяся твореніемъ абиссинскаго пѣснописца Яреда, жившаго въ VI вѣкѣ, представляетъ собою пространный сборникъ церковныхъ пѣсней на всѣ дни года. Книга велика по объему, требуетъ много времени для ея переписки и потому цѣнится отъ 150—200 рублей. Далѣе. Въ соборѣ есть великолѣпный хоръ, а въ подчиненныхъ ему храмахъ поютъ одни малоученые „седмичники“ (самоноя). Имъ не пропѣтъ изъ книги „Дуга“ ни одной строки,—такъ въ ней много условныхъ знаковъ, нотныхъ крюковъ и т. п. Специалисты изучаютъ эту книгу шесть—восемь лѣтъ! Итакъ, службы Яреда и по цѣнности книги

и по трудности исполненія ихъ немислимы въ младшихъ ленныхъ церквахъ гульта.

Седмичники ленныхъ храмовъ служатъ постоянно одну и ту же службу, называемую „саасать“ (часы), — эту элементарнѣйшую и простѣйшую изъ службъ, состоящую изъ самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ, которыя всякій абиссинецъ знаетъ на память отъ колыбели. Саасать приписывается нѣкому авва-Георгису и заключается въ себѣ по порядку слѣдующія молитвы: 1) Удд́асе Марьямъ, 2) Мелька́а Марьямъ, 3) Мелька́а Исусъ, и чтенія изъ слѣдующихъ книгъ: 1) Та́амеръ Исусъ — сказанія о чудесахъ Исуса, заимствованныя изъ апокрифическихъ книгъ и 2) Та́амеръ Марьямъ — чудеса Дѣвы Маріи. Въ заключеніе прочитывается изъ синаксаря житіе дневного святого, составляющее единственную измѣняемую часть саасата. Въ ѳитанегыстѣ (ѳіюпскомъ судебникѣ) настрого предписывается христіанамъ ходить въ воскресный день на саасать для выслушанія житія. Въ двенадцатые праздники на саасатѣ читаются еще мѣста изъ ветхаго завѣта и евангелія. Гавасъ храма опредѣляетъ тогда, что читать примѣнительно къ воспоминаемому событію. Саасать служится или вечеромъ наканунѣ праздника, или въ самый день праздника раннимъ утромъ; длится онъ два—три часа, не болѣе.

Въ соборахъ—„горахъ“ гультовъ и храмахъ монастырей въ ночь подъ воскресеніе или праздникъ совершается торжественная всенощная, называемая „моуддысь“ (Время хваленія). Начало ея возвѣщается народу звономъ въ 12 часовъ дня (по нашему въ 6 часовъ вечера)—въ тотъ самый моментъ, когда заходящее солнце скроетъ послѣдніе лучи свои. Моуддысь длится непрерывно всю ночь отъ захода солнца до восхода, т. е. до 6 часовъ утра. Въ составѣ службы бываютъ два краткихъ перерыва, характеризующіе смѣну трехъ частей моуддыса. Въ промежуткахъ для связи читается священникомъ импровизированная молитва и народомъ „Отче нашъ“. Въ извѣстныхъ мѣстахъ службы допускается краткій отдыхъ и тогда молящіеся садятся на ковры и циновки, покрывающіе полъ церкви. Каждая изъ частей моуддыса, сходныхъ между собою, заключается въ себѣ: пѣсни Яреда, импровизированные стихи (кне), чтеніе изъ ветхаго и новаго завѣта и молитвы, похожія по своему характеру и содержанію на наши ектеніи. Въ этихъ молитвахъ испрашиваются у Бога милости для всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ, семейныхъ и общественныхъ нуждъ. Когда діаконъ произноситъ эти молитвы, въ средѣ народа слышатся непрерывные возгласы: „чирі-алайсонъ“ (измѣненное — Κύριε ἐλέησον) — Господи помилуй! Каждая часть моуддыса заканчивается пѣніемъ одного—двухъ псалмовъ подъ громкій шумъ литавровъ и барабановъ.

Во время всенощной засвѣчиваются лампады, привѣщенные въ

разныхъ мѣстахъ храма. Они горятъ всю ночь до разсвѣта. Въ полночь въ нихъ подливаютъ масла и тогда же въ самомъ характерѣ моуддыса происходитъ поворотъ: до полуночи въ пѣсняхъ хора и возгласахъ священнослужителей звучитъ заунывная, печальная (гызь) мелодія, но съ полуночи уже раздается радостное, праздничное (ызель) пѣніе, которое господствуетъ и въ слѣдующей за моуддысомъ литургіи.

Въ Абиссиніи не существуетъ писаннаго устава о порядкѣ службъ. Въ ытанегыстѣ встрѣчаются нѣкоторыя правила относительно богослуженія, но они общаго характера и не опредѣляютъ порядка отдѣльныхъ службъ. Въ „Дуга“ собраны только пѣснопѣнія на каждый день, но „чина“ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ. Нигдѣ также нѣтъ указанія на то, въ какой день какое слѣдуетъ читать евангеліе и какой пѣть предъ нимъ прокимень, между тѣмъ во всѣхъ абиссинскихъ храмахъ въ этомъ отношеніи существуетъ полное однообразіе. Уставъ, повидимому, существуетъ, только не въ книгахъ, а въ головахъ абиссинскихъ клириковъ.

Вѣковой обычай страны выдѣлилъ особою торжественностью дни: 1) Воздвиженія Креста Господня, 2) Рождества Христова, 3) Крещенія, 4) Благовѣщенія и 5) Троицы, опредѣливъ служить въ эти праздники не безконечный двѣнадцатичасовой моуддысъ, а краткую величавую службу „озима-селляси“. Начинается она по заходѣ солнца наканунѣ праздника и длится не болѣе двухъ часовъ: непосредственно послѣ нея совершается литургія — и вся служба праздника отходитъ до полуночи, предваряющей наступленіе свѣтлопраздничнаго дня. Озима селляси вся состоитъ изъ импровизированныхъ гимновъ, сочиняемыхъ къ празднику дабтарами хора. Служба распадается на двѣ части чтеніемъ евангелія и торжественнымъ возглашеніемъ праздничнаго прокимна. Послѣ возглашенія діакона прокимень поется всею церковью подъ звуки литавровъ и барабановъ.

Величіе „озимы“ можетъ оцѣнить только абиссинецъ, для котораго нѣтъ лучшаго удовольствія на свѣтѣ, какъ выслушивать выдержанное и оригинальное исполненіе „к'не“. А на „озимѣ“ онъ услышитъ всѣ двѣнадцать родовъ к'не и всѣ положенныя къ нимъ мелодіи. Онъ услышитъ тутъ мудрыя изреченія своихъ національныхъ мыслителей, вылившіяся въ стройную музыкальную форму, — эти перлы національной поэзіи. Сколько замысловатости, сколько глубокаго смысла, таинственнаго умозрительнаго богословствованія выражено бываетъ въ звукахъ к'не! Слушателю нужно усиленно напрягать умъ, чтобы понять смыслъ стиховъ, и это напряженіе, озаряющее умъ и сердце, наполняетъ душу восторгомъ. Пріятно бываетъ снять вдругъ таинственную завѣсу съ цѣлаго ряда образовъ и аналогій, такъ же пріятно, какъ рѣшить какую-нибудь

трудную математическую задачу. Когда исполняется к'не, дивное зрѣлище представляет толпа, наполняющая храмъ: на лицахъ выражается усиліе, потуга ума, какая бываетъ у ученика, забывшаго на экзаменѣ содержаніе билета. Каждый принимаетъ положеніе тѣла, наиболѣе помогающее сосредоточенію мысли: опирается локтями въ посохъ и закрываетъ правой рукой лобъ и глаза....

Каждый импровизированный гимнъ, сочиненный ученымъ членомъ хора, исполняется — сначала solo, а затѣмъ tutti. Для solo выступаетъ въ середину поющихъ звонкоголосый юноша, причѣмъ позади его становится самъ сочинитель гимна и подсказываетъ ему на ухо слова. По окончаніи solo, алака подымаетъ посохъ и всѣ пѣвцы разомъ, какъ одинъ человекъ, начинаютъ униссономъ тотъ же гимнъ и поютъ его весь до конца, при неумолкающемъ шумѣ литавровъ и барабановъ, къ которымъ на извѣстныхъ мѣстахъ присоединяется еще стукъ посоховъ и хлопанье рукъ; причѣмъ получается интересное зрѣлище отъ одновременно поднимаемыхъ и опускаемыхъ посоховъ, увѣнчанныхъ блестящими верхушками. Иногда во время пѣнія вдругъ всѣ дабтары хора бросаютъ посохи на землю и принимаются стучать правой ногой и хлопать ладонями. Если содержаніе к'не особенно интересно, то по окончаніи пѣнія, въ толпѣ нерѣдко слышится шумъ одобрительныхъ возгласовъ.

Есть еще третья вечерняя служба — „мелтанъ“. Она совершается только три раза въ годъ: въ великую субботу, на Пасху и въ день хромового праздника. Мелтанъ короче всѣхъ другихъ службъ и можетъ совершаться даже безъ участія хора. Онъ поэтому доступенъ для всѣхъ ленныхъ храмовъ.

Интересное зрѣлище представляетъ сельскій ленный храмъ въ день своего годовичнаго праздника. Въ этотъ день съѣзжаются въ село дабтары собора и нѣсколько седмичниковъ. Нагруженные мулы привозятъ для праздничной службы дорогія соборныя облаченія и сосуды. Своды бѣднаго сельскаго храма наканунѣ праздника — съ вечера до полуночи оглашаются пѣніемъ соборнаго хора и исполненіемъ импровизированныхъ гимновъ, составленныхъ дабтарами. Въ этотъ радостный для прихода день ярче всего обрисовывается естественная братская связь собора — вассала съ его ленными храмами.

IV.

По ытанегысту, литургію (кыддаси) положено начинать съ восходомъ солнца; исключеніе составляютъ перечисленные нами праздники: 1) Воздвиженія Креста Господня, 2) Рождества Христова, 3) Крещенія, 4) Благовѣщенія, 5) Пасхи, 6) Троицы и

7) храмового праздника; и дни четырехъ постовъ: 1) великаго, 2) рождественскаго, 3) апостольскаго и 4) успенскаго; въ этихъ случаяхъ литургія совершается наканунѣ дня, къ которому относится, съ вечера (около 10 час.) до полуночи.

Предъ началомъ литургіи череднойъ діаконовъ получаетъ отъ хозяина сокровищницы облаченія, сосуды и евангеліе и приноситъ ихъ въ алтарь. Облаченія раскладываются на аналоѣ. Всѣ чередные священники и діаконы уходятъ за Виолеемскую стѣну, гдѣ каждый оmyваетъ все свое тѣло и надѣваетъ чистыя одежды; изъ дома омовеній седмичники идутъ въ храмъ черезъ восточныя ворота, у которыхъ совершаютъ входныя молитвы. У ступеней амвона всѣ кладутъ земные поклоны, цѣлуютъ поочередно косяки сѣверныхъ алтарныхъ дверей и проходятъ ихъ одинъ за другимъ: сначала священники, потомъ діаконы. Поклонившись престолу трижды, священнослужители подходятъ къ аналою и возлагаютъ на себя священные одежды: священники надѣваютъ фелонь (борнусъ), поясъ, поручи, діаконы—стихарь безъ ораря или тоже короткую фелонь. Абиссинская фелонь отличается отъ греческой тѣмъ, что имѣетъ видъ монашеской мантии, только безъ складскъ сзади. О существованіи епитрахили абиссинцы не знаютъ. Она стала употребляться лишь недавно абиссинскими іеромонахами іерусалимской общины.

Литургія начинается при открытыхъ царскихъ вратахъ. До предначинательнаго возгласа бываетъ обхожденіе храма съ крестомъ и кадиломъ, такъ называемая „процессія фиміама“. Горящие угли для кадила приноситъ изъ бетельгема къ алтарю нисшій діаконовъ, который въ соборахъ носитъ специальное названіе „фимъ-чары“, что значитъ: носитель угольевъ. Относительно кадильнаго огня существуетъ убѣжденіе, что онъ чудесно получается съ неба изъ облака. Процессію фиміама открываютъ два діакона съ длинными свѣчами въ рукахъ, за ними идетъ архидіаконовъ съ деревяннымъ крестомъ трехаршинной вышины; позади всѣхъ шествуетъ предстоятель въ ковѣ (камилавкѣ), имѣющій въ лѣвой рукѣ малый металлическій крестъ, въ правой—висящую на цѣпяхъ кадильницу. Процессія обходитъ вокругъ престола; предстоятель куритъ предъ нимъ съ четырехъ сторонъ; сначала съ западной, потомъ съ южной, восточной, сѣверной... Обойдя престолъ и весь алтарь, процессія выходитъ царскими вратами, совершаетъ обхожденіе вокругъ иконостаса по амвону и, наконецъ, возвращается въ алтарь царскими вратами. Архидіаконовъ не вступаетъ съ процессіей въ алтарь, а останавливается на амвонѣ, опускаетъ подножіе креста на полъ, и склонивъ голову подъ поперечникъ креста, возглашаетъ: „благослови владыко“. Послѣ возгласа предстоятеля слѣдуетъ эктенія. Народъ повторяетъ: „чирі алайсонъ“. Предъ евангельскимъ чтеніемъ, предстоятель, обойдя съ книгой евангелія вокругъ престола,

выходить царскими вратами и останавливается на амвонѣ лицомъ къ востоку; здѣсь онъ передаетъ книгу второму діакону, а вмѣсто нея принимаетъ отъ архидіакона въ правую руку крестъ. Второй діако́нъ возлагаетъ евангеліе на свою главу и раскрываетъ писмена предъ глазами предстоятеля; по сторонамъ становятся два діакона со свѣчами. По окончаніи чтенія, евангеліе уносится въ алтарь.

Послѣ длинной эктени и приглашенія оглашенныхъ выйти изъ храма, наступаетъ торжественный моментъ перенесенія св. Даровъ. Всѣ священнослужители, кромѣ предстоятеля, удаляются чинной процессіей въ бетълегемъ. Здѣсь выбираются три самыхъ лучшихъ хлѣба. Блюдо съ хлѣбами беретъ діако́нъ и возлагаетъ его на свою голову, а сосудъ съ виномъ принимаетъ въ правую руку священникъ. Имъ предшествуютъ священники съ длинными свѣчами въ рукахъ, діаконы съ кадильницами и архидіаконъ съ крестомъ. Процессія чинно выходитъ изъ бетълегема, вступаетъ въ храмъ восточными дверями, всходитъ на ступени амвона, устроенныя предъ восточными глухими вратами алтаря, и по амвону идетъ до сѣверныхъ дверей, которыми и входитъ въ самый алтарь. Во все время шествія процессіи не смолкаютъ удары колокола. Толпа въ эти минуты какъ бы замираетъ. Всѣ опускаютъ головы на верхи своихъ жезловъ и слагаютъ на груди крестовидно руки. Нельзя уронить слова. Въ алтарѣ принесенные хлѣбъ и вино принимаетъ предстоятель. Изъ трехъ хлѣбовъ онъ выбираетъ одинъ лучший и кладетъ его на блюдо, представляющее дискось, а вино вливаетъ въ потиръ. Наконецъ, таинственная тишина храма нарушается громкимъ пѣніемъ предстоятеля: „Агуда Авъ Ольдь Манфысь Кдусъ“, — что значитъ: „Адонай Отець Сынъ Духъ Святый“. Всѣ вздыхаютъ. „Иисусъ Христосъ есть“ — слышится въ толпѣ. Вся слѣдующая часть литургіи проходитъ при дивномъ благоговѣніи и трепетѣ народа. Съ момента внесенія св. Даровъ выходъ изъ храма немислимъ. Грозное „анаѰема“ устрашаетъ каждыа, кто вздумалъ бы выйти, но такого человѣка не найдется, развѣ сынъ погибельный посмѣетъ уйти отъ священной трапезы, подражая Іудѣ Искаріотскому...

Агнецъ, употребляемый въ абиссинскихъ церквахъ, имѣетъ правильную форму большаго кругаа хлѣба (около фута въ діаметрѣ) съ печатью наверху, изображающею двѣнадцать малыхъ крестовъ и одинъ большой, проходящій діаметрально черезъ весь хлѣбъ. Большимъ крестомъ агнецъ разсѣкается на четыре равныя части, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, тремя втиснутыми линіями, проходящими очень глубоко — до самой исподней части хлѣба, дѣлится на три части. Такимъ образомъ, весь агнецъ состоитъ изъ двѣнадцати надломовъ съ знаками креста на каждомъ. На агнцѣ

по краямъ его изображаются слова: „Иисусъ Христосъ Сынъ Божій“ или: „Иисусъ Христосъ Сынъ Бога живаго“ или еще: „Иисусъ Христосъ Эммануиль“.

Дискось съ агнцемъ и чашу съ виномъ священникъ ставитъ на престоль (сверхъ таота) такъ: дискось предъ собою, а чашу подале отъ себя, позади дискаса, и тутъ же благословляетъ ихъ поочередно, сначала дискось, потомъ чашу. Священническое благословеніе, какъ и крестное знаменіе—нужно замѣтить—у абиссинцевъ совершается обычно двумя перстами—большимъ и указательнымъ, или большимъ и среднимъ, сложенными на-крестъ. До внесенія св. Даровъ въ алтарь составъ литургіи всегда неизмѣненъ. Но потомъ начинается самая важная часть литургіи, видоизмѣняющаяся въ каждой изъ существующихъ въ Абиссиніи четырнадцати литургій. Эти литургіи слѣдующія: 1) Господня, 2) апостольская, 3) Бгородичная, 4) Кирилла Александрійскаго, 5) Аѳанасія Александрійскаго (по воскресеньямъ), 6) Іоанна Богослова, 7) Іакова Сирійскаго, 8) Трехъ сотъ восемнадцати отцовъ I Вселенскаго Собора, 9) Григорія Богослова, 10) Григорія Армянскаго, 11) Василія Великаго (преимущественно въ дни поста), 12) Іоанна Златоустаго (обыкновенно въ среду, пятокъ и субботу), 13) патріарха Діоскора и 14) Епифанія Кипрскаго. Въ ленныхъ храмахъ гульты служатся не всѣ четырнадцать литургій, а только первыя три въ нашемъ перечисленіи, которыя считаются главными и непременно должны быть усвоены каждымъ получающимъ священство чуть не на память. Въ соборахъ Шоанскаго царства употребляются даже 28 видовъ литургіи, напр., есть литургія безплотныхъ силъ, Архангела Михаила; словомъ, въ Шоа для всѣхъ почти великихъ святыхъ установлены спеціальныя чины литургій.

Совершеніе литургіи въ Абиссиніи представляетъ слѣдующія особенности. Служать ее не менѣе пяти священниковъ и четырехъ діаконовъ ¹⁾. Евангеліе читается священникомъ, а не діакономъ; послѣдній читаетъ только апостоль. Послѣ возгласа діакона: „молитесь о мирѣ и лобзайте другъ друга“ ²⁾ въ большинствѣ абиссинскихъ храмовъ бываетъ взаимное цѣлованіе между мужчинами, стоящими въ храмѣ. Въ рѣдкихъ церквахъ этотъ обычай не соблюдается. Во все время продолженія литургіи старшій священникъ стоитъ у престола съ благоговѣнно возложенными на агнецъ руками, какъ бы замѣняющими нашу звѣздицу. Онъ не отнимаетъ ихъ отъ агнца ни на минуту, опасаясь прикоснуться къ постороннему предмету. Молитва пресуществленія произносится старшимъ

¹⁾ Есть, впрочемъ, бѣдные храмы, гдѣ литургію служатъ лишь два священника и три діакона.

²⁾ Этотъ возгласъ соотвѣтствуетъ нашему: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмся“.

священникомъ вслухъ и повторяется всѣмъ народомъ. Потомъ благословляются св. дары, но земнаго поклона при этомъ не бываетъ. Вслѣдъ за пресуществленіемъ слѣдуетъ преломленіе агнца на двѣнадцать кусковъ, сопровождаемое длинною трогательною молитвою, которая читается священникомъ нараспѣвъ, громко и раздѣльно, такъ какъ повторяется всѣмъ народомъ, стоящимъ въ храмѣ. Во время пѣнія этой молитвы рѣдкіе удерживаются отъ слезъ. Затѣмъ слѣдуетъ исповѣданіе вѣры.

Причащеніе священнослужителей въ алтарѣ происходитъ слѣдующимъ образомъ: старшій іерей, причастившись Пречистаго Тѣла, раздаетъ частицы агнца всѣмъ служащимъ, причемъ кладетъ частицы не въ руки, а въ уста cadaго, подходящаго съ благоговѣйно сложенными руками на персяхъ. Каждую частицу священникъ беретъ большимъ и указательнымъ перстами, сложенными—какъ для благословенія—въ знакъ креста. Діакона получаютъ причастіе не у престола, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Затѣмъ священнослужители причащаются Пречистой Крови, но не изъ чаши прямо, а изъ лжицы. Во время причащенія священнослужителей хоръ исполняетъ к'не (стихи).

Но вотъ отверзлись царскія врата, и въ нихъ показался громадный подносъ, покрытый сверху большимъ воздухомъ, несомый двумя священниками. На подносѣ находится дискосъ съ Пречистымъ Тѣломъ. Старшій іерей выходитъ вслѣдъ за подносомъ, держа руки подъ покровомъ на Пречистомъ Тѣлѣ. Выходитъ и старшій діаконъ съ чашей, имѣя по сторонамъ себя двухъ діаконѡвъ. Желавшіе причащаться міряне подходятъ сначала къ подносу. Іерей беретъ правой рукой часть Агнца и кладетъ въ уста каждому, не отнимая въ то же время лѣвой руки отъ Пречистаго Тѣла. Потомъ идутъ къ діакону, который причащаетъ всѣхъ Пречистой Кровію изъ лжицы. Причащаются сначала монахи у сѣверныхъ дверей—нѣсколько внутри алтаря; отсюда священнослужители идутъ со Св. Дарами черезъ алтарь къ царскимъ вратамъ; гдѣ подъ самою сѣнью вратъ причащаютъ мужчинъ, потомъ переходятъ по амвону къ южнымъ дверямъ для причащенія женщинъ.

Нужно замѣтить, что въ Абиссиніи нѣтъ обычая часто приступать къ св. Таинству причащенія. По смиренію своему и изъ страха за свое недостоинство, каждый абиссинецъ рѣшается причащаться лишь разъ въ годъ. Да и то не мало успій требуется отъ него, пока его удостоятъ этой благодати. Особенно строгъ уставъ относительно женщинъ. По закону абиссинская женщина можетъ безпрепятственно причащаться до достиженія 15 лѣтъ. Съ этого возраста причащеніе разрѣшается лишь завѣдомо—дѣвственницамъ и замужнимъ. Дѣвамъ до преклонныхъ лѣтъ не даютъ св. Причащенія. Исключеніемъ можетъ быть тяжело больная. Вотъ

абиссинскій обычай говѣнья. Всякій, желающій очистить свою совѣсть властію и благодатію Церкви, идетъ къ своему духовнику на домъ. Каждый прихожанинъ въ числѣ приходскихъ священниковъ имѣетъ одного какого нибудь постояннаго духовника, къ которому обращается во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни за молитвою и совѣтомъ. Придя въ домъ священника, кающійся опускается на колѣни у его ногъ и открываетъ ему свои грѣхи. Духовникъ въ это время сидитъ въ креслѣ, стараясь не смотрѣть въ лицо кающемуся, чтобы не смущать его. По окончаніи исповѣди духовникъ непременно назначаетъ кающемуся епитимію (канона), соотвѣтствующую тяжести грѣховъ, и потомъ произноситъ слова: „да разрѣшитъ тебя Богъ“; послѣ того кающійся цѣлуетъ духовнику руки и ноги, въ знакъ благодарности за прощеніе. Епитимія является подготовляющимъ средствомъ къ таинству Причащенія, къ которому можно приступить только по исполненіи ея. Самое разрѣшеніе грѣховъ дается священникомъ тоже подъ условіемъ исполненія епитиміи. Отъ епитиміи не освобождаются даже больные, только имъ, ради ихъ немощи, дается облегченіе. Наименьшій срокъ епитиміи для здоровыхъ сорокъ дней. Но бываютъ епитиміи въ полъ года, годъ, даже болѣе. Самъ духовникъ, назначивъ срокъ епитиміи, опредѣляетъ ея качество: напримѣръ, постъ, подъ которымъ разумѣется вкушеніе только хлѣба и воды и то только вечеромъ дня; поклоны по 500, по 1000, по 7000 въ сутки. Сверхъ того каждому зажиточному христіанину духовникъ вмѣняетъ въ обязанность милостыню. Иногда по повелѣнію духовника какой нибудь богачъ раздаетъ все свое имущество бѣднымъ и самъ становится бѣднякомъ. Нужно замѣтить, что говѣніе христіанъ въ Абиссиніи не совпадаетъ непременно съ церковнымъ постомъ, какъ у насъ. Тамъ каждый говѣетъ въ теченіе года, когда случится.— Священники исповѣдуются другъ у друга, кто у кого хочетъ. Если священникъ тяжело согрѣшитъ (прелюбодѣяніемъ или оскорбленіемъ святыни), то самъ добровольно лишаетъ себя сана (—это епитимія) и причащается, какъ мірянинъ. При этомъ не требуется какихъ либо формальностей, сношенія съ епископомъ и т. п. Въ Абиссиніи добровольное лишеніе себя сана случается не рѣдко. Если какой либо священникъ вдругъ сдѣлается простымъ міряниномъ, то всѣ догадываются о немъ: совершилъ какой нибудь тяжкій грѣхъ.

По окончаніи срока епитиміи, назначенной священникомъ, мірянинъ приступаетъ къ св. Таинству Причащенія. Наканунѣ этого торжества онъ тщательно вымываетъ все свое тѣло и надѣваетъ чистыя бѣлыя одежды. Крайній срокъ, до котораго можно вкушать пищу желающему причаститься (мірянину или священнику),—это за восемнадцать часовъ до начала литургіи. Въ тече-

не этихъ часовъ требуется полное воздержаніе; даже нельзя, чтобы хоть одна капля воды попала въ ротъ и коснулась языка.

Мы еще ничего не сказали о заключительной части абиссинской обѣдни. Эта часть, особенно интересна по своей оригинальности. Послѣ причащенія народа, когда большое блюдо съ дискомъ и чаша скроются за завѣсою, служащее духовенство выходитъ изъ алтаря и становится на амвонѣ. Вся церковь, весь народъ, во главѣ съ своими пастырями, произноситъ тогда вслухъ извѣстныя положенныя молитвы. Начало каждой молитвы возглашаетъ архидіаконъ. Обыкновенно читаются „Удассе Марьямъ“, „Мелькаа Марьямъ“ и „Мелькаа-Исусъ“ (мелькаа—буквально тѣлесная красота, видъ). Въ своемъ мѣстѣ говорилось, что „мелькаа“—это нѣчто въ родѣ акаѳиста, въ которомъ восхваляются тѣлесные члены того лица, кому посвящается молитва.

Кромѣ этихъ молитвъ, въ концѣ литургіи читаются еще слѣдующія: пятнадцать пророческихъ пѣсней, пѣснь пѣсней Соломона, Удассе (—хвала) Марьямъ Ефрема Сирина, Удассе Марьямъ Яреда, абиссинскаго пѣснописца и, наконецъ псалтирь.

Для прочтенія всѣхъ молитвъ и псалтири потребовалось бы много времени. Во избѣжаніе этого допускаютъ „многогласіе“. Молитвы и псалтирь архидіаконъ распредѣляетъ по частямъ между седмичниками, клириками и народомъ — и всѣ читаютъ одновременно. Когда окончится чтеніемъ одно твореніе, архидіаконъ, пройдя между народомъ, распредѣляетъ другое, затѣмъ третье и т. д. Въ промежуткѣ между чтеніями разныхъ твореній бываетъ обычная связка: импровизированная молитва священника и общее чтеніе— „Отче нашъ“. Въ соборахъ, гдѣ чтецовъ наберется много, псалтирь, напримѣръ, можетъ быть вся вычитана въ десять минутъ. Кто читаетъ по памяти, а кто—по книгѣ. Изъ присутствующихъ въ соборѣ всегда найдется не мало дека-мезмуровъ, знающихъ всю псалтирь на память. Грамотные, которыхъ тоже бываетъ значительный процентъ, имѣютъ постоянно при себѣ молитвенники, въ которыхъ непремѣнно помѣщена и псалтирь. Въ ленныхъ храмахъ общепотребительныя молитвы: Удассе-Марьямъ, Мелькаа-Марьямъ, Мелькаа-Исусъ—читаются народомъ, по распредѣленію архидіакона, а псалтирь—седмичниками. Заслуживаетъ вниманія поразительная быстрота, съ какою абиссинцы читаютъ свои „уроки“. Отъ смѣшенія голосовъ получается странный гулъ, похожій на ропотъ толпы. Женщины въ чтеніи не участвуютъ.

Послѣ прочтенія псалтири слѣдуетъ импровизированная молитва старшаго священника и общее чтеніе молитвы Господней. Наконецъ, творится отпускъ, на которомъ всегда воспоминается Хайка, извѣстная савская царица, почитаемая абиссинцами въ числѣ святыхъ. По отпускѣ всѣ подходятъ цѣловать изъ рукъ настоятеля

св. крестъ. Въ числѣ первыхъ подходитъ сочинитель к'не. Поцѣловавъ крестъ, онъ становится рядомъ съ настоятелемъ и получаетъ поздравленія; съ нѣкоторыми даже лобызается. Потребивъ остатки Св. Даровъ, всѣ служащіе священники и діаконы идутъ въ бетълегемъ, гдѣ съѣдаютъ приготовленные для литургіи хлѣбы и выпиваютъ остатокъ вина. Между тѣмъ народъ располагается въ церковной оградѣ, въ ожиданіи выхода священно-служителей, такъ какъ въ Абиссиніи по окончаніи литургіи еще бываетъ общая трапеза изъ добровольныхъ приношеній, доставляемыхъ благочестивыми христіанами. Приношенія состоятъ изъ хлѣба и вина, которыя жертвователи оставляютъ предъ литургіей въ ыккаветѣ. Когда окончится служба, желающіе принять участіе въ трапезѣ остаются въ церковной оградѣ и разсаживаются на землѣ—мужчины и женщины отдѣльно. Потомъ приходятъ священники и діаконы и садятся возлѣ мужчинъ. Одинъ изъ священниковъ беретъ каждый изъ подносимыхъ хлѣбовъ и, благословивъ, преломляетъ его пополамъ; одну часть онъ оставляетъ у себя, а другую передаетъ женщинамъ. Потомъ оставшіяся половины тотъ же священникъ раздаетъ мужчинамъ. Послѣ импровизированной молитвы настоятеля и общаго чтенія молитвы Господней, каждый, молча, съѣдаетъ свой хлѣбъ и выпиваетъ стаканъ вина. Женщины вмѣсто вина пьютъ квасъ или медъ.

II.

Церковный годъ, какъ и гражданскій, начинается въ Абиссиніи съ 1-го сентября. Всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ имѣютъ по тридцати дней, а остающіеся въ концѣ года дни, сверхъ 360, называются по абиссински „пагумень“ (—дополненіе). Нынѣшній календарь, употребляемый въ Абиссиніи, составленъ Дмитріемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Чтобы сообразовать церковный годъ съ солнечнымъ, Дмитрій ввелъ такой порядокъ: три года имѣютъ по 365 дней; это годы: 1) Матѳея, 2) Марка, 3) Луки; а четвертый годъ, названный Іоанновымъ, имѣетъ 366 дней. Такимъ образомъ, пагумень годовъ Матѳея, Марка и Луки имѣетъ 5 дней, а въ Іоанновъ годъ онъ имѣетъ 6 дней.

Первое сентября — это для абиссинцевъ большой праздникъ: первый день новаго года. Съ этимъ днемъ связанъ такой обычай: всѣ безъ исключенія въ ночь наканунѣ новаго года купаются въ рѣкѣ. Такъ какъ того же 1-го сентября празднуется по абиссинскому календарю усѣкновение главы Іоанна Предтечи, то самое купанье называется Іоанновымъ. Въ этотъ день всѣ ѣдятъ мясо.

Бѣдныя семейства, чтобы не отстать отъ другихъ, соединяются вмѣстѣ и закалываютъ для себя тельца.

Черезъ двѣ съ половиною недѣли, именно 17 сентября, празднуется „Воздвиженіе креста“ — „Бааль Лямаскаль“ — праздникъ креста. Для абиссинцевъ этотъ праздникъ имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ ко времени его посмѣваютъ нѣкоторые древесные и хлѣбные плоды, напр., кукуруза, финики, яблоки, гранаты, апельсины и др. Считается грѣхомъ ѣсть эти плоды до праздника „лямаскаль“. Съ нимъ соединяется еще такой интересный обычай: за нѣсколько дней до праздника народъ собираетъ сухія, длинныя деревья, изъ которыхъ связываетъ громадный, сажени въ 3—4, снопь. Снопъ этотъ ставится за селомъ или за городомъ на возвышенномъ мѣстѣ, вверхъ стропилами. Въ ночь наканунѣ праздника священнослужители съ крестомъ, въ сопровожденіи народа, — только мужчинъ, идутъ къ мѣсту, гдѣ заготовленъ костеръ, причемъ всѣ имѣютъ въ рукахъ горячіе свѣтильники, выдѣланные изъ травы. Въ Абиссиніи растетъ трава, называемая „шигъ“, которая имѣетъ свойство горѣть медленно, какъ свѣча. Нѣсколько стеблей этой травы связывается вмѣстѣ и получается длинная свѣтильня. Ее употребляютъ въ темныя ночи въ качествѣ фонаря. Къ празднику воздвиженія изъ этой травы въ каждомъ селѣ готовится громадное количество свѣтиленъ. Въ этой работѣ преимущественно участвуютъ пастухи. За день до праздника они разносятъ свѣтильни по домамъ. Когда процессія съ горящими свѣчами приблизится къ мѣсту, гдѣ сложены дрова, духовенство выдѣляется изъ толпы и съ радостнымъ пѣніемъ и ликованіемъ обходитъ трижды древесный снопь. Потомъ всѣ священники и народъ втыкаютъ свои свѣтильники въ костеръ. При сгораніи снопа народъ поетъ гимны въ честь креста. Потомъ всѣ поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ, новыми плодами и началомъ счастья. Въ этотъ же день всѣ правители областей ѣздятъ съ поздравленіями къ верховному владыкѣ Абиссиніи и привозятъ съ собою ему богатые подарки. Въ столицѣ бываетъ смотръ войскамъ.

Рождество Христово празднуется въ Абиссиніи 29 декабря. На всеошной предѣ евангеліемъ въ этотъ день читается прокимень: „Царіе Фарсістїи и острови дары принесутъ, царіе Аравстїи и Сава дары принесутъ (пс. 71, 10)“. Подъ „сава“ абиссинцы разумѣютъ Эіоплянъ, своихъ предковъ. Въ Абиссиніи существуетъ преданіе, что въ числѣ трехъ волхвовъ, пришедшихъ поклониться новорожденному Христу, былъ одинъ эіопскій князь.

Праздникъ Крещенія (10 и 11 января) имѣетъ ту особенность, что къ этому дню весь приходъ каждой церкви — народъ и клирики переселяются изъ селъ и городовъ на берегъ ближайшей рѣки или озера. Тутъ же сооружается импровизированный храмъ—

скинія и его неотъемлемыя пристройки: бетълегемъ и ыккаветъ (сокровищница). Всѣ клирики поселяются вблизи новаго храма, разставивъ свои шатры, Богатые жители также строятъ себѣ на берегу рѣки палатки, а средніе и бѣдные располагаются съ своими семьями прямо подъ открытымъ небомъ. Каждое семейство захватываетъ съ собою обильные запасы для пищи: тельцовъ, овецъ, кадки масла, молока, бочки квасу, вина, меду и пр. Кто-нибудь изъ благочестивыхъ зажиточныхъ прихожанъ принимаетъ на себя обязанность устроить трапезу „Ля тавотъ“—для Церкви, т. е. клира. Наканунѣ праздника священники переносятъ изъ сельскаго храма тавотъ (абиссинскій антиминосъ) и полагаютъ его на престолѣ новаго храма—палатки. За часъ до захода солнца начинается въ храмѣ „озима-селляси“ (всенощное бѣдніе), продолжающееся около двухъ часовъ, по окончаніи котораго всѣ выходятъ изъ храма и останавливаются у самой воды. Совершается чинъ освященія воды. Священникъ, держа правою рукою большой деревянный крестъ, медленно совершаетъ имъ на водѣ крестное знаменіе, распѣвая слова: „Единъ Отецъ святъ“, Единъ Сынъ святъ, Единъ Духъ Св. святъ“. Народъ отвѣчаетъ: „воистину Единъ Отецъ святъ“ и т. д., причемъ немедленно всѣ стоящіе на берегу—мужчины, женщины, дѣти даже клирики (кромѣ служащихъ) бросаются въ воду. Самъ негусъ, присутствуя всегда на крещенскомъ водосвященіи, купается вмѣстѣ съ народомъ. Черезъ часъ послѣ освященія воды служится обѣдня, которая оканчивается до полуночи. Торжество на берегу рѣки длится три дня: 10, 11 и 12 января (12 января память архистратига Михаила, особенно чтимаго въ Абиссиніи). Въ теченіе этого времени берегъ превращается въ мѣсто всеобщаго увеселенія. Дни и ночи проводятся народомъ въ купаньи, играхъ и пирахъ.

Кромѣ годовыхъ праздниковъ въ Абиссиніи существуютъ еще мѣсячные, повторяющіеся въ извѣстныя числа *каждаго* мѣсяца. Напримѣръ,—праздникъ архистратига Михаила—12-го числа, Божіей Матери—21-го, Распятія Спасителя 27, Рождества Христова 29 и нѣсколько другихъ. Всѣ они считаются общеобязательными, хотя празднуются и не такъ торжественно, какъ годовые праздники. Мало того, каждый абиссинецъ—христіанинъ избираетъ своимъ покровителемъ какого-либо Угодника, которому посвящаетъ празднованіе въ извѣстный день *каждаго* мѣсяца. Это личный праздникъ, но онъ для празднующаго является такимъ же важнымъ, какъ и Рождество, Крещеніе и пр. Въ день ежемѣснаго празднованія своего патрона каждый абиссинецъ устраиваетъ пиръ, на который сзываетъ родственниковъ и друзей. Для пира закалается тучный телець, котораго нарочно предъ тѣмъ хорошо кормятъ. Бѣдные рѣжутъ овецъ. Заготавливается нѣсколько ведеръ вина

и меду. Изъ пшеницы выпекаются вкусные хлѣбы—такіе же, какіе пекутся къ Пасхѣ, Рождеству и годовому празднику. Иногда нѣсколько человѣкъ, избравшіе своимъ патрономъ одного и того же святаго, соединяются вмѣстѣ и сообща раздѣляютъ расходы, связанные съ чествованіемъ праздника: такая коммуна называется „кось-кось“. Каждый членъ ея обязанъ въ тотъ мѣсяць, который выпадетъ на его очередь, устроить въ своемъ домѣ общую трапезу для всѣхъ участниковъ коммуны и ихъ родственниковъ.—Въ Абиссиніи почему-то особенно чтутъ архистратига Михаила. Большая часть мужчинъ считаютъ его своимъ патрономъ. Женщины же особенно чтутъ Божию Матерь. 21-е число cadaго мѣсяца это вполне женскій праздникъ.

Если подвести итоги всѣмъ праздникамъ, въ которые абиссинцы считаютъ грѣхомъ работать, то окажется, что на мѣсяць рабочихъ дней тамъ приходится не болѣе девяти или десяти. Заповѣдь же о субботнемъ покоѣ абиссинцы соблюдаютъ очень ревниво. Считается даже грѣхомъ въ праздникъ достать изъ колодца воды. Наканунѣ праздника запасаютъ въ домъ столько воды, чтобы ея стало на весь праздникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Абиссиніи до сихъ поръ еще празднуется суббота наравнѣ съ воскресеньемъ, и всѣ работы по хозяйству и домашнему обиходу исполняются еще въ пятницу, чтобы не нарушался покой двухъ слѣдующихъ дней.

За соблюденіемъ заповѣди: „помни день субботній“..., слѣдятъ особенно строго абиссинскіе священники. Они, не обинуясь, налагаютъ анаѰему на всѣхъ, кого увидятъ работающимъ въ праздникъ. Къ анаѰематствованію они прибѣгаютъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ прекратить драку или заставить преступника сознаться въ совершенномъ преступленіи. „АнаѰема“ — это страшное слово въ устахъ священника ¹⁾. Абиссинцы боятся ея, какъ огня. И это потому, что никто, кромѣ положившаго ее священника, не вправе разрѣшить ее, а умершій до снятія признается осужденнымъ на вѣчныя мученія. За анаѰематствованнаго покойника не совершаютъ обычныхъ, весьма распространенныхъ въ Абиссиніи, поминовеній. Его не хоронятъ даже на общемъ кладбищѣ — въ оградѣ церкви, а гдѣ попало закапываютъ за селомъ. Только дѣти свободны отъ опасности подвергнуться священнической анаѰемѣ. Но эта льгота иногда ложится на нихъ тяжелымъ бременемъ, именно въ тѣхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, когда старшіе заставляютъ дѣтей дѣлать то, чего сами не рѣшаются дѣлать изъ страха предъ священнической анаѰемой. Бываетъ наримѣръ, такой случай. Ктонибудь пошлетъ ребенка въ праздникъ въ лѣсъ собирать дрова.

¹⁾ Въ ытанегыстѣ, между прочимъ, напоминаетъ абиссинскимъ пастырямъ, что они имѣютъ власть не только рѣшить, но и вязать, т. е. налагать анаѰему.

Юнаго труженика и нарушителя закона кто-нибудь увидить въ то время, когда тотъ усердно, въ потѣ лица, исполняетъ волю старшихъ, и немедленно донесетъ объ этомъ священнику. Въ результатѣ что же? Все, собранное бѣднягой, сжигается до тла. Нужно замѣтить, что по распространенному въ Абиссиніи взгляду не донести священнику о совершенномъ преступленіи считается грѣхомъ. Свидѣтель преступленія въ этомъ случаѣ признается причастнымъ совершенію его.

III.

Настроеніе народа въ Абиссиніи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, тѣсно связано съ религіею, съ Церковью. Въ праздникъ народъ ликуетъ, радуется, играетъ, пируетъ. Праздникъ въ Абиссиніи—праздникъ вездѣ,—въ церкви, въ семьѣ, въ народѣ, въ селахъ, городахъ, въ школахъ, монастыряхъ, пустыняхъ. Но когда наступитъ постъ, и въ храмахъ раздастся заунывное (арарай) пѣніе, вся страна снимаетъ съ себя свѣтлую одежду и измѣняетъ свой радостный обликъ на печальный. Народъ постится строго. За исключеніемъ больныхъ и совсѣмъ слабыхъ, остальные питаются хлѣбомъ, зеленью и водою. Ъдятъ разъ въ сутки—вечеромъ. Кладутъ въ сутки по тысячѣ и болѣе поклоновъ. Въ дни поста Абиссинія—это сплошной громадный монастырь, съ десяти милліонной братіей. Почти всѣ обитатели ея дѣлаются монахами, аскетами, подвижниками.

Всѣ шесть седмицъ великаго поста абиссинцы проводятъ и чтятъ совершенно одинаково, не давая предпочтенія одной какой-либо изъ нихъ предъ прочими. Къ особенностямъ великопостной службы относятся: характеръ церковныхъ наѣвовъ—печальный (арарай), содержаніе положенныхъ въ „дуга“ молитвъ и пѣснопѣній (которыхъ, впрочемъ, въ сельскихъ храмахъ, за неимѣніемъ дуга, не поютъ), время совершенія литургіи—съ трехъ часовъ дня (по восточному 9 ч. вечера), и—только.

Но съ субботы послѣдней седмицы (субботы Лазаря) служба въ храмахъ значительно измѣняется. Настоятель въ этотъ день приносятъ въ храмъ громадную книгу, хранящуюся до сихъ поръ въ ыккаветѣ, и кладетъ ее на аналоѣ предъ иконостасомъ. Книга эта, называемая „Гывра-Хыммаматъ“ (дѣянія страданій), содержитъ въ себѣ весь составъ службы въ недѣлю Ваій, страстную и свѣтлую седмицы. Гывра-Хыммаматъ стоитъ очень дорого—до 300 рублей. Она должна быть непременно приобрѣтена въ каждый, даже самый бѣдный храмъ.

Въ субботу вечеромъ въ алтарь приносятся пучки финиковыхъ вѣтвей, гдѣ освящаются священникомъ. Послѣ саасата, а въ мо-

настыряхъ и соборахъ послѣ моудыса (саасать и моуддысь—утренняя служба) настоятель раздаетъ вѣтви народу, обращаясь къ каждому съ словами привѣтствія. Съ этими вѣтками народъ стоитъ во время обѣдни, которая начинается непосредственно послѣ раздачи.

Въ полночь на понедѣльникъ ударъ церковнаго колокола возвѣщаетъ народу о началѣ страстей. Это Иисусъ зоветъ насъ разделить съ нимъ страданія, говорятъ абиссинцы, и спѣшатъ въ храмъ. Только тяжело больные остаются и молятся дома.—Пойдемъ за народомъ въ храмъ и посмотримъ, что тамъ совершается. Всѣ двери, ведущія въ алтарь, залерты и покрыты черною матеріей. Посреди храма стоитъ аналой съ книгой страстей. Входятъ съверными дверями священники. Облачившись въ восточной части храма, они выходятъ на средину и становятся вокругъ аналая. Начинаются часы. Но это не тѣ часы (саасать), съ которыми мы уже знакомы. Въ теченіе двухъ съ половиной часовъ, которые длится служба cadaго часа, всякій присутствующій въ храмѣ долженъ положить не менѣе 500 поклоновъ. Чтобы не сбиться въ счетъ, поклоны отсчитываются по узламъ четокъ, которыя, нужно замѣтить, носятъ почти всѣ абиссинцы—христіане. О началѣ и о концѣ службы cadaго часа возвѣщаетъ аккавесать (наблюдатель часовъ). Онъ слѣдитъ, чтобы она длилась не менѣе двухъ съ половиной часовъ. По окончаніи службы, молящіеся въ храмѣ отдыхаютъ, садясь на ковры и циновки, покрывающіе полъ церкви. Затѣмъ снова начинается саасать, длясь опять 2½ часа, по окончаніи которыхъ опять получасовой отдыхъ и т. д. Въ теченіе понедѣльника, вторника и среды страстной седмицы литургіи не служатся вовсе, а только часы, которые въ эти дни идутъ почти непрерывно. Трое сутокъ къ ряду народъ молился въ храмѣ, кладя на каждомъ часѣ по 500 поклоновъ, т.-е. въ теченіе сутокъ 4.000, а въ теченіе понедѣльника, вторника, среды и половины четверга 14.000.

Порядокъ страстнаго саасата слѣдующій: на немъ прочитывается вся псалтирь семь разъ. Въ чтеніи ея принимаютъ участіе всѣ грамотные и тѣ, которые знаютъ ее наизусть. Она распредѣляется по одному псалму между всѣми чтецами. Чтецы читаютъ всѣ разомъ, такъ что вся псалтирь прочитывается въ церкви минутъ въ десять. Такимъ способомъ она прочитывается на каждомъ саасатѣ семь разъ. За псалтирю слѣдуютъ библейскія чтенія, которыя на каждомъ саасатѣ перемѣняются. Затѣмъ читаются молитвы съ поклонами: это 1) молитва Тройцѣ, 2) Спасителю и 3) Божіей Матери. Послѣ импровизированной молитвы священника и „Отче нашъ“ въ храмѣ раздается вопль народа: чирі-алайсонъ! (Κύριε ἐλέησον). Этотъ возгласъ повторяется до тысячи разъ, попеременно то правой, то лѣвой стороною; причемъ всѣ непрерывно кладутъ земные поклоны, отсчитывая по четкамъ, чтобы ихъ вышло 300.

Служба страстныхъ часовъ оканчивается къ полудню великаго четвертка. Послѣ столь продолжительнаго и тяжелаго молитвеннаго подвига наступаетъ отдыхъ часа въ три. Кое-кто, придя домой, съѣдаетъ ломоть хлѣба и запиваетъ водой. Самыми слабыми върой среди абиссинцевъ считаются тѣ, которые на страстной седмицѣ вкушаютъ пищу вечеромъ каждаго дня; болѣе благочестивые разрѣшаютъ себѣ ѣсть только въ четвергъ и въ субботу. Но есть такіе строгіе постники, которые на страстной седмицѣ ѣдятъ хлѣбъ только въ великую субботу—утромъ.

Въ великій четвертокъ, часа за два до захода солнца, народъ собирается въ храмъ. Запертыя до этого времени боковыя двери, ведущія въ алтарь, открываются. Послѣ краткой молитвы бываетъ торжественная процессія—шествіе клира и народа вокругъ церкви. Смыслъ этого обхожденія—напомнить народу о томъ, какъ Іисусъ Христосъ предъ крестными страданіями своими ходилъ вблизи града Давидова съ апостолами и изрекъ къ нимъ свою прощальную бесѣду. При обхожденіи бываетъ четыре остановки, во время которыхъ читается евангеліе. Обойдя разъ, толпа останавливается у входныхъ дверей храма. Тутъ ставится деревянный стулъ, и около него два умывальника съ водой, накрытые бѣлымъ полотенцемъ. Послѣ чтенія евангелія (Ин. XIII, 4—15), въ которомъ говорится о томъ, какъ Іисусъ Христосъ омылъ ноги своимъ ученикамъ, старшій іерей подходитъ къ стулу. Взявъ въ руки умывальникъ и полотенце, онъ опускается на колѣна и моетъ обѣ ноги священнику, сѣвшему на стулѣ, потомъ отираетъ ихъ полотенцемъ. То же самое онъ дѣлаетъ всѣмъ священникамъ и діаконамъ, которые по очереди садятся на стулѣ, потомъ онъ умываетъ ноги и мірянамъ,—только мужчинамъ. Омовеніе ногъ продолжается нѣсколько часовъ. Въ это время священники поютъ церковныя пѣсни, а народъ причитаетъ стихъ:

„Апостолы Его сидѣли кругомъ, ноги своихъ учениковъ Онъ умывалъ“.

По окончаніи обряда всѣ входятъ въ храмъ, гдѣ начинается литургія Спасителя (кыддаси—екзи). За этой литургіей по принятому въ Абиссиніи обычаю причащаются всѣ клирики и ихъ семейства. Служба оканчивается около десяти часовъ вечера.

Въ Великую пятницу, еще задолго до солнечнаго восхода, народъ уже въ храмѣ. Обстановка внутри храма такая же, какая была первые три дня седмицы: двери алтаря заперты, и весь иконостасъ окутанъ снаружи черною матеріею. Посреди храма стоитъ аналой съ книгой, и вокругъ него священники въ ризахъ. Они поочередно, смѣняя другъ друга, читаютъ службу Великаго Пятка. Въ ней чтеніемъ изъ пятокнижія, пророчествъ, твореній св. отцовъ, евангелія, также псалмами воспроизводится въ памяти вся

исторія приготовленія людей къ искупленію и самаго искупленія. Въ полдень аккавесать (наблюдатель часовъ) дѣлаеть знакъ, по которому вся толпа, наполняющая церковь, выходитъ вонъ. По выходѣ народа всѣ двери храма запираются. Въ немъ имѣеть совершиться тайна—мистирь. Проходитъ полчаса или часъ; толпа стоитъ вокругъ храма и таинственно и благоговѣнно ждетъ. Вдругъ всѣ двери храма раскрываются настежь. Мгновенно храмъ, какъ громадный бассейнъ, наполняется народомъ. Тогда взорамъ всѣхъ представляется слѣдующее. На царскихъ вратахъ алтаря виситъ человѣческая фигура въ естественную величину съ распростертыми руками. Голова висящаго плотно обвита бѣлою пеленою, такъ что всѣ очертанія лица явственно выдаются. Фигура одѣта въ цвѣтной хитонъ, концы рукавовъ котораго связаны веревкой такъ, что кистей рукъ не видно. Ноги фигуры, начиная отъ колѣнъ, закрыты стоящимъ возлѣ длиннымъ столомъ. Столъ этотъ покрытъ спускающейся до самой земли скатертью и уставленъ священными предметами. Тутъ лежатъ всѣ драгоценности храма, вынесенныя на этотъ разъ изъ ыккавета (сокровищницы), какъ то: иконы, золотые и серебрянные кресты, евангелія, чаши, дискосы, кадилаицы, дорогія священническія и діаконскія облаченія и пр.

Войдя въ храмъ и увидавъ распятую на вратахъ алтаря фигуру человѣка, толпа съ воплемъ: „чирі алайсонъ!“ повергается на землю; священники поютъ печальные гимны въ честь распятаго Господа. Послѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, евангелія и молитвы: „Отче нашъ“ прочитываются слѣдующія книги: 1) Таамеръ Исусъ (чудеса Исуса, не упоминаемая въ евангеліи), 2) Таамеръ Марьямъ (чудеса дѣвы Маріи) и 3) страданія мучениковъ.

Въ 9 часовъ вечера (по нашему въ три), по знаку аккавесата, народъ опять выходитъ изъ храма. Въ теченіе полчаса обстановка храма значительно измѣняется. Снимается завѣса, окутывающая алтарь, боковыя двери отпираются, священники снимаютъ висящую на вратахъ человѣческую фигуру и уносятъ ее въ алтарь. Но тутъ же, въ алтарѣ, они находятъ другую фигуру, заранѣе сдѣланную. Фигура эта изображаетъ собою повитаго по рукамъ и ногамъ мертвеца. Когда народъ входитъ въ храмъ, одновременно съ этимъ отверзаются царскія врата. Предъ глазами народа открывается слѣдующее зрѣлище: въ самыхъ дверяхъ стоятъ два священника въ облаченіи держатъ и повитую фигуру мертвеца. Священники изображаютъ собою Іосифа и Никодима. Народъ поклоняется до земли трижды, священники же обносятъ мертвеца вокругъ алтаря съ пѣніемъ погребальныхъ пѣсенъ. Когда плащаницу внесутъ въ алтарь, царскія врата закрываются; чинъ погребенія совершенъ. Снова начинается служба, которая по обыкновенію состоитъ изъ чтенія псалтири, евангелія и пророчествъ. Въ заклю-

чение читается книга, имѣющая любопытное заглавіе: „Мацгафъ—дорфо“—книга пѣтуха *). Въ ней излагается исторія заговора іудеевъ противъ Іисуса Христа и дальнѣйшій ходъ событій до воскресенія. Но вотъ чтеніе окончилось... На амвонѣ появляется предстоятель съ тростью въ рукѣ. Всѣ подходятъ къ нему по одиночкѣ,—сначала кликири, потомъ народъ. Каждый, пригнувшись, подставляетъ свою спину и получаетъ сорокъ ударовъ тростью. Кромѣ того, предстоятель назначаетъ каждому число поклоновъ, которые тотъ обязанъ положить тутъ же въ храмѣ. Это уже послѣдніе поклоны. Получившій удары отходитъ немного въ сторону и, отсчитавъ свои поклоны, идетъ домой, унося съ собою отрадную мысль, что онъ сострадалъ Христу. Предстоятель же, по окончаніи обряда, передаетъ трость второму священнику, и самъ получаетъ отъ него положенные сорокъ ударовъ. Такъ оканчивается день великаго пятка. Пищи въ этотъ день абиссинскіе христіане не вкушаютъ вовсе.

Въ великую субботу служатся часы саасать обыкновенные, не страстные, а въ соборахъ и монастыряхъ, гдѣ есть хоръ, служится моуддысь. Народу въ храмѣ бываетъ очень мало, такъ какъ большинство мірянъ въ это время бываетъ занято приготовленіями къ наступающему великому празднику. На обѣднѣ народу бываетъ тоже мало.—Предъ обѣдней совершается еще короткая, но торжественная служба, называемая мелтанъ. Она бываетъ только въ великую субботу, на пасху и на храмовой праздникъ. О составѣ ея будетъ сказано ниже.—До обѣдни въ великую субботу въ алтарь приносятся обернутыя въ облачальныя ткани снопы тростниковыхъ вѣтокъ. Послѣ освященія ихъ каждый діаконъ беретъ себѣ нѣсколько сноповъ. По окончаніи обѣдни съ этими снопами духовенство отправляется во всѣ села своего прихода. Въ каждое село посылаются одинъ священникъ съ діакономъ. Входя въ домъ, они привѣтствуютъ хозяевъ и раздаютъ всѣмъ членамъ семейства по вѣткѣ. Побывавъ во всѣхъ селахъ и домахъ, причтъ немедленно возвращается домой, чтобы до захода солнца быть уже въ церкви.

IV.

Вечеромъ въ великую субботу, какъ только зайдетъ солнце, въ приходскую церковь начинаетъ стекаться народъ изъ окрестныхъ селъ. Всѣ одѣты въ чистыя бѣлыя одежды; церковь украшена зе-

*) Авторъ этой книги неизвѣстенъ. Абиссинцы объясняютъ происхожденіе ея такъ: она написана по сообщенію Пилатова пѣтуха, который былъ свидѣтелемъ страданій Спасителя.

ленью, полъ посыпанъ мелкой душистой травой. Часовъ въ семь начинается мелтанъ. Въ началѣ его діаконь читаетъ длинную молитву, состоящую изъ отдѣльныхъ прошеній, на которыя весь народъ отвѣчаетъ словами: „чиріи алайсонъ!“ Съ послѣднимъ возгласомъ народа изъ алтаря выходитъ архидіаконъ съ большимъ выноснымъ крестомъ. Ставъ на амвонъ и держа въ рукѣ крестъ, онъ поетъ медленно стихъ: „Воста яко спя Господь, яко силенъ и шуменъ отъ вина: и порази враги своя вспять, поношеніе вѣчное даде имъ“ (Пс. 77, 65—66). Это пасхальный прокимень. Внѣ храма въ это время вдругъ раздается залпъ ружей, стукъ барабановъ, звонъ колоколовъ... Вотъ голосъ архидіакона смолкъ, и на смѣну ему поетъ весь народъ, вся церковь: „Воста яко спя Господь“ и т. д. Воодушевленіе народа въ это время бываетъ до того сильно, что звуки пѣнія, выходящіе изъ народной груди, почти заглушаютъ ружейные залпы, звонъ, шумъ, раздающіеся внѣ храма. Послѣ прокимна читается воскресное евангеліе. Предъ этимъ священнослужители въ дорогихъ цвѣтныхъ облаченіяхъ выходятъ на амвонъ. Впереди идетъ предстоятель съ книгой евангелія на груди. Онъ передаетъ его архидіакону, а самъ беретъ въ руки крестъ. Архидіаконъ, раскрывъ евангеліе, держитъ его на своей главѣ предъ предстоятелемъ по сторонамъ котораго становятся два діакона со свѣчами и два іерея съ кадилницами. При такой торжественной обстановкѣ раздается радостная евангельская вѣсть о воскресеніи Спасителя. По прочтеніи евангелія архидіаконъ относитъ его въ сторону и полагаетъ на аналоѣ. Весь народъ поетъ пасхальный гимнъ: „Христось воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть уничтожилъ и погребеннымъ въ гробахъ жизнь и вѣчный покой даровалъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мелтанъ—пѣснь, въ которой выражается смыслъ праздника и отъ которой заимствовано названіе для самой службы. Эту пѣснь поетъ сначала начальникъ хора—алака, а въ сельскихъ церквахъ, гдѣ нѣтъ хора, ее поетъ кто-нибудь изъ діаконовъ или способныхъ къ этому мірянъ. Предъ пѣніемъ мелтана ученикъ, взявъ съ рукъ архидіакона крестъ, передаетъ начальнику хора. Послѣ solo мелтанъ повторяется всѣмъ хоромъ пѣвцовъ съ участіемъ литавровъ, барабановъ и пр. Какъ только звуки мелтана смолкнутъ, на амвонъ выходитъ предстоятель и, обращаясь къ народу, привѣтствуетъ его словами: „Христось воскресъ!“—Народъ отвѣчаетъ: „съ большею властью и силой“.

— Предстоятель: „Онъ освободилъ Адама“.

— Народъ: „и связалъ сатану“.

— Предстоятель: „Отнынѣ настали для насъ радость и веселіе“.

При обмѣнѣ привѣтствіями, лобзанія, какъ у насъ, у абиссинцевъ не бываетъ. Вслѣдъ затѣмъ непосредственно служится литургія. Изъ четырнадцати литургій на этотъ день выбирается обыкновенно самая краткая. Къ полуночи вся служба пасхи отходитъ.

Послѣ обѣдни во всѣхъ домахъ устраивается семейное торжество—разговѣнье. Въ первый день пасхи нищіе не ходятъ за подаяньемъ. За недѣлю или за двѣ до пасхи каждый нищій обязанъ обойти богатыхъ поселянъ и собрать все, необходимое для пасхальнаго разговѣнья. Нужно еще замѣтить, что заготовление мясной пищи бываетъ не на страстной седмицѣ. Животное, зарѣзанное въ постъ, считается у абиссинцевъ оскверненнымъ. Чтобы избѣгнуть этого, поступаютъ такъ: въ храмъ, конечно, идутъ не всѣ; въ каждомъ домѣ остается кто-нибудь изъ слугъ или членовъ семьи. На остающихся и возлагается обязанность слѣдить, когда въ храмъ раздастся благовѣсть въ барабаны, возвѣщающій о воскресеніи Спасителя, чтобы послѣ этого момента приступить къ закланію животнаго, предназначеннаго для пасхальнаго разговѣнья. Въ пасхальную ночь въ каждомъ домѣ кто-нибудь уже сидитъ съ ножомъ надъ связаннымъ ягненкомъ, чтобы съ ударомъ въ барабаны вонзить желѣзо въ сердце животнаго. Пока ушедшіе въ церковь возвратятся домой, мясо, спеченное въ угляхъ, уже красуется на столѣ вмѣстѣ съ другими яствами.—Церковнаго освященія пищи на пасху—какъ у насъ—въ Абиссиніи не бываетъ.

Послѣ обѣда сосѣди посѣщаютъ другъ друга, привѣтствуя съ праздникомъ. Лобзаній при этомъ, какъ и въ храмѣ, не бываетъ. Во всю пасхальную седмицу работъ не бываетъ. Въ Абиссиніи есть еще такой обычай. Каждое село за время отъ свѣтлаго понедѣльника до субботы должно устроить у себя одинъ обѣдъ, называемый ля-маскаль—въ честь креста. Это ничто иное, какъ обѣдъ для клириковъ. Въ первый день пасхи клирики разговляются съ своими семействами, а въ послѣдующіе дни они должны посѣтить всѣ села своего прихода. Это цѣлое побѣдоносное шествіе креста Господня. Громадный деревянный крестъ, украшенный растеніями, несетъ предстоятель (касисъ), облаченный въ ризы. Его окружаетъ весь клиръ: священники, діаконы, церковный сторожъ, пекаръ и пр. Входя въ село, весь этотъ сонмъ поетъ:

„Онъ (Спаситель) сдѣлалъ миръ крестомъ Своимъ,
И воскресеніе Его несомнѣнно“.

Для обѣда ля-маскаль всѣ жители села должны жертвовать, кто что можетъ. Всякій старается оказать побольше усердія, и обѣдъ выходитъ обильнымъ не въ мѣру, и клирикамъ удается съѣсть, можетъ быть, только одну десятую долю всего; что бываетъ заготовлено.

Всю свѣтлую пасхальную седмицу абиссинцы проводятъ по своему, не такъ, какъ другіе христіанскіе народы. Тутъ не найдете вы эффектныхъ народныхъ зрѣлищъ, — праздничныхъ увеселеній, гуляній, между тѣмъ какъ — по словамъ очевидцевъ — пасхальная радость кажется разлитою повсюду. Она наполняетъ душу всего народа, для котораго нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ религиозныхъ. Народъ согласно, единодушно и единомысленно, испытываетъ одно и тоже радостное чувство, по поводу одного и того же событія — воскресенія Христова. Эта радость выражается въ отношеніяхъ между людьми, на лицахъ, словахъ, разговорахъ, въ жизни семействъ, въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, въ отношеніяхъ между супругами, начальниками и подчиненными, наставниками и учениками... Нѣтъ человѣка, который бы не испытывалъ общей радости, между тѣмъ какъ постороннему наблюдателю, далекому отъ жизни этого народа, можетъ показаться, что абиссинцы проводятъ пасху скучно. Нужно, конечно, самому стать на мѣстѣ народа, мыслить съ нимъ, жить съ нимъ, чтобы понимать его въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни.

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

Въ каждомъ населенномъ уголкѣ, гдѣ найдется 40 или 50 абиссинскихъ хижинъ, среди его обитателей всегда есть какой-нибудь мудрый, опытный человѣкъ, старикъ или старуха, къ которому населеніе угла обращается въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется произвести хирургическую операцію надъ кѣмъ-либо изъ людей или животныхъ. Это, слѣдовательно, своего рода хирургъ. У него есть только одинъ хирургическій инструментъ — бритва и нѣсколько стклянокъ съ успокоительными и наркотическими настойками. Вотъ всѣ средства, которыми онъ располагаетъ. За то кругъ его хирургической дѣятельности очень широкъ.

Въ числѣ его пациентовъ — большинство абиссинскіе новорожденные младенцы, потому что никто не въ состояніи такъ умѣло произвести обрѣзаніе (*circumcidere praeruptum*), какъ этотъ единственный во всемъ околдкѣ операторъ. Онъ не бѣденъ и потому ничего не требуетъ за свой трудъ, кромѣ благодарности.

Какъ только младенецъ немного укрѣпится физически, что считается возможнымъ не прежде восьми дней отъ рожденія, его несутъ къ хирургу для операціи. Это дѣлаютъ всѣ абиссинцы безъ исключенія.

Обрѣзаніе—всеобщій обычай въ Абиссиніи, но онъ не сопровождается никакими обрядностями, и было бы ошибочно на основаніи этого обычая считать абиссинцевъ іудействующими христіанами. Всѣ абиссинцы смотрятъ на обрѣзаніе, только какъ на полезный обычай страны, который вполне соотвѣтствуетъ гигиеническимъ потребностямъ ея обитателей, но вовсе не думаютъ придавать ему какое нибудь значеніе для вѣры и спасенія. Всѣ абиссинскіе жители, говоря объ обрѣзаніи, указываютъ лишь на его гигиеническое значеніе и чтобы показать себя чуждыми пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, всегда настойчиво отрицаютъ церковное значеніе обрѣзанія въ христіанствѣ, подтверждая эту мысль извѣстными словами св. ап. Павла, что во Христѣ Іисусѣ безразлично какъ обрѣзаніе, такъ и необрѣзаніе. Спасеніе только въ томъ, чтобы

вѣровать въ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти (Галат. V, 6 и парал.). Фразы извѣстныхъ абиссинскихъ писателей въ этомъ смыслѣ всѣми и учеными, и простыми людьми одинаково повторяются всякій разъ, когда зайдетъ рѣчь объ обрѣзаніи. Абиссинцы даже не наблюдаютъ строго восьмидневный срокъ, предшествующій обрѣзанію: не допуская обрѣзанія младенца ранѣе восьми дней отъ рожденія въ виду слабости ребенка, они дѣлаютъ это послѣ восьми дней, когда угодно, но только до крещенія. Впрочемъ, случается, и даже нерѣдко, что мать по забывчивости приноситъ къ церкви для крещенія необрѣзаннаго ребенка, за что получаетъ отъ священника епитимію и внушеніе съ требованіемъ тотчасъ полѣ крещенія поправить ошибку разсѣянности.

Итакъ, абиссинцы употребляютъ обрѣзаніе не изъ пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, а просто отдавая дань климатическимъ условіямъ тѣмъ способомъ, который освященъ традиціями страны. Какъ извѣстно, всѣ почти жители жаркихъ странъ, магометане ли или язычники совершаютъ обрѣзаніе надъ младенцами обою пола.

Если обрѣзаніе у абиссинцевъ не болѣе, какъ хирургическая операція, то за то таинство крещенія совершается у нихъ торжественно и чинно. Изъ уваженія къ нему не позволяется крестить младенца ранѣе положеннаго срока очищенія. Для мальчика этотъ срокъ составляетъ 40 дней, а для дѣвочки 80. Исключеніе дѣлается лишь въ случаѣ опасности смерти. Для новорожденнаго отыскивается воспріемникъ — уасъ, одинъ, только соотвѣтственно полу ребенка. Уасъ обязанъ быть, какъ и у насъ, поручителемъ за ребенка въ исполненіи имъ обѣтовъ крещенія.

По истеченіи времени очищенія, мать въ сопровожденіи уаса приноситъ своего младенца къ храму. Въ воротахъ церковной ограды она останавливается и, поклонившись съ младенцемъ св. храму, идетъ внутрь ограды. Тамъ она садится на камнѣ, предназначенномъ для рожилицъ, въ ожиданіи выхода изъ храма священнослужителей. Камень рожилицъ помѣщается противъ западныхъ дверей храма—позади другаго меньшаго возвышенія изъ камней, на которомъ утверждается ваптистиріонъ—купель, мѣдный, большой круглый сосудъ въ видѣ таза. Возлѣ крещальнаго престола на землѣ ставятся водоносы, наполненные чистой водой. Ихъ приноситъ церковный прислужникъ. Наконецъ, выходятъ изъ храма клирики: впереди идутъ діаконы въ короткихъ фелоняхъ, за ними священники въ облаченіи. Старшій изъ нихъ подходитъ къ рожилицѣ и, взявъ изъ ея рукъ младенца, поклоняется съ нимъ на всѣ четыре страны свѣта. Это означаетъ поклоненіе Всемогущему Богу, Творцу вселенной. Между тѣмъ одинъ изъ діаконовъ выливаетъ воду изъ водоносовъ въ купель и зажигаетъ свѣчу, которая вставляется въ плавающій посреди купели пробочный подсвѣчникъ. Свѣча эта

горитъ во все продолженіе чтенія крещальныхъ молитвъ до момента совершенія самаго таинства. Служба крещенія начинается чтеніемъ длиннаго ряда псалмовъ и молитвословій, которыя постепенно переходятъ въ заклинанія демоновъ, проклятія всѣхъ ересей и обѣты служить истинному Богу. Отвѣты, необходимые при этомъ, даетъ за ребенка его воспреемникъ, который въ заключеніе читаетъ символъ христіанской вѣры. Потомъ бываетъ помазаніе всѣхъ частей тѣла ребенка елеемъ и чтеніе отдѣловъ изъ Апостола и Евангелія. Вода, налитая въ купель, освѣщается особыми молитвами священниковъ. Въ этихъ молитвахъ испрашивается у Бога благодать для воды, а въ заключеніе старшій священникъ, знаменуя воду св. крестомъ, возмашаетъ трижды: „да будетъ вода сія едино съ тою, которая изошла изъ ребра Твоего, Спаситель нашъ“! Съ этого момента никто не имѣетъ права прикасаться къ освященной водѣ. Діаконы съ благоговѣніемъ сливаютъ ее обратно изъ купели въ водоносы. Все это переносится затѣмъ на другое мѣсто въ глубинѣ ограды, гдѣ обыкновенно совершается важнѣйшая часть таинства. Тамъ нѣтъ ничего особеннаго. Купель ставятъ на землѣ и священникъ трижды погружаетъ въ ней ребенка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Абиссиніи распространено впрочемъ обливаніе. Въ ленныхъ храмахъ оно даже бываетъ по необходимости вслѣдствіе отсутствія большой купели. Совершаютъ крещеніе тогда такъ. Одинъ изъ діаконовъ держитъ надъ тазомъ обѣими руками младенца, а въ это время старшій священникъ, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ, прикладываетъ подножіе его къ головѣ ребенка, а правой беретъ водоносъ, полный крещальной воды и изливаетъ ее въ изобилии на крестъ. Вода, обливая крестъ и тѣло ребенка, стекаетъ въ купель. Это дѣлается три раза съ короткими перерывами, причемъ произносятся совершительныя слова крещенія: „крещая тебя во имя Отца (1-е обливаніе), во имя Сына (2-е), во имя Духа Св. (3-е)“. Діаконъ произноситъ: „аминь“, а священникъ присовокупляетъ: „да будетъ тебѣ имя такое-то“. Имя дается или соотвѣтственно желанію родителей или, по большей части, въ память святаго празднуемаго въ день рожденія младенца. На шею новокрещеннаго тотчасъ послѣ обливанія возлагается крестикъ, который у бѣдняковъ замѣняется веревкой съ узломъ. Этимъ служба крещенія заканчивается. Второй священникъ читаетъ надъ крещальной водой разрѣшительную молитву, долженствующую обратить св. воду въ обыкновенную. Діаконъ тутъ же выливаетъ ее въ углубленіе, сдѣланное подъ стѣной ограды.

Слѣдуетъ таинство мѣропомазанія; для совершенія его всѣ снова приходятъ въ то мѣсто, гдѣ служилась пріуготовительная часть крещенія т. е. предъ западныя двери храма. Одинъ изъ священни-

ковъ подаетъ сосудъ со св. муромъ, а старшій, обмакнувъ въ муро стручець, помазываетъ имъ части тѣла ребенка, причемъ дуетъ въ лице его со словами: „пріими Духа Святаго“. По совершеніи помазанія іерей изъ рукъ діакона передаетъ ребенка уасу съ обычнымъ наставленіемъ въ обязанностяхъ воспріемника. Наконецъ, всѣ входятъ внутрь храма, гдѣ ради новокрещеннаго обязательно совершается литургія, за которой его причащаютъ св. Таинъ, — именно Пречистой Крови. Замѣчательно то, что въ Абиссиніи строго запрещается матерямъ кормить младенцевъ въ день крещенія ихъ ранѣ окончанія обѣдни. На новаго сына церкви налагается такимъ образомъ нѣкотораго рода постъ.

Въ объясненіе укоренившагося въ Абиссиніи обычая обливанія, а не погруженія, абиссинскіе ученые указываютъ на то, что будто-бы такимъ способомъ крещенъ былъ отъ Іоанна Самъ Христосъ Спаситель.

Когда все уже исполнено по закону, по окончаніи обѣдни, священники и весь клиръ, знакомые и родственники новокрещеннаго располагаются въ церковной оградѣ, гдѣ имъ предлагается трапеза, обилующая яствами и питіями. На эту трапезу приглашается и хирургъ, обрѣзавшій ребенка.

Св. муро абиссинская церковь получаетъ отъ коптскаго александрійскаго патріарха, но не въ достаточномъ количествѣ, такъ что его не хватаетъ для всѣхъ приходоу и въ нерѣдкихъ селахъ вмѣсто св. муро употребляется освященный елей. Въ такое затрудненіе абиссинская церковь поставлена своею зависимостью отъ коптскаго патріарха, сношенія съ которымъ за неудобствомъ путей сообщенія не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ церкви. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть. Св. муро патріархъ присылаетъ абиссинскимъ епископамъ; которые чрезъ священниковъ раздають его въ приходскія церкви. Самъ священникъ долженъ ѣхать за муромъ для своего прихода къ епископу. Никто другой, даже діаконъ и монахъ не въ правѣ прикасаться къ мурному сосуду. Если это и случается по нечаянности, то на виновнаго налагается тяжелая эпитимія. За дальностью разстоянія отъ епископской резиденціи и за неудобствомъ путей, ѣхать за св. муромъ бываетъ для нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе можетъ оказаться безуспѣшнымъ. Сосудъ со св. муромъ хранится всегда въ алтарѣ подъ престоломъ.

Муропомазаніе совершается еще надъ самодержавнымъ негусомъ Эіюпіи. Царь пріѣзжаетъ для этого въ Аксумъ, древнюю первопрестольную столицу абиссинскаго царства. Здѣсь въ знаменитомъ Сіонскомъ соборѣ митрополитъ помазываетъ негуса эіюпскаго на царство, причемъ возглашается полный его титулъ съ

перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ новопоставленному императору царствъ, народовъ, племенъ, княжествъ и провинцій. Впрочемъ такое торжество бываетъ въ Аксумѣ только въ мирное время, а въ случаѣ смутъ, обычно предшествующихъ воцаренію, помазаніе совершается ради ускоренія гдѣ-попало, даже прямо въ покояхъ императора, или въ станѣ, въ царскомъ шатрѣ, куда прибываетъ митрополитъ со св. муромъ, окруженный цѣлымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, обязанныхъ охранять епископа, если на него нападутъ враги новаго царя, желающіе воспрепятствовать помазанію его на царство.

Обычными кандидатами священства въ Абиссиніи являются всѣ грамотные благочестивые міряне или монахи. Окончившихъ литургическую школу такъ мало, что въ средѣ священно-служителей рѣдко встрѣчаются лица, получившія образованіе въ этой школѣ. Притомъ и требованія отъ кандидата священства касаются въ Абиссиніи болѣе нравственныхъ и физическихъ качествъ человѣка, нежели умственныхъ. Каковы же эти требованія? Ищущій священства долженъ быть дѣвственникъ, хорошаго поведенія, ни въ чемъ дурномъ не уличенный. Онъ не долженъ имѣть никакого физическаго недостатка, даже самаго незначительнаго, напр. поврежденія пальца на рукѣ или на ногѣ, болѣзни глазъ и проч. Физическое безобразіе считается чуть ли не главнымъ препятствіемъ для вступленія въ іерархію. Явившійся въ епископскій городъ за полученіемъ какой-нибудь степени священства долженъ предварительно представиться епископу въ его дворцѣ. Онъ долженъ выждать такое время, когда уже соберется достаточное количество кандидатовъ, и вотъ въ толпѣ ихъ, предводительствуемой какимъ-нибудь придворнымъ епископскимъ чиновникомъ, идетъ въ покои епископа. Тамъ всѣмъ прибывшимъ епископъ даетъ общее благословеніе и назначаетъ день, въ который намѣренъ ихъ посвятить. Наканунѣ этого дня, это обыкновенно въ субботу или наканунѣ какого-либо большаго праздника, бываетъ для искателей сана экзамень. На площади предъ архіерейскимъ дворцомъ собирается народъ, и особенно ученые люди. Во главѣ всѣхъ стоитъ архимандритъ или ученѣйшій лика. Онъ обязанъ руководить испытаніями. На возвышенномъ мѣстѣ среди площади ставится аналой съ двумя книгами: Апостоломъ и Евангеліемъ. Всѣ искатели сана по одиночкѣ подходятъ къ аналою, чтобы громогласно предъ всѣмъ собраніемъ обнаружить свою способность въ чтеніи древне-эіопскаго священнаго текста. Ищущій діаконства читаетъ изъ Апостола, а ищущій священства—изъ Евангелія. Мѣста для чтенія тутъ же опредѣляетъ каждому самъ предсѣдатель собранія. Нужно читать погромче, поскорѣе, умѣть разбирать слова и хорошо вибрировать голосомъ такъ, какъ это дѣлаютъ служащіе въ церкви. Кто хорошо прочи-

таетъ свое мѣсто, того предсѣдатель отсылаетъ на правую сторону; но кто сдѣлалъ хоть одну ошибку, того тотчасъ бьютъ по щекѣ и отсылаютъ влѣво. По окончаніи экзамена предсѣдатель спрашиваетъ имена всѣхъ, стоящихъ на правой сторонѣ и записываетъ на свиткѣ, который тотчасъ подаетъ епископу. На другой день за литургіей вся толпа признанныхъ достойными кандидатами священства приводится къ епископу. Онъ поочередно посвящаетъ ихъ чрезъ возложеніе рукъ; въ пресвитерскую степень онъ рукополагаетъ ставленниковъ внутри алтаря, предъ св. престоломъ, а въ діаконскую—въ царскихъ вратахъ въ виду народа. На каждое посвященіе клиръ вслѣдъ за епископомъ отвѣчаетъ: „*ἄξιος, ἄξιος, ἄξιος!*“

Въ Абиссиніи совсѣмъ нѣтъ опредѣленія приходскихъ штатовъ. Въ каждой церкви или приходѣ можетъ быть какое угодно случайное число членовъ клира, которое во всякое время можетъ увеличиться или уменьшиться, если того пожелаютъ всѣ клирики прихода во главѣ съ настоятелемъ церкви. Потому въ Абиссиніи и нѣтъ того, что у насъ называется вакансіей, и не требуется, чтобы непременно всякій, посвящаемый въ санъ, былъ командированъ въ тотъ или другой приходъ. При посвященіи о приходѣ никто не говоритъ и не думаетъ. Если ищущій священства удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, его епискомъ посвящаетъ, но опредѣленнаго назначенія ему не даетъ. Послѣ посвященія, новопоставленный можетъ отправляться куда ему угодно. Естественнѣе всего ему направить стопы свои въ тотъ приходъ, откуда онъ родомъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ его всѣ знаютъ, и клиръ прихода, можетъ быть, съ объятіями встрѣтитъ своего новаго собрата. Впрочемъ, ставленникъ мало думаетъ о томъ, гдѣ ему служить и найти мѣсто. Онъ, кажется, скорѣе отправится въ какой-нибудь замѣчательный дебрь или монастырь помолиться. Не думая вовсе о мѣстѣ, онъ идетъ намѣченной дорогой, проходя города и веси. Встрѣтится ему знакомое село, гдѣ онъ бывалъ,—тутъ онъ зайдетъ къ священникамъ, и часто случается, что тутъ же и остается навсегда членомъ клира. Если его никто изъ священниковъ прихода не знаетъ, то ему нѣтъ надежды отслужить здѣсь хоть одну обѣдню. Ставленной грамоты онъ не имѣетъ, а объ его санѣ узнаютъ только по одеждѣ, но и то, если онъ священникъ, а если діаконъ, то его не узнаютъ, потому что діаконы одѣваются въ Абиссиніи, какъ міряне или же какъ простые монахи, если они таковы по своему образу жизни.

Наряду съ этой картиной выступаетъ другая. Самъ гавасъ какого-нибудь прихода съ согласія всѣхъ членовъ своего клира желаетъ имѣть въ своемъ приходѣ еще одного священника или діакона. Естественно ему обратиться къ членамъ своей паствы, не найдется ли въ средѣ ея мірянинъ, хорошо грамотный и способный къ служенію. Если таковой найдется и при этомъ изъявитъ

искреннее желаніе приобщиться къ братіи клира, то отправляется вмѣстѣ съ настоятелемъ или одинъ къ епископу для полученія сана. А если по близости найдется уже рукоположенный священнослужитель, не имѣющій прихода или желающій перемѣнить приходъ, то еще легче и скорѣе его пригласить, и настоятель отъ лица всего прихода призываетъ его въ свой приходъ. Чаше же всего бываетъ первый случай. Новый членъ клира получаетъ уже съ доходовъ этого клира и съ земли его опредѣленную долю наравнѣ съ другими своими братьями. Тутъ онъ строитъ себѣ домъ вблизи храма и устраивается на жительство.

Въ числѣ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ отъ кандидата священства, было указано дѣвство. Требованіе это такъ сильно въ Абиссиніи, что не допускаетъ никакихъ исключеній. Ни одинъ женатый не можетъ быть посвященъ въ первую степень священства. Только посвященный уже въ діакона можетъ жениться, если пожелаетъ, и получить послѣ брака посвященіе въ новую степень пресвитерскую. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ средѣ абиссинскихъ священнослужителей очень мало женатыхъ лицъ: тамъ большинство или дѣвственники или постриженные монахи. Діакону запрещается два раза жениться, а священнику вовсе нельзя вступать въ бракъ, онъ могъ сдѣлать это лишь до рукоположенія въ пресвитера. Разводъ священнослужителямъ тоже запрещается. Разведшійся долженъ прекратить свое служеніе, а если примирится съ женою, можетъ отправлять свои священническія обязанности опять, если пожелаетъ и если еще на это послѣдуетъ согласіе клира.—Что касается возраста, опредѣленнаго въ Абиссиніи для ставленниковъ, то тамъ въ діакона посвящаютъ даже моложе 15 лѣтъ, но въ священники не моложе 25 лѣтъ. Таковы общія правила относительно клира; они считаются главными и потому соблюдаются очень строго.

II.

Въ Абиссиніи браки заключаются не по любви. Романтизмъ даже не коснулся этой дѣвственной страны. Основой заключенія брака служитъ здѣсь фамиліное и имущественное положеніе жениха и невесты. Требуется, чтобы оба лица, вступающія въ бракъ, принадлежали къ равнымъ по знатности домамъ и чтобы имущество невесты своею величиною ровно вдвое превосходило имущество жениха. Такъ, если у жениха 300 воловъ, 100 овецъ, 200 муловъ, то въ невесты къ нему можетъ рассчитывать только та дѣвица, у которой окажется 600 воловъ, 200 овецъ, 400 муловъ и т. д. Если фамилія невесты не выше и не ниже фамиліи жениха, то бракъ возможенъ при выполненіи второго главнаго условія:

именно, всѣ родственники неvěсты, въ случаѣ несостоятельности ея родителей, должны установить требуемое имущественное соотвѣтствіе между ихъ родственницею и ея женихомъ. Остальныя качества—физическія и нравственныя, при заключеніи браковъ между абиссинцами, занимають второстепенное мѣсто и, собственно говоря, даже совершенно игнорируются, какъ мы увидимъ ниже.

Всякій абиссинецъ, желающій найти себѣ подругу жизни, призываетъ къ себѣ свата (амача), имѣющагося въ каждомъ городкѣ и селѣ. Сватъ-амачъ—это извѣстное всему окружному населенію лицо, къ которому обращаются всѣ безъ исключенія женихи одной мѣстности съ порученіемъ найти имъ неvěсть. Замѣтимъ еще, что въ каждомъ болѣе или менѣе обширномъ населенномъ уголкѣ найдется не одинъ амачъ, а два, три и болѣе. Встрѣчаются престарѣлые амачи, практикующіе по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Такой амачъ, смотря на окружающіе его районъ поселки и выросшія хижины можетъ съ гордостью сказать: „я ихъ собралъ“! Дѣйствительно, счастье брака зависитъ всецѣло отъ амача и, если онъ приобрѣлъ извѣстность своею практикою и благополучіемъ созданныхъ имъ браковъ, то къ нему скорѣе обращаются, чѣмъ къ его конкурентамъ. Да онъ, кажется, уже довольно умножилъ свое состояніе изъ лептъ своихъ кліентовъ. Скоро онъ совсѣмъ откажется отъ своего труда, предоставивъ его молодымъ своимъ преемникамъ. Если онъ возьмется устроить кому либо бракъ, то, надо думать, потребуеть за это не одинъ десятокъ быковъ.

За то трудъ амача тяжелъ и отвѣтствененъ. Призванный кліентомъ, онъ выслушиваетъ отъ него краткія наставленія въ томъ, какую онъ долженъ искать ему неvěсту. Женихъ рисуетъ, такъ сказать, предъ амачемъ идеаль своей неvěсты, тотъ образъ, которымъ амачъ обязанъ руководиться при отысканіи неvěсты, если желаетъ угодить своему кліенту. О фамильномъ и имущественномъ положеніи жениха амачу нѣтъ надобности спрашивать. Онъ самъ прекрасно знаетъ всѣхъ обитателей своего района. Женихъ долженъ сообщить ему только о физическихъ и нравственныхъ качествахъ своего идеала, остальное дополняютъ уже соображенія и ариметика амача. Съ посохомъ въ рукѣ онъ отправляется въ далекую страну, какъ говорится, за тридевять земель. Обычаемъ страны требуется, чтобы неvěста находилась какъ можно дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣетъ свое постоянное пребываніе женихъ; она должна быть взята издалека, изъ чужой страны. Пройдя нѣсколько княжествъ и провинцій, амачъ, сообразивъ, что зашелъ далеко, начинаетъ спрашивать встрѣчныхъ прохожихъ на перекресткахъ дорогъ и на стогнахъ улицъ: не знаютъ ли они здѣсь такой-то и такой-то дѣвушки, изъ такой-то фамиліи, съ такимъ-то имуществомъ и проч.? Прохожіе догадываются, въ чемъ дѣло, и

направляютъ амача, куда слѣдуетъ. Отыскавъ домъ, гдѣ есть дѣвушка, соотвѣтствующая намѣченнымъ требованіямъ, амачъ поселяется въ немъ на такое время, какое понадобится для нужныхъ развѣдокъ, а предварительно узнаеть о согласіи родителей, чтобы трудъ не былъ напрасенъ. Амачъ долженъ на мѣстѣ и лично самъ разузнать все относительно невѣсты, и собственно не только относительно одной невѣсты и ея родителей, а о всѣхъ ея родственникахъ: насколько они богаты и знатны. Если вдругъ окажется хотя малѣйшій недостатокъ, нарушающій требуемое фамиліальное и имущественное соотвѣтствіе обоихъ лицъ, бракъ считается невозможнымъ. Амачъ долженъ искать другую дѣвушку. Конечно, и родители дѣвушки, съ своей стороны, разспрашиваютъ о женихѣ, прежде чѣмъ дать согласіе на бракъ.—Но вотъ амачъ нашель ту, которую искаль, и родители ея согласны на предлагаемый бракъ. Тогда амачъ возвращается къ жениху и тутъ описываетъ все, что видѣль и слышалъ. Понятно въ этомъ случаѣ положеніе амача: можетъ ли онъ сказать всю правду? Правдивость можетъ повести къ тому, что женихъ откажется отъ невѣсты, и тогда, значитъ, весь трудъ амача пропаль совершенно даромъ! Не удивительно, если амачи прибѣгаютъ къ работѣ фантазіи: она спасаетъ ихъ отъ капризовъ кліентовъ. Предположимъ, что найденная дѣвушка по фамиліальному и имущественному положенію соотвѣтствуетъ вполнѣ жениху и другой такой врядъ-ли отыскать, но она имѣеть одинъ только здоровый глазъ и прихрамываетъ на одну ногу. Амачъ скроеть это; нисколько не стѣсняясь, онъ нарисуетъ предъ своимъ кліентомъ образъ красавицы и скажетъ, что такова его невѣста. Слѣпоту и хромоту своей невѣсты женихъ узнаеть только послѣ брака, но тогда уже поздно отказываться отъ нея. За то ужъ нельзя соврать относительно фамиліальнаго и имущественнаго положенія невѣсты. Хотя бы бракъ былъ заключенъ, но если окажется нарушеніе основныхъ требованій, онъ расторгается и амачъ остается ни съ чѣмъ. Онъ только тогда выигрываетъ, когда бракъ состоится нерушимо.

Какъ бы то ни было, амачъ играетъ важную роль въ Абиссиніи при заключеніи браковъ и нерѣдко злоупотребляетъ своею ролью, повидимому, даже безнаказанно. Но наказаніе для него есть: это общественное мнѣніе. Плохо зарекомендовавшій себя амачъ, понятно, не будетъ пользоваться симпатіями общества и, кажется, ему не долго придется практиковать, такъ какъ едва ли кто согласится получить послѣ брака вмѣсто красавицы уроды.

Когда съ обѣихъ сторонъ—жениха и родителей невѣсты послѣдуетъ заочное согласіе на бракъ, дѣло амача еще не окончилось. Теперь онъ долженъ быть посредникомъ между родителями жениха и невѣсты при заключеніи договора относительно мѣста и времени

перваго свиданія родственниковъ обѣихъ сторонъ. Мѣстомъ свиданія чуждыхъ другъ другу родовъ, намѣревающихся стать теперь своими, выбирается пунктъ, лежащій на половинѣ пути между мѣстожителъствами брачущихся сторонъ. Амачь сначала узнаетъ отъ родственниковъ жениха о времени, когда они намѣрены устроить свиданіе съ родственниками невѣсты и объ этомъ немедленно сообщаетъ въ домъ невѣсты. Тутъ со стороны семейства невѣсты по той или иной причинѣ можетъ послѣдовать несогласіе на предполагаемое со стороны жениха время свиданія, такъ что амачу, можетъ быть, не разъ и не два придется путешествовать отъ одного дома къ другому, пока не будетъ, наконецъ, установлено обоюдное согласіе относительно времени свиданія. Что касается выбора мѣста свиданія, то это уже дѣло самого амача. Онъ самъ, хорошо ознакомившійся съ промежуточною мѣстностью между сводимыми имъ домами во время своихъ частыхъ путешествій, выбираетъ удобную и живописную поляну или дубраву (амачъ тоже не лишенъ эстетики), лежащую въ срединѣ пути отъ того или другаго дома. О мѣстѣ онъ тоже долженъ извѣстить тѣхъ, кому слѣдуетъ быть на предстоящемъ свиданіи сводимыхъ родовъ. Въ назначенный день въ условленное мѣсто сходятся родичи изъ фамилій жениха и невѣсты. Тутъ въ первый разъ встрѣчаются дотолѣ чуждые другъ другу роды. Во главѣ ихъ стоятъ родители. Сошедшись, оба рода заключаютъ завѣтъ, клятву — „калчадалъ“ въ томъ, что они отнынѣ станутъ своими, будутъ свято хранить узы родства, будутъ пещись другъ о другѣ и проч. Родители жениха сверхъ того клянутся предъ родителями невѣсты въ томъ, что они будутъ любить и жаловать невѣсту, беречь ее, какъ свою дочь, а родители невѣсты, съ своей стороны обѣщаются любить и жаловать жениха, какъ своего родного сына. Затѣмъ тутъ же всѣ родичи совѣщаются вмѣстѣ относительно времени вѣнчанія и, согласившись въ этомъ, расходятся въ свои стороны. Время вѣнчанія обыкновенно откладывается на полгода или даже на годъ для того, чтобы можно было успѣть сдѣлать нужныя приготовленія къ свадьбѣ.

Приготовленія идутъ одновременно въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты, но такъ, что одинъ домъ не знаетъ, что происходитъ въ другомъ. Со стороны жениха отправляютъ во всѣ ближайшія села и поселки, города и мѣстечки рабовъ и слугъ къ друзьямъ и родственникамъ съ приглашеніемъ на брачный пиръ. То же дѣлается и со стороны дома невѣсты по отношенію къ ея родственникамъ и друзьямъ ея дома. Кромѣ того, женихъ избираетъ себѣ союзниковъ — „аркъ“. Въ этотъ союзъ онъ приглашаетъ только самыхъ близкихъ и любимыхъ своихъ друзей, въ количествѣ 7—12 человекъ. Назначеніе членовъ союза — быть неотлучно при особѣ жениха, веселить и развлекать его. Для брачнаго торжества нарочито устраивается

особое помещеніе, называемое „дасъ“-куща. Это зданіе необыкновенно большихъ размѣровъ, четверугольной формы, предназначенное для 500, а то и для 1000 или даже для нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Строится оно изъ дерева и недалеко отъ дома. Точно такая же куща воздвигается возлѣ дома невѣсты. Такимъ образомъ.—Вкапываются въ землю жерди на близкомъ разстояніи другъ отъ друга: это скелетъ стѣнъ. Промежутки между столбами заполняются снопами зелени, прикрѣпляющимися къ столбикамъ веревками, такъ что сквозь стѣну нельзя видѣть внутренности кущи. Крыша зданія устраивается изъ плотно прилегающихъ другъ къ другу бревенъ, поверхъ которыхъ нагромождаются хворостъ, древесныя листья и трава. Это для того, чтобы лучи солнца не проникали во внутрь зданія. Потолокъ поддерживается кромѣ стѣнъ нѣсколькими столбами, вкопанными въ землю внутри кущи. Для входа предназначаются два отверстія, примыкающія къ передней стѣнѣ съ противоположныхъ концовъ. Полъ кущи усыпается мелкой листвою съ примѣсью душистыхъ травъ. У стѣны, возлѣ которой устроены входы, закапываются въ землю въ рядъ чаны съ виномъ и любимыми напитками абиссинцевъ. Обстановку кущи составляютъ длинные приземистыя столики въ $\frac{1}{2}$ аршина вышины, идущіе рядами вдоль боковыхъ стѣнъ, образуя посрединѣ зданія широкую дорогу отъ входовъ къ задней глухой стѣнѣ. У этой стѣны на землѣ стелется яркій, искусно вытканый коврикъ: это сѣдалище для невѣсты. Правая сторона кущи предназначается для сторонниковъ жениха, а лѣвая—для сторонниковъ невѣсты; въ переднемъ же углу дѣлается небольшое возвышеніе изъ земли съ 2—3-мя столами для старѣйшинъ и наиболѣе почетныхъ лицъ въ томъ числѣ и для священниковъ. Кромѣ того съ боку къ кущѣ пристраивается особое небольшое помещеніе для жениха и его „союза“, сообщающееся съ кущей посредствомъ двери.

Когда приближается время свадьбы,—въ дома жениха и невѣсты прибываютъ приглашенные на бракъ лица, причемъ приходятъ не съ пустыми руками, а съ богатыми подарками. Каждый приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются обыкновенно съѣстные припасы и даже скотъ. Напримѣръ: одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой—овецъ; третій приноситъ кадку масла, сносятъ корзинами хлѣбы, плоды, бочками вино, молоко, постное масло, пиво, медъ, воскъ и проч. Въ домъ невѣсты сверхъ того ея родственники и знакомые приносятъ богатыя ткани, хорошо выдѣланные изъ рога бокалы, львиныя и леопардовыя шкуры, груды золота, серебра и проч. Эти подарки потомъ въ день брачнаго торжества переходятъ въ руки жениха, какъ мы увидимъ ниже.

На свадебное торжество всѣ пріѣзжаютъ въ пышныхъ одеждахъ, утомляющихъ зрѣніе своей бѣлизной. Мущины стараются блеснуть

своими доспѣхами. Особенная честь охотнику, потому что только онъ имѣетъ право надѣть ружье, свидѣтельствующее всѣмъ объ его охотничьихъ дарованіяхъ.

Наконецъ, женихъ въ сопровожденіи своего „союза“ и ближайшихъ родичей отправляется въ страну неvěсты, рассчитывая такъ, чтобы прибыть въ ея домъ вечеромъ наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня, а родные и друзья неvěсты въ тотъ вечеръ, когда долженъ прибыть женихъ, отправляются за городъ или село встрѣчать его. Тамъ они располагаются на травѣ въ ожиданіи его. Какъ только покажется изъ-за утесовъ и горъ караванъ навьюченныхъ людьми верблюдовъ и муловъ, сидящіе на травѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и съ музыкою и плясками бѣгутъ навстрѣчу дорогимъ гостямъ. И вотъ подъ звуки барабановъ, кимваловъ, бубновъ, скрипокъ, трубъ, балалаекъ, флейтъ, подъ клики мужчинъ и женщинъ происходитъ торжественное свиданіе жениха съ родичами неvěсты: тутъ въ первый разъ они видятъ своего нареченнаго зятя. Невѣста же съ матерью и сестрами не бываетъ на этомъ свиданіи: она остается съ ними въ своемъ домѣ. Съ мѣста свиданія изъ-за города соединенная толпа изъ ожидавшихъ и прибывшихъ съ музыкою, криками и пляскою направляется въ городъ, по улицамъ города въ дась-кущу. Тутъ уже устраиваются настоящіе танцы; веселіе и пиръ продолжаются чуть-ли не до самаго утра, — утра того самаго дня, въ который предстоитъ заключеніе брака. Въ этотъ день, приблизительно въ полдень, во вновь убранной и очищенной отъ столовъ кущѣ собирается все множество прибывшаго на бракъ народа. Сторонники жениха размѣщаются на правой сторонѣ кущи, сторонники неvěсты — на лѣвой; старѣйшины, духовенство и родители того и другой на эстрадѣ, а женихъ — въ толпѣ своихъ сторонниковъ. Всѣ ожидаютъ торжественнаго входа неvěсты. Но вотъ показалась „она“. Ее несетъ рабъ на своихъ плечахъ. Все лицо неvěсты плотно обтянуто бѣлой фатой, въ которой лишь сдѣланы отверстія для глазъ и кончика носа. Она медленно подвигается по кущѣ, подъ звуки рыданій и всхлипываній своихъ сестеръ и подругъ. Рабъ бережно сажаетъ ее на предназначенномъ коврикѣ. Вслѣдъ затѣмъ ударяютъ въ бубны, звуки которыхъ подхватываетъ весь хоръ музыкантовъ. Въ этотъ моментъ со стороны жениха поднимаются два человѣка, два лучшихъ его друга, и выступаютъ на средину, — на пустое пространство кущи. Они одѣты въ роскошныя брачныя одежды, одинъ имѣетъ въ рукѣ копьѣ, а другой ружье, по которому видно, что онъ охотникъ. Они становятся на противоположныхъ концахъ кущи, изображая собою противниковъ. Одинъ дѣлаетъ видъ, что старается метнуть въ своего врага копьѣ, а этотъ прицѣливается, чтобы выстрѣлить. Это они дѣлаютъ всякій разъ, когда, перебѣ-

жавъ одновременно въ противоположные концы кущи, останавливаются другъ противъ друга. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ охотникъ стрѣляетъ въ своего противника—съ копьемъ, который, прикинувшись убитымъ, падаетъ ницъ. Этимъ роль первыхъ плясуновъ оканчивается. Они подходятъ къ родителямъ невѣсты, кланяются имъ въ ноги и за это получаютъ подарки—въ пользу жениха, которые тутъ же забираетъ прямо изъ рукъ дарящихъ экономъ жениха. Затѣмъ выступаетъ въ качествѣ плясуна отецъ жениха или же самый близкій родственникъ его, потомъ пляшутъ братья его и т. д. Всѣ они получаютъ отъ родителей невѣсты богатые подарки, которые вручаются опять эконому жениха. Наконецъ, съ новымъ взрывомъ музыкальныхъ звуковъ, изъ толпы, заполняющей правую сторону кущи, пробирается одинъ человекъ. Онъ бодро выступаетъ на средину, предъ взоры всѣхъ, прекрасный въ своей очаровательной брачной одеждѣ, сверкая блестящимъ щитомъ. Голова его повязана красной шелковой лентой, чудный, бѣлоснѣжный камисъ (хитонъ), шитый бисеромъ и изумрудами, стянутъ краснымъ поясомъ съ золотыми уборами и побрякушками. Взоры всѣхъ напряженно сосредоточились на этомъ человекѣ, потому что это женихъ. Онъ впервые выступаетъ такъ открыто и невѣста въ первый разъ можетъ теперь полюбоваться на него. Онъ будетъ плясать, какъ и другіе, поэтому родители и всѣ родственники невѣсты припрятали для него уже самые цѣнные подарки. Наступаетъ моментъ блеснуть имъ своими богатствами. Всѣ ждали этой минуты и заготовили для нея все самое лучшее. Въ качествѣ противника жениху выступаетъ первѣйшій его другъ. Оба они, продѣлавъ извѣстные уже намъ фигуры, подходятъ поочередно къ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ невѣсты и кланяются имъ въ ноги. Экономъ тутъ-какъ-тутъ съ своей знаменитой торбой, въ которую посыплются сейчасъ всѣ цвѣты, весь блескъ богатствъ славной невѣстиной фамиліи. Женихъ, поклонившись тому или другому родичу, не идетъ дальше, пока бездонная торба не получитъ своей доли. Пока женихъ кланяется, жадная торба глотаетъ куски шелку, бархату, драгоцѣнные камни, груды золота львиныя шкуры, слоновые клыки и проч. Всѣ эти богатства бросаются такъ, чтобы всѣ видѣли. Самъ женихъ постоянно останавливается, чтобы видѣть, кто что даетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему нужно знать это.

Послѣ перваго сбора слѣдуетъ опять пляска. Пляшетъ опять женихъ и опять кланяется, а исхудалая торба, успѣвшая уже изрыгнуть изъ себя драгоцѣнное бремя въ маленькой кущѣ жениха, снова, какъ голодный звѣрь, набрасывается на новыя и еще лучшія блюда, раскрывая предъ каждымъ родичемъ невѣсты свою ненасытную пасть. Наконецъ, третья пляска и третій сборъ. По-

слѣдняя пляска и послѣдній сборъ подарковъ. изъ которыхъ свивается корона, вѣнчающая знатность и богатство всего невѣстинаго рода! Это финалъ и знамя побѣды цѣлой фамиліи. Послѣ этого совершается уже самый бракъ. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и беретъ ея правую руку. Большой палецъ и мизинецъ его правой руки скрѣпляется съ большимъ пальцемъ и мизинцемъ ея правой руки. Въ этотъ моментъ заключается брачный завѣтъ, причемъ молодую чету окружаютъ родители и родичи, прикрывая брачующихся своими одеждами. Они прислушиваются къ словамъ клятвъ, чтобы быть свидѣтелями. Молодые обыкновенно клянутся въ томъ, что они отнынѣ будутъ составлять одно тѣло, пещись другъ о другѣ, переносить сообща скорби и лишенія, не обижать другъ друга и проч. Съ этого времени женихъ и невѣста становятся мужемъ и женою!..

Въ Абиссиніи различаются два брака: церковный и гражданскій. Послѣдній встрѣчается чаще; это потому, что первый считается нерасторжимымъ. Развестись супругамъ, повѣнчаннымъ церковью, нельзя. Кто же, не смотря на всю строгость этого закона, разоидется съ своею женою послѣ церковнаго брака, тотъ получаетъ въ народѣ прозваніе „нарушителя закона“ и подвергается всеобщему презрѣнію. Поэтому большая часть абиссинцевъ довольствуется гражданскимъ бракомъ. Но и тутъ наблюдаются извѣстныя границы. Гражданскій бракъ, т. е. свободный, не препятствующій разводу, продолжается лишь до тѣхъ поръ, когда супруги послѣ обычной исповѣди у духовника и установленной эпитиміи причастятся въ храмѣ св. таинъ. Съ этого времени бракъ ихъ становится законнымъ, освященнымъ церковью и, слѣдовательно, нерасторжимымъ. Оттого нѣкоторые, живущіе въ гражданскомъ бракѣ, абиссинцы долго воздерживаются отъ исполненія христіанскаго долга говѣнія, которое нерасторжимыми цѣпями скрѣпляетъ ихъ дотолѣ слабыя узы. Духовникъ на такихъ лицъ налагаетъ строгую эпитимію. Въ день причащенія св. Таинъ супруги устраиваютъ скромный обѣдъ, на который приглашаютъ только своихъ ближайшихъ родственниковъ и духовенство. Это нѣчто вродѣ скромнаго брачнаго пира по случаю новыхъ брачныхъ узъ. Только духовныя лица не вправѣ жить въ гражданскомъ бракѣ, который хотя является въ Абиссиніи *de jure* незаконнымъ, но *de facto* общепризнаннымъ и распространеннымъ.

Церковный бракъ совершается такъ. Священникъ, заранѣе предупрежденный о предстоящемъ бракѣ, наблюдаетъ, чтобы онъ не былъ заключенъ въ близкихъ степеняхъ родства (отъ 1-й до 6-й степени включительно). Обойти законъ тутъ не удастся, потому что всюду есть такъ называемые „ревнители закона“, отъ которыхъ не укроется ни одинъ нарушитель церковныхъ постановленій. Эти

ревнители не официальные лица, но ихъ голосъ имѣеть непреодолимую силу, какъ голосъ самого закона. Если священникъ повѣнчаетъ лицъ въ близкихъ степеняхъ родства, ревнитель закона потребуетъ расторженія такого брака и его приказанію должны повиноваться.

Въ день, назначенный для церковнаго брака, женихъ съ своими родственниками приходитъ въ храмъ и становится на мужской его половинѣ. Потомъ приходитъ и невѣста, закрытая фатой. Когда священнослужители выйдутъ изъ алтаря на средину храма, родичи жениха подводятъ его къ ступенямъ амвона, между тѣмъ съ другой стороны подводятъ къ нему и невѣсту. Брачующіеся становятся рядомъ. Старшій священникъ послѣ извѣстныхъ молитвъ и чтеній Апостола и Евангелія, накрываетъ жениха и невѣсту церковнымъ покровомъ, соединяетъ ихъ руки и читаетъ слова брачнаго завѣта. Эти слова вслѣдъ за священникомъ повторяютъ брачующіеся въ присутствіи тутъ же родителей. Потомъ служится непременно литургія, за которой новобрачные причащаются св. Таинъ. По выходѣ изъ храма родственники условливаются относительно времени брачнаго торжества, и въ назначенный день всѣ собираются въ свадебной кущѣ и проводятъ тамъ время извѣстнымъ намъ образомъ.

Свадебное торжество въ домѣ невѣсты продолжается дня три, послѣ чего оно передвигается въ страну жениха. Всѣ отправляются туда. Невѣста тоже ѣдетъ, забравъ съ собою любимыхъ служанокъ и въ сопровожденіи наиболѣе преданныхъ подругъ. Въ кущѣ жениха пиръ и веселіе продолжаются тоже дня три и потомъ гости разъѣзжаются. Колоссальная куща-дасъ уничтожается. Съ женихомъ остается только „аркъ“, союзъ преданнѣйшихъ друзей. Новобрачная чета вмѣстѣ съ „аркомъ“ поселяется въ новомъ домѣ, нарочито для нея выстроенномъ рядомъ съ домомъ родителей жениха. Члены „арка“ остаются при женихѣ послѣ свадьбы на цѣлый мѣсяць, а то и болѣе. Въ теченіе этого времени они успѣваютъ посѣтить всѣ близлежація и не близлежація города и села, деревни и мѣстечки, собирая всюду подарки для новаго дома; причемъ они пользуются неограниченной свободой. Имъ позволяется все. Войдя въ домъ, они шутятъ съ хозяйномъ и хозяйкой и выманиваютъ вещи. Имъ даютъ пшеницу, быковъ, овецъ, масло, шерсть, шкуры и даже золотыя и серебряныя вещи, а то прямо куски золота и серебра. Получивъ въ одномъ домѣ, что дадутъ, союзники идутъ въ другой по порядку. А за ними вслѣдъ ѣдутъ слуги съ нагруженными ослами. Всѣ знаютъ, что это пришелъ „аркъ“; многіе стараются при этомъ спрятать цѣнныя вещи, чтобы они не лежали на виду, такъ какъ члены „арка“ способны къ опустошенію: они, не стѣсняясь, захватываютъ все, что попадаетъ имъ подъ руки или на глаза, шарятъ

и рыскаютъ въ амбарахъ и подвалахъ, какъ у себя дома, и это не вмѣняется имъ въ вину: они дѣлаютъ свое дѣло и стараются не для себя. Вечеромъ они возвращаются домой, разгружаютъ ословъ, а на утро снова отправляются за добычей: такъ дѣлаютъ во все время пребыванія въ союзѣ — „аркѣ“.

Наконецъ, въ 30-й или 40-й день со дня брака празднуется отданіе свадьбы. Въ маленькой уже кущѣ собираются только ближайшіе родственники новобрачныхъ. Торжество продолжается одинъ день, послѣ чего „аркѣ“ — союзъ расторгается; невеста вступаетъ въ права хозяйки дома. Черезъ полгода она имѣетъ право ѣхать къ своимъ роднымъ на свиданіе. Случается, что брачная пара и совсѣмъ переселяется къ родителямъ невесты, если по обоюдному согласію будетъ признано болѣе удобнымъ устроиться на жительство именно тамъ. Только для новой четы обязательно строится новый домъ и все имущество жениха переносится на новое мѣсто-жительство.

Въ абиссинской семьѣ царитъ патриархальность. Глава семьи — отецъ; онъ судья, законодатель и рѣшитель судебъ для всѣхъ членовъ семьи. Жена боится своего мужа и стоитъ въ полной зависимости отъ него. Мужу ввѣряется надзоръ за ея поведеніемъ. Онъ имѣетъ право бить свою жену за малѣйшее ослушаніе. Обыкновенно провинившуюся жену мужъ раздѣваетъ до гола, привязываетъ къ столбу и, заперевъ двери дома, вдоволь прохаживаетъ по ея тѣлу плетью. Та же участь и непослушныхъ дѣтей. Они не имѣютъ никакого права голоса. Даже въ аристократическихъ семействахъ дѣти, пока растутъ, стоятъ наравнѣ съ прислугой. О нихъ не спрашиваютъ и не говорятъ. Ни сынъ, ни дочь не имѣютъ права располагать своею судьбою. Выраженіе: „я думаю жениться“ — немислимо въ устахъ абиссинскаго юноши. Одни родители, иногда вовсе безъ вѣдома ихъ сына, устраиваютъ его бракъ; онъ узнаетъ объ этомъ только тогда, когда нужно ѣхать вѣнчаться. Дѣвочекъ держатъ еще строже. За исключеніемъ крестьянской, въ другихъ семьяхъ дѣвочкамъ не позволяется однѣмъ выходить изъ дому. Для мальчиковъ больше свободы. Они, собираясь вмѣстѣ изъ сосѣднихъ домовъ, затѣваютъ игры въ мячъ, въ прятки, въ солдаты и проч. Въ зажиточныхъ семьяхъ къ дѣтямъ приставляется гувернеръ. Это монахъ или священникъ, который учитъ дѣтей грамотѣ, чтенію и даже заучиванію наизусть псалтири. Какъ говорилось въ своемъ мѣстѣ, знаніе наизусть псалтири считается въ Абиссиніи признакомъ аристократизма. Почетное названіе, прилагаемое къ интеллигентному человѣку: „дека-мезмуръ“ — значитъ буквально „псалтирный сынъ“. Интересное явленіе, что всѣ почти благочестивыя семейства Абиссиніи имѣютъ въ своемъ домѣ духовное лицо: монаха или священника. Это лицо считается ангеломъ хранителемъ

дома. Онъ молитвенникъ за всю семью, совѣтникъ, наставникъ. Голосъ его имѣетъ большое вліяніе въ семьѣ, даже на главу ея—отца. Когда кто заболѣетъ въ домѣ, духовный другъ дома совершаетъ задравныя молитвы; онъ исповѣдуетъ больного въ случаѣ опасности смерти и является исполнителемъ послѣдней воли умирающаго—выслушиваетъ изъ его устъ духовное завѣщаніе.

Мужъ, хоть и наказываетъ жену плетью, все же имѣетъ въ ней совѣтницу себѣ; съ ней онъ раздѣляетъ заботу о дѣтяхъ, о хозяйствѣ и проч. Обыкновенно дѣти до брака своего живутъ неотлучно при родителяхъ, раздѣляя съ послѣдними ихъ образъ жизни, который, такимъ образомъ, естественно является наслѣдственнымъ, отсюда также, семья—это практическая школа, обучающая дѣтей тому поведенію, образу жизни, тѣмъ занятіямъ и способу существованія, какія практиковались въ семьѣ. Абиссинское семейство живетъ обыкновенно самозаключенно, въ слабой связи съ окружающимъ обществомъ, потому семейныя связи въ Абиссиніи особенно сильны. Только во время полевыхъ работъ, по необходимости, бываетъ сближеніе крестьянскихъ семей, да и то на время; у аристократовъ же, за отсутствіемъ работъ, не бываетъ и этого. „Сидѣть дома въ кругу своей семьи“—вотъ девизъ абиссинца. За то и родовая месть въ Абиссиніи въ большомъ ходу. Родственники убитаго преслѣдуютъ убійцу изо всѣхъ силъ, чтобы представить его на судъ негуса. Если подозрѣваемый будетъ признанъ на судѣ ликаонта виновнымъ, палачъ отдаетъ связаннаго преступника родственникамъ убитаго. Тѣ дѣлаютъ съ убійцей, что хотятъ. Такъ, напр., каждый поочередно подходитъ къ нему и причиняетъ ему страданія: первую подходитъ мать убитаго и выкалываетъ убійцѣ глаза. Отецъ бьетъ его по головѣ палкой, братья наносятъ раны копьями, дѣвушки колютъ преступника въ лицо иголками и т. д. Но бываютъ сострадательныя родственники, которые прощаютъ убійцу со словами: „Богъ съ нимъ! родной нашъ убитъ и не воскреснетъ“. Но отпуская убійцу, родичи требуютъ отъ него плату.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ЗАНЯТІЯ, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И ПРАВЫ.

Въ Абиссиніи туземное населеніе рѣзко распадается на два класса свободныхъ жителей: 1) выпій, аристократическій дворянскій классъ, называемый бала-рысть т. е. буквально—имѣющій наслѣдіе, землю и 2) баладже—буквально несобственникъ, безземельный, называемый иначе ахуай—мужикъ, холопъ. Земля такимъ образомъ является основаніемъ дѣленія на классы; по отношенію къ владѣльцу она является—„рысть“—достояніе, наслѣдіе, а по отношенію къ правительству, государству, она считается, какъ условіе военной повинности и называется „гаша“ буквально щитная земля, т. е. обязывающая своего владѣльца нести военную службу, съ которою связаны чины, награды, казенное жалованье и проч. Только на войнѣ абиссинецъ и можетъ отличиться и стать заслуженнымъ генераломъ или поступить въ свиту царя.

„Рысть“ (или гультъ)—это наслѣдственное владѣніе. Онъ представляетъ собою большой участокъ земли, принадлежащій цѣлой фамиліи. Рысть не продаваемъ и недѣлимъ между членами семейства—это потому, что рысть въ сущности царская земля, обязывающая своего владѣльца кромѣ военной службы еще къ извѣстной подати (гыбырь). Отсюда рысть еще значитъ податная земля. Обыкновенно рыстомъ владѣютъ нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ перваго владѣльца. Это цѣлый родъ, владѣющій рыстомъ и носящій фамилію, произведенную отъ имени перваго владѣльца. Самый рысть называется тоже этимъ именемъ. Области: тамбенская, сменская и др. заимствовали свои названія отъ именъ первыхъ владѣльцевъ. Если предокъ-владѣлецъ рыста прославился какими-нибудь подвигами, то эта слава принадлежитъ и его потомкамъ, населяющимъ „рысть“. Отсюда у абиссиновъ существуютъ нѣкоторыя славныя, знаменитыя фамиліи, извѣстныя по всей Абиссиніи. Члены такой фамиліи вступаютъ въ бракъ съ членами не менѣе знаменитаго рода. На этомъ основано главное условіе брака—со-

отвѣтствіе фамилій. При погребеніи какого-нибудь члена рода, риторы въ рѣчахъ подробно излагаютъ всю родословную покойнаго и славныя дѣянія его предковъ, записанныя въ лѣтописной памяти народа.

Браки не нарушаютъ въ Абиссиніи цѣлости фамилій; это потому, что насителемъ фамиліи служитъ тамъ не одна мужская линія, а и женская. Если послѣ брака новобрачные переселяются на жительство въ „рысть“ невѣсты, то потомки ихъ будутъ носить фамилію невѣсты, т. е. того рыста, гдѣ поселились его предки; и наоборотъ, если женихъ и невѣста, сочетавшіеся бракомъ станутъ жить въ рыствѣ жениха, то тогда въ потомствѣ ихъ сдѣлается наследственной фамиліа жениха.

Есть такіе рысты, родъ владѣльцевъ коихъ прекратилъ свое существованіе. Каждый такой рысть поступаетъ въ казну и негусъ имѣетъ право подарить его кому-либо изъ безземельныхъ холоповъ, отличившемуся на войнѣ, и тѣмъ сдѣлать его дворяниномъ, славнымъ владѣльцемъ рыста и предкомъ новаго дворянскаго рода, въ преданіяхъ котораго остаются памятны: имя перваго владѣльца рыста, подвигъ, стяжавшій ему славу и милость царскую, и имя того негуса, при которомъ это случилось. Потомки холопа, ставшаго дворяниномъ, должны уже нести обязательную военную службу, а будучи холопами они были бы свободны онъ нея: холопы могутъ нести ее только добровольно.

Баладже или безземельные крестьяне, не имѣя своей земли, работаютъ на чужой дворянской. Цѣлымъ семействомъ, съ женой и взрослыми дѣтьми холопъ работаетъ въ полѣ. Зажиточные холопы имѣютъ по нѣскольку паръ воловъ и ими работаютъ отъ мѣры, т. е. получая отъ владѣльца рыста условленную часть вымоченнаго хлѣба. Холопъ беретъ себѣ у дворянина участокъ земли, обрабатываетъ его, собираетъ съ него хлѣбъ и пятую или четвертую часть его удѣляетъ помѣщику. Часто бываетъ, что два холопа, имѣющіе только по одному волу, соединяются вмѣстѣ, образуя союзъ. Пара ихъ воловъ и ихъ семейства работаютъ сообща на участкѣ, выпрошенномъ у помѣщика, а вырученный хлѣбъ дѣлится между обоими холопами поровну. Холопъ, не имѣющій ни одного вола, работаетъ на участкѣ помѣщичьими волами и за это отдаетъ владѣльцу бѣольшую часть хлѣба, чѣмъ другіе. Въ Абиссиніи есть такія мѣста, гдѣ бываетъ три жатвы въ годъ. Въ поземельной мѣрѣ жатва принимается за зиму. Единицей мѣры земли считается довольно крупный и плохо-опредѣленный клочекъ земли, на одиночную вспашку котораго одною парю воловъ требуется цѣлая зима, — онъ называется „мыхрамъ“ — зимовикъ. Участокъ, вдвое большій его, опредѣляется такъ: „мыхрамъ-цымди“, буквально — „двѣ зимы“ т. е. то, что нужно пахать цѣлую зиму двумя парами

воловъ; „три зимы“ — участокъ, требующій для одиночной вспашки трехъ паръ воловъ и т. д. Обыкновенно холопъ, имѣющій только пару воловъ, беретъ себѣ земли по числу паръ быковъ.

Обработка пахатной земли происходитъ такъ. Холопъ, взявшій цѣлый мыхрамъ вспахиваетъ его не сразу; а по частямъ. Отмѣтивъ небольшой клочекъ земли, онъ разбрасываетъ на немъ сѣмена, потомъ вспахиваетъ его. За плугомъ, по бороздѣ идутъ слѣдомъ холопская жена и дѣти. Они сравниваютъ борозду голыми руками и выбрасываютъ изъ нея корни сорныхъ травъ. Тоже дѣлается на другомъ клочкѣ, на третьемъ и т. д., пока не будетъ засѣянъ и вспаханъ весь мыхрамъ. Пойдутъ обильные дожди, хлѣбъ быстро взойдетъ, выростетъ, поспѣетъ. Съ наступленіемъ жатвы холопъ снова со всею семьей въ полѣ. Мужъ жнетъ хлѣбъ, жена связываетъ его въ снопы, а дѣти сносятъ ихъ въ мѣсто, предназначенное для гумна. Мѣсто гумна опредѣляется по согласію нѣсколькими холопами вмѣстѣ. Въ центрѣ своихъ нивъ они выбираютъ ровное, круглое пространство земли, которе, послѣ уборки на немъ хлѣба, очищается отъ жнива и корней, поливается водою и утаптывается копытами воловъ. Трудъ устройства гумна раздѣляется между всеми холопами, образовавшими союзъ. Близъ гумна складывается хлѣбъ союзниковъ. Каждый членъ ставитъ свой стогъ, такъ что со временемъ вокругъ гумна образуется кольцо изъ стоговъ. При молотбѣ наблюдается строго очередь, имѣющая въ основѣ или то, кто раньше убралъ хлѣбъ, или то, кто имѣетъ больше хлѣба, или что-ниб. другое. Для вымолоченія хлѣба отпускаются все волы, принадлежащія союзникамъ, а изъ людей въ работѣ участвуютъ лишь тѣ, чей хлѣбъ на очереди. Холопъ — членъ союза, вымолотившій свой хлѣбъ, обязанъ очистить гумно для слѣдующаго своего товарища, а тотъ — для третьяго и т. д. Но холопъ, имѣющій много воловъ и большой участокъ земли не прибѣгаетъ къ союзамъ, а работаетъ собственными средствами. По разбросанному на гумнѣ хлѣбу пускаютъ гуртъ быковъ. Чтобы волы не ѣли хлѣба, имъ стягиваются челюсти веревкой. Вокругъ гумна идетъ кольцомъ огорожа изъ камней, чтобы волы не разбѣгались въ стороны. Ихъ гоняетъ холопскій мальчикъ кругомъ, пока не собьютъ всего хлѣба. Мелкую солому сохраняютъ какъ кормъ, а крупную разбрасываютъ по полю для удобренія земли. Вымолотивъ и просѣявъ свой хлѣбъ, холопъ тутъ же на гумнѣ отмѣриваетъ изъ него условленную часть владѣльцу, который при этомъ присылаетъ на гумно своего надсмотрщика. Изъ вырученнаго хлѣба холопъ часть везетъ на рынокъ мѣнять на серебро или на скоть, а часть оставляетъ себѣ.

Когда требуется испечь нѣсколько хлѣбовъ, холопская жена насыпаетъ нѣсколько горстей зерна въ углубленіе большаго камня и раздробляетъ въ немъ зерно. Полученная мука тщательно просѣ-

вается чрезъ густое сито. Хлѣбы пекутся въ видѣ большихъ тонкихъ лепешекъ. Особенно вкусныя хлѣбы бываютъ изъ тефа. Тефъ — это наиболѣе цѣнное въ Абиссиніи хлѣбное растеніе. Онъ растетъ низко и даетъ сѣмена, похожія на манную крупу. По вкусу ему уступаютъ пшеница и дагусъ, изъ котораго готовятъ хлѣбъ, квасъ и преимущественно опрѣсноки — машилла. Тефъ еще употребляется въ качествѣ приправы къ различнымъ похлебкамъ, какъ у насъ рисъ. А изъ огородныхъ растеній наиболѣе употребительна тыква, изъ которой дѣлаютъ вкусную похлебку. Въмѣсто вина абиссинцы пьютъ вкусный хмѣльный напитокъ, „тѣэдъ“, такъ какъ винограду въ Абиссиніи мало; да и вообще туземцы не любители древесныхъ плодовъ, которые во множествѣ гибнутъ тамъ даромъ. Уважаютъ развѣ только бананы, которыя достигаютъ здѣсь необыкновенныхъ размѣровъ и играютъ въ употребленіи туземцевъ такую же роль, какъ у насъ хлѣбъ-соль, т. е. ихъ подносятъ высокопоставленнымъ лицамъ, при встрѣчахъ, привѣтствіяхъ поздравленіяхъ и проч.

Кромѣ земледѣлія абиссинскіе холопы занимаются еще скотоводствомъ. Оно состоитъ въ томъ, что какой-ниб. зажиточный холопъ скупаетъ молодыхъ быковъ, пасетъ ихъ, размножаетъ и проч. Такимъ образомъ у него образуется цѣлое стадо быковъ, которыхъ онъ продаетъ по частямъ, мѣняя на серебро. Кромѣ быковъ скотоводы скупаютъ овецъ и козъ. Пастбищемъ для скота служитъ гуляющая земля помѣщичьяго „рыста“. По ней нанятый скотоводомъ пастухъ гоняетъ стадо, за что владѣлецъ получаетъ отъ хозяина стада плату серебромъ или скотомъ. Считается выгоднымъ отдавать землю подъ пастбище, потому что она становится плодороднѣе. Скотъ холоповъ, живущихъ на рыстѣ тоже пасется на помѣщичьей землѣ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Пастухъ этого стада питается очередными приношеніями хозяевъ скота; отсюда понятно, почему пастухъ считается въ Абиссиніи знатокомъ людей. Онъ по пищѣ судитъ о тѣхъ, кто ее готовитъ. Онъ можетъ безошибочно опредѣлить характеры всѣхъ обитателей своего района, потому всегда можетъ явиться желательнымъ помощникомъ амачу (свату).

II.

Жизнь абиссинскаго аристократическаго семейства въ противоположность холопскому отличается полнымъ сибаритствомъ. Ни родители, ни ихъ дѣти положительно ничего не дѣлаютъ, пользуясь лишь трудами другихъ. Слуги исполняютъ все: готовятъ пищу, шьютъ одежду, моютъ ее, чистятъ домъ и проч. Лѣнь — это болѣзнь абиссинскаго дворянства, которая покоится на землевладѣніи и

холопствѣ. Единственное занятіе для немногихъ интеллигентовъ—это охота, но она существуетъ, какъ развлеченіе. Охотникъ старается убить слона или льва и тѣмъ пріобрѣсть себѣ извѣстность. Самъ негусъ стремится къ славѣ искуснаго охотника. Какъ спеціальное занятіе, охота распространена только среди дикихъ языческихъ народовъ и мусульманъ, населяющихъ Абиссинію, каковы, напр., фалаша, оайта, галла, самалійцы и др. Абиссинскіе охотники не мечтаютъ о торговлѣ звѣриными шкурами, слоновою костью и проч. Но усердные изъ нихъ не прочь полакомиться жаркимъ изъ дикихъ птицъ или даже мясомъ гиппопотама. Въ немъ особенно цѣнится кожа гладкая, мягкая и нѣжная; а изъ длиннаго тонкаго хвоста выходитъ прелестный кнутъ.

Отъ утра и до вечера абиссинскіе аристократы проживаютъ безвыходно въ своихъ домахъ. Визиты къ сосѣдямъ—рѣдки, какихъ-нибудь прогулокъ, катаній и проч. не водится. Кой-гдѣ въ семействахъ мужчины занимаются единственной въ Абиссиніи якобы азартной игрою „чевыта“. Она требуетъ нѣкоторыхъ соображеній и близко подходитъ къ нашей пашечной игрѣ. Жены вельможъ позволяютъ себѣ въ домашнемъ быту нѣкоторую роскошь: полулежа на мягкихъ подушкахъ, окруженные внимательными невольницами, онѣ небрежно выслушиваютъ привѣтныя рѣчи посѣтителей и не щадятъ издержекъ ни на прозрачныя ткани легкихъ одеждъ, ни на драгоценныя уборы. Вообще абиссинки, особенно высшій классъ, очень стройны и красивы; черты ихъ лица правильны; смуглая кожа необыкновенно нѣжна, волосы—длинные.

Мужчинъ—вельможъ обыкновенно окружаютъ слуги. Два изъ нихъ, занимая мѣста по сторонамъ своего владыки, обвѣваютъ его опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и не даютъ назойливымъ насѣкомымъ беспокоить господина. Въ своемъ домѣ абиссинецъ не стѣсняетъ себя лишнею одеждою: онъ сидитъ въ одномъ бѣломъ плащѣ, прикрывающемъ тѣло отъ пояса до ногъ. Вотъ и все. Ни въ домѣ, ни внѣ дома абиссинцы не носятъ шапокъ, и всѣ, даже негусъ, всюду ходятъ босыми. Только больные носятъ сандалии.

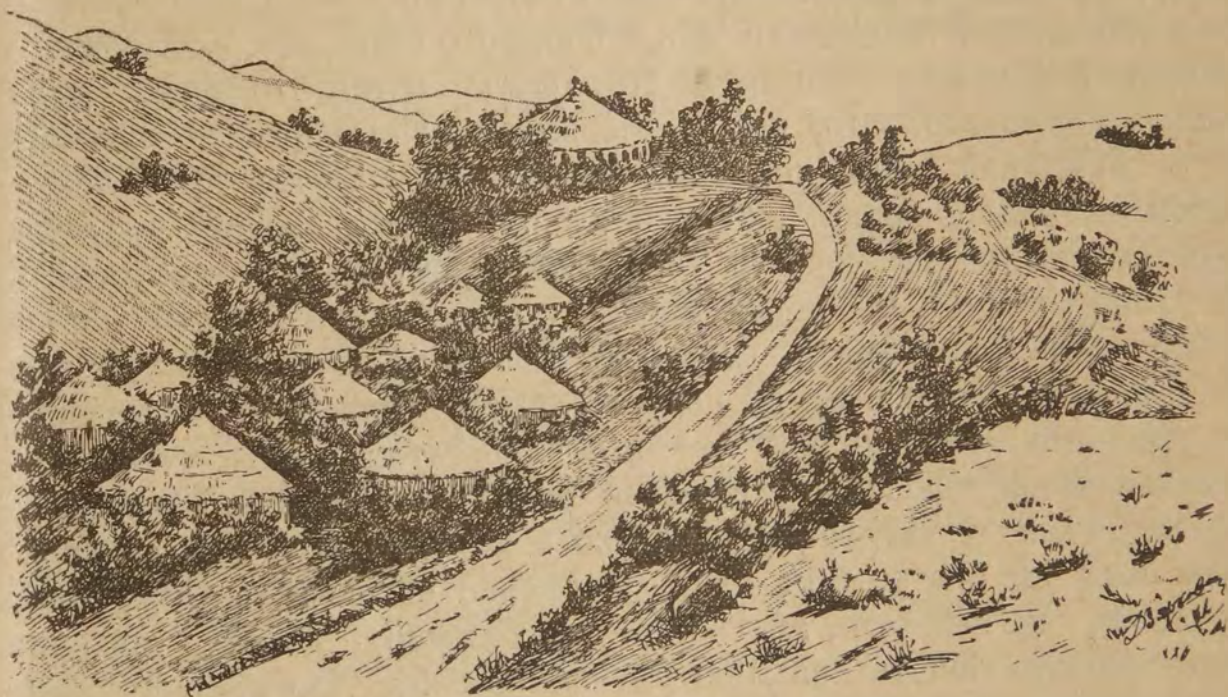
Самая нижняя у каждаго абиссинца одежда (въ томъ числѣ и женщинъ)—камисъ (хитонъ). Это длинная рубашка изъ бѣлой или цвѣтной льняной матеріи съ множествомъ мелкихъ застежекъ на груди и на рукавахъ. Камисъ иногда вышивается дорогими узорами изъ золота или бисера, и въ такомъ своемъ видѣ свидѣтельствуется уже о значительныхъ заслугахъ того лица, на комъ онъ надѣтъ. Дорогой цвѣтной, шелковый камисъ съ вышивками часто дается негусомъ въ качествѣ награды. Камисъ дорогой уже не надѣвается на самое тѣло, а поверхъ другаго камиса—простого. Интеллигентные абиссинцы носятъ еще подъ камисомъ широкія штаны, но не всегда. Сверхъ же камиса набрасывается „лѣвса“—одежда древ-

нихъ. Это широкій и длинный кусокъ изъ тончайшей бѣлой матеріи, сложенной обыкновенно вдвое или втрое. Есть нѣсколько способовъ надѣванія лэвсы, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ случаямъ: 1) способъ ношенія во время молитвы, 2) при встрѣчѣ съ начальникомъ, 3) при встрѣчѣ съ негусомъ, 4) дома, 5) при гостяхъ, 6) за обѣдомъ, 7) на прогулкѣ. Въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ способъ ношенія лэвсы видоизмѣняется. Обыкновенно же ею покрываютъ лѣвую сторону тѣла, обвивъ верхними концами шею. При такомъ способѣ ношенія, правая рука остается свободной для дѣйствій. Лэвса стоитъ очень дорого. Съ пурпуровой шелковой по-

лосой она указываетъ на знатность происхожденія носителя ея, а безъ нея носится всѣми безъ исключенія. Камись и лэвса это всеобщая одежда абиссинцевъ, носимая всѣми, начиная отъ негуса и кончая холопомъ. Далѣе слѣдуютъ случайныя одежды. Сюда относится борнусъ, — накидка изъ чернаго сукна безъ рукавовъ, застегивающаяся возлѣ шеи и покрывающая все тѣло ниже колѣнъ. Борнусъ обыкновенно одѣвается поверхъ всѣхъ другихъ одеждъ и имѣетъ назначеніе предохранять отъ вліяній атмосферы, почему его носятъ только въ дурную погоду. Борнусъ такой же, но покороче и спускающійся только до пояса, уже называется макъ. Онъ дѣ-

дается изъ овечьей волны. Франты изъ абиссинцевъ надѣваютъ поверхъ всѣхъ обычныхъ одеждъ, т. е. поверхъ камиса и лэвсы странную накидку подъ названіемъ лямды. Она дѣлается изъ цвѣтнаго атласа или бархата, вышивается разноцвѣтною шерстью и по виду походить на шерстяной макъ—короткій борнусь, но съ тою разницею, что нижняя круговая линія лямды идетъ крутыми изгибами и изворотами. Растянутая лямда имѣетъ форму цѣльной звѣриной шкуры. Лямда имѣетъ еще значеніе привилегированной одежды абиссинскихъ сановниковъ и князей, у которыхъ она разукрашивается золотомъ и камнями. У охотниковъ лямдой служить цѣльная леопардовая шкура.

Видъ абиссинскаго селенія.

Абиссинскіе военные надѣваютъ сверхъ камиса поясъ, къ которому привязывается длинная дугообразная сабля. Въ лѣвой рукѣ воинъ держитъ щитъ изъ буйволовои кожи; убранный золотыми и серебряными бляхами, а въ правой—копье. Князья носятъ обыкновенную одежду абиссинцевъ, а на голову надѣваютъ шапку изъ лъвиной гривы съ узкимъ золотымъ околышемъ. Это расъ-оркъ т. е. золотая голова. Ее можетъ надѣть только родовитый, владѣтельный князь.

У женщинъ камисъ—нижняя рубашка всегда бываетъ, какъ у духовныхъ, съ широкими рукавами. Женская лэвса отличается тѣмъ, что окутываетъ всю голову и спускается пониже мужской, такъ что часть ея волочится даже по землѣ. Борнусь одинаковъ, какъ и у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Какъ просты одежды абиссинцевъ, такъ несложны и ихъ жилища. Въ постройкѣ крестьянскаго дома участвуетъ весь околородокъ. Одни сносятъ матеріаль, другіе строятъ стѣны, третьи выводятъ крышу,—это по братски—за спасибо. Отдѣленій для комнатъ въ абиссинской хижинѣ не полагается. У богачей роль комнатъ играютъ отдѣльныя зданія. Одинъ домъ—спальня, другой—кухня, третій—кладовая и т. д. Абиссинскія хижинки съ своими коническими крышами, утопающія въ зелени кустовъ, представляютъ издали любопытную картину. Церкви и соборы выдѣляются изъ общей массы хижинъ только своей величиной, а не формой, и тѣмъ, что имѣютъ на оконечности крыши крестъ. Богатые абиссинцы устраиваютъ вокругъ своихъ домовъ веранду: между стѣною дома и столбиками, поддерживающими навѣсъ крыши. Свѣтъ внутрь зданія проникаетъ лишь изъ дверей и отчасти изъ небольшого отверстія, остающагося обыкновенно между стѣнами и потолкомъ, оттого въ абиссинской хижинѣ темновато. Это, положимъ, кстати. Обстановка дома крайне убога. Земляной полъ усыпанъ травой. Въ качествѣ постели является на полу овечья шкура и кусокъ дерева вмѣсто подушки. Въ богатыхъ домахъ постель устраивается нѣсколько комфортабельнѣе. Вкапываются въ землю четыре столбика, на которыхъ укрѣпляется сѣтка изъ ремней, служащая тюфякомъ, а подъ голову кладется кожаная подушка; на полу стелются львиныя и леопардовыя шкуры. Вотъ все, что есть лучшаго въ богатомъ домѣ. Убогую обстановку дома дополняютъ военные доспѣхи и одежды, развѣшенные на стѣнахъ, да два—три водоноса въ углу. Иконъ въ абиссинскомъ жилищѣ нѣтъ, такъ какъ живописцевъ едва хватаетъ даже для храма; кромѣ того, абиссинцы, по смиренію своему, считаютъ недостойнымъ вѣшать святыню въ чадной избѣ. Для храненія имущества предназначается отдѣльное зданіе, устроенное попрочнѣе. Тамъ хозяева прячутъ дорогія ткани, кубки. Накопленное золото и серебро ссыпаютъ въ глиняный кувшинъ, который закапываютъ въ тайномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь подъ деревомъ около дома или въ лѣсу. Богачемъ считается тотъ, кто имѣетъ кувшинъ золота.

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

Когда подоспѣетъ время обѣда, всѣ господа разсаживаются на землѣ вокругъ большой корзины съ хлѣбами. Читается всѣми въ полголоса молитва: „Отче нашъ“, которой предшествуетъ импровизированная молитва старшаго члена семьи. Этотъ обычай соблюдается всѣми. Между тѣмъ слуга выкладываетъ въ корзину поверхъ хлѣбовъ густую похлебку. Въ иныхъ домахъ вмѣсто корзины устраивается настоящій столъ, только низенькій, приземистый. На столѣ предъ каждымъ человѣкомъ возвышается нѣсколько хлѣбовъ, сложенныхъ одинъ на другой. Сверху кладутся бѣлые хлѣбы, а снизу какъ бы въ основаніе первыхъ—нѣсколько черныхъ. Слуга обходитъ столъ съ горшкомъ похлебки и собственной горстью раздѣ-

ляетъ ее на всѣхъ. Послѣ того, какъ баринъ принимается ѣсть верхній хлѣбъ, слуга уже спѣшитъ положить похлебки на слѣдующій, потомъ на третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ со стороны господина заявленіе: „нѣальфѣллигимъ“ — я не желаю. Бываетъ и такъ, что господа сидятъ на землѣ, сложа руки, а невольники кладутъ имъ прямо въ ротъ похлебку съ хлѣбомъ, куски мяса, обвернутые тонко раскатаннымъ тѣстомъ, и проч. На обильной абиссинской трапезѣ подается нѣсколько похлебокъ, играющихъ роль отдѣльныхъ блюдъ: похлебка изъ сѣмянъ тефа, сваренныхъ съ мелкими кусками говядины, похлебка изъ кабака, изъ дугуса и т. д. Послѣ похлебокъ обыкновенно ѣдятъ сырое бычачье мясо — „брондо“. Отъ бычачьей ноги или цѣлой грудины, подносимыхъ слугой, всякій отрѣзываетъ себѣ желаемую часть, которую съѣдаетъ съ перцемъ и разными горькими травами. Въ заключеніе, въ качествѣ десерта, подается сметана, наперченная до красна и подправленная душистыми спеціями. Изъ напитковъ абиссинцы особенно любятъ свой національный „тѣэдъ“. Онъ хранится внутри дома въ боченкѣ, вкопанномъ въ землю. Сквозь льняную покрывку тѣэдъ изъ боченка нацѣживается въ кубки. Подавая кубокъ господину, слуга тутъ же подставляетъ свою горсть и получаетъ въ нее немного питья. Кубки бываютъ разной формы, но болѣе употребительная — это форма нашего графина. Пьянства за абиссинской трапезой не бываетъ, да и вообще оно неизвѣстно еще въ Абиссиніи. При княжескихъ и царскихъ дворцахъ и въ домахъ зажиточныхъ дворянъ во время трапезы обычно фигурируютъ шуты, музыканты, пѣвцы, рассказчики и т. п.

Абиссинцы очень религіозны. Любовь къ молитвѣ — это отличительная черта абиссинской націи. Тамъ въ каждомъ семействѣ дѣти съ малолѣтства приучаются „непрестанно молиться“. Всякій грамотный абиссинецъ носитъ у себя на груди въ кожаномъ мѣшочкѣ молитвенникъ съ псалтирью и евангеліемъ (избранными мѣстами изъ четырехъ евангелій). Гдѣ только можно, позволяетъ мѣсто и время, онъ достаетъ изъ футляра книгу, креститъ ею свое лицо и, поцѣловавъ верхній край обложки и начало страницы, украшенное видами крестовъ, погружается въ чтеніе; кончитъ чтеніе, опять креститъ книгой лицо, цѣлуетъ верхній край ея, обворачиваетъ платкомъ и посылаетъ въ мѣшочекъ. — Особенно любятъ абиссинцы псалтирь. Отъ частаго чтенія многіе затверживаютъ ее на память. Неграмотные постоянно твердятъ общеупотребительныя молитвы: Уддасе марьямъ, мелькаа Марьямъ, мелькаа Іисусъ. Дома, въ пути, сидя или лежа, за дѣломъ или безъ дѣла — всегда и вездѣ абиссинецъ молится, шевеля губами и вздыхая. Любятъ больше домашнюю молитву, на единѣ. Наканунѣ великихъ праздниковъ многіе абиссинскіе христіане проводятъ всю ночь въ непрерывной мо-

литвѣ. Въ самый день праздника—утромъ до трапезы и послѣ трапезы до вечера проводятъ въ чтеніи молитвъ и Слова Божія. Праздничная молитва совершается съ особеннымъ напряженіемъ и, такъ сказать, спеціально, а не какъ привычное просто движеніе мысли и устъ. Совершая молитву абиссинецъ усердно кладетъ земные поклоны, выкрикиваетъ псалмы Давида и трогательные стихи „Мелькаа“, бія себя въ перси и бичуя по временамъ бичемъ свои обнаженные плечи.

Всѣ вообще абиссинцы придерживаются стариннаго обычая молиться въ извѣстные часы дня. Что бы абиссинецъ ни дѣлалъ, но если пришелъ часъ молитвы, онъ бросаетъ свою работу и читаетъ извѣстное молитвенное правило. Время днемъ опредѣляется по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Даже полночь—время сна не исключается изъ числа молитвенныхъ часовъ.

Правила приличія соблюдаются всѣми строго. Въ аристократическомъ обществѣ развита даже самая утонченная вѣжливость. Люди, равные по положенію, при встрѣчахъ низко кланяются другъ другу и перебрасываются скороговоркой:

— Далъ (подразумѣв. Богъ) здорье?

— Слава Богу! Какъ дневалъ?

— Слава Богу!

Холопъ при встрѣчѣ съ дворяниномъ отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ, касаясь рукою земли; на вопросы отвѣчаетъ тихо, закрывъ ротъ рукою или плащомъ, дабы дыханіе не коснулось благороднаго лица. Тоже дѣлаютъ всѣ младшіе передъ старшими, напр., священники предъ епископомъ, воины предъ генераломъ, подданные предъ негусомъ и проч. Дѣти цѣлуютъ родителей въ колѣна; духовныя лица цѣлуютъ другъ друга въ плечи. Друзья и товарищи при встрѣчѣ только кланяются, но не цѣлуютъ одинъ другого. Цѣлованіе въ Абиссиніи возможно лишь между самыми искренними и преданными друзьями. Такіе люди отъ души награждаютъ другъ друга несчетнымъ числомъ поцѣлуевъ. Между тѣмъ враги надѣляются другъ друга выраженіями: сынъ нищей, сынъ воровки, габро (рабъ), габаръ (мужикъ) и проч. Абиссинское общественное мнѣніе наиболѣе преслѣдуетъ воровъ и прелюбодѣевъ. Весь родъ вора презирается. Съ прелюбодѣемъ мужъ обезчещенной можетъ сдѣлать, что захочетъ, даже убить безнаказанно. Соблудившая остается безнаказанною и даже не подвергается укорамъ, между тѣмъ какъ преступившій съ нею всюду наказывается презрѣніемъ и награждается самымъ низкимъ именемъ: „сорокъ разъ воръ“. Абиссинцы очень вспыльчивы и между ними часто происходятъ ссоры, доходящія даже до кровопролитія, но эти ссоры быстро утихаютъ. Миръ заключается символическимъ дѣйствіемъ. Желаящій помириться взваливаетъ себѣ на затылокъ камень и

кланяется противнику до земли. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ тебя прости“ и снимаетъ камень. Честность считается первѣйшимъ качествомъ всякаго, имѣющаго свой домъ. Оттого среди абиссинцевъ распространено взаимное довѣріе. Но у обманщика никто не переступитъ порога, боясь опозорить себя предъ всѣмъ околodкомъ.

Рабство въ Абиссиніи еще существуетъ, но со времени негуса Юанна оно ослаблено. Все-таки и теперь рабъ не имѣетъ права жаловаться на своего господина судѣ. Если рабъ убѣжитъ, то господинъ имѣетъ право его разыскивать. Вѣрный рабъ по истеченіи нѣкотораго времени можетъ получить свободу. Предъ смертью господина рабы окружаютъ его одръ и выслушиваютъ его волю въ присутствіи свидѣтеля-духовника. Въ этотъ моментъ рѣшается участь рабовъ. Кому дается свобода и отпущеніе, кому приказывается оставаться въ рабствѣ, а иному дается не только свобода, но и право пользоваться „рыстомъ“ (имѣніемъ) наравнѣ съ другимъ родственниками умирающаго. Строгіе господа бываютъ жестоки съ рабами, тиранятъ ихъ. Если господинъ желаетъ вывѣдать отъ раба какую-нибудь тайну, то можетъ подвергать его какимъ угодно пыткамъ. Продать своего раба господинъ можетъ свободно, но убійца раба самъ наказывается смертью. Рабъ, принявшій христіанство, получаетъ свободу. Вообще абиссинцы не берутъ къ себѣ рабами христіанъ. Купцы доставляютъ въ Абиссинію рабовъ, набранныхъ или захваченныхъ изъ сосѣднихъ магометанскихъ и языческихъ племенъ, каковы: галла, саманійцы, шанкала и др. Стоимость раба приблизительно опредѣляется 100—200 рублей.

Зажиточные священники тоже имѣютъ рабовъ. Вообще семья священника по образу жизни, домашней обстановкѣ и проч. принадлежитъ къ разряду дворянскихъ семей. Священники имѣютъ гульть (церковную землю) и холоповъ, какъ и дворяне. Но нужно замѣтить, иные изъ абиссинскихъ дворянъ не чужды нѣкотораго презрительнаго взгляда на приходскихъ священниковъ. Имя каши—попъ одно изъ ругательныхъ словъ въ Абиссиніи. Абиссинцамъ собственно не нравится частое причащеніе священниковъ. Причащаться часто по понятіямъ абиссинцевъ значитъ не имѣть никакого уваженія къ св. Тайнамъ, не имѣть страха Божія, быть гордецомъ и проч. Священниковъ за еженедѣльное причащеніе св. Тайнъ обзываютъ презрительно „недѣльниками — самопаня“. Поэтому въ Абиссиніи священникамъ предпочитаютъ монаховъ, которые по смиренію приступаютъ къ таинству не болѣе, какъ разъ въ 5—10 лѣтъ. Многимъ не нравится также хожденіе священниковъ по домамъ на поминальные и праздничные обѣды и особенно на свѣтлой недѣлѣ.

Въ Абиссиніи есть небольшая горсть торговцевъ. Но собственно обороты ихъ незначительны. Торговое дѣло не имѣетъ тамъ пра-

вильной организаціи. Собственно говоря, торговля въ Абиссиніи и не можетъ быть широкой, потому что каждый домъ, каждое семейство, будь оно аристократическое или холопское, при самыхъ узкихъ потребностяхъ жизни, довольствуется работой рукъ своихъ. Мужъ, жена, дѣти, слуги, рабы при взаимномъ раздѣленіи труда удовлетворяютъ всѣ насущныя потребности всего своего семейства. Изъ льна и пеньки жена дѣлаетъ нитки, мужъ шьетъ одежды и моетъ ихъ въ рѣкѣ, дѣти собираютъ дрова и т. д. Абиссинцы нуждаются только въ готовой матеріи, которой сами не дѣлаютъ; ее можно приобрѣсти на мѣстѣ у какого нибудь сосѣда магометанина.

Торговля абиссинцевъ ведется съ египтянами, индійцами, греками, арабами, евреями, итальянцами и французами. Самый важный рынокъ, гдѣ теперь сбываются абиссинскія произведенія и взаменъ ихъ получаютъ иностранныя, — это Джибутти, на берегу Краснаго моря. Здѣсь абиссинцы покупаютъ парчу, вино, оружіе, порохъ, патроны, металлическія издѣлія, сталь и мѣдь въ необдѣланномъ видѣ, олово, свинецъ, бумажныя и шелковыя ткани, кисею, ситцы, полотно и бархатъ, письменныя принадлежности, духи, сахаръ и спиртные напитки; а сами взаменъ этого сбываютъ кофе, гумми, куссо, пряности, мускусъ, слоновую кость, золотой песокъ, ковры, медъ, воскъ и кожи. Караваны идутъ отъ Джибутти до Харрара 12—14 дней, до Энтото—25—30 дней, до Аккобера—20—25 дней, до озера Цана—60—65 дней и въ Тигре дней 80 ¹⁾. Перевозка пуда товара отъ Джибутти до Харрара стоитъ при наймѣ около 1 рубля, а на собственныхъ вьючныхъ гораздо дешевле, причемъ прислуга обойдется отъ 3 — 6 рублей человѣку въ мѣсяцъ. Вся торговля платитъ 10% сбора въ казну.

Необыкновенно великъ спросъ Абиссиніи на образа, кресты, парчу, канитель для вышиванія церковныхъ облаченій, рабочіе инструменты, украшенія для упряжи, сафьянъ, ситцы, полотно, миткаль, плизъ и стекло.

Внутренняя торговля состоитъ въ эксплуатаціи иностранныхъ товаровъ, приобрѣтенныхъ абиссинскими купцами въ Массовѣ, Джибутти и Таджурѣ, а также въ обменѣ мѣстными произведеніями. Мѣстомъ торговли служатъ базары. Каждый городъ, каждое большое селеніе открываетъ у себя базаръ еженедѣльно въ свой базарный день. Такъ, на примѣръ, въ Гондарѣ бываетъ базаръ въ каждый четвергъ, въ Аксумѣ—въ пятницу, въ Адуа—въ субботу. Въ воскресенье всѣ рынки бываютъ закрыты. Главнѣйшія складочныя мѣста внутренней торговли—города: Гондаръ, Адуа, Чер-

¹⁾ См. Звягинъ, К. С. Современная Абиссинія. Стр 25—26.

кинъ и Сире. Въ Адуа существуетъ, кромѣ того, нѣсколько бумажныхъ фабрикъ, организованныхъ по индійскимъ образцамъ. На базарныхъ рынкахъ, кромѣ иностранныхъ, сбывается масса туземныхъ товаровъ: хлѣбъ, пряности, ковры, кожи, скоть и проч. Единицей торговаго вѣса служитъ „ротоло“, который дѣлится на 12 „ваксо“. Ваксо вѣситъ 12 драхмъ или 4 лота и 27 долей.

На ежедневныхъ рынкахъ въ городахъ Абиссиніи можно видѣть оживленную картину отъ смѣшенія различныхъ обитателей этого края. Начальникъ города возсѣдаетъ въ наблюдательномъ положеніи подъ старой акаціей. Въ толкотнѣ и при ужасномъ гамѣ переходятъ изъ рукъ въ руки одежда, жизненные припасы, украшенія и домашній скоть. Тутъ проталкивается земледѣлецъ, въ своей запачканной одеждѣ, до сборщика податей, чтобы вручить ему мѣрку зернового хлѣба или извѣстное количество масла; тамъ выступаетъ мрачный адали, съ мрачнымъ равнодушіемъ къ толпѣ, прочищая себѣ проходъ саблею. Здѣсь сидитъ на корточкахъ разносчикъ изъ Харрара, съ тюрбаномъ на головѣ и въ голубомъ передникѣ, и торгуется за кусокъ черной соли, которая ему служитъ мелкою монетою, съ такимъ шумомъ и жаромъ, какъ будто дѣло идетъ о тысячѣ талеровъ Маріи Терезіи. Вокругъ рынка короткимъ галопомъ скачетъ дикій галла; волосы и одежда его раздуваются вѣтромъ; къ сѣдельной лукѣ сзади прикрѣпленъ сосудъ съ медомъ или съ масломъ. Лошадь поджара и дика, какъ и ея всадникъ. По рынку снуютъ христіанскія бабы съ яйцами и живностью...

Среди площади рынка возвышается курганъ, служащій мѣстомъ правительственныхъ объявленій. Когда негусъ или его намѣстникъ пожелаетъ что-либо объявить всему населенію губерніи, то для этого стоитъ только разослать гонцовъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ тотъ день открываются базары. Аоджъ-нагаритъ — губернскій глашатай, взобравшись на курганъ среди базарной площади, сзываетъ къ себѣ народъ условнымъ гудкомъ въ руку. Со всего базара народъ стекается къ кургану. Когда движеніе и говоръ утихнутъ, глашатай послѣ обычнаго прославленія негуса и пожеланія ему долголѣтняго царствованія излагаетъ устно содержаніе правительственнаго указа или объявленія. По окончаніи чтенія народъ произноситъ: „аминь“. Обычно всѣ царскіе указы и объявленія начинаются такими фразами: „Царству эііопскому указъ царя царей Менелика“.

Слушайте, слушайте! (сыма—сыма). Да не дастъ Богъ согласія врагамъ нашихъ горъ и холмовъ.

Слушайте, слушайте! Да не дастъ — и врагамъ Менелика, государя нашего.

Слушайте, слушайте!---И врагамъ Божіей Матери.

Желая прославить нашу страну, наше царство... (идетъ содер-

жаніе указа), въ концѣ котораго добавляются слова: „человѣка же говорящаго: „я не принимаю сего“,—приведите ко мнѣ“.

III.

Въ Абиссиніи существуетъ небольшая горсть населенія подъ таинственнымъ именемъ „тавивъ“, что значитъ мудрецы, по амгарски „будда“. Тавивы или будды по профессіи ремесленники. Они обыкновенно живутъ группами, сплочиваясь другъ къ другу. Нѣсколько тавивскихъ семействъ образуютъ цѣлое селеніе. Встрѣчаются смѣшанные поселки, т. е. такіе, населеніе которыхъ состоитъ и изъ тавивовъ и не тавивовъ; но и въ нихъ тавивскія семейства группируются въ одномъ мѣстѣ отдѣльно отъ другихъ, занимая цѣлую половину селенія. Дома тавивовъ — это мастерскія, въ которыхъ выдѣлываются всѣ предметы домашняго и хозяйственнаго обихода. Тавивъ — столяръ, тавивъ копается въ горахъ, доставая изъ нѣдръ земли желѣзную и мѣдную руду, золото, серебро. Тавивы куютъ изъ металловъ сохи, топоры, ножи, мечи, лопаты и пр., искусно выдѣлываютъ кожи, пергаментъ, плетутъ циновки и корзины, ткуютъ ковры. Кромѣ того, жена тавива непременно горшечница; она дѣлаетъ изъ глины горшки, водоносы, кадки и пр.

Ремесленное искусство въ Абиссиніи наследственно, т. е. передается отъ родителей къ дѣтямъ. Дѣти мужскаго пола, помогая отцу и работая съ нимъ, усвояютъ отъ него столярное и кузнечное мастерство, а дѣвочки научаются отъ матери горшечному дѣлу. Въ мѣстѣ съ тѣмъ сословіе ремесленниковъ окружается въ народномъ сознаніи какою-то таинственностью. Тавивъ — „нужный человѣкъ“, но онъ представляется человѣкомъ, знающимъ тайны бытія и умѣющимъ творить „чары“. Самое поведеніе тавивовъ и образъ жизни ихъ питаютъ это народное убѣжденіе. Дѣло въ томъ, что тавивы живутъ совершенно отчужденно отъ другаго общества, составляя собою особый міръ, касту, чуждую тѣхъ возрѣній и того склада жизни, которыя существуютъ вокругъ ихъ. Абиссинецъ идетъ къ тавиву только за дѣломъ, чтобы поручить ему работу и, получивъ свое, оставляетъ порогъ тавива. Связи тавивовъ съ народомъ только дѣловыя. Бракъ въ семьѣ тавива это кастовое торжество, въ которомъ принимаютъ участіе одни тавивы. Съ другой стороны, народъ видитъ, что тавивы живутъ не такъ, какъ другіе люди. Занятіе ихъ особое, способности тоже — ихъ и называютъ мудрецами. Они и къ религіи индифферентны, погружены въ свою работу. А эта работа — не одно только ремесло столярное или кузнечное, а и нѣчто большее. Тавивы умѣютъ лучше другихъ приспособляться къ жизни: у нихъ какъ-то лучше дѣла идутъ.

Случится ли пожаръ, или моръ, или нападеніе разбойниковъ на мѣстность, — тавивы при этихъ общественныхъ бѣдствіяхъ умѣютъ какъ-то оставаться невредимыми. Кажется, будто они знаютъ и дѣлаютъ то, чего не знаютъ и не могутъ дѣлать другіе. Мало того, — существуетъ убѣжденіе, что тавива опасно обидѣть или поссориться съ нимъ: онъ отомститъ по своему. Онъ можетъ какъ-то наслать смерть на своего врага, хотя бы тотъ былъ отъ него за тридевять земель. Какъ это можно сдѣлать, извѣстно однимъ только тавивамъ, т. е. мудрецамъ. Образъ жизни тавива и сложившееся о нихъ мнѣніе прочно охраняютъ эту касту отъ вторженія въ нее новыхъ свѣжихъ элементовъ, т. е. не можетъ случиться, чтобы какой-нибудь абиссинецъ — не тавивъ по роду, взялся за какое-нибудь ремесло. Вѣдь онъ въ такомъ случаѣ сдѣлается предметомъ тайной ненависти всего общества и на него перенесутъ все, что говорятъ о другихъ ремесленникахъ, т. е. станугъ считать опаснымъ человѣкомъ, другомъ сатаны, колдуномъ, будутъ чуждаться его. Онъ опозоритъ и себя и весь свой родъ, который отселѣ станетъ тавивскимъ. Мѣстечко „Мынджи“ извѣстно по всей Абиссиніи, такъ какъ оно все состоитъ изъ однихъ тавивовъ. Кто изъ Мынджи, того всѣ обходятъ и опасаются имѣть съ нимъ какое-нибудь общеніе. Общество тавивовъ строго хранитъ въ тайнѣ все достояніе своей мудрости, какъ будто подъ клятвой не сообщать его другимъ — не тавивамъ. Если какой-нибудь тавивъ, проникнувшись благочестіемъ, оставляетъ свое занятіе и перемѣняетъ образъ жизни, то и въ такомъ случаѣ онъ не открываетъ извѣстныхъ ему тайнъ. Онъ совершенно какъ-бы порываетъ связь съ прошлымъ и начинаетъ новую жизнь, нося на своемъ челѣ печать задумчивости. Онъ старается даже не вспоминать о прошломъ. Всѣ это знаютъ и потому не побуждаютъ его на воспоминанія.

Но въ самомъ обществѣ есть орудіе противъ тайныхъ дѣлъ тавивовъ. Фавуасъ-цѣлитель знаетъ средства противъ болѣзней, посылаемыхъ тавивами. Онъ есть почти въ каждомъ селѣ. Если кто заболѣетъ тою болѣзною, которая считается слѣдствіемъ чаръ тавива, немедленно посылаютъ за фавуасомъ, называемымъ еще „медганидъ“ — спасителемъ. Симптомы этой болѣзни извѣстны тамъ каждому. Она продолжается не долго и наступаетъ неизбѣжно смерть, если фавуасъ не подоспѣетъ во время. Онъ приноситъ съ собою стеклянку какого-то лѣкарства, которое даетъ выпить больному; послѣ этого у больнаго наступаетъ сильный бредъ; тутъ фавуасъ задаетъ вопросы больному, причемъ относить ихъ не лично къ больному, а къ таинственному невѣдомому человѣку, который считается виновникомъ болѣзни т. е. къ чародѣю тавиву. Отвѣты на вопросы говоритъ больной, но предполагается, что это его устами говоритъ

тавивъ. Отвѣты эти сообразно вопросамъ касаются того, когда больной видѣлся съ тавивомъ, близко ли знакомъ съ нимъ, что послужило причиной ссоры, при какихъ обстоятельствахъ, гдѣ и когда она произошла и пр. Потомъ фавуасъ обращается къ больному съ такими словами, относя ихъ, впрочемъ, къ самому отсутствующему тавиву: „прости его и не дѣлай ему зла“! Больной отъ лица тавива говоритъ: „прощаю“. Потомъ фавуасъ требуетъ отъ тавива клятвы въ томъ, что онъ исполнитъ свое слово. Уста больного, считающіеся въ эту минуту органомъ самаго тавива, произносятъ ее. Послѣ этого слѣдуетъ обыкновенно быстрое выздоровленіе больного. Лѣкарство, приготовленное фавуасомъ, какъ средство отъ извѣстной болѣзни, имѣетъ еще и другое примѣненіе. Оно носится въ стклянкѣ на груди и считается также средствомъ, предохраняющимъ отъ злыхъ дѣйствій тавива. Кто отправляется къ тавиву по какому-либо дѣлу, первымъ долгомъ запасается этимъ средствомъ, чтобы быть внѣ опасности со стороны чаръ тавива. Предубѣжденіе относительно тавивовъ существуетъ во всѣхъ слояхъ общества: у дворянъ, холоповъ, у духовенства, у князей, у правителей и царей.

Кромѣ тавивовъ, существуютъ еще кудесники—люди, которыхъ специальное занятіе—волхвованіе, прорицаніе и проч.,—это танкуай—пророки. Танкуай окруженъ цѣлой свитой слугъ, самъ ничего не дѣлаетъ и никуда не выходитъ изъ дому. Къ нему въ домъ приходятъ всѣ, желающіе узнать свою судьбу или исходъ какого-нибудь дѣла. Танкуай искусственно вызываетъ въ себѣ духъ прорицанія, напр., посредствомъ разныхъ куреній или специальной музыки, дѣйствующей гипнотизирующимъ образомъ на сознаніе прорицателя. Подъ вліяніемъ этихъ средствъ танкуай впадаетъ въ экзальтированное состояніе и бормочетъ какія-нибудь непонятныя слова, которыя слугами истолковываются въ извѣстномъ смыслѣ. Но есть прорицатели и не прибѣгающіе къ этимъ одурманивающимъ средствамъ и говорящіе свои прорицанія ясными и понятными выраженіями. Источникомъ ихъ прорицанія служатъ или какія-либо примѣты или выраженія лица, глазъ вопрошающаго; но большею частью прорицатели гадаютъ по звѣздамъ. Они по этому хорошо знаютъ движенія свѣтилъ небесныхъ. Среди нихъ усовершенствованы астрономическія познанія, причемъ къ этимъ познаніямъ примѣшанъ элементъ чудесности, волхвованія. Въ своемъ мѣстѣ говорилось о дабтарахъ, какъ о гадалателяхъ. Дабтары—это ученые люди, получившіе высшее туземное образованіе. Они обычно занимаются перепиской книгъ. Вотъ эти-то дабтары и являются, главнымъ образомъ, эксплоататорами народнаго невѣжества. Упоминалось объ ихъ продѣлкѣ относительно тайныхъ именъ Божіихъ. Скептики нерѣдко обращаются къ дабтарамъ съ прось-

бою показать имъ злыхъ духовъ. Дабтара приводитъ скептика ночью на берегъ рѣки или глубокаго озера. Тутъ они останавливаются. Въ теченіе одного или двухъ часовъ ученый кудесникъ читаетъ какую-то ему одному извѣстную книгу. Тайинственная обстановка производитъ такое дѣйствіе на скептика, что тотъ начинаетъ робѣть, волноваться и нерѣдко, вообразивъ себѣ ужасныя картины, падаетъ безъ чувствъ. Любопытство не обходится и безъ несчастныхъ случаевъ. Очень нерѣдки въ Абиссиніи слухи о томъ или другомъ человѣкѣ, умершемъ отъ страха при видѣ вызванныхъ дабтарой духовъ.

Существуетъ даже цѣлая книга гадательная— „мадгафъ—танкуай“; въ ней собраны тѣ свѣдѣнія, которыми обладаютъ разные прорицатели (танкуай), дабтары, тавивы и проч. Но эта книга не всею доступна; она вращается лишь въ средѣ самихъ носителей тѣхъ знаній, которыя въ ней заключаются, да открывается лишь предъ тѣмъ, кого захотятъ сами мудрецы посвятить въ тайны бытія... Слѣдуетъ упомянуть еще о множествѣ всевозможныхъ заговорщиковъ и заклинателей, всюду разсѣянныхъ по Абиссиніи. Ихъ дѣло заговорить отъ язвы, отъ смертельнаго укуса змѣи, пауковъ, скорпіоновъ и проч.

Но всѣхъ этихъ волхвовъ и мудрецовъ нужно отличать отъ мудрецовъ другого рода—математиковъ, называемыхъ „бала-гасавъ“, т. е. знающіе число. Они обладаютъ недюжинными способностями ко всякаго рода вычисленіямъ, которыя дѣлаютъ въ головѣ, мысленно, безъ бумагъ и чернилъ. Способность эта развивается у нѣкоторыхъ абиссинскихъ математиковъ до того, что онъ, напр., въ минуту времени опредѣляетъ, когда будетъ пасха въ томъ или иномъ году.

Въ Абиссиніи строго придерживаются еще обычая: на ежедневной молитвѣ употреблять арифметическія вычисленія. Каждая церковная служба начинается опредѣленіемъ того, какой въ настоящей моментъ день и часъ, какое число, мѣсяць, годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова, какой лунный кругъ, солнечный, золотое число, епакта и пр. Такое предисловіе читается предъ началомъ каждой службы вслухъ всего народа.

Когда кто-нибудь изъ мудрецовъ говѣетъ, духовникъ налагаетъ на него строгую эпитимію—собственно за волхованіе. Негусъ Іоаннь, предшественникъ нынѣ царствующаго Менелика, былъ врагомъ всякихъ волхованій и строго преслѣдовалъ волхвовъ. Въ его царствованіе ихъ много убито, повѣшено и бито кнутами. Но Менеликъ питаетъ симпатіи къ волхвамъ. Это можетъ быть потому, что когда онъ былъ еще простымъ княземъ, они пророчили ему царство. Теперь при Менеликѣ волхованіе свободно процвѣтаетъ въ Абиссиніи.

IV.

Абиссинцы одарены впечатлительной, поэтической натурой. Это отражается даже въ ихъ частныхъ бесѣдахъ. Рѣчь абиссинца цвѣтиста, испещрена всегда таинственными образами, уподобленіями, аналогіями, подслащена остроуміемъ и вдохновлена. Рѣчь простая, безъ всякихъ украшеній, ни во что тамъ не цѣнится и не имѣетъ никакой убѣдительности. Абиссинецъ стыдится сказать простую фразу, не подкрѣпленную пословицами, афоризмами, изреченіями какихъ-нибудь знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви. Для истинныхъ метафизическихъ абиссинцы берутъ всегда аналогіи изъ физическаго міра и особенно изъ жизни земледѣльской и пастушеской, но лучшимъ источникомъ аргументовъ считается, конечно, Библія.

Въ абиссинскомъ народѣ ходитъ много поэтическихъ сказаній о знаменитыхъ абиссинскихъ царяхъ, напр., объ Аврыхѣ и Уавихѣ (близнецахъ), первыхъ христіанскихъ государяхъ Эіюпіи; о Зараа-Яковѣ, Лывна-Дынгалѣ, Василидѣ и другихъ. Всѣ они выступаютъ въ народныхъ сказаніяхъ преимущественно, какъ нравственныя личности. Есть еще сказки, большею частью изъ земледѣльческаго и пастушескаго быта, и басни, въ которыхъ героями являются животныя. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ тоже явственно проглядываетъ нравственная тенденція. Баснословныхъ сказаній о сильныхъ великанахъ, о чародѣяхъ, духахъ и проч. мало.

Къ сожалѣнію, у абиссинцевъ нѣтъ писаннаго эпоса. Всѣ произведенія прежнихъ поэтовъ и нынѣшнихъ распространяются и передаются устно. Для живаго, поэтическаго творчества не закрыта даже область богослужебная. Въ своемъ мѣстѣ говорилось о поэтической школѣ „к'не“ и о томъ, какъ питомцы ея выступаютъ съ своими произведеніями во время богослуженія и исполняютъ ихъ при общемъ участіи всего церковнаго хора. Наилучшія изъ этихъ произведеній усвояются народной памятью и хранятся въ ней.

Лицо, одаренное поэтическимъ даромъ и сочиняющее стихи свѣтскаго содержанія, называется въ Абиссиніи такъ: азмари. Онъ напоминаетъ нашего вѣщаго баяна. Обычно худощавый, задумчивый, съ впалыми глазами, азмари странствуетъ съ своей единственной подругой—скрипкой. Послѣдняя имѣетъ форму четырехугольнаго ящика съ ручкой и одной только струной. Азмари распѣваетъ то добровольно, то по приглашенію. На торжествахъ, свадьбахъ, именинахъ, праздничныхъ обѣдахъ и проч.,—всюду выступаетъ азмари съ своими вдохновенными пѣснями и скрипкой. У негуса тоже есть любимецъ азмари. Когда царь грустенъ и

омраченъ тяжкой думой, онъ призываетъ своего азмари. Это часто бываетъ за обѣдомъ, въ присутствіи многихъ гостей. Пѣвецъ смѣло выступаетъ предъ царскія очи и не стыдится воспѣвать правду. Въ трогательной мелодіи, въ таинственныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ одинаково рисуется, какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны современнаго царствованія и нерѣдко возводитъ мысли слушателей ко временамъ прошлымъ, воспѣвая славныя дѣянія предковъ.

Въ пѣсняхъ азмари можно услышать о многихъ выдающихся событіяхъ абиссинской исторіи. Особенно часто слышится въ нихъ имя покойнаго негуса Иоанна, умъ и энергія котораго нашли безпристрастную оцѣнку въ народѣ. Когда азмари особенно вдохновленъ, пѣвучія рѣчи его становятся такъ таинственными, глубоко-мысленными, что оказываются недоступными пониманію слушателей, которые съ усиленнымъ вниманіемъ стараются проникнуть за завѣсу образовъ и угадать тайну, скрытую за ними. Когда нужно открыть глаза негусу, напомнимъ ему о какой-нибудь сдѣланной имъ несправедливости или ошибкѣ, князья и правители обращаются къ азмари съ просьбой выразить все это предъ негусомъ въ таинственной пѣсни. Царь слушаетъ рѣчь азмари, чувствуетъ ея горечь; укоры поэта трогаютъ его совѣсть и онъ беретъ заглавить свою вину. Личность азмари пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ. Его награждаютъ подарками, а любимца негуса за смѣлыя рѣчи князья и дворяне осыпаютъ богатствами.

На похоронахъ и тризнахъ выступаетъ алкачъ (плакунъ). Когда онъ говоритъ надъ гробомъ мертвеца, его рѣчи вызываютъ плачь не только у родственниковъ умершаго, а и у постороннихъ лицъ. Въ своей стихотворной рѣчи алкачъ сначала излагаетъ родословную умершаго, перечисляетъ цѣлый рядъ его предковъ и восхваляетъ ихъ славныя дѣянія, а потомъ выводитъ и заслуги покойнаго. Алкачъ тоже пользуется въ народѣ уваженіемъ, но въ отличіе отъ азмари имѣетъ свою семью, домъ и хозяйство. Почти въ каждомъ селѣ можно найти двухъ-трехъ алкачей, между тѣмъ азмари встрѣчаются рѣже.

Какъ злоупотребленіе правами поэтами является поведеніе хамина—странника. Онъ со всѣмъ своимъ семействомъ ходитъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, восхваляя хозяевъ и выманивая подарки. Хамина получаетъ много, что даетъ ему возможность наживаться и накоплять большія богатства, тѣмъ не менѣе онъ не бросаетъ своей выгодной профессіи странствующаго поэта, передавая ее и своимъ дѣтямъ. Подойдя къ дверямъ дома, хамина съ участіемъ жены и дѣтей нахально заводитъ свой гимнъ. Будь это днемъ или ночью—для него все равно: хозяинъ долженъ встать и отмѣрить хамина, что слѣдуетъ, иначе получить по своему адресу

цѣлый градъ ругательствъ и имя его будетъ злословиться всюду, куда направитъ свой странническій путь хамина. Потому и сложилась у абиссинцевъ поговорка: онъ сквернословитъ, какъ хамина. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой защиты противъ дерзости и нахальства хамина. Судиться съ нимъ нельзя и никакой судья не въ силахъ бороться противъ того, что укоренилось уже вѣковыми обычаями страны. Остается дать хаминѣ подарокъ и за это услышать, по крайней мѣрѣ, хвалебную пѣснь своимъ добродѣтелямъ. Такъ и дѣлаютъ обыкновенно абиссинскіе обыватели, и тѣмъ избавляются отъ назойливости поэта.

V.

Абиссинцы очень набожны и проникнуты покаяннымъ чувствомъ. Кто почувствуетъ себя дурно, сейчасъ зоветъ своего духовника съ намѣреніемъ открыть предъ нимъ свою душу, чтобы не умереть безъ покаянія. Такъ какъ въ Абиссиніи нѣтъ обычая хранить запасныхъ св. Даровъ, то для того, чтобы причастить больного, служится нарочно литургія, — обыкновенно литургія св. Еуифанія, какъ самая краткая. Такимъ образомъ, промежутокъ между исповѣдью и причащеніемъ бываетъ значительный, тѣмъ болѣе, что на больного налагается еще небольшая епитимія. Для тяжело больного бываетъ „біяни“ — снисхожденіе, т. е. на него вопреки церковнымъ правиламъ не налагается епитимія по его грѣхамъ. Но „біяни“ даетъ не самъ духовникъ, а какой-нибудь находящійся вблизи ученый архимандритъ, къ которому духовникъ обращается съ просьбою — разрѣшить больному причащеніе св. таинъ. Бываетъ, что больной умираетъ, только исповѣдавшись, но не причастившись. Въ случаѣ выздоровленія больного послѣ исповѣди, „біяни“ теряетъ свою силу и вступаютъ въ свое дѣйствіе церковныя правила, т. е. причащеніе откладывается до истеченія законнаго срока епитиміи. Духовникъ призывается еще къ умирающему въ качествѣ свидѣтеля его послѣднихъ словъ, въ которыхъ онъ намѣренъ выразить свою волю. При разлученіи души съ тѣломъ, духовникъ читаетъ отходную. Тѣло умершаго оmyвается три раза водою, облачается въ чистыя одежды и тщательно закутывается съ головою въ плащаницу и обвязывается по рукамъ и ногамъ веревками (пеленами). Въ домѣ повитое тѣло полагается на столѣ. Между тѣмъ въ ближайшія населенныя мѣста посылаются гонцы съ извѣщеніемъ о смерти. Каждый гонецъ, войдя въ село, взбирается на возвышенное мѣсто и издаетъ протяжно звукъ: у-у-у-у... Это служитъ знакомъ, что есть умершій. Народъ стекается къ гонцу, чтобы узнать, гдѣ и кто умеръ. Нужно

замѣтить, что абиссинцы одной мѣстности хорошо знаютъ друга друга по именамъ. Имя употребляется въ домашнихъ и общественныхъ отношеніяхъ не крещальное, а другое, данное самими родителями. Встрѣчаются, напр., имена: „моя радость“, „сынъ моей печали“, „какой красивый“, „счастливецъ“, „утѣшеніе скорби моей“, „помощникъ“ и т. п. Эти имена употребляются всегда и совершенно вытѣсняють крещальное имя, которое произносится только въ церковныхъ молитвахъ.

По уходѣ гонца вѣсть о смерти быстро разлетается по всему селу. Всѣ знающіе умершаго отправляются въ то мѣсто, гдѣ онъ умеръ, отдать ему послѣдній долгъ. Духовенство тѣхъ сель, куда заходилъ гонецъ, тоже обязано отправиться на погребеніе. Всѣ священники и діаконы съ большимъ выноснымъ крестомъ идутъ въ домъ покойника. Когда соберется духовенство всѣхъ приходоу, гдѣ былъ гонецъ, по числу крестовъ можно опредѣлить, сколько приходскихъ причтовъ участвуетъ въ погребеніи. Каждый крестъ имѣетъ привязанную къ нему узкую, цвѣтную ленту, которая служитъ знаменемъ. По лентѣ на крестѣ опредѣляютъ, изъ какого храма причтъ, сосредоточенный вокругъ этого креста. Всѣ кресты несутся впереди гроба и около каждаго креста идетъ отдѣльно причтъ той церкви, знаменемъ которой является крестъ. До выноса тѣла изъ дома вычитывается первая часть погребальнаго чина. Въ пути отъ дома до церкви читаются слѣдующія четыре части, въ самомъ храмѣ—шестая часть, а при опусканіи тѣла въ могилу—седьмая, послѣдняя. Когда несутъ тѣло, возлѣ него по бокамъ идутъ родственники умершаго. Тутъ же идутъ профессиональныя плакальщицы и плакальщики, усиливающіе тоску своими завываніями и всхлипываніями. На пути между домомъ и церковью шестіе нѣсколько разъ останавливается. Въ одну изъ такихъ остановокъ предъ трупомъ выступаетъ алкачъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь, указывая рукою на повитаго мертвеца. Исчисливъ всѣхъ предковъ по восходящей линіи и указавъ заслуги каждаго, съ точнымъ опредѣленіемъ времени и царствованій, когда случались подвиги ихъ, алкачъ говоритъ: „Этотъ сынъ столькихъ и столь великихъ людей былъ мудръ дѣломъ и искусенъ въ копѣѣ. Онъ совершилъ такіе-то и такіе-то подвиги, получилъ такія-то и такія-то награды отъ такихъ-то царей... Все сіе доказываетъ, какъ великъ былъ сей мужъ“. Далѣе, въ трогательныхъ словахъ ораторъ изображаетъ убійственную тоску и грусть по умершемъ. Въ это время вопли и рыданія въ толпѣ необыкновенно усиливаются. Родственники же умершаго наперерывъ стараются какъ можно явственнѣе выразить свою скорбь. Съ криками „уай-уай“! уйолынь—горе мнѣ“!—они падаютъ на землю, бьются головами о камни, рвутъ на себѣ одежды и волосы, сдирають ногтями кожу на лбу

и вискахъ. Сдираніе кожи считается общеобязательнымъ способомъ выраженія скорби по умершемъ. Раны на лицѣ, какъ нѣкотораго рода трауръ, должны на долгое время быть очевиднымъ признакомъ потери близкаго лица. Чтобы соревнованіе родственниковъ въ оплакиваніи покойника не перешло извѣстнаго предѣла, къ нимъ приставляются хранители, обязанные слѣдить за ихъ поведеніемъ; особенно зорко хранители обязаны слѣдить за женщинами.

Погребеніе въ Абиссиніи совершается вскорѣ послѣ смерти: оно откладывается до другаго дня лишь тогда, если не успѣли погребсти покойника въ день смерти до захода солнца, или если самая смерть случилась уже по заходѣ солнца. Мертвыхъ хоронятъ безъ гробовъ, обыкновенно въ склепахъ. Бѣдныхъ закапываютъ прямо въ вырытую въ землѣ яму. Склепы тщательно закрываются досками и камнями и присыпаются сверху землею. Когда нужно похоронить кого-либо въ семейномъ или родовомъ склепѣ, откидываются земля и доски, слуги входятъ въ склепъ, отодвигаютъ прежнія кости въ сторону, очищаютъ мѣсто и кладутъ туда новый трупъ. Бываетъ, что склепъ наполняется костями до верху.

Послѣ погребенія духовенство и родственники собираются въ домъ покойнаго на поминальную трапезу. Кромѣ того, друзья и сосѣди поселяются въ домъ у родныхъ умершаго на 2—3 дня для утѣшенія скорбящихъ.

Въ 3-й, 7-й, 12-й, 30-й и 40-й, полугодовой и годовой дни послѣ смерти, совершается литургія и бываетъ поминовеніе умершаго. Богачи заказываютъ сорокоустъ, непрерывное чтеніе на мѣстѣ псалтири и положенныхъ молитвъ. Это дѣлаютъ всѣ участвовавшіе при погребеніи причты по очереди въ теченіе сорока дней. Но самое главное, это—„таскаръ“, заключительное поминовеніе, которое случается безразлично въ какой-угодно день, иногда чрезъ два или три года послѣ смерти; словомъ, пока родные успѣютъ сдѣлать нужныя къ этому торжеству приготовленія, которыя дѣйствительно достигаютъ громаднхъ размѣровъ. Одинъ таскаръ въ состояніи разорить самаго состоятельнаго богача. На таскаръ приглашаются всѣ лица, бывшія на погребеніи умершаго. Для ихъ помѣщенія строится большая куца, могущая вмѣстить, сколько предполагается народу. Наканунѣ таскара вечеромъ все духовенство собирается въ храмъ. Здѣсь послѣ литургіи совершается поминовеніе умершаго, которое длится всю ночь. За это время псалтирь читывается нѣсколько разъ, распредѣленная по частямъ между клиромъ и народомъ. Бываетъ, что въ одну эту ночь соединенными усиліями всего стоящаго въ храмѣ народа псалтирь читывается сто разъ. На другой день всѣ собираются въ куцѣ, гдѣ имъ предлагается грандіозный обѣдъ. Таскаръ продолжается нѣсколько дней. Весь народъ, собравшійся на это торжество, питается изъ средствъ

родственниковъ поминаемаго покойника. Статистикъ пришелъ бы въ ужась, если бы полюбопытствовалъ узнать о количествѣ затраченнаго на одинъ таскаръ провіанта. Тутъ бы онъ услышалъ такіа баснословныя цифры: 400 быковъ, 100 овецъ, 6000 мѣръ хлѣба, 70 бочекъ вина, 40 кадокъ масла, 100 бочекъ меду и проч.

На таскарѣ особенно выдвигаются алкачи—риторы. Они говорятъ и говорятъ безъ умолку. Тутъ можно услышать чуть-ли не всю исторію Эіопіи.

МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ.

Дѣвственные лѣса Абиссиніи, живописно раскинутые то въ долинахъ, то на вершинахъ и откосахъ горъ, богатые древесными плодами и дичью, обильные водою, протекающею по почвѣ въ видѣ ручьевъ или прорывающею изъ нѣдръ земли фонтанами ключей,—справедливо считаются одними изъ лучшихъ въ мірѣ. Въ темной гущѣ ихъ водятся во множествѣ звѣри самыхъ разнообразныхъ породъ. Тутъ бродятъ цѣлыми стадами слоны, прыгаютъ съ дерева на дерево крикливыя обезьяны, рыскаютъ, ища добычу, львы, барсы, леопарды, пантеры. На верхушкахъ деревьевъ порхаютъ могочисленныя породы пернатыхъ и между ними повсюду множество пѣвчихъ птицъ, самыхъ пѣвучихъ, которыя гремятъ здѣсь сотнями и тысячами голосовъ, не смолкая и въ мрачную прохладу ночи, и особенно передъ восходомъ утренней зари. И какъ бы въ диссонансъ этому дивному концерту шипять, ползая между деревьевъ, громадныя змѣи:—тутъ и удавъ катится клубомъ и боа несется, какъ вихрь, высоко поднявъ свою гордую голову...

Въ этихъ самыхъ лѣсахъ, такъ богатыхъ своею природою, въ самыхъ чащахъ лѣсовъ—между деревьевъ пріютились абиссинскіе монастыри. Это произошло не случайно, а оттого, что первые населители монашества въ Абиссиніи, ища уединенія, скрывались въ лѣсахъ. Тутъ съ своими учениками они основывали монастыри; и ихъ ученики и ученики учениковъ и т. д. не находили для монастырей лучшаго мѣста, чѣмъ лѣса и рощи. Сложилась даже абиссинская пословица: мемгыръ (игумень) безъ бороды, что гедамъ (монастырь) безъ лѣса.

Монашество проникло въ Абиссинію вслѣдъ за христіанствомъ. Въ Абиссиніи есть преданіе объ „аскемѣ“ (аскема—слово греческое *σκήμα*—одежда), что она была принесена св. Антонію Архангеломъ Михайломъ и затѣмъ отъ Антонія перешла къ преемникамъ его. Въ абиссинскихъ лѣтописяхъ рассказывается, что по приглашенію перваго епископа ея Фрументія, пришли въ Абиссинію изъ Египта девять славныхъ подвижниковъ, учениковъ св. Пахомія. Указы-

ваются и имена ихъ, именно: 1) абба Арегауй, 2) Панталеонъ, 3) Гарима, 4) Алэфъ, 5) Сагамъ, 6) Афэ, 7) Ликаносъ, 8) Адимати и 9) Озъ или Губа. Всѣ они были родомъ греки. Перечисленные имена даны были имъ абиссинцами взамѣнъ греческихъ. Съ этими именами мужи эти воспѣваются въ абиссинскихъ церковныхъ пѣсняхъ.

Всѣ девять мужей, прійдя въ Абиссинію, основали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на лѣсистыхъ высотахъ горъ, свои монастыри. Отъ положенія монастырей на горахъ ихъ стали называть дебрами (дебре—гора). Первый изъ девяти мужей Авуна-Арегауй поселился въ Тигре, гдѣ на одной высокой обрывистой горѣ основалъ монастырь, называемый Дебре-Дамо (гора Дамо). Это первый эіопскій монастырь. Около 630 г. одинъ изъ отдаленныхъ преемниковъ аббы Арегауя Тэклэ-Хаймонотъ перешелъ изъ Тигре въ Шоа. Поселившись здѣсь на одной высокой горѣ, онъ основалъ знаменитый монастырь, называемый Дебре-Либаносъ (гора Ливанская). Монастырь этотъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Абиссиніи. Самъ Тэклэ-Хаймонотъ былъ организаторомъ абиссинскаго монашества и оставилъ своимъ ученикамъ писанныя правила и наставленія монашеской жизни. Онъ же первый опредѣлилъ права и значеніе игумена (аббата) монастыря и самъ назначилъ себѣ преемника, поручивъ ему надзоръ за братіей. Игуменъ этотъ получилъ названіе: эчаггэ или чаггэ. Съ теченіемъ времени званіе эчагге отдѣлилось отъ настоятеля Ливанскаго монастыря и перешло къ лицу, занявшему въ Абиссиніи положеніе помощника авуны—митрополита. Въ настоящее время настоятель Ливанскаго монастыря, какъ и у другихъ монастырей, называется просто аббатомъ или мымгыремъ (наставниковъ). Но въ титулѣ нынѣшняго чаггэ остались признаки его прежняго положенія въ качествѣ игумена Ливанскаго монастыря. Полный титулъ чаггэ слѣдующій: „чаггэ (имярекъ), сѣдящій на каедрѣ Тэклэ-Хаймоната, сынъ и преемникъ святаго евангелиста Марка и святаго Сэллама ¹⁾, свѣта эіопскаго“. На чаггэйской печати обыкновенно стоятъ слова: „это печать чаггэ (имярекъ) первосвященника (ликакгайната)“. Отличія нынѣшняго чаггэ тѣ, что онъ всегда состоитъ на должности только при особѣ Царя царей, верховнаго, помазаннаго владыки всей Абиссиніи, выбирается самимъ царемъ, живетъ въ своемъ дворцѣ рядомъ съ негусомъ, окруженъ цѣлымъ штатомъ свѣтскихъ чиновниковъ, имѣетъ свою епархію (нагарить), свое войско, управляетъ на ряду съ митрополитомъ церковными дѣлами Эіопіи и участвуетъ въ царскомъ судѣ ликаонта.

¹⁾ Эіопское имя просвѣтителя Абиссиніи св. Фрументія.

Кромѣ древнѣйшихъ монастырей, существующихъ нѣсколько вѣковъ, въ Абиссиніи есть много монастырей новооткрытыхъ, недавно устроенныхъ. Объ умноженіи монастырей особенно ревниво заботятся абиссинскіе негусы. Покойный негусъ Іоаннъ устроилъ много монастырей на свои средства и за то славятъ его народныя пѣсни. Но помимо стараній абиссинскихъ владыкъ монастыри возникаютъ тамъ и сами собою. Нерѣдко какой-нибудь извѣстный подвижникъ привлекаетъ къ себѣ многихъ, желающихъ подвизаться подъ его руководствомъ. Тогда по просьбѣ братіи онъ ѣдетъ къ негусу, прося разрѣшенія построить монастырь. Царь даетъ свое согласіе, причемъ черезъ глашатаевъ приглашаетъ населеніе сосѣднихъ къ мѣсту открытія монастыря деревень помочь матеріаломъ и работой въ постройкѣ храма и зданій для монаховъ. Народъ съ любовью и усердіемъ беретъ на себя этотъ благочестивый трудъ: кто тащитъ бревна, кто собираетъ въ лѣсу хворостъ для крыши; свозятъ сообща камни, глину, песокъ. Способные берутся за дѣло, и быстро, благодаря усиліямъ и множеству рукъ, среди пущи лѣсной, гдѣ прежде рыскали звѣри, вырастаютъ прекрасныя зданія. Между тѣмъ призванный быть настоятелемъ сооружаемаго монастыря отправляется къ епископу—просить благословенія на игуменство и за полученіемъ сана кѳмоса—архимандрита. На одной и той же литургіи онъ производится въ іеродиакона, въ іеромонаха, архимандрита и, наконецъ, получаетъ отъ епископа жезлъ правленія. На обезпеченіе монастыря самъ негусъ даритъ особый лучший участокъ среди своей царской земли. Этотъ участокъ, называемый гультомъ (достояніе) остается монастырю въ вѣчное владѣніе.

Въ Абиссиніи есть два типа монашества. Одинъ возводитъ свое образованіе къ св. Тэклэ-Хайманоту, основателю Шавасскаго монашества. Представителемъ этого типа является монастырь Дебре-Либаносъ. Всѣ монастыри этого типа называются такъ: „андынатъ-гедамъ“, т. е. общежительные монастыри. Другой типъ монастырей, признающихъ своимъ устройтелемъ св. Евстаѳіа (XIV в.), можно назвать скитскимъ. Этотъ типъ наиболѣе распространенъ.

Не смотря на множество монастырей, разсѣянныхъ по всей Абиссиніи, есть еще много лицъ, ведущихъ монашескую жизнь среди міра, внѣ монастырей. Они живутъ въ городахъ и селахъ, среди суеты мірской, но всякій смотря на ихъ жизнь, сразу узнаетъ, кто они. Ихъ называютъ монахами въ томъ же смыслѣ, какъ и тѣхъ, что живутъ въ монастыряхъ. При простотѣ и несложности строя жизни, господствующаго въ Абиссиніи, формальность и оффиціальныя отношенія тамъ отсутствуютъ. Безъ особенныхъ затрудненій всякій ревнитель строгой жизни, принявъ постриженіе отъ какого-нибудь старца, продолжаетъ себѣ жить на своемъ прежнемъ

мѣстѣ и заниматься своимъ прежнимъ дѣломъ. Угодно ему, онъ сошьетъ себѣ монашескую одежду, а нѣтъ, то и такъ въ мірской ходи, сколько хочешь. Даже постриженіе не всѣ принимаютъ, а лишь немногіе, потому что этотъ обрядъ связанъ съ тяжелыми обѣтами и клятвами. Что, если не устоишь, не исполнишь отъ начала до конца всего, обѣщаннаго Богу! Не лучше ли жить такъ, монашествовать, не давъ клятвы?—Такъ рассуждаетъ большинство. Ни чуть не страннымъ считается, если кто изъ монаха опять становится міряниномъ. Напротивъ, грѣхомъ считается быть по внѣшности монахомъ и не жить по монашески. Такого человѣка презираютъ. И монахи монастырскіе, и монахи, живущіе въ мірѣ, не всѣ принимаютъ постригъ. Это дѣло доброй воли. Выходитъ, что постригъ является тамъ какъ бы второю уже ступенью монашества, а архимандритство—третьею. Между монахами, постриженными и непостриженными, во внѣшнихъ отношеніяхъ разница лишь та, что къ именамъ первыхъ прибавляютъ слово абба—отецъ. Самый постригъ въ монастыряхъ совершается довольно торжественно. Желавшаго постричься закутываютъ въ пелены, какъ мертвеца, и кладутъ во гробъ среди храма. Въ теченіе около двухъ часовъ надъ мнимымъ мертвецомъ монахами поочереды читывается вся псалтирь. Всякому мірянину открытъ свободный доступъ въ какой-угодно монастырь. Избравъ по желанію ту или другую обитель, онъ идетъ къ игумену ея, чтобы выразить свое желаніе: поселиться въ его обители подъ его началомъ и ввѣрить, такъ сказать, свою жизнь его опытному руководительству. Игумень даетъ свое согласіе и благословеніе, и новоприбывшій съ этого момента становится членомъ братіи монастыря. Онъ теперь долженъ уже подчиняться уставу и порядку жизни этого монастыря.

Въ необщежительныхъ монастыряхъ, или скитскихъ, называемыхъ по абиссински просто „гедамъ“ (монастырь) въ отличіе отъ „андынатъ-гедамъ“—названія, прилагаемаго къ монастырямъ общежительнаго типа, монахи пользуются полной свободой въ устроеніи своей частной, такъ сказать, келейной жизни. Око игумена не должно проникать за двери ихъ келій. Будучи предоставлены самимъ себѣ, такіе монахи принуждены на свои средства строить себѣ жилища и добывать пищу и одежду. Для жилищъ имъ предоставляется въ лѣсу, сколько угодно мѣста; каждый новопоступившій отгораживаетъ себѣ тутъ любой клочекъ земли, и трудами и заботами своихъ друзей и родныхъ готовитъ себѣ хижину. Впрочемъ, кто строитъ хижину, а кто и хорошій двухъ этажный домъ,—это смотря по состоянію. Нѣкоторые, жившіе въ мірѣ богато, приводятъ съ собою въ монастырь всѣхъ своихъ слугъ, которые продолжаютъ и тутъ служить своимъ господамъ. А то бываетъ, что состоятельный монахъ приглашаетъ къ себѣ на услуженіе нѣсколько

бѣднѣйшихъ монаховъ, которые неспособны одни содержать себя и рады пойти на готовый хлѣбъ. Всякій состоятельный монахъ забираетъ съ собою въ монастырь все свое имущество, пригоняетъ сюда свои стада быковъ, овецъ, воловъ, лошадей, муловъ, строитъ на своемъ дворѣ около дома служебныя постройки, какъ-то: конюшни, загоны для скота, кухню, помѣщенія для слугъ и т. п., а вокругъ всего двора возводитъ высокую ограду въ предохраненіе себя и своего имущества отъ звѣрей и воровъ. Словомъ, богачъ и въ монастырѣ продолжаетъ жить помѣщикомъ, попивая каждый день любимый абиссинскій нанитокъ тѣэдъ. Это лакомство считается въ Абиссиніи признакомъ роскоши и аристократизма. Вообще, нужно замѣтить, въ стѣнахъ абиссинскихъ обителѣй члены братіи вполнѣ сохраняютъ достоинство и преимущества своего мірскаго званія и рода. Тутъ во всякомъ монастырѣ рѣзко различаются: монахи-аристократы и монахи-простеды, бѣдные, приниженные холопы. Въ распоряженіе богатаго монаха предоставляется какой угодно клочекъ земли на монастырскомъ гультѣ. Шымъ-гульта, — начальникъ монастырскаго гульта, — распредѣляетъ землю между членами братіи, и, конечно, богачамъ онъ удѣляетъ лучшіе и большіе участки вмѣстѣ съ руками живущихъ на этихъ клочкахъ холоповъ, между тѣмъ какъ иному бѣдному монаху не достается и одной пяди земли. Впрочемъ, такъ какъ среди монастырскаго гульта бываетъ очень много гуляющей, не отданной на вспашку земли, то бѣдняки пользуются этимъ, чтобы хоть и съ большими усиліями добыть себѣ скудное пропитаніе. Жалкій труженикъ вскапываетъ себѣ коломъ небольшой клочекъ земли и засѣваетъ его пшеницей; когда хлѣбъ поспѣетъ, онъ проситъ состоятельныхъ монаховъ смолотить ему этотъ хлѣбъ волами, а то и самъ молотитъ его цѣпомъ.

Въ основаніе раздѣла гульта между монахами обыкновенно берется число воловъ, имѣющихся въ распоряженіи каждаго. У кого одинъ волъ, тому дается половина мыхрама земли, въ расчетѣ, что онъ, войдя въ соглашеніе съ другимъ монахомъ, имѣющимъ тоже одного вола и получившимъ тоже полмыхрама, будетъ имѣть возможность въ теченіе зимы обработать весь свой участокъ. Имѣющій пару воловъ получаетъ два мыхрама и т. д. Но монахи собственно не работаютъ сами въ полѣ на своихъ участкахъ, а отдаютъ свои мыхрамы и своихъ воловъ монастырскимъ холопамъ, которые платятъ имъ за пользованіе землей и волами условленную часть вырученнаго въ жатву хлѣба. Каждый монахъ получаетъ хлѣбъ съ своего участка. Кромѣ участковъ, раздаваемыхъ въ распоряженіе монаховъ, среди монастырскаго гульта есть неприкосновенная часть земли, хлѣбъ съ которой идетъ въ пользу монастырской казны. Главное лицо, завѣдующее этою казною, есть алака—

начальникъ (казначей). Въ подчиненіи ему состоитъ цѣлая толпа (особенно, если большой монастырь) низшихъ должностныхъ лицъ, завѣдующихъ разными отдѣльными отраслями монастырскаго хозяйства, на примѣръ, есть: магаве-тѣдь, это—распорядитель виномъ, магаве-ынъгира—распорядитель хлѣбомъ и т. п. Есть также особыя лица, которымъ алака монастыря ввѣряетъ надзоръ за полевыми работами крестьянъ. Имъ приказывается слѣдить, чтобы положенная мѣра была отдана въ казну гедاما. Изъ полученнаго хлѣба алака велитъ часть оставить на храненіе въ монастырскихъ амбарахъ, а другую часть—поручить крестьянамъ для продажи на рынкѣ. Вырученное отъ продажи золото ссыпается въ гедамскомъ казнохранилищѣ.

Въ самомъ центрѣ каждаго монастыря, т. е., лучше сказать, монастырскаго поселка, помѣщается большое каменное, чаще всего двухъ-этажное зданіе, служащее какъ бы присутственнымъ мѣстомъ для всей монашеской общины. Въ этомъ зданіи, называемомъ бетамыгавы, т. е. общій домъ, въ одномъ изъ отдѣленій его живетъ самъ алака. Тутъ же хранится монастырская казна. Часть зданія предназначается для пріема посѣтителей монастыря и лицъ, пріѣзжающихъ въ гости къ кому-либо изъ братіи. Всѣмъ этимъ людямъ монастырь всегда оказываетъ радушный пріемъ. Имъ предлагаются роскошное угощеніе и уютныя келіи для отдыха. Слуги умываютъ гостямъ ноги и прислуживаютъ имъ, не получая за это платы. Впрочемъ, удобствами гостинницы пользуются собственно только богомольцы и лица, не имѣющія никого знакомыхъ въ числѣ братіи. Монахи находятъ болѣе удобнымъ принимать своихъ частныхъ гостей у себя въ келіяхъ и угощать ихъ на свой счетъ; такъ какъ отводить гостей въ общій домъ и отдавать на попеченіе содержателей гостинницы было бы, конечно, не совсѣмъ вѣжливо со стороны хозяевъ.

Въ „общемъ домѣ“ находятся еще большой залъ, гдѣ происходятъ засѣданія монастырскаго совѣта, и обширная столовая, приспособленная вмѣстимостью для всѣхъ монаховъ монастыря. Въ этой столовой общая трапеза предлагается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: на Рождество Христово, на Пасху, въ день храмового монастырскаго праздника и когда случится таскаръ—заключительное поминовеніе кого-нибудь изъ умершихъ монаховъ. Въ остальное время всѣ монахи ѣдятъ по своимъ келіямъ. Все нужное для общей монашеской трапезы и для пріема гостей изготовляется на средства монастырскаго казны. Для приготовления кушаній и напитковъ и храненія провіанта предназначаются особыя служебныя постройки: мукомольная, кухня, скотный дворъ, амбары, избы для слугъ и пр. Всѣ эти зданія расположены кругомъ „общаго дома“. А весь дворъ гостинницы со всѣхъ сторонъ огораживается

крѣпкою высокою стѣною. Рядомъ со дворомъ гостинницы находится обыкновенно дворъ игумена. Домъ игумена — это тоже прекрасное большое зданіе съ обширнымъ дворомъ, службами, пристройками и пр., огороженное высокимъ заборомъ. На подобіе этихъ зданій — только въ такой или иной степени подобія — устраиваютъ свои помѣщенія монахи. Каждый имѣетъ вокругъ своего дома дворъ и огорожу. Такимъ образомъ, въ общемъ видѣ монастыря довольно странный. Въ чащѣ лѣса разбросаны на далекомъ разстояніи другъ отъ друга зданія разнообразной величины — отъ миниатюрной хижины до двухъ-этажнаго дома включительно. Около нѣкоторыхъ домиковъ ютятся маленькія служебныя постройки и вокругъ всего двора каждаго монаха — внушительная ограда. Такихъ кружковъ съ домиками внутри въ иномъ монастырѣ наберется до 300.

Скажемъ нѣсколько словъ о монастырскомъ совѣтѣ. Въ составъ его входятъ старѣйшіе и наиболѣе почтенные монахи, преимущественно архимандриты. Предсѣдатель совѣта самъ игумень (аббать). Въ рукахъ этого совѣта или синода („мыгавы“ — букв. община, соборъ) сосредоточивается высшее управленіе монастыря. Его власть преимущественно судебная. Когда монахи затѣютъ между собою тяжбу, обращаются въ совѣтъ общины. Впрочемъ, въ этомъ совѣтѣ рѣшаются тяжёбныя дѣла не только монаховъ, а и монастырскихъ холоповъ, т. е. крестьянъ, живущихъ на монастырской землѣ. Засѣданія совѣта происходятъ раза два-три въ недѣлю. Утромъ въ день засѣданія всѣ члены собираются въ залѣ „общаго дома“. У передней стѣны на креслѣ садится игумень, а противъ него въ два ряда на полу разсаживаются архимандриты и старцы. Въ залѣ приводятся поочередно всѣ лица, имѣющія дѣло къ совѣту, въ сопровожденіи своихъ посредниковъ (дання) и конвойныхъ (куражня). Члены совѣта, молча, выслушиваютъ содержаніе дѣлъ каждаго просителя и жалобщика. Причемъ тутъ же въ присутствіи совѣта допрашиваются и свидѣтели. Когда дання кончитъ изложеніе дѣла, немедленно поднимается младшій изъ членовъ совѣта и, поклонившись игумену, сообщаетъ вслухъ свое мнѣніе; потомъ подымается второй и тоже говоритъ свое мнѣніе, затѣмъ третій и т. д., по старшинству. Игумень же молча выслушиваетъ всѣхъ. Если мнѣнія распадаются только на двѣ категоріи, то перевѣшиваетъ то, съ которымъ большинство; но при разнообразіи мнѣній рѣшающій голосъ въ пользу того или другого изъ высказанныхъ мнѣній принадлежитъ игумену. Члены монастырскаго совѣта въ своихъ рѣшеніяхъ не руководствуются какими-либо писанными законами. Все зависитъ отъ мудрости и опытности судей. Обычное наказаніе для монаховъ, какъ и для мірянъ, „каса“ — удовлетвореніе деньгами или имуществомъ; но иногда налагаются на виновныхъ и дисци-

плинарныя взысканія: укоръ, выговоръ, какое-нибудь тяжкое послушаніе, — самымъ тяжкимъ считается мукомольная работа, такъ какъ она сильно утомляетъ: приходится двигать рукою большой жерновъ. Крайнею мѣрою считается изгнаніе изъ монастыря. Такъ поступаютъ обыкновенно съ блудникомъ. Лица, недовольныя рѣшеніемъ монастырскаго совѣта, могутъ обращаться съ апелляціей къ чаггэ или негусу. Абиссинскіе монастыри собственно не зависятъ отъ епархіальныхъ начальниковъ (ликакгайтатовъ). Послѣднихъ хотя и принимаютъ въ монастыряхъ съ почетомъ, но это дѣлаютъ изъ уваженія къ сану, а не по долгу зависимости. Ликакгайтатъ, совершающій ежегодную ревизію своей епархіи, не заглядываетъ въ монастыри: это не его дѣло.

Алака монастырскаго гульты отличается отъ алаки гульты соборнаго тѣмъ, что, состоя, по обыкновенію, начальникомъ монастырскаго хора, стоитъ, однако, ниже аббата (игумень), являющагося высшимъ начальникомъ монастыря и равнаго по власти ликакгайтату. Алакѣ принадлежитъ инспекторская административная власть, аббату — высшее духовное руководство надъ братією и населеніемъ гульты, попеченіе о нуждахъ подчиненныхъ ему духовныхъ дѣтей и представительство предъ императоромъ.

Игумень cadaго абиссинскаго монастыря избирается голосомъ всей братіи. Это происходитъ довольно торжественно. По истеченіи сорокадневнаго траура по умершемъ игуменѣ, всѣ монахи монастыря собираются въ залѣ совѣта, а чаще всего прямо въ лѣсу подъ ароматнымъ сводомъ свѣжей листвы. Руководятъ собраніемъ старѣйшіе члены общины. Обыкновенно заранѣе уже намѣчается кандидатъ на игуменство, тогда требуется лишь согласіе на это братіи. Но если, какъ это часто бываетъ, такихъ кандидатовъ выставляется два или три или болѣе, то тогда прибѣгаютъ къ жребію. Берутъ нѣсколько одинаковыхъ палочекъ, по числу кандидатовъ, и на каждой вырѣзываютъ значки, по которымъ условливаются, какая палочка кому изъ кандидатовъ принадлежитъ. Послѣ продолжительной общей молитвы, палочки вручаются ребенку, приведенному на этотъ случай въ монастырь изъ ближайшаго села. Дитя, зажмуря глаза, перевертываетъ палочки въ рукахъ; потомъ вытаскиваетъ одну, смотритъ условный знакъ, вырѣзанный на ней, и, поднявъ палочку вверхъ, выкрикиваетъ имя. Мгновенно вся братія окружаетъ избранника и падаетъ предъ нимъ на колѣни. Обычное явленіе, что избранникъ заявляетъ полное свое отреченіе отъ выпавшаго жребія. Требуются долгія и усиленныя мольбы и слезы братіи, чтобы его склонить. Но если это и удастся, то никто еще не ручается, что не устоявшій противъ просьбъ братіи избранникъ въ ту же ночь не убѣжитъ совсѣмъ изъ монастыря.

Новоизбранный игумень всегда ѣдет представляться епископу и получить отъ него благословеніе. Этотъ обычай соблюдается строго. Такъ какъ званіе игумена въ Абиссиніи нераздѣльно съ званіемъ архимандрита, то всякій, вновь избранный на игуменство, долженъ обязательно получить производство въ архимандриты; чаще же всего бываетъ, что избранникъ уже раньше имѣлъ этотъ санъ. Новоизбранный игумень монастыря, построеннаго негусомъ, обязанъ представляться и негусу.

Въ Абиссиніи визиты подчиненныхъ къ начальникамъ обязательно соединяются съ подношеніемъ подарковъ. И игумень, отправляясь къ епископу или негусу, везетъ съ собою бочки съ медомъ, виномъ, воскомъ, масломъ, шерсть, мѣха и проч. На подарки подобнаго рода собственно и изводятся богатства монастырской казны. На приѣмъ у епископа никакихъ справокъ о подлинности лица, назвавшаго себя игуменомъ, не бываетъ. Мы готовы думать, что, какъ у насъ, такъ и вездѣ, никакое оффиціальное дѣло не обходится безъ документовъ, завѣрительныхъ грамотъ, свидѣтельствъ и т. п. Въ нашей головѣ не укладывается пониманіе такой формы отношеній, гдѣ все основано на взаимномъ довѣріи. А такая именно форма существуетъ въ Абиссиніи. Тамъ же господствуетъ еще и такой странный порядокъ. Кому хочется быть архимандритомъ, тотъ ѣдетъ къ архіерею и, по просьбѣ, получаетъ этотъ санъ совершенно безпрепятственно! Почему это? Потому, что на языкѣ абиссинцевъ искать высшаго священнаго званія не значить искать чести и славы и вообще пищи своему честолюбію, а, напротивъ, значить желать новыхъ священныхъ узъ и увеличенія своихъ подвиговъ. Полученіе высшаго званія связано тамъ съ даваніемъ тяжелыхъ обѣтовъ и произнесеніемъ страшныхъ клятвъ. Кто рѣшится въ такомъ случаѣ на повышение? Конечно, тотъ, для кого служить Богу, лишивъ себя всего, единственная цѣль жизни. Дѣйствительно, абиссинскіе аскеты — это люди, жаждущіе духовныхъ подвиговъ, преданные своему призванію, а никакъ не искатели суетной славы. Далѣе. Въ Абиссиніи большую силу имѣетъ общественное мнѣніе. Оно преслѣдуетъ всякаго, кто не чистъ въ глазахъ совѣсти людской. Принятіе архимандритства человекомъ, недостойнымъ сего званія по жизни, было бы лишь поводомъ къ разнымъ насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны всякаго по адресу недостойнаго восхитителя сана. Въ виду этого едва-ли кто посягнетъ на честь, ему не принадлежащую. Въ Абиссиніи народъ чтитъ не санъ самъ по себѣ, а строгость жизни; и вотъ всякій, рѣшившійся на повышение, чтится какъ подвижникъ высшаго сорта, а не какъ сановникъ.

У насъ нѣтъ монашескаго званія, высшаго, чѣмъ архимандритство, а въ Абиссиніи есть, по названію „курсьна“. Это совер-

шеннѣйшій чинъ, считающійся вполне равнынъ ангельскому. Очень немногіе рѣшаются подъять на свои рамена иго сего званія. Зато тѣ, кому удалось привести себя къ этой рѣшимости, принуждены бывають скрываться въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земли, чтобы уйти отъ преслѣдованій народа, жаждущаго не то, что обнять ноги подвижника, а хотя бы узрѣть его лицо, отдохнуть очами на его кроткомъ образѣ.

Подобно скитскимъ монастырямъ, и всѣ общежительные имѣютъ и игумновъ, и лицъ, завѣдующихъ казною, и цѣлый штатъ монастырскихъ чиновниковъ. Только внѣшняя форма жизни монаховъ здѣсь иная. Жилища монаховъ однообразны. Различія между монахами изъ аристократовъ и простецами незамѣтно. Всѣ одинаково пользуются благами монастырскаго имущества. Гульть общежительнаго монастыря всецѣло отдается на обработку монастырскимъ холопамъ, и весь вырученный хлѣбъ поступаетъ въ распоряженіе монастырской казны. На каждого монаха налагается игуменомъ особое послушаніе. Всякій обязанъ употреблять свой трудъ только для монастыря, а не для себя лично. Одинъ дѣлаетъ муку, другой собираетъ дрова, третій печетъ хлѣбы, четвертый шьетъ одежды, пятый моетъ бѣлье и т. д. Только слесарное мастерство не входитъ въ кругъ монастырскихъ работъ, такъ какъ оно считается для всякаго абиссинца постыднымъ и составляетъ занятіе особаго сословія тавивовъ... Съ ранняго утра всѣ монахи выходятъ на свои работы. Инструменты и матеріаль выдаются монахамъ только на время работъ, и по окончаніи ихъ должны быть обратно возвращены тому, кто ихъ выдаетъ. Строгость доходитъ до того, что не позволяется оставить у себя даже иголку. Всѣ монахи общежительнаго монастыря ѣдятъ въ общей трапезѣ. Тутъ соблюдается строгая тишина; каждый долженъ ѣсть молча. Даже прислуживающіе у стола говорятъ шопотомъ.

При каждомъ монастырѣ долженъ быть храмъ. На нужды и благоуукрашеніе его идетъ часть монастырской казны. Славу каждого абиссинскаго монастыря составляетъ церковный хоръ, такъ какъ абиссинцы очень любятъ пѣніе. Для процвѣтанія этого искусства, имѣющаго широкое примѣненіе въ церковныхъ службахъ, употребляются всѣ лучшія силы монастырей. Каждый монастырь силится превзойти своимъ хоромъ всѣ хоры прочихъ монастырей. Соревнованіе въ этомъ отношеніи доходитъ до необыкновенныхъ размѣровъ. Отсюда понятно; почему въ Абиссиніи принято по достоинству хора судить о значеніи и достоинствѣ самого монастыря. Такъ и бываетъ: чѣмъ лучше и многолюднѣе монастырь, тѣмъ лучше и многолюднѣе у него и хоръ.

Причтъ монастырскаго храма (іероманахи и іеродіаконы) образовывается изъ способныхъ къ священнослуженію членовъ братіи,

способныхъ въ смыслѣ умѣнія читать и пѣть и обладанія голосомъ. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ хоръ за свои успѣхи увѣнчивается лаврами народныхъ симпатій, выражаемыхъ нерѣдко въ самомъ храмѣ вслухъ, чередные священнослужители у народа на плохомъ счету. Въ числѣ братіи найдется не мало лицъ, имѣющихъ священный санъ. Таковы прежде всего—алака, всѣ архимандриты и самъ игумень. Но, нужно замѣтить, священная степень у этихъ лицъ существуетъ лишь какъ достоинство, а не какъ служебное положеніе. Они не участвуютъ въ чредѣ священнослуженія, избѣгая его всѣми силами, такъ какъ служащій часто литургію, какъ извѣстно, считается въ глазахъ абиссинцевъ человѣкомъ не высокаго образа мыслей. Истинно благочестивый человѣкъ, думаетъ абиссинскій народъ, не рѣшится часто приступать къ совершенію великаго таинства. Отсюда имѣющая порицательный характеръ кличка, данная участвующимъ въ чредѣ священнослужителямъ: „самоная“—недѣльствующій или недѣльникъ, т. е. служащій всю недѣлю. Духовныя лица, занимающія высокое положеніе въ абиссинской церкви, имѣя священныя степени, почти никогда не служатъ литургіи и вообще не участвуютъ въ священнослуженіи. Они имѣютъ священный санъ и въ то же время, какъ будто, и не имѣютъ его, т. е. за ними остается одно лишь достоинство священнаго званія, кромѣ всего прочаго. Даже названія священникъ, іероманакъ, діаконъ никогда не прилагаются къ именамъ и титуламъ духовныхъ лицъ высокаго званія, имѣющихъ эти степени. Священниками, діаконами называютъ только лицъ, стоящихъ у чреды служенія.

Не во всѣхъ монастыряхъ богослуженіе совершается каждодневно. Что касается монаховъ, не участвующихъ въ церковномъ хорѣ, то они ходятъ на богослуженіе только по воскресеньямъ и праздникамъ, хотя и это считается для нихъ необязательнымъ. Всякій монахъ можетъ предаваться молитвенному подвигу у себя въ кельѣ. Къ особенностямъ монастырской службы относится ея продолжительность, зависящая отъ растянутости пѣнія и отъ нѣкоторыхъ вставокъ, не бываемыхъ въ службахъ приходскихъ храмовъ. Такъ, напримѣръ, на саасатѣ (служба часовъ) въ монастыряхъ, кромѣ чтеній изъ книгъ „Чудеса Іисуса“ и „Чудеса Маріи“, бываетъ еще чтеніе житія дневнаго святаго и пѣніе ему хвалебныхъ гимновъ, называемыхъ „Мелькаа“.

Абиссинскіе монастыри большею частью являются центрами не только религіозно-нравственной жизни народа, а и духовнаго просвѣщенія. Большинство абиссинскихъ школъ ютятся при монастыряхъ, такъ какъ въ числѣ монаховъ часто попадаются мемгыры, люди образованные, начитанные, жаждущіе сообщать свои знанія всякому, нуждающемуся въ просвѣщеніи. Къ нимъ стекаются уче-

ники изъ окрестныхъ мѣстъ. Въ монастырѣ, гдѣ есть мемгырь (учитель), образуется форменная школа. На счетъ монастыря устраивается училищное зданіе—этамарибетъ, въ которомъ происходятъ занятія въ періодъ дождей, такъ какъ въ благопріятную погоду преподаваніе обыкновенно ведется на открытомъ воздухѣ. О пищѣ и одеждѣ заботятся для себя уже сами ученики. Вокругъ этамарибета они воздвигаютъ свои небольшія хижинки, въ которыхъ живутъ по два по три человѣка; тутъ они спятъ и готовятъ себѣ пищу. Нѣкоторые монастыри имѣютъ у себя школы всѣхъ наименованій, какъ то: нѣвавъ (грамоты), мацгафъ (Св. Писанія), ликаонта (св. отцовъ), дуга (пѣнія), к'не (стихотворства) и кыдасси (литургическую). Встрѣчаются мемгыры, обладающіе знаніемъ курсовъ всѣхъ школъ. Это люди, владѣющіе чудовищною памятью, такъ какъ способны выслушивать одновременно отвѣты четырехъ-пяти человѣкъ по разнымъ отраслямъ знанія, не пропуская мимо ушей ни одной ошибки.

Какой-либо одинъ общій монашескій уставъ неизвѣстенъ абиссинскимъ монахамъ. Въ скитскихъ монастыряхъ каждый устраиваетъ свою частную жизнь по своему идеалу, а въ общежительныхъ—монахи подчиняются уставу и порядкамъ того монастыря, въ которомъ живутъ. Вообще же абиссинцы не терпятъ узкихъ рамокъ, которыми опредѣлялась бы ихъ жизнь. Ихъ живой, подвижной духъ ищетъ простора для свободнаго подвига, проистекающаго отъ сердца, отъ внутренняго настроенія. Они идутъ въ монастыри не съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдать себя и всю свою жизнь до мельчайшихъ подробностей во власть какихъ-либо правилъ и предписаній, а лишь потому, что вѣруютъ, что на монастыряхъ почиваетъ особое благословеніе Божіе, также потому, что знаютъ, что въ міру тяжело спастись, и, наконецъ, потому, что не рѣшаются обречь себя на одинокій, уединенный подвигъ, вдали отъ людей. Но есть и такіе.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

Продолжительная жизнь въ монастырѣ, при доблестныхъ подвигахъ и энергіи, выдвигаетъ монаха изъ среды его братіи. Распространяется молва въ стѣнахъ монастыря и внѣ ихъ о томъ лицѣ, кто особенно много сталъ обнаруживать строгости жизни и усердія въ молитвѣ. При такихъ условіяхъ, для виновника молвы наступаетъ удобный моментъ вступить на высшую ступень иноческой жизни, — сдѣлаться изъ простаго зауряднаго монаха славнымъ „багетауемъ“, т. е. уединенникомъ, затворникомъ. Достиженіе этого званія, сопряженное съ большими препятствіями, возможно лишь при полномъ согласіи всѣхъ членовъ монастыря. Совѣтъ (мыгаве) разрѣшаетъ уйти въ затворъ только лицамъ, завѣдомо достойнымъ и заявившимъ себя вполне способными вынести тяжелую жизнь въ уединеніи. Въ данномъ случаѣ осторожность весьма необходима: если ушедшій въ затворъ не вынесетъ подвига и возвратится въ обитель, то чрезъ это пятно стыда и униженія ложится на всю братію монастыря, на всю его корпорацію, допустившую непоправимую ошибку. Ушедшій изъ затвора инокъ считается погибшимъ; за него воспрещается даже молиться, ибо онъ побѣжденъ діаволомъ, прельщенъ имъ. Онъ приравнивается къ денницѣ, свѣтоносному ангелу, спадшему съ неба. О немъ говорятъ еще такъ: вотъ человѣкъ, подобный глупому строителю, который задумалъ строить домъ свой на пескѣ.

Жизнь въ затворѣ считается въ Абиссиніи самою высшею ступенью иночества: пребывать въ затворѣ можетъ лишь тотъ, кто не страшится уже злыхъ искушеній. „Багетауй“, по мѣстному воззрѣнію, это никто иной, какъ воинъ, ратоборецъ съ сатаной; онъ, поселяясь внѣ ограды монастыря, долженъ быть, такъ сказать, передовымъ воиномъ, стражемъ всей братіи. Если багетауй отразитъ врага, то монастырь въ безопасности. Всѣ, идущіе въ затворъ, того настроенія, что они идутъ воевать съ діаволомъ, оттого какъ будто даже видимымъ образомъ приготавливаются къ какой-то схваткѣ. Но пока они только приготавливаются, ихъ лица веселы и взоръ

исполненъ духовной гордости, самоувѣренности; за то потомъ, уже въ самомъ затворѣ, на нихъ нападаетъ мрачное уныніе, муки неустранимой боязни. Багетауя кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ явится предъ нимъ діаволь; ему начинаютъ мерещиться страшные уродливые призраки... Такъ, первые дни въ затворѣ бываютъ слишкомъ тяжелы, и не будь того обычая, что въ затворъ отпускаютъ лишь лицъ, завѣдомо надежныхъ, то, надо полагать, паденій случалось бы не мало.

Руководствомъ жизни для всякаго рода абиссинскихъ подвижниковъ служитъ евангеліе и апокрифическіе рассказы о земной жизни Іисуса Христа. Мы ниже увидимъ, что подвижники въ своихъ поступкахъ стараются непременно воспроизводить внѣшнія черты жизни Господа, изъ коихъ главными считаются постъ и молитва въ уединеніи (въ пустынѣ) и борьба съ искушителемъ. Жизнь въ затворѣ, конечно, ближе всего стоитъ къ осуществленію этой цѣли абиссинскихъ аскетовъ, и потому званіе „багетауя“ есть, такъ сказать, *pium desiderium* всякаго искренняго монаха.

Переселеніе инока въ затворъ—большое семейное торжество въ монастырѣ. По этому поводу вся братія совершаетъ общія долгія молитвы за виновника торжества. Послѣ молебна всѣ по одиночкѣ подходятъ къ брату проститься, напутствуютъ его благожеланіями и, наконецъ, провожаютъ за ограду монастыря къ хижинкѣ, сооруженной для затворника въ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ ограды — въ лѣсу. Распростившись съ плачущей братіей и самъ рыдая, багетауя скрывается въ хижинку, затворяется въ ней, и съ этого времени навсегда исчезаетъ изъ глазъ людскихъ. Тутъ онъ предается уединенной молитвѣ, готовясь и выжидая, когда прійдетъ къ нему діаволь для искушенія.

Затворникъ питается только разъ въ недѣлю, не исключая и пасхальной седмицы. Пищей ему служитъ черный хлѣбъ, намоченный въ водѣ. Каждую субботу по заходѣ солнца духовникъ, приблизясь къ кельѣ затворника, кладетъ ему на миниатюрное оконце хлѣбъ; чтобы напомнить объ этомъ подвижнику, онъ хлопаетъ громко руками и самъ уходитъ. Когда шаги принесшаго пищу стихнутъ, затворникъ высовываетъ изъ отверстія руку и беретъ хлѣбъ. Иногда на томъ же окошкѣ духовникъ видитъ клочекъ исписанной бумаги — это исповѣдь багетауя; тогда онъ прочитываетъ письмо и приписываетъ внизу совѣтъ или епитимію и слова: „Богъ тебя проститъ“. Письмо онъ обратно кладетъ въ отверстіе кельи и, хлопнувъ руками, уходитъ.

Абиссинскіе подвижники причащаются разъ въ годъ, обыкновенно въ великій четвертокъ или въ день свѣтлаго воскресенія. Въ храмъ они ходятъ вообще слишкомъ рѣдко, на примѣръ, въ теченіе года два-три раза. Для нихъ предназначено въ храмѣ особое

почетное мѣсто въ восточной части по ту сторону алтаря. Есть затворники, не выходящіе изъ затвора 8 — 10 лѣтъ. Лучшіе изъ подвижниковъ отличаются тѣмъ, что десятки лѣтъ воздерживаются отъ причащенія Св. Таинъ. Это считается признакомъ ихъ святости.

Множество богомольцевъ стекается въ тотъ монастырь, который выпустилъ изъ себя за ограду много багетауевъ. Кельи затворниковъ, вышедшихъ изъ монастыря, воздвигаются такъ, что образуютъ какъ бы передовую сторожевую цѣпь вокругъ монастырской ограды. Чѣмъ больше звеньевъ въ этой цѣпи, т. е. чѣмъ болѣе багетауевъ, тѣмъ сильнѣе считается монастырь и тѣмъ недоступнѣе онъ для діавола. Онъ приравняется къ военной крѣпости, обладающей большимъ числомъ орудій. Многіе благочестивые міряне стремятся увидѣть лицо подвижника, полагая въ этомъ великое счастье для души и залогъ спасенія. Но никто, даже негусъ, не можетъ быть увѣренъ, что добьется аудіенціи у какого-нибудь извѣстнаго, славнаго въ затворѣ мужа. Его имя произносится всѣми съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и имя како-нибудь святого, прославленнаго уже церковью.

Кромѣ подвижниковъ изъ монаховъ, поселяющихся въ затворѣ близъ оградъ своихъ монастырей, изъ которыхъ вышли, въ Абиссиніи есть множество подвижниковъ вольныхъ, выходящихъ прямо изъ мірской среды. Ихъ жизнь не ограничивается какими-либо опредѣленными формами. Все же можно указать нѣкоторыя характерныя черты такихъ подвижниковъ, называемыхъ за свою жизнь назореями (назрауянь). Назореи большею частію отпускаютъ длинныя волосы вопреки всеобщему абиссинскому обычаю, по которому даже монахи и священники стригутъ волосы на головѣ совсѣмъ низко. Отрощенные жесткіе волосы абиссинскаго назорея торчатъ у него во всѣ стороны, какъ лучи. Одежда назореевъ бываетъ различна. Иные изъ нихъ носятъ всѣ обыкновенныя національныя одежды абиссинцевъ, и нерѣдко довольно роскошныя, но большинство ограничивается одной лишь грубой шерстяной накидкой — макъ, надѣваемой на голое тѣло. Макъ изъ овечьей шерсти все равно, что вериги на тѣлѣ. Послѣ непродолжительнаго ношенія мака, тѣло назорея покрывается гнойными язвами. Иногда на головѣ подвижника красуется безыскусственная скуфья, сплетенная изъ финиковыхъ вѣтвей, но многіе имѣютъ всегда голову открытой. Деревянный посохъ въ видѣ буквы Т дополняетъ скудное убранство назорея, находящагося въ пути.

Всѣ абиссинскіе назореи имѣютъ постоянныхъ учениковъ. Ставший назореемъ непременно избираетъ себѣ грехъ преданныхъ друзей, съ которыми пребываетъ всегда неразлучно. Въ чащѣ лѣса, гдѣ выберетъ мѣсто для своихъ подвиговъ назорей, — поодаль отъ кельи учителя „на верженіе камня“ ставятъ свои три хижинки

ученики. Назорей спитъ очень мало, два-три часа въ сутки. Все время онъ на молитвѣ, какъ на стражѣ; ученики же его, какъ болѣе слабые, нерѣдко предаются сну. Все-таки и сквозь дремоту они слышатъ, что происходитъ съ ихъ учителемъ. Каждую ночь до нихъ доносятся его вопли и лязгъ бича по голому тѣлу. Назорей предъ молитвой обнажаетъ все свое тѣло и всю ночь выстаиваетъ нагой. Молясь, онъ вопить изо всей мочи, яко-бы подражая Иисусу Христу, Который „во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія Могущему спасти Его отъ смерти“ (Евр V, 7).

Одни изъ назореевъ живутъ въ лѣсу съ своими учениками безвыходно, разсуждая такъ: Спаситель постился въ пустынѣ только 40 дней, ибо Ему надлежало еще послужить міру, а намъ, людямъ, слѣдуетъ, подражая Ему, поститься въ уединеніи не сорокъ дней, а всю жизнь.—Другіе, напротивъ, желая точнѣе слѣдовать Христу, проводятъ въ лѣсу (замѣняющемъ абиссинцамъ пустыню) только дни четырехъ главныхъ постовъ, а остальное время посвящаютъ на служеніе міру. Послѣдняго рода назореи, по окончаніи поста и молитвы, являются къ народу въ городахъ и селахъ съ проповѣдью христіанскаго ученія. Всякій назорей-проповѣдникъ имѣетъ свой излюбленный районъ селъ и городовъ, въ которыхъ учитъ и живетъ поочереды: въ этомъ году онъ появится въ одномъ селѣ, на слѣдующій годъ поселится въ другомъ, тамъ — въ третьемъ и т. д. Вездѣ онъ самый желанный гость; весь районъ селеній, гдѣ онъ бываетъ, — это родина назорея. Тутъ всѣ у него братья и сестры, каждый домъ—какъ свой домъ. Его наперерывъ приглашаютъ къ себѣ и считаютъ счастьемъ для дома, когда онъ придетъ. Усердствующие христіане доставляютъ своему любимцу-назорею и его ученикамъ пищу, одежду, жилище. Назорей оказываетъ особенное благоволеніе къ одному какому-либо селу, —тому, гдѣ есть наиболѣе любимое имъ семейство, и этимъ напоминаетъ какъ бы Самого Спасителя, посѣщавшаго часто селеніе Вифанію, гдѣ жило семейство Лазаря. Живя въ селѣ, назорей ночь посвящаетъ молитвѣ, а днемъ посѣщаетъ дома своихъ почитателей и наставляетъ ихъ бесѣдами объ истинахъ вѣры и нравственности. Въ праздники и воскресенья, по окончаніи церковной службы, назорей выступаетъ съ публичной проповѣдью; его слушаетъ множество народа разнаго пола, возраста, званія и состоянія, собравшееся въ оградѣ храма.

Чѣмъ питается назорей?—Опредѣленнаго правила или обычая относительно этого нѣтъ. Многіе изъ назореевъ, давшіе обѣтъ (герметъ), не ѣдятъ ни мяса, ни сырной пищи, и не пьютъ вина, а иные ѣдятъ и пьютъ все, что даютъ. Конечно, посты соблю-

даются строго всѣми. Въ постъ назорей, живя въ лѣсу, питается одними кореньями.

Сурова жизнь абиссинскаго подвижника, но тяжесть ея увеличивается еще отъ постоянной опасности со стороны дикихъ племенъ и хищныхъ звѣрей. Свирѣпый данакалецъ, галласъ или шанкалла такъ же свободно убиваетъ человѣка, какъ и звѣря. Охота за людьми даже специальное занятіе этихъ дикарей, лакомящихся человѣческимъ мясомъ. Въ средѣ ихъ презирается, кромѣ того, всякій, не убившій въ жизни ни одного христіанина, и, какъ верхъ униженія, жена его лишается права почерпать прежде другихъ изъ источника. Семейная хижинка всякаго доблестнаго дикаря украшается человѣческими черепами въ качествѣ трофеевъ! У кого ихъ больше, предъ тѣмъ всѣ благоговѣютъ. Отъ звѣрскихъ инстинктовъ дикихъ сосѣдей Абиссинія перенесла и переноситъ много зла, но болѣе всего, конечно, отъ нихъ страдаютъ беззащитные абиссинскіе подвижники. Даже звѣри—львы, тигры, леопарды не такъ беспощадны, какъ данакилы, сомалы, галла, шанкалла. Абиссинцы говорятъ, что строгіе подвижники не боятся звѣрей и какъ-то мирятся съ ними въ лѣсу. Это, можетъ быть, исключенія. Известно всетаки, что леопардъ любитъ ужинать мясомъ назрауевъ. Онъ подстерегаетъ несчастнаго старца, который, не подозрѣвая опасности, выходитъ нагой изъ своего затвора на ночную молитву и попадаетъ въ объятія смерти. Случается, что хищникъ врывается къ старцу прямо въ келью.

Мы описали два главныхъ типа абиссинскихъ подвижниковъ: багетауя и назрауя. Слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ формахъ подвижнической жизни, существующихъ въ Абиссиніи.

Есть лица, полагающіе свой подвигъ въ совершенномъ униженіи себя предъ народомъ. Имъ какъ будто пріятно переносить злословія и насмѣшки. Одинъ, на примѣръ, слыветъ въ народѣ за безумца за то, что каждый день бѣгаетъ по улицамъ съ дикими криками, кривляется, произноситъ бессмысленныя рѣчи... Но никто не знаетъ его ночныхъ трудовъ. Абиссинецъ любитъ подвизаться ночью. Тотъ, котораго всѣ считаютъ безумцемъ, въ полночь, обнаживъ свое тѣло, входитъ по горло въ прудъ или рѣку и въ такомъ положеніи, молясь и выкрикивая псалмы и трогательныя стихи „мелькаа“, выстаиваетъ до зари. — Въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ городѣ ходитъ по улицамъ юродивый, который обыкновенно старается, кого-нибудь разсердить, чтобы заслужить поношенія и удары. Онъ, на примѣръ, прикидывается воромъ или дѣлаетъ видъ, что обезчещиваетъ чужую жену, и за это, конечно, подвергается отъ мужа ея жесточайшему наказанію, не говоря о позорѣ. Припомнимъ, что въ Абиссиніи всякій, покушающійся на честь жены другого, получаетъ въ народѣ позорное имя: „сорокъ

разъ воръ“. Но всѣ насмѣшки и поруганія, побои и обиды подвижникъ переноситъ терпѣливо—ради Христа.

На смѣну идіоту и юродивому по абиссинскому селенію пробирается нищій въ подранной одеждѣ съ посохомъ въ рукѣ; онъ проситъ у людей, кто бы далъ ему поѣсть или укрылъ отъ дождя. Подумаешь, что это обыкновенный нищій. Но, нѣтъ: говорятъ, что это мэннани—т. е. презритель (подразумѣв.—міра). Въ чемъ его подвигъ? — Онъ былъ богачемъ, но все — до иголки роздалъ бѣднымъ и пошелъ скитаться. Онъ ходитъ на поклоненіе абиссинскимъ святынямъ, посѣщаетъ всѣ замѣчательные монастыри. Не имѣя самъ ничего, мэннани проситъ по пути добрыхъ людей напитать его. Всѣ относятся къ нему съ уваженіемъ, если знаютъ или догадываются, что онъ мэннани. Усердные даютъ ему пищу и одежду, а въ непогоду—кровь. Мэннани не сидитъ на одномъ мѣстѣ и, если позволяетъ срокъ его жизни, искаживаетъ всю страну нѣсколько разъ.

Наравнѣ съ подвижниками абиссинскій народъ чтитъ всѣхъ неженатыхъ священнослужителей, называя ихъ дѣвственниками—„денглауянъ“. Ихъ считаютъ чистыми и непорочными; каждый мірянинъ почитаетъ для себя счастьемъ имѣть своимъ духовникомъ дѣвственника.

Здѣсь нелишне будетъ изложить одно интересное вѣрованіе абиссинскаго народа. — Рядомъ съ обыкновенными подвижниками, по представленію абиссинцевъ, существуютъ скрытые, таинственные подвижники, называемые „хывуа“. Эти добрые духи живутъ въ лѣсахъ и невидимо подвизаются тамъ, питаясь райскими плодами. Они покровительствуютъ людямъ, молятся Богу за міръ, особенно же подкрѣпляютъ подвижниковъ—людей, труждающихся въ лѣсахъ. Абиссинцу кажется, что подъ каждымъ деревомъ, подъ каждымъ кустикомъ живетъ какой нибудь хывуа. Кто заблудится въ лѣсу или подвергнется нападенію звѣрей,—обращается молитвенно за помощью къ хывуа. Въ противоположность этому доброму царству невидимыхъ подвижниковъ существуетъ, по мнѣнію народа, другое царство — „зарь“, противодѣйствующее первому. Народъ допускаетъ, что духи „зарь“ вселяются даже въ людей. О всякомъ человѣкѣ—эксцентрикѣ, обращающемъ на себя общее вниманіе странными поступками и рѣчами, обыкновенно говорятъ: „въ немъ сидитъ зарь“.

Въ заключеніе для характеристики абиссинскаго монашества и подвижничества изложимъ возрѣніе мірянъ-абиссинцевъ на лицъ, носящихъ монашеское званіе. Всякаго монаха называютъ ангеломъ — „мелакъ“. Появленіе его предъ народомъ останавливаетъ всѣ буйства и ссоры толпы; мірянинъ никогда не посмѣетъ сказать неприличное слово въ присутствіи монаха. Слово аскета имѣетъ такой же авторитетъ для каждаго, какъ и слово отца или матери для сына. Монахъ относится всегда къ мірянину наставительно, совѣтоподательно. Слово или наставленіе монаха считается завѣтомъ ангела и хранится, какъ священное изреченіе.

Абиссинія не знаетъ примѣровъ глумленія и насмѣхательства, хотя бы тайнаго, надъ лицами монашескаго званія. Положимъ, тамъ не бываетъ и поводовъ къ этому со стороны поведенія самихъ монаховъ. Никто даже въ душѣ не помыслитъ что-либо худое на монаха. Это и естественно, если мы припомнимъ, что абиссинскій монахъ, преступившій одинъ изъ обѣтовъ, немедленно снимаетъ съ себя монашескія одежды, если носилъ ихъ, и становится простымъ міряниномъ. Было бы странно подозрѣвать монаха въ неискренности, когда онъ всякую минуту можетъ безпрепятственно оставить монашество. Это ему не доставитъ никакой непріятности. Презрительное „разстрига“ непонятно для абиссинскаго слуха. Тамъ о человѣкѣ, бросившемъ монашество, выражаютъ только сожалѣніе: „былъ ангеломъ, а теперь сталъ человѣкомъ“. Но не презираютъ его, ибо онъ поступилъ такъ, какъ подобаешь всякому истинному христіанину. Поступокъ его не вызываетъ удивленія и считается явленіемъ обычнымъ. Всѣ какъ будто думаютъ, смотря на переставшаго быть монахомъ: „человѣкъ—не желѣзо; а соблазновъ много“. Въ примѣръ мы приведемъ одинъ случай, бывшій не такъ давно въ Абиссиніи.

При покойномъ абиссинскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ, въ его свитѣ былъ архимандритъ, по имени Имъата, родомъ коптъ, прибывшій вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ изъ Александріи. Онъ занималъ при митрополитѣ очень высокую должность повѣреннаго по всѣмъ дѣламъ абиссинской церкви, управлялъ отъ имени Аѳанасія митрополіею и, сверхъ того, имѣлъ свою самостоятельную епархію. По способностямъ онъ былъ выдающійся человѣкъ. Изучивъ блистательно древне-эііопскій и народный амгарскій языки, онъ переводилъ на эти языки изъ арабскаго, греческаго, коптскаго и другихъ языковъ книги религіознаго содержанія. Человѣкъ ученый, энергичный и въ то же время добрый и ласковый ко всѣмъ, абба-Имъата скоро заслужилъ себѣ симпатіи среди народа. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ на своемъ посту, онъ вдругъ неожиданно снялъ съ себя духовный санъ и женился на одной дѣвицѣ изъ благороднаго дома. Вѣсть объ этомъ событіи скоро обошла всю эііопскую землю. На-

родъ очень сожалѣлъ о такой утратѣ для церкви. Никто не могъ помириться съ мыслью, что вотъ не стало для абиссинской церкви такого добраго, умнаго и энергичнаго человѣка, какимъ былъ абба-Имъата. Самъ негусъ Іоаннъ, какъ только узналъ, что абба-Имъата совсѣмъ оставилъ духовное званіе, опечалился и призвалъ его къ себѣ. Царь встрѣтилъ его такими словами: „почему ты оставилъ священство?—Мы были увѣрены, что ты не перестанешь приносить намъ пользу и служить образцомъ христіанской жизни для нашего эѳіопскаго народа, а вдругъ ты сдѣлалъ то, чего мы никакъ не ожидали отъ тебя“. На это абба-Имъата отвѣтилъ: „Дянхобэ (государь мой)! я окончилъ курсъ въ каирской богословской школѣ. Въ теченіе моего пребыванія въ школѣ я занимался прилежнѣе всѣхъ моихъ товарищей и окончилъ первымъ. Я любилъ заниматься чтеніемъ и толкованіемъ Слова Божія, отыскивая въ немъ аллегорическій и мистическій смыслъ. По окончаніи мною школы, меня взялъ съ собою аббуна Аванасій въ Эѳіопію и сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ. Но я не былъ доволенъ и этимъ положеніемъ и искалъ чего то большаго и лучшаго. Наконецъ, послѣ долгой борьбы, я рѣшился посвятить себя Богу, постригся въ монахи и достигъ архимандритства. Я былъ увѣренъ, что соблюду монашескіе обѣты. Но, ставъ монахомъ, я увидѣлъ, какъ тяжело бороться съ соблазнами. Я боролся, пока могъ, и созналъ, что мнѣ это не подъ силу. Между тѣмъ, я боялся нарушить ученіе, которому Господь нашъ Іисусъ Христосъ училъ своихъ учениковъ, о лицемѣрахъ, книжникахъ и фарисеяхъ (Мѡ. 23, 27—28). Я, наконецъ, рѣшилъ оставить и монашество, и священство. Дянхобэ! Оставаясь монахомъ, я обманывалъ бы Бога и Ваше Величество и весь Эѳіопскій народъ. Зачѣмъ же? Пусть лучше посмѣются о мнѣ недѣлю—двѣ: потомъ забудутъ. Я же буду спасаться, какъ простой христіанинъ, такъ какъ я не могу исполнить всего того, что требуется отъ священнослужителя и быть образцомъ для другихъ вѣрующихъ христіанъ“. Отвѣтъ Имъаты своею искренностью тронулъ негуса. Іоаннъ издалъ указъ и объявилъ его черезъ глашатаевъ (абджъ) по всему своему царству, что даруетъ Имъатѣ въ самостоятельное владѣніе и управленіе цѣлую губернію съ селами и городами въ Тигре и, кромѣ того, назначаетъ его своимъ совѣтникомъ и тайнымъ секретаремъ. Словомъ, негусъ сдѣлалъ Имъату самымъ важнымъ свѣтскимъ чиновникомъ. Народъ не пересталъ уважать Имъату и до сихъ поръ называетъ его абба-Имъата. Губерніа Адывунъ, которую получилъ Илѣата отъ негуса, считается счастливою, что имѣетъ славнаго начальника. Абба-Имъата имѣетъ сыновей, которые всѣ, подобно отцу, умны, дѣятельны и занимаютъ высокія должности въ свитѣ государя. Главная заслуга аббы-Имъаты предъ негусомъ и народомъ та, что онъ перевелъ на абиссинскій языкъ догматику, написанную

на арабскомъ языкѣ и присланную въ Абиссинію александрійскимъ коптскимъ патріархомъ Кирилломъ въ царствованіе негуса Іоанна, по случаю споровъ трехъ партій абиссинскихъ богослововъ. Споры эти, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе самъ Іоаннъ, прекратились, благодаря появленію догматики, переведенной аббою-Имъатою, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и религіозныя возмущенія, волновавшія страну нѣсколько столѣтій. Новая догматика признана въ Абиссиніи превосходнымъ учебникомъ въ школахъ и монастыряхъ наряду съ абиссинской догматической системой „Аймадь-мистирь“.

О МУЗЫКѢ АБИССИНЦЕВЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

О МУЗЫКѢ АБИССИНЦЕВЪ †).

Когда абиссинцы говорятъ о своей музыкѣ, то они разумѣютъ почти исключительно музыку церковную. Только для церковной музыки существуютъ у нихъ нотные знаки, только ее изучаютъ въ школахъ, только церковные напѣвы обязательно знаетъ тотъ или другой абиссинецъ. Свѣтскія пѣсни и игра на инструментахъ хотя и существуютъ въ Абиссиніи, но остаются въ тѣни, какъ дѣло частное, маловажное, значеніе котораго даже рѣдко кто сознаетъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе съ такимъ разъединеніемъ этихъ двухъ родовъ музыки, церковные напѣвы Абиссиніи отличаются отъ свѣтскихъ народныхъ пѣсенъ, пожалуй, въ гораздо большей степени, чѣмъ, на примѣръ, наши церковныя мелодіи отъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Конечно, такое явленіе обязано своимъ происхожденіемъ какъ различію въ цѣли и назначеніи религіозной и свѣтской музыки, такъ и исторически сложившимся обстоятельствамъ.

О происхожденіи музыки у абиссинцевъ существуетъ слѣдующая легенда. Во времена негуса Калеба въ городѣ Земиень жилъ благочестивый человѣкъ Яредъ. Однажды онъ сидитъ подъ деревомъ и видитъ, какъ червякъ ползетъ на вершину дерева. Вотъ онъ поднялся уже почти на самую вершину, но вдругъ оборвался и упалъ; второй разъ полѣзъ,—но опять упалъ. И такъ было до семи разъ. Святой понялъ, что это дается ему знаменіе свыше: вѣдь онъ также семь лѣтъ бесплодно потратилъ на изученіе въ школахъ науки и искусства и не достигъ ничего. Когда онъ недоумѣвалъ и размышлялъ объ этомъ, сошелъ на него Духъ Святой, и онъ уразумѣлъ чтеніе, письмо и музыку. Вслѣдъ затѣмъ упала къ нему съ неба книга „Дуга“, въ которой написаны были два главныхъ вида церковныхъ абиссинскихъ напѣвовъ *).—Эта легенда напоминаетъ многочисленныя легенды другихъ древнихъ народовъ, имѣющія цѣлью указать на происхожденіе музыки отъ боговъ. Въ данномъ случаѣ

†) Настоящая глава написана по нашей просьбѣ почтеннымъ собирателемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ *Б. Быстровымъ* (псевдонимъ). Высказываемъ это здѣсь съ глубокой благодарностью составителю, любезно предложившему намъ свою работу.

Е. Д.

*) Почти въ такомъ же видѣ эта легенда приведена у *Villoteau* (т. XIV, стр. 271) и *Ambros'a* (т. I, стр. 551 второго изд. его Истории музыки). См. слѣдующую выноску.

Б. В.

она подтверждаетъ высказанный нами взглядъ абиссинцевъ на церковную музыку, какъ на главный и священный предметъ. Но, понятно, не съ неба свалились тѣ церковные напѣвы, которыми обладаютъ теперь абиссинцы. Прослѣдить вліянія, подѣ которыми создавалась абиссинская церковная музыка, довольно трудно, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ не только въ абиссинской, но и въ европейской литературѣ *). Здѣсь возможны лишь проблемы.

Точкой отправленія можетъ служить для насъ, въ данномъ случаѣ, распространеніе христіанства въ Абиссиніи. По свидѣтельству древняго церковнаго историка Созомена, христіанство официальнымъ образомъ проникло въ Абиссинію въ первой половинѣ IV-го столѣтія чрезъ Александрію. Имѣя въ виду аналогію занесенія въ Россію греческою іерархіею византійскаго пѣнія, есть основаніе и по отношенію къ Абиссиніи заключать о возможности перенесенія туда александрійскихъ церковныхъ напѣвовъ. На какую же почву пало и въ какой формѣ могло проникнуть въ Абиссинію это александрійское пѣніе?

Въ древнѣйшую эпоху Эѳіопскаго государства религіозная музыка эѳіоповъ складывалась, можно полагать, изъ воздѣйствія трехъ главныхъ вліяній: кушитско-арабскаго, египетскаго и еврейскаго. Въ основѣ этой музыки, должно быть, лежалъ музыкальный элементъ кушитовъ, составлявшихъ первое зерно Эѳіопіи, — элементъ, который затѣмъ, при переселеніи въ Эѳіопію сабеянъ, былъ уси-

*) Свѣдѣнія объ абиссинской музыкѣ, насколько намъ извѣстно, можно найти у Kirher'a, Labord'a, Villoteau, Forkel'я, Fétis'a и Ambros'a. Сочиненій Kirher'a (*Musurgia universalis*), Labord'a (*De la Borde, Essai sur la musique*) и Forkel'я (*Allg. Gesch. der Musik*) мы, впрочемъ, подѣ руками не имѣли, а указываемъ на нихъ по цитации Виллото и Амброза. Ambros (см. его *Geschichte der Musik*, томъ I; у насъ подѣ руками второе изданіе—*Leipzig 1887.*) лишь повторяетъ въ сжатомъ видѣ то, что говоритъ объ абиссинской музыкѣ Виллото. Fétis (см. его *Histoire générale de la musique*, томъ I, Paris 1869 и отчасти т. II) также всецѣло основывается въ этомъ вопросѣ на Виллото и только пытается дѣлать нѣкоторые выводы и сопоставленія изъ готоваго матеріала. Такимъ образомъ главнымъ пособіемъ по этому вопросу приходится признать Villoteau. Въ его весьма извѣстномъ и замѣчательномъ трудѣ *De l'état actuel de l'art musical en Égypte* (изданномъ Pancouck'омъ въ «*Description de l'Égypte*»... tome XIII и XIV, seconde édition, Paris 1826) находятся двѣ главы—одна о церковной музыкѣ (tome XIV), а другая о музыкальныхъ инструментахъ Абиссиніи (tome XIII). Но собственно о церковной абиссинской музыкѣ Виллото говоритъ весьма немного (излагаетъ нотацию и представляетъ нотные примѣры абиссинскихъ напѣвовъ). Это разъ. А второе—хотя Виллото изслѣдователь добросовѣстный и большой знатокъ своего дѣла, однако, какъ мы убѣдились лично и какъ это извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ †), безусловно довѣрять его положеніямъ рискованно;

†) См. напр. сочиненіе Ю. Арнольда „Теорія древнерусскаго церковнаго и народнаго пѣнія“ (М. 1880 г.), въ которомъ авторъ на стр. 61 и слѣд. доказываетъ неправильность перевода Виллотомъ нѣкоторыхъ византійскихъ нотныхъ знаковъ; см. также соч. Kiesewetter'a «*Die Musik der Araber*», Leipzig 1842, гдѣ онъ, въ приложеніи, оспариваетъ правильность нотныхъ записей арабскихъ мотивовъ, сдѣланныхъ Виллото въ Каирѣ.

лень и обновлень арабско-сабейскимъ элементомъ. Въ ту же древнѣйшую эпоху Эѳіопія въ одно время, довольно, впрочемъ, продолжительное, находилась подъ господствомъ египетскихъ фараоновъ. Мало-по-малу не только египетская культура, но и религія съ ея культомъ нашли себѣ въ Эѳіопіи широкое распространеніе. Естественно предполагать, что въ это время и религіозная музыка эѳіоповъ значительно окрасилась музыкальнымъ элементомъ египтянъ. Затѣмъ, изъ абиссинскихъ преданій, равно какъ изъ исторіи и обычаевъ абиссинцевъ видно, что Эѳіопія, уже послѣ переселенія въ нее сабеянъ, имѣла дѣятельныя сношенія съ Іудеей,—сношенія и торговыя и культурно-религіозныя, и что еврейское богослуженіе, въ извѣстной мѣрѣ, было въ Эѳіопіи предметомъ подражанія. Это даетъ намъ возможность предположить, что эѳіопская музыка восприняла въ себя и еврейскій музыкальный элементъ—въ видѣ, на примѣръ, еврейскихъ мелодій, инструментовъ и проч. Въ болѣе поздній періодъ эѳіопской исторіи могла имѣть вліяніе на религіозную музыку абиссинцевъ музыка грековъ (при Птоломеяхъ). Но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, незначительность сношеній эѳіоповъ съ греками, а съ другой—то обстоятельство, что здѣсь дѣло касалось такихъ сокровенныхъ и неизмѣняемыхъ предметовъ, какъ религіозныя учрежденія и обычаи,—должно полагать, что такое вліяніе, если только оно было, ни въ какомъ случаѣ не могло произвести значительныхъ результатовъ.

Въ эпоху христіанства, въ теченіе I—IV вв. христіанская церковно-религіозная музыка не выработала спеціальной формы; первые христіане для своихъ священныхъ гимновъ или пользовались готовыми мелодіями, каковыми могли быть тогда лишь еврейско-эллиніскія, или составляли новыя, но въ томъ же духѣ и стилѣ. Съ теченіемъ времени еврейскій музыкальный элементъ, можно полагать, все болѣе и болѣе вытѣснялся изъ христіанскаго богослуженія, уступая мѣсто отчасти—мѣстному, но въ гораздо большей степени—греческому музыкальному элементу. Это было совершенно естественнымъ явленіемъ въ эпоху всемірнаго господства эллинской культуры. Къ этому же выводу приводитъ насъ и то обстоятельство, что установленные Амвросіемъ Медіоланскимъ церковныя лады

тѣмъ болѣе что въ главѣ объ абиссинской музыкѣ онъ и самъ, повидимому, склоненъ признавать условное значеніе за своими данными и своими разсужденіями по этому вопросу. Такимъ образомъ почти предоставленные самимъ себѣ, мы обратились къ временно проживавшимъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ абиссинцамъ и у нихъ попытались найти отвѣтъ на интересовавшій насъ вопросъ. Къ сожалѣнію, добиться отъ нихъ чего-либо точнаго было чрезвычайно трудно, съ одной стороны вслѣдствіе почти полнаго незнакомства ихъ съ нашимъ языкомъ и съ европейскими музыкальными терминами, а съ другой—вслѣдствіе кратковременнаго пребыванія ихъ въ нашей столицѣ. Тѣмъ не менѣе намъ удалось записать съ ихъ голоса нѣсколько абиссинскихъ мелодій и пополнить наши свѣдѣнія объ ихъ музыкѣ,—каковыя и предлагаемъ благосклонному вниманію читателей.

Б. Б.

оказываются греческими ладами. Амвросій не вводилъ чего-либо новаго въ христіанскую жизнь своего времени: онъ воспользовался уже готовымъ матеріаломъ и изъ многихъ другихъ ладовъ выбралъ и узаконилъ для церкви только четыре. Слѣдовательно, въ его время на западѣ эллинскій музыкальный элементъ былъ господствующимъ въ церковномъ богослуженіи. Но нѣтъ особенныхъ основаній представлять дѣло иначе на востокѣ, особенно въ Александріи, которая давно уже воспріяла въ себя и жила греческой культурой. Отсюда естественно заключать, что Александрія, снабдивъ въ IV вѣкѣ Абиссинію христіанской іерархіей и христіанскимъ ритуаломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открыла возможность проникновенія въ Абиссинію греческимъ мелодіямъ и греческому музыкальному элементу вообще. Впрочемъ, это вліяніе греческой музыки продолжалось не долго, такъ какъ и іерархія греческая не долго пользовалась въ Абиссиніи почетомъ. Ересь Евтихія (монофизитство), распространившаяся въ Египтѣ, проникла и въ Абиссинію и породила тамъ не только смуты, но и недовѣріе и даже ненависть къ пришлой высшей іерархіи. Создалось положеніе, по которому высшая іерархія стала жить сама по себѣ, а низшее духовенство и паства—сами по себѣ. Поэтому есть основаніе думать, что въ это время и музыкальный греческій элементъ въ Абиссинскомъ богослуженіи возбудилъ противъ себя недовольство, и дальнѣйшее развитіе вліянія греческой музыки здѣсь прекратилось. Такимъ образомъ, церковная абиссинская музыка если и окрасилась греческимъ музыкальнымъ элементомъ, то лишь слегка, такъ какъ онъ не успѣлъ пустить здѣсь глубокихъ корней, и въ дальнѣйшемъ продолжала развиваться на прежней египетско-еврейско-арабской основѣ.

Въ VI в. въ Абиссиніи созналась потребность привести церковные музыкальные напѣвы къ единству и создать въ извѣстномъ смыслѣ музыкально-богослужебный уставъ. Это дѣло выполнилъ абиссинскій святой Яредъ (VI в.). Онъ привелъ въ систему всѣ церковныя пѣснопѣнія, подраздѣливъ ихъ на отдѣлы (воскресныя и праздничныя, постовыя, погребальныя и проч.; полный такой кругъ годовыхъ пѣснопѣній составилъ особую книгу „Дуга“), очистилъ ихъ отъ неприличныхъ для церкви или заносныхъ мелодій и многія пѣснопѣнія и мелодіи сочинилъ самъ; а чтобы обезпечить сохраненіе ихъ на будущее время и чтобы облегчить дѣло усвоенія ихъ учениками, онъ установилъ нотную систему. Съ его времени церковное пѣніе стало предметомъ тщательнаго изученія въ особыхъ спеціальныхъ школахъ, называемыхъ тоже „Дуга“. Такія школы получили государственное значеніе и до сихъ поръ являются разсадниками средняго и высшаго образованія въ Абиссиніи. Важная заслуга Яреда нашла себѣ достойную оцѣнку въ

потомствѣ; онъ сталъ предметомъ легендъ, и еще свѣжо въ Абиссиніи преданіе, что онъ живъ до сихъ поръ,—подъ видомъ странника переходитъ изъ города въ городъ, наставляя людей благочестію и церковному пѣнію.

Понятно, что установленные и очищенные Яредомъ церковно-богослужебные напѣвы стали предметомъ особенной заботливости о сохраненіи ихъ въ цѣлости со стороны Абиссинцевъ, чему не мало способствовала послѣдующая исторія Абиссиніи. Извѣстно, что до нашихъ дней Абиссинія не имѣла ни съ однимъ христіанскимъ народомъ такихъ продолжительныхъ и глубокихъ сношеній, которыя бы могли оказать вліяніе на ея церковно-богослужебный ритуаль. Поэтому такія важныя явленія европейской церковно-исторической жизни, какъ византійское осмогласіе или средневѣковые западные церковно-музыкальные лады, не коснулись Абиссиніи. Внутреннія же смуты, въ видѣ временнаго господства въ Абиссиніи евреевъ-фалашанъ (X—XII вв.) и преобладанія арабовъ-мусульманъ (VII—VIII вв.), не могли оказать значительнаго вліянія на измѣненіе церковно-богослужебныхъ напѣвовъ. Отсюда есть основаніе полагать, что нынѣшнее церковное пѣніе абиссинцевъ въ общемъ сохраняетъ тѣ черты и особенности, которыя сообщены ему были еще Яредомъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторической перспективы, нынѣшняя абиссинская церковная музыка должна представлять смѣшанный музыкальный типъ, имѣющій основы кушитско-арабскія, ноокрашенный въ болѣе или менѣе значительной степени древне-египетскимъ, еврейскимъ и даже эллинскимъ музыкальными элементами.

Насколько такой выводъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—можно было бы рѣшить лишь посредствомъ анализа музыкальных произведеній Абиссиніи. Но такихъ-то музыкальных данныхъ почти и не существуетъ. При всемъ томъ постараемся освѣтить нѣсколько этотъ вопросъ

Нотная система абиссинцевъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ *) знаковъ, каковыми служатъ уменьшенныя буквы абиссинскаго алфавита. Въ этомъ отношеніи абиссинцы не отличаются отъ другихъ древнихъ народовъ (напр., грековъ, арабовъ, китайцевъ и друг.), которые также для обозначенія звуковъ употребляли буквы алфавита. Здѣсь проявляется общая черта психологіи народовъ, по которой какъ звуки рѣчи, такъ и звуки пѣнія объединялись и выражались въ сходныхъ знакахъ. Ноты абиссинскія имѣютъ слѣдующій видъ (см. таблицу № 1; на ней представлены лишь нѣкоторыя ноты, для образца). Пишутся онѣ сверху строки надъ словами.

*) Ambros насчитываетъ, очевидно, со словъ Villoteau, 53 нотныхъ знака. По нашему мнѣнію, ихъ больше; но сколько именно—сказать не можемъ.

№ 1. Таблица абиссинскихъ нотъ и ихъ значеніе, по Villoteau.
 №№

1	h	hé,	— полутонъ вверхъ.
2	h	se,	— полутонъ внизъ.
3	h	ka,	— 1 тонъ вверхъ, переходящій къ другому интервалу безъ остановки.
4	φ	oué,	— { a) 1 тонъ вверхъ короткій, скорый. b) малая терція, восходящая и потомъ нисходящая соединенными ступенями.
5	φ	oua,	— 1 тонъ вверхъ съ кадансомъ на 2-мъ звукѣ.
6	φ	tou,	— большая діатоническая терція восходящая
7	φ	khke,	— большая восход. терція въ 1 только интервалъ съ маленькой ногой на послѣднемъ звукѣ.
8	φ	ya,	— { a) малая терція въ 1 только интервалъ. b) звукъ быстрый.
9	ь	bé,	— { a) звукъ выдержанный и кадансированный. b) пауза проходная, краткая.
10	φ	na,	— большая діатоническая терція восходящ., съ краткимъ задержаніемъ на 3 звукѣ.
11	φ	<u>dou,</u>	— малая терція нисходящая въ 1 только интервалъ.
12	h	a,	— кварта, восходящ. разъединенными ступенями, а затѣмъ соединенными.
13	φ	re...Anemer (анвырь?),	— заключительный кадансъ съ — или безъ органаго пункта.
14	φ h	rese,	— кадансъ финальный, восходящій вверхъ.
15	φ h	rese...Derse,	— cadence de repos съ органомъ пунктомъ.
16	φ	si,	— кварта діатонич. нисходящ. съ краткимъ задержаніемъ на послѣдн. звукѣ.
17	h	ho,	— { a) тонъ вверхъ, быстро переходя отъ перваго звука до втораго. b) звукъ повторенный и продолженный.
18	—	(Agover)	— звукъ выдержанный и кадансированный.
19	φ	fe (ve),	— cadence de repos восходящей терціи.
20	•	(Hiaz),	— звукъ повторенный

Каково значеніе абиссинскихъ нотъ,—этотъ вопросъ чрезвычайно трудно поддается рѣшенію. Извѣстный писатель Villoteau добылъ и установилъ цѣлую таблицу абиссинскихъ нотъ съ ихъ значеніемъ (см. таблицу № 1; мы приводимъ не полную таблицу Виллота, а лишь въ извлеченіи). По этой таблицѣ абиссинскія ноты, подобно новогреческимъ крюкамъ, означаютъ не звуки или ступени музыкальной скалы, а или 1) интерваллы между ступенями (полутонъ внизъ, тонъ вверхъ и т. д.), или 2) продолжительность звуковъ (быстрый звукъ, выдержанный звукъ и т. д.), или 3) характеръ слѣдованія звуковъ (связно, раздѣльно и т. д.). Ясное дѣло, что при такой нотаціи ни высоту, ни продолжительность звуковъ — главное качество нашихъ европейскихъ нотъ — абиссинскія ноты точно не выражаютъ, а обозначаютъ ихъ лишь въ общихъ чертахъ. Тѣмъ не менѣе и это значеніе абиссинскихъ нотъ, какъ видно изъ представленныхъ затѣмъ Виллото нотированныхъ пѣснопѣній и какъ онъ самъ сознается, на дѣлѣ не оправдалось, и Виллото ничего опредѣленнаго не добился. Наши попытки уяснить себѣ значеніе абиссинскихъ нотъ сопровождались не бѣлыми результатами. Чтобы не оставить, однакоже, читателей въ полномъ невѣдѣніи по этому вопросу, можно сдѣлать слѣдующее предположеніе.

Такихъ нотныхъ знаковъ, которые бы заразъ обозначали и звуки и высоту ихъ и продолжительность (какъ наши европейскія ноты), въ древнее время у абиссинцевъ, конечно, не было. Но у нихъ были различныя категоріи знаковъ, которыми обозначались различныя свойства нашихъ нотъ порознь. Такъ, была категорія знаковъ для выраженія отношеній между звуками или интервалловъ. Другая категорія служила для обозначенія высоты. Высота опредѣлялась, вѣроятно, въ общихъ чертахъ, подобно тому какъ у византійцевъ или у русскихъ (въ крюкахъ): то есть, вся совокупность музыкальной скалы раздѣлялась на нѣсколько голосовыхъ областей или регистровъ *), и считалось достаточнымъ указать знакомъ или словомъ лишь на подобную область. Продолжительность звуковъ обозначалась также особыми значками и словами. Для выраженія характера пѣнія употребляли иныя слова и ихъ сокращенія и т. д. Съ теченіемъ времени, однако, подобная подробная семантика, требующая большого вниманія и напряженія отъ пѣвцовъ, по всей вѣроятности, возбудила противъ себя недовольство; на практикѣ ею стали тяготиться и предпочитали запоминать мелодіи и части мелодіи съ голоса другихъ; а чтобы легче воспроизводить заученную такимъ образомъ мелодію, стали обозначать условными сло-

*) У эллиновъ и византійцевъ, напр., была область низкихъ звуковъ, или *гиптообразная* область;—область среднихъ звуковъ, или *месообразная*;—область верхнихъ звуковъ, или *иптообразная*; еще выше—*иперболеобразная* область. Въ русскихъ церковныхъ крюкахъ такому дѣленію до извѣстной степени соотвѣтствуютъ области знаменъ *простыхъ*, *мрачныхъ*, *святыхъ*, *тресвятыхъ*.

вами и знаками не каждый звукъ, а лишь характерные звуки и переливы звуковъ въ данной части мелодіи. Такъ положено было начало забвенію прежняго значенія нотъ и замѣнѣ его новымъ значеніемъ и новыми знаками. Послѣдующія поколѣнія могли и не заучивать всѣхъ прежнихъ нотныхъ знаковъ, а довольствоваться усвоеніемъ мелодіи съ голоса и запоминаніемъ новыхъ знаковъ.

Вотъ подобное явленіе, повидимому, какъ разъ наблюдается теперь у абиссинцевъ. Справедлива ли изложенная гипотеза или нѣтъ, но фактъ тотъ, что абиссинцы теперь забыли подлинное значеніе своихъ нотныхъ знаковъ (они не знали ихъ и во время Виллото, т. е., въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія). Каждый знакъ или, по крайней мѣрѣ, большинство таковыхъ, обозначаетъ теперь у нихъ не одинъ звукъ и не интерваллы опредѣленные, а цѣлое сочетаніе звуковъ, цѣлую руладу, или просто частицу мелодіи. Напр., знакъ (см. № 13 таблицы) исполняется такъ (первая строчка выражаетъ нашу запись при быстромъ [обыкновенномъ] пѣніи абиссинца; вторая—при замедленномъ исполненіи того же знака):

№ 2.

Иногда два знака соединяются вмѣстѣ; тогда и звуковое колѣно бываетъ сложнѣе и длиннѣе. Затѣмъ, мелодическое значеніе знаковъ нерѣдко мѣняется, сообразно съ положеніемъ даннаго знака въ гласѣ: если одинъ и тотъ же знакъ употребляется въ различныхъ гласахъ, тогда онъ исполняется въ каждомъ гласѣ различно.—Въ этомъ отношеніи абиссинскія ноты весьма напоминаютъ средневѣковыя *невмы* (собственно *пневмы*) или же наши русскіе крюки, особенно *лица* и *виты*. Русское, напр., *лицо* или *вита* обозначаютъ цѣлый мелодическій отрывокъ, значеніе котораго нерѣдко мѣняется или соотвѣтственно гласамъ, или въ зависимости отъ предыдущихъ и послѣдующихъ крюковъ.

Названія свои абиссинскія ноты заимствуютъ частію отъ буквъ (ho, ge, dou, tze и т. д.), частію отъ словъ текста, частію отъ словъ, служившихъ терминами для обозначенія способа исполненія. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ самыя ноты являются лишь сокращеніемъ такихъ словъ. Такъ, нотный знакъ ge (см. № 13 таблицы)

можетъ быть сокращеніемъ слова *анвыр* („кратко, немного“ пѣть), именно—последняя буква его (*p*). Точно также нотный знакъ *a* бываетъ сокращеніемъ слова *аккац* (—начальная буква его), двойной нотный знакъ *se-ga* — сокращеніемъ слова *серай* и т. д. Здѣсь опять абиссинцы не представляютъ какого-либо исключенія въ исторіи музыки, такъ какъ аналогію подобнаго явленія можно указать у другихъ народовъ. Такъ, индійцы свои названія тоновъ *са*, *ри*, *га* и проч. образовали изъ сокращенія словъ: *сар'я*, *рисхабба*, *гаидхаза* и т. д.; Гвидонъ Аретинскій произвелъ, чрезъ сокращеніе, наши названія *ut*, *re*, *mi* и т. д. отъ словъ известной молитвы св. Іоанну Крестителю, и т. п.

Но какъ могло случиться, что нѣкоторыя абиссинскія ноты получили свое названіе (сокращенное) и даже форму (буква, слогъ) отъ самаго текста пѣснопѣній? Можно полагать, что поводъ и основаніе для этого найдены были, какъ мы уже говорили, въ самой практикѣ пѣнія. При исполненіи какой либо молитвы различные слоги словъ ея выпѣвались неодинаково: на одномъ слогѣ брался всего одинъ звукъ, на другомъ—два, три, четыре и такъ далѣе. Такимъ образомъ, на нѣкоторыхъ словахъ или слогахъ образовались характерныя комбинаціи звуковъ (колоратуры) *). Когда такихъ комбинацій набралось много, то онѣ стали всегда различаться и воспроизводиться въ сознаніи, по закону смежности, въ связи со своими слогами и словами; а отсюда совершенно естествененъ былъ переходъ и къ усвоенію самимъ звуковымъ комбинаціямъ названій въ видѣ тѣхъ же слоговъ и словъ. Такъ, напр., если въ молитвѣ, хотя бы *Keddus Egziavere* („Святый Боже“), на словѣ *Keddus* пришла бы характерная колоратура или даже одинъ выдающійся звукъ; то весьма вѣроятно, что абиссинецъ назвалъ бы такой звукъ или колоратуру словомъ *Keddus* (въ сокращеніи—*du*, а *du* есть уже буква **) и слѣдовательно нотный знакъ). И если въ другой какой либо молитвѣ на известномъ словѣ понадобилось бы взять такой же звукъ или колоратуру, то абиссинецъ-композиторъ навѣрное написалъ бы вверху надъ этимъ словомъ: „пѣть подобно *Keddus*“ или просто поставилъ бы сверху слово *Keddus* и даже одинъ знакъ *du*. Что такой процессъ могъ имѣть мѣсто у абиссинцевъ, подтвержденіе этого мы имѣемъ въ аналогіяхъ у другихъ народовъ. Такъ, Гвидонъ Аретинскій по тѣмъ же основаніямъ первую ступень гаммы назвалъ *ut*, вторую *re*, третью *mi* и т. д.; точно также въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ для обозначенія того, какъ нужно пѣть известную стихирѹ или тропарь, нерѣдко надписывается сверху:

*) Ср. средневѣковую колоратуру на конечномъ слогѣ *ah* въ словѣ *Hallelujah*,—колоратуру, получившую особое названіе „*jubilus*“.

**) У абиссинцевъ буква означаетъ цѣлый слогъ; то есть, у нихъ при каждой согласной обязательно подразумѣвается и какая нибудь гласная, подобно тому какъ это наблюдается отчасти и въ древнемъ еврейскомъ языкѣ.

„подобень (тому-то)“, и это названіе служитъ напoминаніемъ (и какъ бы названіемъ) цѣлой мелодіи.

Само собою разумѣется, что изученіе всѣхъ абиссинскихъ нотъ и разучиваніе священныхъ пѣснопѣній составляетъ прямо египетскую работу и, кромѣ того, требуетъ недюжинныхъ способностей отъ человѣка. Не удивительно, что каждый абиссинецъ, прошедшій съ успѣхомъ главную пѣвческую школу Дуга, считается ученымъ, великимъ человѣкомъ и получаетъ большія права въ государствѣ. Но не говоря уже о трудности, изученіе абиссинскихъ нотъ и весьма неблагоприятное дѣло. Самое лучшее и полное изученіе абиссинскихъ нотъ все-таки не даетъ знанія нотъ въ нашемъ смыслѣ слова. Каждый пѣвецъ можетъ пѣть только то, что раньше заучилъ (вызубрилъ) наизусть, и ноты абиссинскія служатъ для него лишь напoминаніемъ заученной мелодіи. Разъ установившіяся мелодіи передаются изъ рода въ родъ посредствомъ личнаго наученія и усвоенія. Прекратись это преемство преданія, и ключъ къ абиссинскимъ нотамъ, а слѣдовательно и само церковное абиссинское пѣніе, потеряны навсегда.

Въ большихъ церквахъ (соборахъ) абиссинцы поютъ по нотнымъ богослужебнымъ книгамъ; въ малыхъ же поютъ безъ нотъ, въ томъ видѣ, какъ пѣли вездѣ по Абиссиніи до Яреда и установленія нотной системы. Въ малыхъ церквахъ поютъ обычно священники и діаконы—отъ 3 до 5 человѣкъ, въ соборныхъ—цѣлый громаднѣй хоръ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Хоръ стоитъ посреди церкви полукругомъ и управляется настоятелемъ собора (*алака*), который обычно считается *persona magna* и получаетъ огромное содержаніе изъ доходовъ собора. Весьма часто хоръ въ большихъ церквахъ раздѣляется на двѣ половины, которыя поютъ попеременно, отчего получается такъ называемое *гракань*, т. е. антифонное пѣніе (*гракань*—„правое—лѣвое“ пѣніе). Хоръ состоитъ изъ мужчинъ и дѣтей, а женщины не допускаются. Но, кромѣ хора, въ пѣніи до нѣкоторой степени участвуютъ и всѣ молящіеся въ церкви—мужчины и женщины: они исполняютъ (говоркомъ) такія простыя вещи, какъ: „И со духомъ твоимъ“, „имамы ко Господу“, „Господи помилуй“, „Аминь“ и т. п. Это напoминаетъ древнія времена христіанской церкви, когда дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь народъ подпѣвалъ хору или и самостоятельно отвѣчалъ священнику. Въ нашихъ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгахъ до сихъ поръ также сохранился архаическій музыкальный терминъ: „людіе“, то есть, это долженъ пѣть весь народъ. Церковная музыка абиссинцевъ исключительно гомофоническая, какъ и вообще у всѣхъ древнихъ народовъ; поэтому напрасно мы стали бы искать здѣсь хотя бы такой простѣйшей гармоніи, какъ у нынѣшнихъ грековъ или румынъ (*cantus firmus* и *педадь*—хоръ на тоникѣ или на доминантѣ). А что абиссинскій хоръ состоитъ изъ мужчинъ и дѣтей, то это еще ничего не дока-

зываетъ: они просто *магадизируютъ*, то есть, поютъ въ октаву. Какъ извѣстно, такая магадизація имѣла и имѣетъ мѣсто у большинства древнихъ народовъ.

Весь кругъ церковныхъ пѣснопѣній заключенъ въ особой музыкально-богослужебной книгѣ *Дуга*, ведущей свое происхождение отъ Яреда. „Дуга“ по содержанію раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ: будничное пѣніе, праздничное, постовое, погребальное и проч.; съ точки же зрѣнія напѣвовъ—въ „дугѣ“ можно усмотрѣть два главныхъ рода пѣнія: *ызъ* и *ызель*. Они напоминаютъ отчасти наши *гасы* (почему мы, для удобства, въ дальнѣйшемъ изложеніи и будемъ называть ихъ этимъ именемъ), отчасти наши *роспѣвы*, но не равняются ни тѣмъ, ни другимъ. Въ общемъ, они указываютъ на родъ, характеръ и время пѣнія въ годичномъ кругѣ. *Ызель* (буквально „радостный, торжественный“) выражаетъ собою радостные, торжественные, праздничные напѣвы, или—что то же—указываетъ способъ и характеръ, *какъ* извѣстныя пѣснопѣнія (текстъ) должны исполняться въ торжественные, праздничные моменты богослуженія; *гызъ* (буквально „постный, простой“) — обнимаетъ будничныя и постовыя пѣснопѣнія или указываетъ на способъ, какъ извѣстныя пѣснопѣнія должно пѣть въ будничные и постные дни и вообще въ неторжественные моменты богослуженія. Соответственно этому *ызель* употребляется обычно при большомъ хорѣ, съ акомпаниментомъ барабана („к'нэ каваро“); а *гызъ*—безъ этихъ условій, въ скромной обстановкѣ.

Но существенной разницы между этими родами пѣнія, или гласами, мы, признаемся, не нашли ни въ построеніи мелодіи, ни въ характерѣ исполненія; посему точнѣе охарактеризовать ихъ, какъ извѣстные типы напѣвовъ, мы затрудняемся. Быть можетъ, въ церкви, при соответствующемъ настроеніи и воодушевленіи, абиссинскіе пѣвцы придаютъ каждому гласу особый спеціальный характеръ, чего не могъ передать намъ абиссинецъ въ частномъ мѣстѣ и въ частномъ исполненіи. Какъ можно догадываться, абиссинцы съ словомъ „ызель“ соединяютъ понятіе пѣнія болѣе причудливаго, болѣе широкаго, обильно украшеннаго фіоритурами, а съ словомъ „гызъ“ —менѣе украшеннаго, скуднаго, простаго. И съ этимъ нужно согласиться; хотя въ имѣющихся у насъ подъ руками мелодическихъ данныхъ эти черты перемѣшиваются въ обоихъ напѣвахъ.

Наиболѣе употребительный напѣвъ въ церкви—*гызъ*; на этотъ напѣвъ поются пѣснопѣнія не только въ будни, но и въ праздничные дни: здѣсь онъ примѣшивается на всенощной, на литургіи—до чтенія евангелія (послѣ котораго все время поется *ызель*). Есть пѣснопѣнія, которыя поются только на одинъ какой нибудь изъ этихъ двухъ напѣвовъ: напр., „Христосъ воскресъ“ поется только на *ызель*; другія поются на оба напѣва: на *гызъ*—въ будніе дни и на *ызель*—въ воскресные, напр., „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Аллилуйя“ и т. п.

Другіе изслѣдователи абиссинской музыки (главнымъ образомъ Villoteau, за которымъ повторяютъ Fétis и Ambros) находятъ у абиссинцевъ три гласа или напѣва, и къ указаннымъ уже двумъ причисляютъ еще гласъ *арарай*. Но съ этимъ согласиться нельзя *). Слово „арарай“ значитъ „печальный“, и этимъ именемъ обозначается собственно одинъ небольшой отдѣлъ (приблизительно $\frac{1}{10}$ всей книги) *текста пѣснопѣній* въ *дугѣ*. Самыя эти пѣснопѣнія поются на гласъ гызъ и ызель, но только съ особеннымъ характеромъ или колоритомъ и, быть можетъ, въ особенномъ регистрѣ по высотѣ. Если этотъ характеръ или колоритъ изъять, отвлечь отъ гласовъ гыз'а и ызел'я, то въ переносномъ смыслѣ его также можно назвать „арарай“. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ напѣвамъ, „арарай“ можетъ означать лишь характеръ или силу голоса (напр., фальцетъ, piano) въ связи съ извѣстной высотой звуковъ (напр.,

*) Мы расходимся съ Виллото въ двухъ вопросахъ, именно въ вопросахъ о томъ, 1) что нужно разумѣть подъ словомъ ызель (равно какъ и подъ словомъ а р а р а й), и 2) сколько гласовъ у абиссинцевъ.

Виллото говоритъ, что напѣвъ ызель употребляется въ дни говѣнія и поста и разумѣетъ подъ нимъ нѣчто печальное, противоположное торжественному, для чего, по его мнѣнію, служитъ арарай). Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться въ виду прямыхъ заявленій абиссинцевъ, что ызель употребляется въ праздничные и воскресные дни на литургіяхъ и притомъ съ барабаннымъ боемъ, при большомъ хорѣ.

Вопросъ же объ арарай самъ собою рѣшится, когда мы убѣдимся, что нужно считать у абиссинцевъ не три гласа, а два. Виллото, повидимому, и не подозрѣвалъ, чтобы можно было сомнѣваться въ тройственномъ числѣ абиссинскихъ гласовъ, и потому нисколько не обосновалъ своего положенія. Какъ ему абиссинскіе священники въ Каирѣ передавали, такъ онъ и принялъ. И намъ два абиссинца сначала говорили, что три гласа, когда мы предлагали имъ вопросъ въ такой формѣ: «три-ли у васъ гласа»? (Отвѣтъ: «да, три».) Однако, третій абиссинецъ, когда ему предложили вопросъ въ иной формѣ, сталъ утверждать, что—два гласа, и что арарай ни въ школахъ не изучается, ни на нотахъ не пишется. Это поселило въ насъ сомнѣніе. Мы подвергли тогда анализу разсужденіе Виллото и вынесли убѣжденіе, что у него же самого, въ его повѣствованіи и нотныхъ записяхъ, можно найти данныя для признанія двухъ, а не трехъ гласовъ. Вотъ эти данныя. а) На стр. 274 и слѣд. Виллото опровергаетъ запись и переводъ абиссинскихъ нотъ, сдѣланные Кирхеромъ, и при этомъ ставитъ Кирхеру въ вину, что онъ не упоминаетъ вовсе объ «арарай». б) Объявивши въ своемъ разсужденіи, что представить нотные примѣры на каждый изъ трехъ гласовъ, онъ затѣмъ почему-то приводитъ абиссинскія ноты лишь для двухъ гласовъ—гызъ и ызель, а для арарай—однѣ европейскія ноты.—Ясное дѣло, что и Кирхеръ не упоминаетъ объ «арарай» и самъ Виллото не представилъ нотъ для «арарай» потому, что это не гласъ.

Что же это такое «арарай»?—Вотъ сумма тѣхъ свѣдѣній, которыя мы получили отъ различныхъ абиссинцевъ относительно этого слова: а) это означаетъ пѣть слабымъ голосомъ, piano; б) это означаетъ пѣть тоненькимъ высокимъ голосомъ или фальцетомъ (въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ можетъ быть и на гызъ и на ызель);—в) это музыкальная фраза на одной нотѣ (?); она не пишется въ нотныхъ книгахъ абиссинскихъ, а только голосомъ берется;—г) музыкальная фраза высокая;—д) нѣчто не самостоятельное, наростъ на гызъ и ызель;—е) пѣніе въ великій постъ и другіе посты;—ж) отдѣлъ пѣнія въ «дугѣ»,—постное пѣніе, а напѣвъ гызъ.—А вотъ данныя изъ анализа абиссинскихъ нотъ и изъ записей съ голоса. 1) Надъ абиссинскими нотами (надъ одной нотой, отдѣльно) весьма часто встрѣчаются сверху еще надписи, и именно, надъ нотами напѣва гызъ встрѣчается надпись «ызель»; а надъ нотами напѣва ызель (оч. рѣдко)—надпись «арарай» (подобно тому какъ нѣкоторыя ноты абиссинскія даже въ напѣвѣ гызъ пишутся красными чернилами, что служитъ указаніемъ на «праздничное, торжественное исполненіе» этихъ нотъ). Въ этомъ случаѣ

верхній регистръ), специальнымъ колоритомъ (напр., страстностью, нервностью, жалостью) и специальными переливами голоса; и какъ таковой, онъ можетъ встрѣчаться не самостоятельно, а на гласахъ гызъ и ызель, въ качествѣ нароста на нихъ. Если же „арарай“ берется какъ нѣчто самостоятельное, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть текстъ, содержаніе пѣснопѣній.

Кромѣ указанныхъ двухъ главныхъ напѣвовъ, есть у абиссинцевъ еще частные напѣвы на специальный текстъ; такъ можно указать здѣсь на *чавчабó*, *мерегды*, *цафатъ*, *зигъ*, *узрарбъ*. Это не что иное, какъ торжественныя стихиры на всенощной подъ великій праздникъ. Въ нашемъ богослуженіи имъ соотвѣтствуютъ такъ называемыя самогласны. Различаются еще у абиссинцевъ „*кóмми*“, или старое пѣніе, и „*бетлегемъ*“ (Виодеемское, ангельское пѣніе), или новое пѣніе. Это два мѣстные распѣва, сравнительно мало распространенные.

Чтобы дать читателю представленіе о двухъ главныхъ абиссинскихъ напѣвахъ, приведемъ здѣсь примѣры на каждый изъ нихъ—съ одной стороны нашихъ записей, а съ другой—записей Виллото, сдѣланныхъ въ Каирѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ какъ между тѣми и другими оказывается значительная разница, то мы сдѣлаемъ затѣмъ заключеніе объ абиссинской церковной музыкѣ лишь на основаніи нашихъ собственныхъ записей. Въ цѣляхъ удобства сравненія гласовъ мы взяли для напѣвовъ гызъ и ызель одинъ текстъ—„Богородице Дѣво, радуйся“ и изъ одной мѣстности (Шоа). Кромѣ того помѣщаемъ еще отдѣльный примѣръ на ызель—„Христось воскресе“ и на такъ называемый „арарай“—„Аллилуйя“. А изъ записей Виллото приводимъ одинъ нумеръ въ качествѣ примѣра на гызъ, два нумера—на ызель и одинъ нумеръ—на „гласъ“ (по номенклатурѣ Виллото) „арарай“.

слова «ызель» и «арарай» (можетъ быть, и гызъ), очевидно, могутъ служить терминами, означающими или характеръ, колоритъ исполненія нѣкоторыхъ нотъ (напр.: пѣть торжественнѣе, шире, веселѣе и обратно—плачевнѣе; пѣть forte и piano; пѣть груднымъ голосомъ и фальцетомъ), или область высоты (Ср. греческія области высоты: гипаты, мезы, неты; ср. также показаніе, у Виллото на стр. 299 тома XIV, абиссинскихъ священниковъ, что мелодіи на большіе праздники исполняются высокимъ голосомъ, на меньшіе—среднимъ, на малые—низкимъ). 2) Въ пѣснопѣніи «Христось воскресе» (см. ноты № 5), которое несомнѣнно поется на напѣвъ ызель, музыкальную фразу, находящуюся на предпоследней и послѣдней строчкѣ (онѣ составляютъ повтореніе одной и той же фразы), абиссинецъ безусловно называлъ «арарай». Между тѣмъ этой самой фразой у Виллото начинается образчикъ на «гласъ» арарай,—образчикъ, который, кстати сказать, въ дальнѣйшемъ, въ слѣдъ за этой фразой, «связываетъ» на образчикъ напѣва гызъ (см. эту фразу «арарайную» въ нотахъ № 12. первые три такта; она, впрочемъ, здѣсь не такъ схожа съ нашей «фразой», какъ въ другомъ образчикѣ у Виллото на стр. 278). Здѣсь опять получаемъ данное, характеризующее „арарай“ какъ извѣстные, болѣе или менѣе опредѣленные и постоянные переливы голоса или комбинаціи звуковъ.

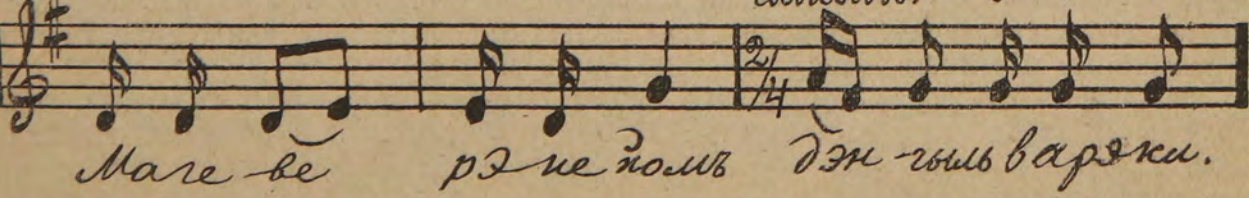
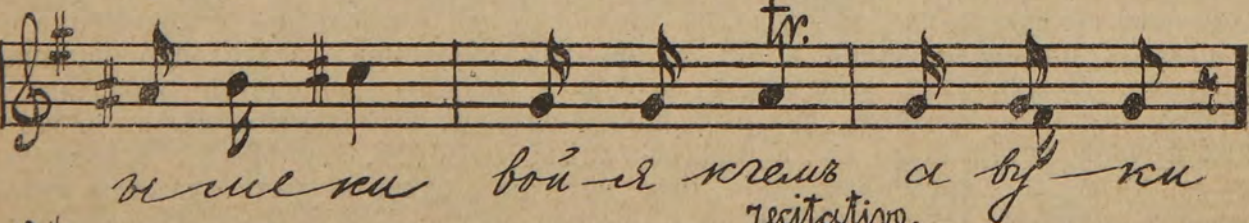
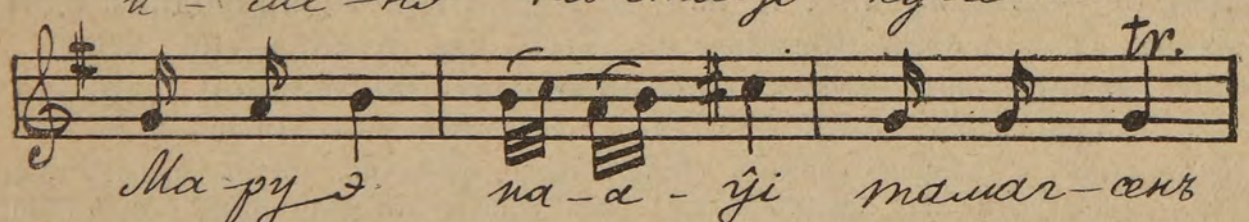
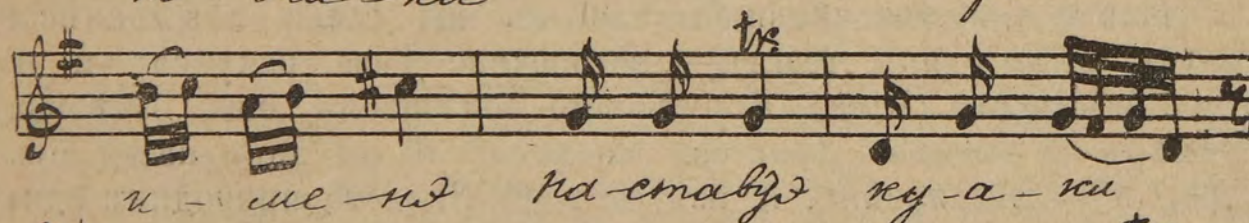
Въ общемъ изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что „гызъ“ и „ызель“, кромѣ обозначенія двухъ „гласовъ“, могутъ служить у абиссинцевъ терминами, выражающими и другія понятія. Лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ на ряду съ ними можетъ быть поставленъ и „арарай“.

Абиссинскіе напѣвы.

(Записи Б. Быстрова.)

№ 3. Богородице Дѣво. Напѣвъ гызъ. (Пѣвецъ изъ Шоа.

Adagio non troppo.

№ 4. Богородице Дѣво. Напѣвъ ызель. (Пѣвецъ изъ Шоа.)

Tempo recitato.

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

Се - мямь

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

ки *tr.* зе - ны - се

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

tr. не вля - ки

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

recitativo ad libitum. Ма рѣ - амь *tr.* и ме - на наста - вѣд

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

ку - а - ки *tr.* Мару и на - ву - и

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

та - ма - ре - сень *tr.* нѣ - вы - ки *tr.*

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

бе - энъ та - ла - чанъ *tr.* и - ме - ки *tr.* воу и *recit.*

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

к - ре - мь *tr.* а - ву - ки *tr.* Ма - ре

Музыкальный стелъ въ нотномъ наборѣ, ноты напѣваны на русскія слова. Включаетъ ключъ, дирижабль и ритмическое обозначеніе.

ве рѣ - нѣ - по - шь ден - го - мь ва - рѣ - ки.

№ 5. Христось воскресе. Напѣвъ ызелъ (Пѣвецъ изъ Годжама.)

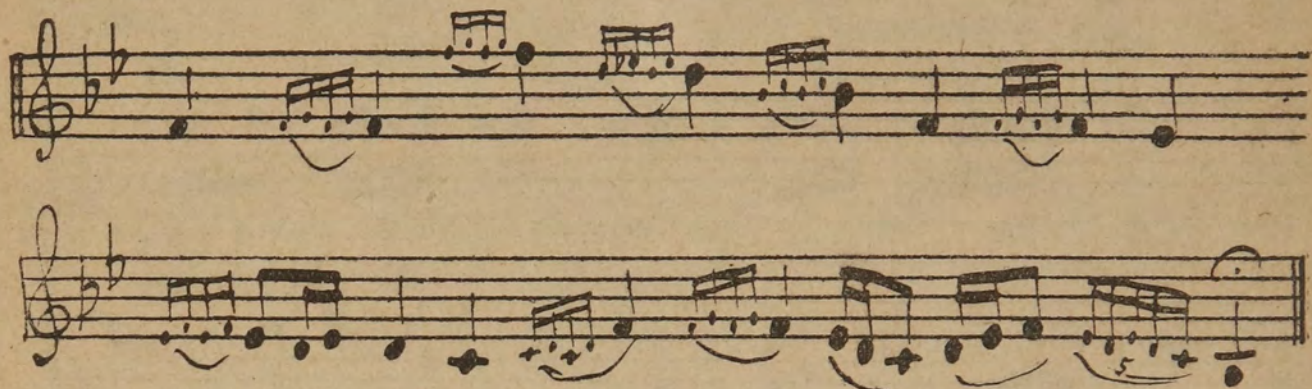
Recitativo.

Хри-сто-съ тан-сай и-му — тань, ле
мощь, о-ке-до — ле-мощь,
ле э-ле-ось та-ме-ка — ве-эрь
у-га да ге-о — ма
-зе-ле — э а-лѣмь эк-ве-мѣ.

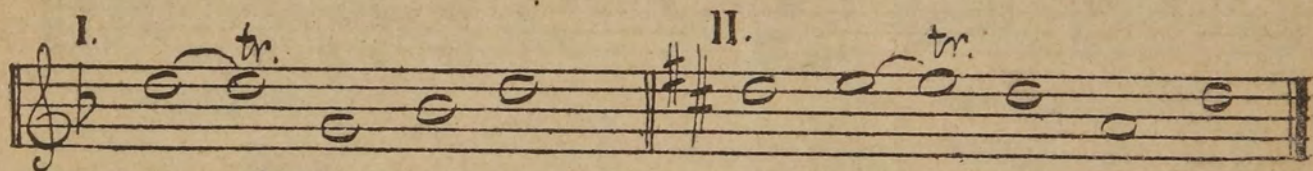
№ 6. Аллилуія. Прим. на такъ наз. арарай (Пѣвецъ изъ Шоа).

Ал-ле
му — я.
у-ле — э ну-сь си-ра геи — е
у ас-ми а ны кама сома ты-я

№ 7.

№ 8.

Абиссинскіе напѣвы. (Записи Villoteau.)

№ 9. Напѣвъ гызъ.

Mouvement modéré.

А - у нон ва — га
ка — те оне а у е нон не гне.
не зе - у зsie ва — hé.

№ 10. Напѣвъ ызель.

Za - ta - ouel da eme
 re ya me
 emked de - ste
 de ne que le te sa ha le ne que ria

№ 11. Напѣвъ ызель (Святый Боже).

Khkeddous ε
 gzi a - ve
 re
 Khkeddous kha ya le
 Khkeddous he
 ya ou za y - ye ma ouet - e.

№ 12. Напѣвъ арарай (по номенклатурѣ Villoteau).

А у nou ва
за ка-те она у е
nou ne que re xe ye zsie ва-hé.
А у nou ка
le она у е nou que на у.

№ 13.

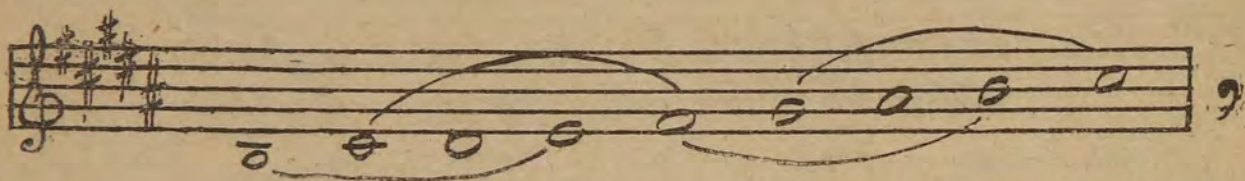
А - la - hu ak - bar al - la
hu ak - bar a - schadu en..

Примѣчаніе къ мелодіямъ. № 3. Взятая нами тональность (гиперіастійская) низка для этой мелодіи: абиссинцы поютъ выше. Но мы взяли ее потому, что она—единственная въ нашей нотаци, которая почти съ точностію передаетъ характеръ (интерваллы, хроматизмъ) этой мелодіи. Никакая другая тональность здѣсь не годится. Напр., по высотѣ наиболѣе подходила бы здѣсь тональность h-moll (іастійская, въ 2 діеза). Но если взять ее, тогда нельзя будетъ выразить звука cis; получилась бы среднее между e и f (энгармоническое mi-діезъ); равно и нижняя нота (d) получилась бы (fis) весьма неустойчивою и неопредѣленною при нашей нотаци. Впрочемъ, и во взятой нами тональности fis вездѣ должно звучать нѣсколько выше, почти какъ

fisis.—На какой гаммѣ или въ какомъ ладѣ построена эта мелодія, мы не въ состояніи отвѣтить. Чрезмѣрная кварта (g-cis) и фіоритурѣ съ трелями указываютъ на турецко-арабское вліяніе; но среди арабскихъ гаммъ мы не встрѣчали подобной. Если принять h, cis и ais за случайную хроматизацію, а b за нормальный тонъ, тогда можно допустить, что эта мелодія построена на (не полной) арабopersидской гаммѣ *Raxevi*. Впрочемъ, не лучше ли предположить здѣсь простую модуляцію изъ арабскаго лада (*raxevi*) D-e-fis-g-a-b (-c-d) въ ладъ (*ушакъ*) D-e-fis-g-a-h-c-d, съ хроматизаціей на cis (не въ смыслѣ вводнаго тона, а въ смыслѣ самостоятельной восточной окраски) и на ais?—Взятый нами размѣръ (особенно во второй половинѣ мелодіи) лишь приблизительно выражаетъ дѣйствительный ритмъ пьесы: такъ какъ ритмъ въ церковной абиссинской музыкѣ весьма неустойчивъ и неопредѣленъ.

№ 4. Строй (ладъ) этой мелодіи составляетъ для насъ подобную же загадку, какъ и предыдущей. Намъ кажется, что здѣсь уже и рѣчи не можетъ быть о той или иной гаммѣ (ладѣ) не только древнегреческой, но и персоарабской; какъ видно, мелодія построена на модуляціи тетракордсвъ

№ 14.

если исключить частицу мелодіи, находящуюся между особыми знаками (7-я и 8-я муз. строчки). Этотъ отрывокъ (между знаками) представляетъ измѣненіе первоначальной тональности, чего, по нашему мнѣнію, здѣсь не должно быть. Весьма возможно, что здѣсь у насъ недосмотръ, и мы оставляемъ это мѣсто подъ подозрѣніемъ, такъ какъ провѣрить его точно не успѣли. Мелодія въ этой тональности звучитъ ниже (тона на $1\frac{1}{2}$) сравнительно съ тѣмъ, какъ поютъ ее абиссинцы; но мы избрали ее для большей точности передачи. Хроматизмъ во второмъ тактѣ aisis=среднему звуку между h и ais; этотъ же звукъ слышится и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ ais стоитъ рядомъ съ h (т. е. гдѣ образуется вводный тонъ). Размѣръ и здѣсь отражаетъ ритмъ пьесы приблизительно.

№ 5. Эта мелодія, безспорно, построена на древней (транспонированной) персоарабской гаммѣ *ушакъ* (ее же можно назвать и древнимъ гипофригійскимъ ладомъ.—Звукъ gis звучитъ вездѣ почти какъ gisis.—Размѣръ здѣсь гораздо точнѣе выражаетъ ритмъ, чѣмъ въ предыдущихъ нумерахъ.—Эта пьеса можетъ служить лучшимъ образцомъ музыкальнаго сродства или общности между абиссинцами и персоарабами.

№ 6. Можно полагать, что и эта мелодія построена на упомянутой арабской гаммѣ *ушакъ*, хотя здѣсь хроматизація и затемняетъ ее. Названіе ея „арарай“ указываетъ или на особый характеръ въ исполненіи ея, или—что скорѣе—на текстъ и время исполненія ея—въ посту.

№№ 9, 10, 11 и 12. Разсматривая мелодіи, записанныя Виллото, легко убѣдиться, что онѣ, имѣя нѣкоторое сходство въ отдѣльныхъ пассажахъ съ нашими, существенно однако отличаются отъ нихъ по своему строю. Всѣ онѣ, за исключеніемъ № 12, построены на совершенно ясномъ и твердомъ звукорядѣ:

$$\begin{array}{cccccccc} 1 & - & 2 & - & 3 & - & 4 & - & 5 & - & 6 & - & 7 & - & 8 \\ \hline \frac{1}{2} \text{ тона} & 1 \text{ т.} & 1 \text{ т.} & 1 \text{ т.} & \frac{1}{2} \text{ т.} & 1 \text{ т.} & 1 \text{ т.} & \end{array}$$

Арабскихъ древнихъ ладовъ съ подобнымъ строемъ мы не знаемъ. Пришлось бы признать, что они построены на чистой древнегреческой дорійской гаммѣ и въ дорійскомъ же ладѣ съ тоникой на квартѣ, если бы не слѣдующее довольно важное обстоятельство. Мелодіи свои Виллото записалъ отъ абиссинскихъ священниковъ, жившихъ въ Каирѣ, который населяютъ всевозможные восточные народы съ преобладаніемъ турко-арабовъ мусульманъ. И вотъ стоитъ только хотя бѣгло сличить абиссинскія мелодіи Виллото съ религіозными мелодіями другихъ каирскихъ обитателей, чтобы замѣтить между тѣми и другими значительное сходство и во

внѣшнемъ мелодическомъ рисункѣ и во внутреннемъ строѣ. Сравн. у насъ 3—6 такты № 9-го и 4—6 такты № 12-го съ № 13, представляющимъ собою кличъ на молитву каирскихъ нынѣшнихъ мусульманъ *). Ср. также начало № 11-го (1—2 такты), равно какъ и 4—5 такты № 10-го съ началомъ мелодіи такъ называемаго „ораторскаго пѣнія“ (молитвы) мусульманъ въ Каирѣ (= сходство весьма значительное. См. у Виллота, т. XIV, стр. 226). Ср. еще 7—11 такты № 12-го съ пѣніемъ дервишей въ Каирѣ, у Амброза (=Lane) I, стр. 453).—Это сходство внѣшнее; внутреннее же сходство открывается изъ того, что тѣ и другія мелодіи построены въ одномъ и томъ же ладѣ съ тоникой на квартѣ. Подобное странное совпаденіе даетъ намъ поводъ и основаніе искать оправданія для указаннаго строя всѣхъ этихъ мелодій не въ эллинской музыкѣ, а въ той же арабской или въ другой какой-либо, распространенной въ мѣстности Каира. Дѣйствительно, Fétis, изслѣдовавшій древнеегипетскую музыку параллельно съ арабской, во первыхъ, указываетъ подобную гамму въ числѣ звукорядовъ древне-египетскихъ (a—b—c—d—e—f—g—a); а во вторыхъ, находитъ ее и у арабовъ въ видѣ гаммы „буселика“ **).

Что касается мелодіи № 12, то по строю своему она является ладомъ-помѣсю (mode hybride); поэтому въ строгомъ смыслѣ ее нельзя причислить ни къ какому музыкальному типу. Виллота представилъ эту мелодію въ качествѣ самостоятельнаго примѣра на третій гласъ абиссинскій (арарай); но несамостоятельность ея видна съ перваго взгляда: первые три такта составляютъ особую музыкальную фразу; слѣдующіе три такта=3—5 тактамъ № 9-го; остальная часть мелодіи напоминаетъ мотивы дервишей въ Каирѣ. Прекрасное основаніе для признанія третьяго гласа у абиссинцев!...

Какъ же теперь смотрѣть на эти мелодіи Виллота съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ абиссинской музыкѣ? По нашему мнѣнію, ихъ сходство съ арабскими религиозными напѣвами свидѣтельствуетъ не въ пользу ихъ, а во вредъ; то есть, оно подрываетъ у нихъ значеніе абиссинскаго подлинника. Въ этомъ отношеніи возбуждаетъ сильное подозрѣніе въ принадлежности абиссинцамъ весь № 9 и почти весь № 12 (исключеніе — первые 3 такта). При всемъ томъ было бы несправедливостью не видѣть въ нихъ (мелодіяхъ) ничего абиссинскаго. Такъ, намъ думается, что первые три такта № 12-го (= „арарайная“ фраза, о которой упоминалось раньше) и первые три такта № 10-го безусловно абиссинскіе; равнымъ образомъ въ № 11-мъ вся мелодія, начиная съ 5 такта, представляетъ мотивы, весьма напоминающіе абиссинскіе. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія можно указать, для сравненія, на №№ 7 и 8. Эти нумера (записанные нами) изображаютъ приблизительно, въ схемѣ, тѣ голосовые вибраціи, переливы и интерваллы, которые дѣлаютъ во время совершенія богослуженія абиссинскіе священники. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, мелодіи, записанныя Виллота, представляютъ смѣсь абиссинскихъ мотивовъ съ религиозными мотивами каирскихъ мусульманъ. Поэтому, въ дальнѣйшей характеристикѣ абиссинской церковной музыки мы будемъ основываться главнымъ образомъ, на собственныхъ записяхъ.

Приведенныя мелодіи даютъ намъ хотя, быть можетъ, и не безусловно точное, но все же достаточно опредѣленное понятіе объ абиссинской церковной музыкѣ. Мы видимъ въ ней обиліе фіори-

*) У насъ выписано, для примѣра, только начало этой религиозной мелодіи, но начало весьма характерное, такъ какъ оно составляетъ и въ дальнѣйшей части господствующій мотивъ. См. ее у Виллота, т. XIV, стр. 192, и у Амброза, т. I, 2 изд., стр. 450; ср. также ее съ другою мелодіею изъ Корана у Амброза (= Lane) *ibid.* стр. 452.

**) Въ этомъ случаѣ Фетисъ уклоняется отъ обычнаго представленія гаммы „буселика“ и считаетъ ошибкою изображеніе ея у Виллота въ формѣ a—b—c—d—es—f—g—a (См. Villoteau, *tome XIV*, стр. 51 и 73). По мнѣнію Фетиса, „буселика“ имѣетъ квинту не *es*, а *e*-полубеболь (пониженное всего на $\frac{1}{3}$ тона); а въ такомъ видѣ онъ приближается и на практикѣ сливается съ искомымъ нами звукорядомъ a—b—c—d—e—f—g—a (въ транспонировкѣ = d—es—f—g—a—b—c—d, или = e—f—g—a—h—c—d—e). См. Fétis, *Histoire générale de la musique*, *tome I*, p. 245—246.

турь и трелей, вводные тоны, хроматизацію, нетвердый, неустойчивый, несимметричный ритмъ. Вводные тоны и хроматизація въ большинствѣ случаевъ звучатъ здѣсь выше, рѣзче, чѣмъ наши обычные, что затрудняетъ передачу абиссинскихъ мелодій на нашу европейскую нотацію, способную выражать главнымъ образомъ темперованные (уравненные) интерваллы. Можно полагать, что абиссинцы берутъ въ данномъ случаѣ энгармоническіе интерваллы, гораздо меньшіе нашего $\frac{1}{2}$ тона; и такъ какъ абиссинская церковная музыка въ общемъ выказываетъ большое сходство съ арабскою, а персоарабскіе музыканты-теоретики учили именно о $\frac{1}{3}$ тона, — то весьма вѣроятно, что и абиссинцы берутъ $\frac{1}{3}$ тона. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что $\frac{1}{3}$ тона наблюдается въ большинствѣ случаевъ только на нижнемъ вводномъ тонѣ, примыкающемъ къ тонику, и весьма рѣдко на верхнемъ, который для нашего слуха не отличается отъ обычнаго европейскаго вводнаго тона, и который, вѣроятно, потому и не играетъ у абиссинцевъ роли вводнаго тона въ собственномъ смыслѣ. Чрезмѣрная кварта, такъ характеризующая турецкую музыку, а также и чрезмѣрная секунда (собственно мы слышали у абиссинцевъ почти чрезмѣрную секунду, т. е., она звучала ниже, чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ тона ($1\frac{1}{3}$), и поэтому скорѣе, можетъ быть, ее слѣдовало бы назвать просто хроматизованной большой секундой) встрѣчается и у абиссинцевъ; но извѣстнаго восточнаго тетра хорда (свойственнаго арабской, турецкой, индійской, грузинской, венгерской и малорусской музыкѣ) мы лично здѣсь не встрѣчали. Фіоритурь и трели абиссинскія отличаются отъ нашихъ европейскихъ своею большею дробностію (фіоритурь) и рѣзкостью, непостоянствомъ, невыдержанностію, доходящею до хроматизаціи звука (трели), — что опять таки дѣлаетъ ихъ трудно уловимыми для нашего слуха и только приблизительно передаваемыми въ нашей нотаціи. По своимъ фіоритурамъ и трелямъ абиссинское церковное пѣніе напоминаетъ прежде всего арабское пѣніе, затѣмъ турецкое, новогреческое, румынское и отчасти индійское. Строй или внутреннюю организацію абиссинскія мелодіи образуютъ частью на цѣлостномъ, строго организованномъ звукорядѣ, частью — на звукорядѣ вольномъ, разбросанномъ. Въ первомъ случаѣ въ нихъ легко бываетъ узнать извѣстный ладъ или гамму, которые обычно бываютъ тождественны или съ персоарабскими гаммами или съ нѣкоторыми древнегреческими ладами; во второмъ случаѣ мелодія развивается на своеобразной игрѣ (модуляціи) тетра хордовъ, подобно тому, какъ это нерѣдко можно встрѣтить въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ первомъ случаѣ мелодія получаетъ стройность, извѣстную систему, въ которой ясно проглядываетъ тоника на квартѣ; во второмъ случаѣ такого постояннаго центра или тоники не существуетъ и центръ тяжести мѣняетъ свое положеніе соотвѣтственно

движенію тетраховъ. Октавы въ нашемъ (европейскомъ) смыслѣ, повидимому, не существуетъ у абиссинцевъ; но зато можно усмотрѣть здѣсь, такъ сказать, разорванную или опрокинутую октаву, въ которой голова или хвостъ окажется на квартѣ (тоника) съ дѣйствительнымъ вводнымъ тономъ (въ $\frac{1}{3}$) на терціи звукоряда.

Заслуживаетъ упоминанія еще ритмъ абиссинскихъ церковныхъ мелодій. Абиссинскія церковныя мелодіи представляютъ большей частью неправильное (произвольное) чередованіе речитативныхъ фразъ съ аріозными. Уже по этому одному можно заключать, что ритмъ ихъ долженъ быть свободнымъ, капризнымъ, несимметричнымъ. Дѣйствительно, не смотря на самое тщательное напряженіе слуха, трудно уловить въ нихъ какую-либо опредѣленную метрическую, а затѣмъ и ритмическую единицу, и разъ намѣтившійся ритмическій фазонъ, повидимому, измѣняется на каждомъ шагу. Такой капризности или, по крайней мѣрѣ, неуловимости для насъ ритма, конечно, не мало способствуютъ фіоритуры и трели. Ясное дѣло, что всѣ попытки кого бы то ни было выразить это неспокойное, колеблющееся море звуковъ въ формѣ нашихъ европейскихъ нотъ съ опредѣленною ритмическою стоимостью, раздѣленныхъ на правильные, опредѣленные такты, должны считаться болѣе или менѣе произвольными *). И наши записи мелодій, приведенныя здѣсь, нисколько не претендуютъ на ритмическую правильность (равно какъ и тоническую, звуковую); напротивъ, мы прямо заявляемъ, что онѣ только приблизительно выражаютъ то, что хотятъ выразить.

На основаніи сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что абиссинская церковная музыка въ общемъ примыкаетъ къ восточной музыкѣ, если подъ востокомъ разумѣть въ тѣсномъ смыслѣ арабовъ, персовъ, турокъ, новогрековъ, армянъ, отчасти индійцевъ. А насколько въ ней въ то же время отражаются (да и отражаются ли вообще?) музыкальные элементы древняго Египта и древняго іудейства, вліяніе которыхъ Абиссинія, несомнѣнно, испытывала въ свое время, то этого вопроса рѣшить пока невозможно, такъ какъ до насъ не дошло никакихъ музыкальныхъ памятниковъ съ мелодіями этихъ народовъ **). По той же причинѣ трудно рѣшить вопросъ

*) Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, новое данное, подрывающее подлинность и точность абиссинскихъ мелодій, записанныхъ Виллото, такъ какъ онѣ представляютъ слишкомъ подозрительную ритмическую (тактовую) опредѣленность и стройность.

**) Fétis, впрочемъ, держится нѣсколько иного взгляда. По его мнѣнію, а) намъ не только извѣстно древне-египетское пѣніе, но б) и абиссинское пѣніе—есть пѣніе древне-египетское. Первое положеніе у него основывается на исторической догадкѣ, что сохранившееся до сихъ поръ литургическое пѣніе коптовъ въ составляетъ видъ древне-египетскаго языческаго (религіознаго) пѣнія; а это данное, въ свою очередь, подкрѣпляется безмолвнымъ свидѣтельствомъ древне-египетскихъ флейтъ и арфъ, которыя своимъ строемъ образовали какъ разъ тѣ звукоряды или гаммы, какіе можно усмотрѣть и извлечь изъ пѣнія коптовъ. Второе положеніе основывается

о слѣдахъ въ абиссинскомъ церковномъ пѣніи древнегреческаго музыкальнаго вліянія, хотя съ этой стороны есть болѣе основаній утверждать, что такихъ слѣдовъ здѣсь не сохранилось вовсе. Какъ бы то ни было, но абиссинское церковное пѣніе носитъ на себѣ печать значительной древности.

Перейдемъ теперь къ свѣтской музыкѣ. Какъ мы уже сказали, свѣтская музыка въ Абиссиніи не имѣетъ права гражданства: ее не изучаютъ въ школахъ; о существованіи и процвѣтаніи ея никто не заботится; она—дѣло частное, любительское. Если трудно встрѣтить абиссинца, который не зналъ бы церковныхъ напѣвовъ; то, напротивъ, абиссинецъ, совершенно не знающій народныхъ пѣсенъ.—

также на исторической догадкѣ и подкрѣпляется фактами, а) что употребляющаяся теперь въ Абиссиніи арфа, въ 8 струнъ, встрѣчается и на египетскихъ памятникахъ и б) что существующіе у абиссинцевъ религіозные танцы были весьма распространены въ Египтѣ. Въ результатъ получается выводъ, что и коптское пѣніе сходно съ абиссинскимъ и даже тождественно съ нимъ, хотя Фетисъ категорически этого и не утверждаетъ (см. цит. соч. т. I, стр. 205—214).

Признавая подобную гипотезу Фетиса и остроумной и достойной вниманія, мы однакоже позволимъ себѣ возразить противъ отождествленія абиссинскаго пѣнія съ древне-египетскимъ, независимо отъ того, что мы признали абиссинскую церковную музыку въ общемъ сходною съ арабскою. 1) Вліяніе египетской музыки на абиссинскую было значительно въ слишкомъ отдаленную эпоху и простиралось не столько на абиссинцевъ, сколько на древнихъ египтянъ вообще. 2) Еще не доказано строго, чтобы нынѣшнее литургическое пѣніе коптовъ было образцомъ древняго египетскаго религіознаго пѣнія; да и по одному какому-либо примѣру коптскаго пѣнія, приведенному у Виллото, трудно судить какъ объ коптскомъ церковномъ пѣніи вообще, такъ и объ египетскомъ, хотя бы строй флейтъ и арфъ и подтверждалъ косвенно внутреннюю организацію мелодій. 3) Если по этому примѣру коптскаго пѣнія судить о сходствѣ его съ абиссинскимъ, то скорѣе должно придти къ отрицательному выводу, такъ какъ дѣйствительнаго сходства здѣсь не видимъ. Даже Виллото, слышавшій коптское пѣніе лично и сравнивавшій его съ абиссинскимъ пѣніемъ по своимъ абиссинскимъ мелодіямъ, свидѣтельствуетъ о различіи того и другого. По его взгляду, абиссинское пѣніе—подвижное, энергичное; тогда какъ пѣніе коптовъ—вялое, медленное, монотонное, и копты способны „тянуть“ на одно слово „аллилуйя“ до 20 минутъ (см. Villoteau т. XIII, стр. 549 и т. XIV, стр. 300). А съ точки зрѣнія нашихъ абиссинскихъ мелодій различіе между коптскимъ пѣніемъ и абиссинскимъ еще очевиднѣе. 4) Если арфа абиссинская схожа съ древне-египетскою, то этотъ фактъ даетъ намъ слишкомъ мало основаній для заключенія по немъ о сходствѣ абиссинскаго пѣнія съ древне-египетскимъ. При томъ же, по словамъ одного абиссинца, у нихъ арфа употребляется теперь больше въ 12 струнъ, а по свидѣтельству Виллото—въ 10 струнъ; тогда какъ Фетисъ говоритъ о 8-струнной арфѣ. 5) Значеніе факта, что у абиссинцевъ сохранились религіозные танцы, подобно тому какъ они существовали у древнихъ египтянъ, ослабляется тѣмъ параллельнымъ фактомъ, признаваемымъ и самимъ Фетисомъ, что подобные танцы существовали (да и теперь еще существуютъ) у многихъ восточныхъ народовъ вообще.

Въ силу этихъ данныхъ мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Фетиса, что абиссинское пѣніе тождественно или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени сходно съ древне-египетскимъ и нынѣшнимъ коптскимъ пѣніемъ. По нашему мнѣнію, при настоящемъ положеніи вопроса объ египетской и абиссинской музыкѣ, легче сказать, что нѣкоторыя (сравнительно незначительныя) черты сходства абиссинской церковной музыки съ древне-египетскою должны существовать, чѣмъ именно указать эти черты.

не рѣдкость. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы абиссинцы были народомъ не музыкальнымъ. У нихъ есть свои инструменты, свои народныя пѣсни. Съ музыкой и пѣснями абиссинцы выступаютъ на войну, музыкой же сопровождаютъ и важнѣйшіе моменты и событія гражданской и семейной жизни. Замѣчательно, что мужчины поютъ пѣсни только на войнѣ, во время походовъ; въ обычное же время и въ частной, семейной жизни пѣніе — есть дѣло женщинъ. Отсюда мужскія пѣсни — только военныя пѣсни; не военныя — пѣсни женскія. Поютъ обычно въ унисонъ, какъ и церковныя пѣснопѣнія, хотя, какъ увидимъ ниже, народныя пѣсни по своему складу и строю, повидимому, не исключаютъ нѣкоторой гармоніи. Достоинно замѣчанія, что мужчины поютъ всегда сравнительно въ высококомъ тонѣ, съ теноровымъ тембромъ, такъ что Абиссинію справедливо можно было бы назвать (не въ обиду Итали...) странною теноровъ. Впрочемъ, насколько дѣло касается однихъ мотивовъ, то высокій строй абиссинскихъ пѣсней не составляетъ какого-нибудь исключенія въ этомъ отношеніи: извѣстно, напр., что и наши народныя пѣсни не имѣютъ низкихъ басовыхъ нотъ.

Чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе объ абиссинскихъ народныхъ мелодіяхъ, приводимъ здѣсь четыре нумера, которые намъ удалось записать отъ одного абиссинца (изъ Шоа *).

Народныя пѣсни Абиссинцевъ.

(Записи Б. Быстрова.)

№ 15. Военная (мужская) пѣсня.

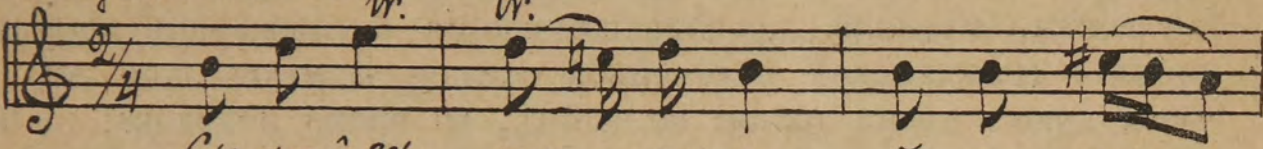
All. Moderato. M. M. ♩ — 120.

Ан-ге-да у-ва-ро, най ан-ге-да у-ва-ро,
 3-гень, 3-гень ан-геда у-ва-ро
 ге-да - ба - ро.

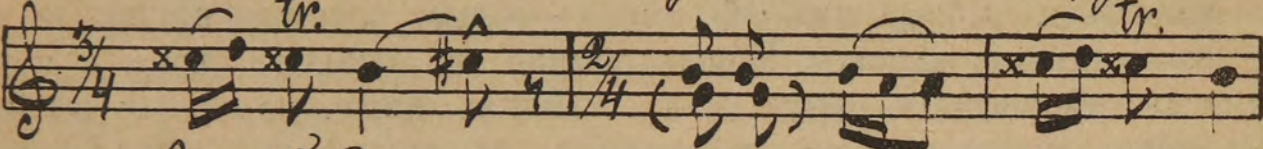
*) Весьма сожалѣемъ, что намъ не удалось перевести текстъ пѣсней на русскій языкъ, за быстрымъ выѣздомъ лица, отъ котораго онѣ были записаны. Другой же абиссинецъ не понимаетъ этого частнаго нарѣчія.

№ 16. Женская пѣсня. *)

Allegro. M.M. ♩ - 126. tr.

Сы фрѣй гу ран - гу - ре ба - ге - ру

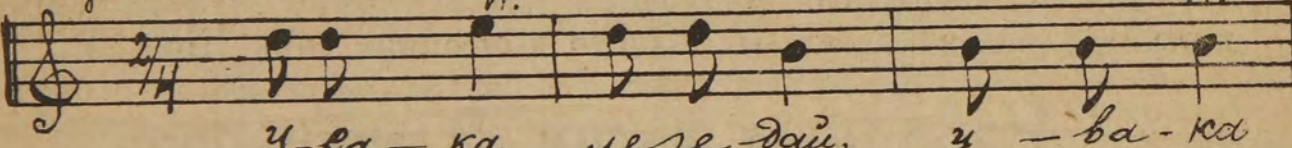
Ѡзнь вѣдѣ а чунь сонь ту замѣ

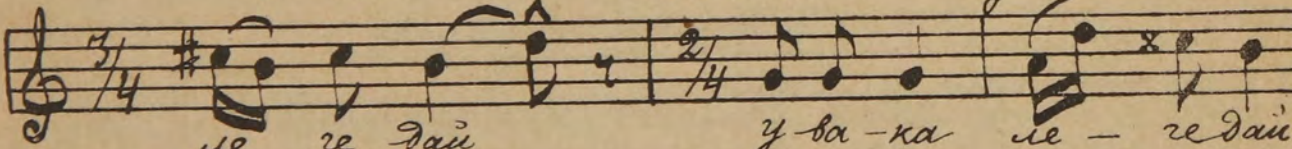
канты дыръ ре годи

№ 17. Женская пѣсня.

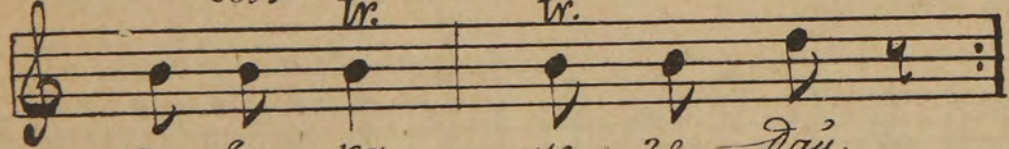
Allegro Moderato. M.M. ♩ - 120. tr.

у - ва - ка ле ге дай, у - ва - ка
А - ка - ле савва - до гу - ве - м

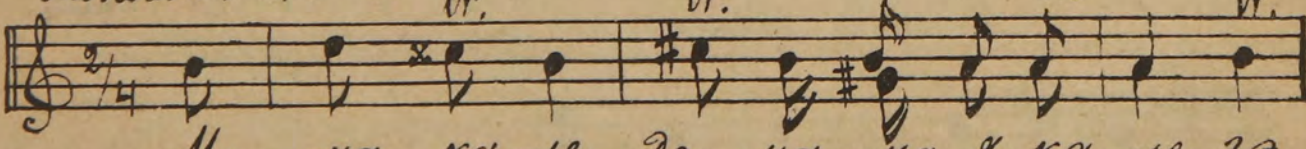
ле ге дай у ва - ка ле - ге дай
сав - ва до, Мешагеръ ре - са до,

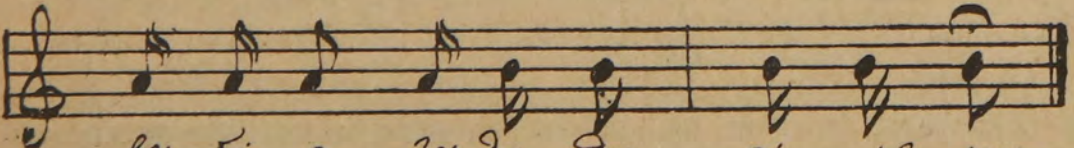
у ва - ка ле ге дай.
те ша - геръ ре са до.

№ 18. Женская пѣсня.

Moderato. M.M. ♩ - 100. tr.

Ма - ма ка - ле ве ма - ма я ка - ле вѣ.

ву - би - е гу да да у мя - ни

*) Въ послѣднихъ двухъ тактахъ этой пѣсни вмѣсто до чистаго должно стоять до-диезъ.

Примѣчаніе къ мелодіямъ. № 15. Есть въ Египтѣ пѣсни туземцевъ—матросовъ, гребцовъ и перевозчиковъ по рѣкѣ Нилу (См. о нихъ у Villoteau, т. XIV, стр. 244—248). Отличаясь отъ нихъ большей энергіей и красотою, наша (абиссинская) военная пѣсня можетъ однако нѣсколько напоминать ихъ въ общей концепціи.

№ 16. Въ пятомъ тактѣ этой пѣсни двойныя ноты означаютъ, что пѣвецъ одинъ разъ бралъ верхнія, а другой разъ (при повтореніи)—нижнія. Нижнія ноты взяты нами въ скобки потому, что мы не можемъ ручаться за ихъ достовѣрность, такъ какъ не успѣли окончательно провѣрить ихъ. Въ нашей черновой записи стоятъ дѣйствительно эти ноты, но голосъ нашъ, какъ оказалось, усвоилъ здѣсь звукъ не *g*, а *a*; тѣмъ болѣе, что получающійся здѣсь интервалъ въ чрезмѣрную кварту (отъ предыдущей ноты) въ другихъ абиссинскихъ народныхъ пѣсняхъ не встрѣчался. При всемъ томъ мы не позволили себѣ измѣнить здѣсь эти ноты какъ потому, что это было бы произвольно, такъ и потому, что въ слѣдующемъ № 17 (являющемся видимому вариантомъ къ № 16) въ пятомъ тактѣ стоятъ тѣ же ноты безусловно.

№№ 16 и 17. По всѣмъ вѣроятіямъ, взятая нами тональность есть іастійская (съ 2 діезами), но мы не выставили діезовъ въ ключѣ потому, что во первыхъ *fis* не обнаружилось нигдѣ, а вовторыхъ и *cis* оказывается неустойчивымъ.

№№ 16, 17 и 18. Стоящій во всѣхъ этихъ нумерахъ *cisis* долженъ звучать какъ средней энгармоническій звукъ между *cis* и *d*. Впрочемъ, мы сознаемъ, что такое опредѣленіе и нахожденіе въ абиссинскихъ пѣсняхъ *cisis* и другихъ *isis* можетъ носить на себѣ слѣды субъективности.

Такъ какъ никакихъ другихъ записей Абиссинскихъ пѣсенъ въ литературѣ мы (лично) не встрѣчали, а наши записи слишкомъ ограничены въ числѣ, то мы и воздерживаемся отъ какихъ бы то ни было заключеній, а ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Съ перваго же взгляда обнаруживается разница въ ритмѣ между абиссинскими народными пѣснями и церковными напѣвами. Здѣсь, въ пѣсняхъ, ритмъ строго опредѣленный, симметричный, совершенно позволяющій укладывать ихъ въ формы нашихъ европейскихъ тактовъ. Впрочемъ, хотя Абиссинскія пѣсни и можно раздѣлить на европейскіе такты, однако акценты этихъ тактовъ будутъ совершенно иные, чѣмъ въ тактахъ европейской музыки. Это зависитъ отъ своеобразности ритмическихъ фазоновъ абиссинскихъ пѣсенъ, весьма напикнающихъ въ этомъ случаѣ русскія пѣсни. Судя по абиссинскимъ мелодіямъ, правильнѣе было бы предполагать въ нихъ естественные такты въ видѣ полустипій, подобно тому какъ это наблюдается и въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ; но провѣрить это мы не могли, такъ какъ намъ не извѣстны законы Абиссинскаго народнаго стихосложенія. Звуки (тоны) абиссинскихъ пѣсенъ и интервалы между ними хотя тверже и опредѣленнѣе, чѣмъ въ церковныхъ мелодіяхъ, однакоже не настолько, чтобы наши (европейскія) ноты безусловно точно передавали, а наши голоса—воспроизводили ихъ. Съ этой стороны, а также со стороны своихъ трелей, абиссинская народная музыка должна быть отнесена къ арабской.—Ни въ одной изъ записанныхъ нами мелодій діапазонъ не превышаетъ сексты. Поэтому мы не найдемъ въ нихъ какого-либо опредѣленнаго лада или гаммы. Есть-ли это случайное явленіе или оно служитъ показателемъ уровня развитія абиссинской народной музыки? Опасаемся утверждать

что-либо за незначительностью данныхъ. При всей, однако, скудости и ограниченности звукового матеріала абиссинская народная пѣсня умѣетъ весьма удачно комбинировать звуковыя краски. Простая, легкая модуляція изъ одного тетра хорда въ другой, хроматизація, причудливая смѣна ритмическихъ фазоновъ—вотъ тѣ средства, которыми создается абиссинская пѣсня изъ какихъ нибудь 4—6 звуковъ. И какая пѣсня! Мы увѣрены, что она должна быть поставлена въ ряду лучшихъ пѣсенъ міра: столько въ ней жизненности, изящества и прелести.

Вообще относительно народной абиссинской пѣсни можно сказать, что она по своимъ свойствамъ занимаетъ среднее мѣсто между восточной музыкой (въ частности арабской) и музыкой некультурныхъ африканскихъ народовъ. Отъ церковныхъ напѣвовъ она отличается и своимъ ритмомъ, и внутреннею организаціею, и отсутствіемъ фіоритуръ. Такое различіе обусловливается, конечно, самостоятельнымъ происхожденіемъ, назначеніемъ и употребленіемъ церковно-религіозныхъ мелодій и мелодій свѣтскихъ (народныхъ).

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ объ абиссинскихъ инструментахъ. Ихъ можно подраздѣлить на струнные, духовые и ударные. Между струнными можно указать: массанко, баганà и инзирà. М а с с а н к о (massaneko, messinko) играетъ у абиссинцевъ роль скрипки и гитары; поэтому бываетъ двухъ родовъ: смычковая массанко и массанко, на которой играютъ пальцами или плектромъ (по абисс. dehenizâ—гребень или палочка изъ дерева или изъ слоновой кости, которою защищываютъ струны). Смычковая массанко употребляется рѣдко, тогда какъ послѣдняя весьма распространена въ качествѣ аккомпанирующаго инструмента; подъ ея аккомпаниментъ распѣваетъ свои пѣсни при дворѣ Менелика народный пѣвецъ „Азмари“ (= нашъ Баянъ). Особенностью массанко является то, что она (въ обоихъ видахъ) бываетъ только объ одной струнѣ. Не лишено интереса, что въ абиссинской Библии названіе массако (massaneko) употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскомъ и славянскомъ переводѣ стоитъ слово „гусли“, а въ Вульгатѣ—cithara (напр. Псаломъ 42, 4; 70, 22; 91, 4; 97, 5 и друг.) *). — Баганà (baganâ)—абиссинская лира или арфа. Она бываетъ нѣсколькихъ видовъ: въ 12, 10, 8, 7 струнъ. Багана въ 10 струнъ, настроенныхъ попарно въ октаву и издающихъ поэтому всего пять отдѣльныхъ звуковъ, весьма напоминаетъ древній малоазійскій 20-струнный инструментъ „магадись“ и 10-струнную лиру нубійцевъ (племени „Барабра“) „киссарь“ **). Играютъ на „баганѣ“ всегда плектромъ. — Разно-

*) См. Villoteau, *ibid.* т. XIII, стр. 534.

**) Villoteau, *ibid.* стр. 536; ср. стр. 365 и слѣд.

видность „багана“ составляет лира въ 3 струны, называемая *inzirâ* или просто *inzira*, *nzira*). Во 2 стихѣ псалма 136 („На рѣкахъ Вавилонскихъ“), гдѣ въ русской Библии стоитъ „арфы“ (еврейск. = „кинноръ“), а въ славянской — „органы“ (кстати, не совсѣмъ правильно), въ абиссинской Библии употреблено названіе именно этой лиры (*inzirâ* *).

Изъ духовыхъ инструментовъ абиссинскихъ извѣстны слѣдующіе: *эмбильта*, *загуфъ*, *мелекатъ*, *кандъ* и *гента*. *Эмбильта* и *загуфъ*—два вида флейты; первая бываетъ въ 7, 5 и 3 дырочки, а вторая, похожая на египетскую „най“,— въ 6, 3 и 2 дырочки. *Мелекатъ* — абиссинская труба; она бываетъ двухъ видовъ—большая, употребляющаяся на войнѣ, и малая, употребляющаяся въ частныхъ случаяхъ. Военная *мелекатъ*, будучи длиною въ 5 ф. съ лишнимъ, издаетъ всего одинъ звукъ (*mi*), сильный, наводящій ужасъ на неприятелей, а абиссинцевъ приводящій въ неописуемое воодушевленіе и ярость. Вообще, по своему магическому дѣйствию на абиссинцевъ, она одна несравненно превосходитъ всѣ наши военные оркестры на полѣ сраженія. На малой *мелекатъ* играютъ подлѣ церкви для кающихся, стоящихъ внѣ храма, — также при встрѣчѣ и проводахъ императора. Можно думать, что оба вида *мелекатъ* заимствованы абиссинцами отъ евреевъ, у которыхъ большая труба „хазозеръ“ и рога „шофаръ“ и „керемъ“ употреблялись для подобныхъ же цѣлей. *Кандъ* и *гента*—пастушескіе рожки.

Въ числѣ ударныхъ абиссинскихъ инструментовъ можно указать на собственно ударные—*нагаритъ*, *каварò* и шумящій *систръ*. „*Нагаритъ*“ — *литавра*, сходная съ арабскою *покаруеһ*. Она употребляется при встрѣчѣ и проводахъ императора, при церкви и въ другихъ случаяхъ. Въ торжественныхъ императорскихъ кортежахъ впереди играютъ 44 человекъ на 88 *нагаритъ* **); въ церкви (собственно внѣ ея, на паперти) удары въ *нагаритъ* возвѣщаютъ различнымъ классамъ кающихся и находящимся въ состояніи очищенія наступленіе тѣхъ или другихъ моментовъ богослуженія; въ другихъ случаяхъ *нагаритъ* употребляется при объявленіи царскихъ, министерскихъ и губернскихъ приказовъ и распоряженій. „*Каваро*“—общее понятіе для обозначенія семейства *барабановъ*: такъ, есть *к'андà каваро*, *гатамò каваро* и *к'нэ каваро*. „*К'анда каваро*“ — солдатскій или военный *барабанъ*, у котораго кожа натягивается справа и слѣва (а не сверху и снизу). Обыкновенно солдатъ помѣщаетъ его у себя на груди посредствомъ ремней, перекинутыхъ черезъ шею, и ударяетъ въ него кулаками или

*) Villoteau, *ibid.* т. XIII, стр. 537—8.

***) Villoteau, *ibid.* стр. 542—3.

палочками. „Гатамо каваро“ — тимпанъ или тамбуръ, употребляемый женщинами въ танцахъ для обозначенія ритма. „К'не каваро“ — употребляется въ церкви на торжественномъ богослуженіи по большимъ праздникамъ, когда поетъ большой хоръ; здѣсь онъ служитъ какъ для отбиванія тактовъ, такъ и вообще для торжественности. Систеръ, по абис. dsanadsel, можетъ быть названъ музыкальнымъ инструментомъ лишь въ широкомъ смыслѣ. Онъ имѣетъ форму вилки или камертона, рога котораго изнутри уставлены поперечными проволоками съ нанизанными на нихъ металлическими кольцами, какъ у нашихъ счетъ. При сотрясеніи кольца издають звонкій шумъ. Употребляется онъ въ храмахъ пѣвцами въ торжественныя патетическія минуты пѣснопѣній на ряду съ постукиваніемъ посохами. У древнихъ египтянъ онъ употреблялся какъ для возбужденія вниманія въ храмахъ, такъ и для отгнанія злого бога Тифона (свидѣтельство Плутарха). Слѣдовательно, происхожденіе его — египетское.

Б. Быстровъ.

Эθιονская азбука.

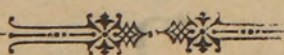
а у і а ә ъ о

закрытое

открытое

хой	U	ха	У	ху	У	хі	У	ха	У	хә	У	хъ	У	хо
лави	Λ	ла	Λ	лу	Λ	лі	Λ	ла	Λ	лә	Λ	лъ	Λ	ло
хауть	Ϡ	ха	Ϡ	ху	Ϡ	хі	Ϡ	ха	Ϡ	хә	Ϡ	хъ	Ϡ	хо
май	υυ	ма	υυ	му	υυ	мі	υυ	ма	υυ	мә	υυ	мъ	υυ	мо
сауть	ω	са	ω	су	ω	сі	ω	са	ω	сә	ω	съ	ω	со
рээсь	ϸ	ра	ϸ	ру	ϸ	рі	ϸ	ра	ϸ	рә	ϸ	ръ	ϸ	ро
сать	Ϡ	са	Ϡ	су	Ϡ	сі	Ϡ	са	Ϡ	сә	Ϡ	съ	Ϡ	со
кафь	Ϡ	ка	Ϡ	ку	Ϡ	кі	Ϡ	ка	Ϡ	кә	Ϡ	къ	Ϡ	ко
бетъ	Ϡ	ба	Ϡ	бу	Ϡ	бі	Ϡ	ба	Ϡ	бә	Ϡ	бъ	Ϡ	бо
тави	Ϡ	та	Ϡ	ту	Ϡ	ті	Ϡ	та	Ϡ	тә	Ϡ	тъ	Ϡ	то
harm	Ϡ	ha	Ϡ	hu	Ϡ	hi	Ϡ	ha	Ϡ	hә	Ϡ	hъ	Ϡ	ho
нагась	Ϡ	на	Ϡ	ну	Ϡ	ні	Ϡ	на	Ϡ	нә	Ϡ	нъ	Ϡ	но
алфь	Ϡ	'а	Ϡ	'у	Ϡ	'і	Ϡ	'а	Ϡ	'ә	Ϡ	'ъ	Ϡ	'о
кафь	Ϡ	ка	Ϡ	ку	Ϡ	кі	Ϡ	ка	Ϡ	кә	Ϡ	къ	Ϡ	ко
вавъ	Ϡ	ва	Ϡ	ву	Ϡ	ві	Ϡ	ва	Ϡ	вә	Ϡ	въ	Ϡ	во
айнъ	Ϡ	'а	Ϡ	'у	Ϡ	'і	Ϡ	'а	Ϡ	'ә	Ϡ	'ъ	Ϡ	'о
зай	Ϡ	за	Ϡ	зу	Ϡ	зі	Ϡ	за	Ϡ	зә	Ϡ	зъ	Ϡ	зо
ямань	Ϡ	я	Ϡ	ю	Ϡ	ји	Ϡ	я	Ϡ	е	Ϡ	й	Ϡ	е

ентъ	Р	да	Р	дѹ	Р	дѣ	Р	да	Р	цѧ	Р	дѢ	Р	до
eml	Რ	ga	Რ	gu	Რ	gi	Რ	ga	Რ	ge	Რ	gʹb	Რ	go
айтъ	Ს	ца	Ს	цу	Ს	ци	Ს	ца	Ს	цѧ	Ს	цʹb	Ს	цо
айтъ	Ტ	па	Ტ	пу	Ტ	пи	Ტ	па	Ტ	пѧ	Ტ	пʹb	Ტ	по
адаѣ	Ტ	ца	Ტ	цу	Ტ	ци	Ტ	ца	Ტ	цѧ	Ტ	цʹb	Ტ	цо
ана	Უ	ца	Უ	цу	Უ	ци	Უ	ца	Უ	цѧ	Უ	цʹb	Უ	цо
фѣ	Ფ	фа	Ფ	фу	Ფ	фи	Ფ	фа	Ფ	фѧ	Ფ	фʹb	Ფ	фо
фа	Ქ	па	Ქ	пу	Ქ	пи	Ქ	па	Ქ	пѧ	Ქ	пʹb	Ქ	
	Ღ	ша	Ღ	шу	—	—	Ღ	ша	Ღ	шѧ	Ღ	шʹb	—	
	Ყ	к'а	—	—	—	—	Ყ	к'а	Ყ	к'ѧ	Ყ	к'ʹb	—	
	Შ	та	—	—	—	—	—	—	—	—	Შ	тʹb	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ჩ	инʹb	—	
	Ჩ	к'а	—	—	—	—	Ჩ	к'а	Ჩ	к'ѧ	Ჩ	к'ʹb	—	
	Ც	жа	—	—	Ც	жи	Ც	жа	—	—	—	—	Ც	жо
	Ძ	джа	—	—	—	—	—	—	—	—	Ძ	джʹb	—	
	Წ	g'a	—	—	—	—	Წ	g'a	Წ	g'ѧ	Წ	g'ʹb	—	
	Ჭ	ча	Ჭ	чу	Ჭ	чи	Ჭ	ча	Ჭ	чѧ	Ჭ	чʹb	—	

Алфавитный списокъ абиссинскихъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

А.

Абуна	отецъ нашъ; названіе, прилагаемое къ епископамъ.
авава	цвѣтокъ.
авѣтъ	жалоба.
авъ	отецъ.
агуда	Адонай.
адавар	судилище.
адис	новый.
азмари	народный поэтъ.
аймадъ	столпъ, колонна, подпора.
аймадъ мистирь	«столпъ тайнствъ» абиссинская догматика.
аккавесать	наблюдатель часовъ.
алака	начальникъ; глава церковнаго помѣстья.
алкачь	плакунъ, оплакиватель; лицо, говорящее рѣчи на погребеніяхъ и тризнахъ.
амачъ	свать.
амба	скала
андынатъ—гедамъ	общежительный монастырь.
аоджь	глашатай; аоджь нагарить—губернскій глашатай, лицо, объявляющее народу правительственныя распоряженія.
арарай	печальный; отдѣлъ въ «дугѣ»; муз. терминъ, обозначающій характеръ или колоритъ напѣвовъ или голоса.
аркь	союзъ, товарищество.
аскема	схима, монашеская одежда.
асралека	десятоначальникъ.
астараки	ходатай, заступникъ.
афанегусъ	«ротъ царя» (придворная должность).
ахуай	мужикъ.

Б.

Бааль	праздникъ.
багетауй	уединенникъ, затворникъ.
баджеронде	хозяинъ.
бала	влаждующій, имѣющій; знающій.
балаббатъ	патріархъ.
бала гасавъ	знающій число, математикъ.
бала дже	несобственникъ, безземельный, холопъ.
бала дуга	знающій «дуга»,—титулъ окончившаго школу пѣнія.
бала к'не	знающій «к'не»,—титулъ окончившаго стихотворную школу.
бала ликаонтъ	знающій св. отцовъ,—титулъ окончившаго школу изученія св. отцевъ.
бала мацгафъ	знающій Библию; титулъ окончившаго школу св. писанія.
баламъ барасъ	комендантъ крѣпости.
балаогъ	глава палачей.

бала рысть	имѣющій наслѣдіе, дворянинъ, аристократъ.
белатѣннетѣ	помощникъ губернатора.
бѣте	домъ.
бетлегемъ	домъ хлѣба, названіе пристройки вблизи храма.
бѣте христіанъ	домъ христіанъ, храмъ.
біяни	снисхожденіе, облегченіе.
боигванъ	жалобщикъ, апелляторъ.
борнусъ	длинная суконная накидка безъ рукавовъ; фелонь.
брѣндо	сырое бычачье мясо,—одно изъ любимыхъ кушаньевъ абиссинцевъ.
будда	мудрецъ; человекъ изъ касты ремесленниковъ.
бурганъ	свѣтъ.
быргвынатъ	свѣтлый, свѣтящій.

Г.

Габаръ	мужикъ.
габрѣ	рабъ.
гавасъ	старшина приходскаго причта.
гасавъ	число.
гедамъ	монастырь.
герметъ	обѣтъ.
градъ	земля, участокъ земли.
граета	господинъ лѣвый.
гразмачъ	командиръ лѣваго крыла.
гува	тайна, секретъ.
гультъ	владѣніе, имѣніе.
гыбыръ	подать.
гывра	дѣла, дѣянія.
гыръ	постный; напѣвъ въ церковной музыкѣ.

Д.

Дабтара	генераль церковнаго хора, ученый.
дагезмачъ	генераль-губернаторъ.
ання	посредникъ, судья.
асъ	куща, зданіе.
ѣбре	гора; названіе соборовъ и монастырей.
ѣка	сынъ, мальчикъ.
ѣка мезмуръ	сынъ псалтири, т. е. знающій псалтирь.
енглауѣ	дѣвственникъ.
орфѣ	пѣтухъ; «мацгафъ дорфо» книга пѣтуха о страданіяхъ Иисуса Христа.
дуга	(букв. кругъ) курсъ церковнаго пѣнія на круглый годъ.

З.

Заръ	невидимые духи, вселяющіеся въ людей (народное вѣрованіе).
зѣма	пѣніе.

И.

Имутъ	«да умретъ» такой-то (клятва).
-------	--------------------------------

К.

Калчадалъ	клятва, завѣтъ.
камисъ	хитонъ, рубаха.
канезмачъ	командиръ праваго крыла.
канона	правило, епитимія.

канъетá	господинъ правый (въ хорѣ).
касá	удовлетвореніе на судѣ, пеня, наказаніе.
кгайнáтъ	священство.
кдусь	святой.
кевъ	муро.
к'не	стихи; школа к'не—стихотворная школа.
ковъ	камилавка.
кóмось	архимандрить.
кось-кось	община, коммуна.
куадарѣ	сельскій староста.
куравня	кѡнвойный.
курванъ	причастіе.
курсьна	монашескій чинъ, высшій архимандритскаго.
кывайтóчъ	помазанники, — наименованіе одной партіи абиссинскихъ бого- слововъ.
кыдасси	литургія.

Л.

Лиджъ	сынъ.
лика	первый, главный; титутъ высшихъ сановниковъ и первыхъ уче- ныхъ.
ликакгайнáтъ	первосвященникъ, духовный губернаторъ.
ликаонтъ	букв. сонмъ первыхъ; государственный совѣтъ.
ля	для.
лямаскаль	для креста, крестный; священный.
лямда	красивая шелковая накидка, имѣющая форму цѣльной звѣриной шкура.
лэвса	верхняя одежда въ видѣ плаща, тога.

М.

Макъ	короткая шерстяная; накидка безъ рукавовъ.
малканья	глава свѣтскаго имѣнія.
манфысь	духъ; Манфысь Кдусь—Духъ Святой.
марѣтъ	земля, участокъ земли.
маръетá	помощникъ начальника хора.
маскаль	крестъ.
матоалека	стоначальникъ.
мацгафъ	книги; Библия.
медганить	спаситель, избавитель.
мезмуръ	псаломъ; собраніе псалмовъ, псалтирь.
мелáкъ	ангелъ.
мелтанъ	вечерняя пѣснь, вечерняя служба.
мелькаа	тѣлесная красота, видъ; отсюда «мелькаа Исусъ», «Мелькаа Маръ- ямъ» и т. п. молитвы, прославляющія тѣлесные члены Исуса Христа, Божьей Матери и друг.
мемгырь	наставникъ, руководитель, также игумень.
менгысть	царство.
моуддысь	буквал. «Время хваленія»—название праздничной всенощной.
мыгавы	соборъ, синодъ; «бете мыгавы» присутственное мѣсто въ мона- стыряхъ.
мыслѣни	губернскій судья и начальникъ полиціи.
мыхрамъ	буквал. зима;—абиссинская мѣра земли, обнимающая участокъ, ко- торый можно успѣть спяхать парой воловъ въ одну зиму.
мэннани	презритель, презирающій міръ.

Н.

нагаритъ	губернія, область.
назрауй	назорей, подвижникъ.
негусъ	царь.
нѣальфѣльлигимъ	мнѣ не нужно или я не желаю.
нѣвавъ	грамота; школа нѣвавъ.
нѣвридъ	князь владѣній сіонскаго (въ Аксумѣ) монастыря.

О.

Озима селляси	«пѣніе Троицѣ»,—название одной вечерней службы.
ольдъ	сынъ.
оркъ	золото.
оубо	начальникъ арріергарда.

П.

Пагумень	дополненіе; добавочные дни въ концѣ года сверхъ 360.
папасъ	отецъ; священникъ; митрополитъ.

Р.

Расъ	князь или глава, главнокомандующій генераль.
расъ оркъ	«золотая голова»,—шапка князей.
рысть	владѣніе, имѣніе, наслѣдіе.

С.

Саасатъ	часы; название церковной службы.
самонаня	седмичники, чередное священство.
сансалатъ	цѣпи, оковы.
селляси	Троица.
состледоточъ	трехрждественники; партія богослововъ, приписывающая Спасителю три рожденія.
сыггауй	воплощеніе.
сыма	слушайте.
сымъ	воскъ.

Т.

таамеръ	чудеса.
тавака	защитникъ на судѣ, адвокатъ.
тавивъ	мудрецъ; человекъ изъ касты ремесленниковъ.
Танкуай	прорицатель.
таотъ	ковчегъ; также доска, освященная епископомъ и служашая у абиссинцевъ антиминомъ.
таскаръ	тризна, заключительное поминованіе умершаго.
тогайдочъ	соединенники; названіе одной партіи абиссинскихъ богослововъ.
тъэдъ	напитокъ изъ меду.
тымкатъ	крещеніе.
ынсауй	воскресеніе.

У.

Уаль	кромѣ, безъ.
уасъ	поручитель (на судѣ или при крещеніи).
уддасе	хвала.
уйолынъ	горе мнѣ!

Ф.

Фимъ или фымъ	фиміамъ, ладонь.
фимъ чары	носитель кадила,—должность при храмѣ.
фитоврарій	начальникъ авангарда.

Х.

Хамина	нищій.
хывуа	невидимый, скрытый подвижникъ (вѣрованіе абиссинцевъ въ царство таинственныхъ аскетовъ).
хыммаматъ	страданія, мученія.

Ц.

Целато	скрижали, доски; «целато мусе»—скрижали Моисея.
--------	---

Ч.

Чаггэ	духовный начальникъ, равный митрополиту.
чевыта	игра въ родѣ шашечной.
чекә	глава свѣтскаго помѣстья.
чиріалайсонъ	(измѣненное Κύριε ἐλέησον) Господи помилуй.

Ш.

Шигъ	трава, стебли которой употребляются абиссинцами въ качествѣ свѣтиленъ.
шифтә	мятежникъ, ищущій царскаго престола.
шихалака	тысяченачальникъ.
шумъ	сельскій староста.

Ы.

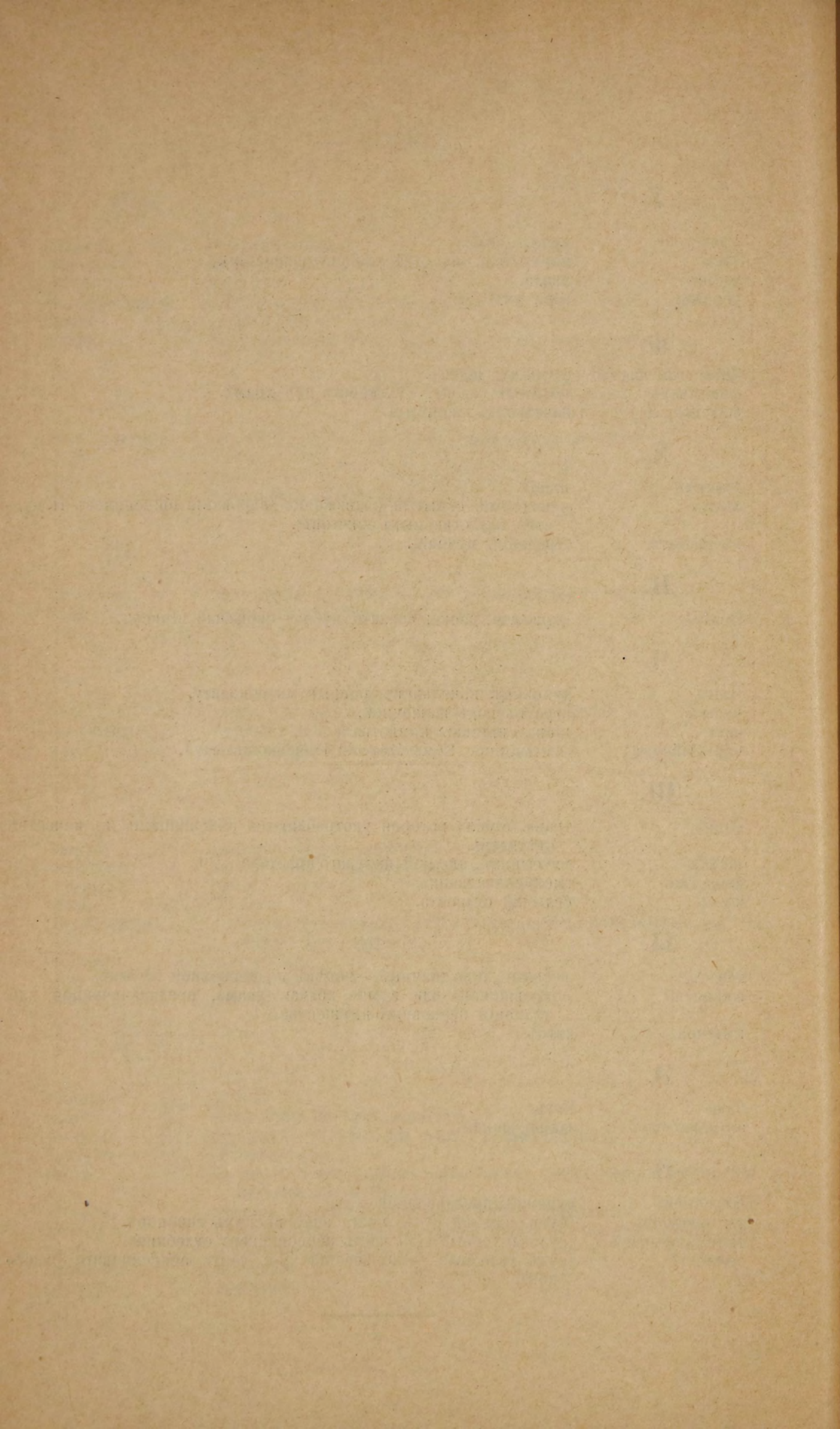
Ызель	веселый, праздничный,—напѣвъ въ церковной музыкѣ.
ыккаветъ	сокровищница или зданіе вблизи храма, предназначенное для храненія церковнаго имущества.
ыньгира	хлѣбъ.

Э.

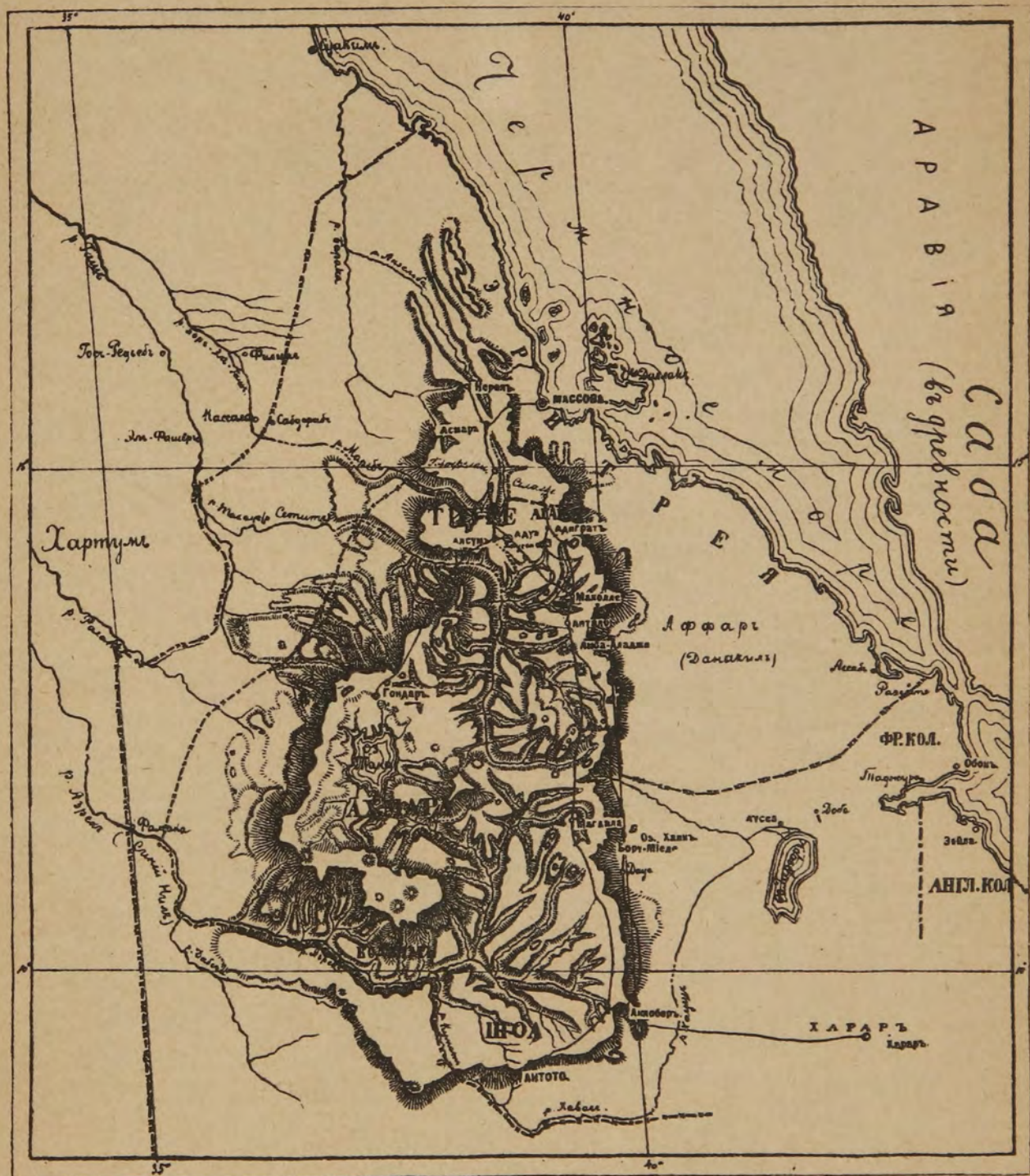
Экзи	Богъ.
этамарибеть	зданіе школы.

Ө.

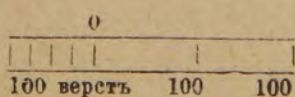
Өараджечъ	судящій, производящій судъ.
өытанегысть	(букв. царскій судъ) книга абиссинскихъ законовъ.
өытаманфысауй	(судъ духовный) 1-я часть абиссинскаго судебника.
өытасауй	(судъ тѣлесный, человѣческій) 2-я часть абиссинскаго судебника.

Карта Абиссиніи.

Масштабъ $\frac{1}{9450000}$

Условные знаки:

- x—x—x Граница Абиссиніи
- xx-xx Граница итальян. вліянія.
- Граница франц. и англійск. колоній.

Цѣна 2 руб. съ перес.

Въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ
2 руб. 50 коп.

Складъ изданія: Николаевская ул., д. 24.
кв. 10, у Федора Акимовича Королева.

